

MIESIĘCZNIK
POŁOSKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА Дзяржаўнага ўніверсітэта
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваўне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь,
тел. +375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 29.01.2014. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60 × 84 1/8. Ризография.

Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 19,06. Тираж 100 экз. Заказ 233.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.4(476.2) “-06/12”

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ С VII ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ ДО СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ: ПРИРОДНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

А.Г. ТИМОФЕЕНКО

(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Исследуются закономерности процесса расселения на территории Юго-Восточной Беларуси в VII веке до н. э. – сер. XIII века н. э. На собранном материале об открытых поселениях, городищах, могильниках (2078 ед.) показаны природная и хозяйственная доминанты, которым был подчинён процесс возникновения поселений в период с VII века до н. э. – по VII век н. э., взаимовлияние хозяйственных требований к земельным участкам, преобладающим на уровне расположения селищ, и политической составляющей – на более высоком уровне, при выборе мест для расположения городищ и городов во время становления Древнерусского государства. Сделан вывод, что за указанный период времени (около 20 веков) коренная смена системы расселения произошла только во II веке н. э., в конце периода раннего железного века, и была обусловлена сменой преобладавшей до того подсеки на пашенное земледелие.

Введение. Изучение систем расселения является одной из актуальных проблем, которые стоят перед современными учёными. Исследования на границе наук, привлечение методов, характерных для разных областей знаний, способны дать результат, к которому невозможно прийти с помощью исключительно исторических методов исследования. Изучение закономерностей, присущих поселениям разных исторических периодов, расположенных на территории с определённым набором географических характеристик, даёт основание выявить и установить роли природно-географического и социально-политического факторов, которые диктовали условия расположения памятников в тот или иной исторический период.

Исходя из изложенной посылки следует рассмотреть процессы, связанные с размещением населения на территории Юго-Восточной Беларуси – регион Нижнего Посожья и Поднепровья в рамках восточной части современной Гомельской области – с VII века до н. э. до сер. XIII века н. э. Особенность данной территории – её географическая целостность и историческая пограничность. Очерченный хронологический период охватывает несколько исторических эпох – ранний железный век, раннее средневековье и эпоху Древней Руси. Он начинается с началом железного века, когда перестраивался жизненный уклад населения не только территории Юго-Восточной Беларуси, но и мира в целом. Заканчивается этот период в середине XIII века. В это время под влиянием комплекса политических, экономических и экологических причин произошла смена поселенческой структуры.

Следует отметить, что на протяжении веков для человеческого общества были характерны экстенсивные пути развития – стремление переселиться на новые земли [1, с. 39], перенеся туда свой жизненный уклад и опробованные способы ведения хозяйства. В этой связи, изучая системы расселения, нужно учитывать, что заселение всегда происходило не стихийно. Доминирующая часть населения сохраняла принципы и устои, сложившиеся на территории формирования конкретной культурно-исторической общности. Занимались в первую очередь земли, имевшие привычные характеристики и позволявшие не менять устоявшийся уклад. Именно по этим признакам стоит определять культурную доминанту той или иной группы населения в каждый исторический период.

Для территории Гомельского Поднепровья известны исследования, в которых изучены отдельные культурно-хронологические феномены, в том числе особенности расселения в раннем железном веке и средневековье (А.И. Дробушевский [2–5], О.А. Макушников [6–12]). Однако до сих пор не были предприняты попытки рассмотрения проблем расселения на столь большой территории и на протяжении такого широкого хронологического периода. База археологических источников, на которой проведен анализ, начала формироваться с середины XIX века. Особенно значимыми были разведки, совершённые в конце 20–30-х и 80–90-х годов XX века. По результатам собранного материала о 2078 памятниках VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. период был разделён на три хронологических блока (VII век до н. э. – I век н. э.; II – VII века н. э.; VIII – сер. XIII века н. э.), каждый из которых обладает набором признаков, характеризующих последовательное и непрерывное развитие системы расселения в регионе. Был проведён анализ особенностей, свойственных каждому из представленных блоков [13–16].

В данной работе предлагается обобщение ранее проанализированного материала с выделением тенденций и закономерностей. Также более детально будут рассмотрены некоторые вопросы расселения средневековой эпохи.

Основная часть. На протяжении VIII – сер. XIII века н. э. на изучаемой территории Юго-Восточной Беларуси в разное время функционировали 278 селищ и 442 некрополя (439 курганных и 3 грунтовых). Если селища в абсолютном большинстве приурочены к берегам рек, то могильники, находясь невдалеке, не привязаны непосредственно к краям речных террас. Они равномерно распределены по территории и являются кладбищами одного, максимум двух близлежащих поселений. Соответствие большинства могильников одному прилегающему селищу видно и из представленной карты, и из соотношения количества могильников и количества поселений. Также заметно совпадение среднего количества курганов в древнерусских могильниках и современных размеров кладбищ небольших деревень. Размещение поселений должно совпадать с картой могильников, но в результате недообследованности местности (субъективная причина) наблюдается сконцентрированность открытых поселений вдоль берегов достаточно больших рек. При сопоставлении карты селищ VIII – сер. XIII века с картами селищ II – V и V – VII веков [16] прослеживается единый принцип размещения открытых поселений, однако плотность расположения для VIII – сер. XIII века выше. Видно равномерное распределение памятников (как селищ, так и могильников) X – сер. XIII века вдоль русел рек, при котором не заметны ни скопления, ни большие пустые пространства (рис. 1).

Благодаря хорошо разработанной хронологии вещевых и керамических материалов Древнерусского времени существует возможность проследить этапность возникновения и прекращения деятельности большинства открытых поселений региона. Так, начальной датой для 33 являются VIII – IX века (19,53 %); для 54 – X век (31,95 %); для 35 – XI век (20,71 %); для 36 – XII век (21,3 %), для 11 – XIII век (6,5 %); финальная дата для 2 – IX век (1,18 % от 169); для 13 – X век (7,69 %); для 24 – XI век (14,2 %); для 34 – XII век (20,12 %); для 67 – XIII век (39,64 %); для 29 – позже XIII век (17,16 %) (реальное количество населённых пунктов, которые существовали и после XIII века, больше, чем учтённое).

На территории Юго-Восточной Беларуси в VIII? веке функционировали 17 селищ, в IX – 33, в X – 84, в XI – 106, в XII – 119, в XIII веке – 96.

Средняя площадь поселений, существовавших в VIII–IX века, составляла 15359 м², в X веке – 4894 м², в XI веке – 13926 м², в XII веке – 14184 м², в XIII веке – 13075 м². По изменению площади селищ наиболее близки показатели Московских земель [17, с. 31–48]. При соотношении количества возникших селищ к количеству прекративших своё существование выявлена следующая динамика: +31 поселение для IX века, +41 – для X века; +11 для XI века; +2 для XII века; –56 для XIII века. На большинстве памятников люди жили 2–3 века. Рост числа селищ наблюдался с VIII по XI век, стабилизация роста прослеживается в XII веке. Самое большое количество поселений зафиксировано в XII веке. Число памятников, существовавших в данных ландшафтно-топографических условиях, снизилось в XIII веке. Представленные колебания средней площади селищ показывают некоторое снижение размеров от VIII–IX веков к XIII веку, что может объясняться действием принципа плотнейшей упаковки [18, с. 204], когда дальнейшее расселение шло в уже освоенных регионах.

Объяснить появление большого количества археологически зафиксированных селищ в X веке возможно начавшимся процессом феодализации территории Юго-Восточной Беларуси. В 885 году князь Олег возложил на радимичей свою дань вместо хазарской [19, с. 17], в 946–947 годах княгиня Ольга упорядочила систему налогообложения [19, с. 41–43]. В это время резко увеличилось число памятников. Чем раньше территория входила в сферу политических отношений формировавшегося государства, тем раньше «выходили из тени» сельские поселения. Время функционирования наибольшего числа памятников указывает на завершение процесса феодализации и стабилизацию внутренней структуры государства (XII в. на изучаемой территории). К сожалению, материалов для сравнения мало. Большинство исследователей не разделяют две эти даты. Они предлагают только первую как выразитель некоего «демографического взрыва» [10; 11; 12, с. 40]. Для земель междуречья Десны и Днепра и западной части Белорусского Полесья это IX–X века [20; 21]; для территории Черниговского Полесья – X век [22]; для Среднего и Верхнего Посожья – X–XI века [23, с. 47]; для земли вятичей – X – 1 пол. XII века [24, с. 43–56]. Для окраин формировавшегося государства и территорий с сильной племенной властью – XI–XII века: для земель бассейна Березины – XI–XII века [25, с. 17–26, 68–69]; округа Полоцка – конец XI – XII век [26, с. 9]; Погорынья – XI век [27]; Московских земель – XII век [17, с. 19]; юга Рязанской земли – вторая пол. XII – первая пол. XIII века (?) [28]. Стабилизация роста селищ и, соответственно, завершение процесса феодализации в Черниговском Полесье относится к XII – XIII векам [22]; время наибольшего расцвета Смоленской земли – XI – XIII векам [29, с. 22]; земли вятичей – второй пол. XII – середине XIII века [24, с. 43–56]; земель Восточной Волины – XII–XIII векам [30–31].

Максимальное количество курганных могильников на исследуемой территории зафиксировано для XI века (расцвет обряда), что отмечали и предшествующие исследователи [32–34; 35, с. 89; 36], указывая, что они разрастались из небольших некрополей X века [11]. Погребальные памятники IX и XIII веков единичны, так как в это время происходила смена погребального обряда.

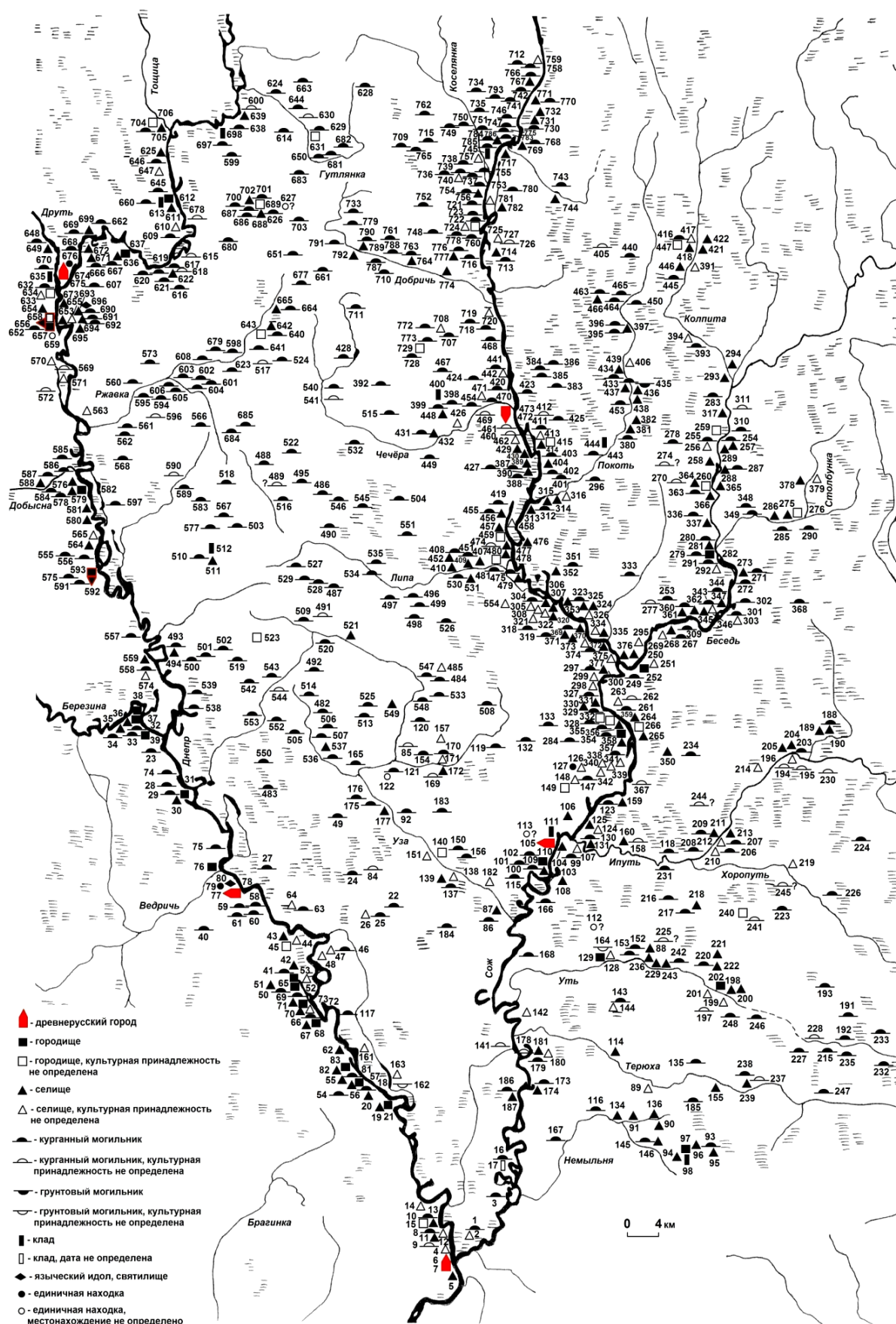

Рис. 1. Карта памятников VIII – сер. XIII века н. э. на территории Юго-Восточной Беларуси

При феодализации территории Юго-Восточной Беларуси (включении её в единую политическую, судебную, фискальную систему) традиционная поселенческая структура (сохранение как ландшафтно-топографических особенностей, так и единства административного центра – подчинённой округи) существовала до конца XII – начала XIII века и после перемещения доминанты от общинных центров к княжеским. Наиболее активно процесс её смены происходил в первой половине – середине XIII века.

На изучаемых землях распад поселенческой структуры начался позже, чем в междуречье Десны и Днепра (низовья Десны), где из 126 селищ к середине XIII века осталось только 3 [37] и уже в XII–XIII века более 50 % селищ были пойменными [20].

Поселения VIII–IX веков доминировали в Посожье, небольшая их часть располагалась как на правых притоках Сожа, так и по берегам Днепра. На территории, прилегающей к изучаемой с севера и северо-востока, расселение роменцев также происходило не по Днепру, а вдоль русел Сожа, Ипути и, возможно, Беседи [23, с. 51], что подтверждает общую направленность распространения культуры. В X веке выросло количество поселений как на Днепре, так и на Соже. Однако явные скопления по-прежнему отсутствовали, и междуречье почти не было заселено. В XI – середине XIII века памятники были распределены по берегам рек на всей изучаемой территории.

Наиболее близки рассматриваемому региону непосредственно прилегающие территории Черниговщины и Могилёвского Поднепровья, что обусловлено схожими природными условиями и политическими судьбами.

Анализируя расположение городов и укреплённых поселений на территории Юго-Восточной Беларуси, необходимо отметить их относительно равномерное размещение (см. рис. 1). Наибольшее количество городищ находится на правом берегу Днепра, на участке от истоков Брагинки до устья Ведричи. Все древнерусские города расположены недалеко от границ плотностно-территориальных образований (графических выразителей их округ) в устьях рек. Такое положение, видимо, было связано с необходимостью выполнять функции административного и хозяйственного (княжеского, а не местного) центра, контролировать транспортные пути, водные и сухопутные для оптимизации сбора и передачи налогов в Киев, Чернигов. При сопоставлении карты памятников территории Юго-Восточной Беларуси с картами памятников Среднего Посожья [23, с. 48, мал. 2], видно размещение севернее рогачёвской плотностно-территориальной зоны города Прупо́я и его округи. Причём город находится на южной оконечности принадлежащей ему территории, что, скорее всего, указывает на историческую границу между Черниговским и Смоленским княжествами. С запада рогачёвской зоны наблюдается очень разреженное расположение памятников до свислочской агломерации в бассейне Березины [25, с. 208, мал. 11, с. 212–213, мал. 16, с. 215, мал. 18], что также показывает прохождение здесь границы между княжествами.

Для всего периода характерно развитое пашенное земледелие (абсолютное большинство скопленных памятников VIII – середины XIII века находятся на участках с наиболее пригодными для пашенного земледелия почвами), традиции которого были заложены в предшествующее время. Наличие его считают одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением [38]. Появление сохи у восточных славян в конце первого тысячелетия н. э. [39–40; 41, с. 193–194] и широкое распространение плуга в XI веке, установление паровой системы земледелия [41, с. 159–160] позволило перейти к новым технологиям обработки земли и, как следствие, увеличению количества населения, более плотному постоянному расположению памятников.

Исследуемая территория (за исключением пограничья вдоль русла Днепра) в VIII–XI веках была частью земли радимичей. Несомненна зависимость размещения памятников как от природных факторов, так и от социополитических условий. В 885 и 984 годах киевские князья предпринимали попытки покорения и присоединения племенной территории радимичей. Вторжение в землю радимичей происходило с юга, со стороны Киева. Путей проникновения могло быть всего два: по Днепру или по суше через узкий незаболоченный проход в истоках р. Немьльни [42]. На участок южной границы радимичской земли указывает скопление памятников на р. Немьльне посреди заболоченной местности, в которое входит и городище (см. рис. 1).

По О.А. Макушникову, Гомельская волость граничила на севере с Чечерской волостью, на западе и юго-западе – с Речицкой и Брагинской, на юго-востоке и востоке – с волостями «Сновской тысячи». С юга находились заболоченные земли, с востока граница почти совпадала с водоразделом Сожа и Снова, с запада – Сожа и Днепра. Границу Гомельской волости XII–XIV веков на юге он провёл немного севернее современной границы с Украиной, на западе – вдоль левого берега Днепра до Рогачёвской волости несколько севернее устья Березины, на севере – по р. Липе (правый приток Сожа) с выходом на р. Ипуть (левый приток Сожа), на востоке – до истоков правых притоков Снова [7; 9]. Как считает А.А. Метельский, на юго-востоке граница Гомейских земель проходила у д. Столпёнка и р. Столпня. На север от Гомия находилась Чечерская волость, восточная граница которой маркируется д. Столбун, р. Столбунка и Стовбынь, известными с XVI века. В сторону Днепра от Сожа смоленско-черниговскую границу исследователь проводит севернее чечерских деревень Свержень и Довск, а по левобережью Сожа – между деревнями Струмень и Волинцы [23, с. 85; 43; 44, с. 25–26].

Анализ карты расположения памятников VIII – середины XIII веков и карты плотности позволяет, в общем, согласиться с приведёнными мнениями исследователей. Однако размещение территориально-плотностных образований и отдельных плотностных сгущений даёт основание предполагать прохождение северной границы Гомельских земель по междуречьям Узы и Липы, Ипути и Беседи, южнее границ, обозначенных О.А. Макушниковым. А северной границы Рогачёвских земель – почти перпендикулярно руслу Днепра в устье Тошицы, по истоку Гутлянки и среднему течению Коселянки, севернее границ, обозначенных А.А. Метельским.

Таким образом, на протяжении VIII – середины XIII века н. э. на территории Юго-Восточной Беларуси действовали те же принципы расселения, что и во всей Древнерусской земле. Они сложились в более ранние эпохи и отражали не только хозяйственные приоритеты и потребность в обеспечении безопасности, но всё больше политическую ситуацию в образовавшемся государстве.

Обобщая выводы, полученные для всех периодов (таблица) [14–16], следует заметить, что основные категории памятников VII века до н. э. – I века н. э. – городища, селища и грунтовые могильники, II – V веков н. э. – селища и грунтовые могильники, V – VII веков н. э. – селища, грунтовые могильники, немногочисленные городища и курганные могильники. В VIII – середине XIII века н. э. функционировали все категории памятников. Городища раннего железного века и могильники эпохи Древней Руси, лучше других сохранившиеся и зафиксированные категории памятников, показали освоённость территории Юго-Восточной Беларуси во все периоды. Сравнивая территориально-плотностные образования (графические выразители поселенческих объединений), в которые сгруппировались памятники трёх изучаемых периодов [14–16], в частности наиболее выразительные и крупные зоны и самостоятельные районы, следует заметить, что зоны раннего железного века расположились вдоль русел Днепра и Сожа, захватывая лишь небольшие части лево- и правобережных притоков. Самостоятельные районы – на малых реках в междуречье Днепра и Сожа и в левобережье Сожа. Плотностные скопления образованы памятниками, принадлежавшими родственному населению, и отражают границы общин. Характер размещения поселений сложный. В отличие от раннего железного века, территориально-плотностные образования II – VII веков н. э. равномерно распределены по изучаемому региону. Многочисленные самостоятельные районы небольших размеров в среднем течении притоков Днепра и Сожа свидетельствуют о гнездовом характере расселения. Группы и подгруппы с большой плотностью указывают на расселение общин, а образования с малой плотностью – районы и зоны – на территории хозяйственного освоения, необходимые одному или нескольким объединённым коллективам. Памятники же VIII – середины XIII века н. э. образовали территориально-плотностные зоны с древнерусским городом в каждой (Гомель, Чечерск и Рогачёв), разделившие регион на три примерно равные части, и самостоятельные районы на Днепре, на западной границе, в двух из которых находятся древнерусские города (Лоев и Речица). Территориально-плотностные образования соответствуют округам древнерусских городов. В каждой округе существовал ряд промежуточных центров управления и сбора дани (погостов), расположение которых маркируется повышенной плотностью, размещением на самых плодородных землях. Города находились или тяготеют к окраинам территориально-плотностных образований, расположены в «узлах», на пересечении водных и сухопутных путей для контроля как подчинённой территории, так и участков дорог, связывающих их со столичными градами.

Для всех периодов территориально-плотностные образования, находящиеся по краям изучаемого региона, «открыты» к западу или востоку, т. е. имеют там продолжение либо основную часть своих территорий. Средняя плотность расположения памятников VII века до н. э. – I века н. э. и II – VII веков н. э. меньше, чем VIII – сер. XIII века н. э., однако наивысшая по региону плотность близка и составляет 1 памятник на 4,54–4,35 км² для VII века до н. э. – I века н. э., 1 памятник на 5–4,35 км² для II – VII веков н. э. и 1 памятник на 3,85 км² для VIII – сер. XIII века н. э. Средняя плотность расположения памятников в регионе, без учёта незаселённых территорий, от раннего железного века к эпохе средневековья выросла почти наполовину. Некоторое её снижение во II – VII веках н. э. обусловлено как уменьшением количества памятников, так и распространением их на большую площадь региона по сравнению с предыдущим периодом. В VIII – сер. XIII века н. э. освоенными оказались все земли территории Юго-Восточной Беларуси. Реки не маркировали границы расселения племён, а являлись связующими артериями. Нигде не отмечены территориально-плотностные образования, границу которых формировала бы река. Препятствиями были заболоченные области, широкие поймы, леса.

Анализ территориально-плотностных образований показал, что в VII веке до н. э. – I веке н. э. соблюдался единый сложный принцип размещения памятников. Смена принципа расселения произошла с переходом от зарубинецкой к позднезарубинецкой культуре. Во II–VII веках н. э. развивался новый, гнездовой принцип расселения. Выявлена преемственность в размещении памятников II–VII и VIII – сер. XIII века н. э. От VII века до н. э. к XIII веку н. э. наблюдается тенденция перегруппировки памятников с берегов больших рек на притоки, распределения их по всей территории. Шёл процесс внутренней колонизации региона, перехода населения с магистральных рек (путей сообщения – Днепра и Сожа) на малые, формирование широкой поселенческой структуры.

Процент селищ на террасах и в поймах для периодов VII век до н. э. – I век н. э. и VIII – сер. XIII века н. э. примерно одинаков. Во II – VII веках н. э. заметно увеличилось число поселений на террасах и снизилось в поймах. Это было связано с фазой потепления и увеличения объёма осадков, максимум которой приходился на II – IV века н. э. Процент селищ, расположенных на останцах в пойме, при постоянных колебаниях, демонстрирует тенденцию к падению, что обусловлено освоением территории вглубь, вдаль от берегов больших рек с выраженной поймой. Селища раннего железного века по высотным характеристикам в основном располагались в двух вариантах: на краях высоких террас, рядом с городищами, и на низких берегах и возвышениях в пойме. Топография поселений II – сер. XIII века н. э. более разнообразна. Средняя высота селищ над уровнем поймы упала от раннего железного века ко II – V векам н. э. на 1,3 м и затем выросла к VIII – сер. XIII века н. э. на 0,3 м. Приуроченность поселений к берегам рек на средней высоте связана с развитием многоукладного хозяйства, требовавшего наличия ландшафтов нескольких типов в ближайшем радиусе освоения территории вокруг поселения. Таким образом, большинство селищ VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. относится к типу мысовых, что продиктовано их размещением на террасах больших рек, изрезанных оврагами, руслами ручьёв. Второй тип по количеству – береговые. Увеличение доли береговых поселений во II – V века н. э. обусловлено переходом населения с магистральных рек на притоки, имеющие неярко выраженные террасные уступы. Процент селищ на возвышенностях в пойме уменьшался от раннего железного века ко II – VII векам н. э. и вновь возрос в Древнерусскую эпоху. Постоянное присутствие поселений в пойме свидетельствует о необходимости для небольшой части населения занятий промыслами либо сезонным скотоводством. Во все периоды некоторое количество открытых поселений располагалось на склонах террас, склонах берегов рек в пойме, склонах останцов.

Наблюдается равномерное уменьшение селищ милюградской и зарубинецкой культур от классов «малые» к «средним» и «большим». Количество селищ класса «огромные» примерно равно количеству класса «большие». Для поселений II – VII веков н. э. отмечается огромный разрыв между количеством памятников классов «малые» и «средние», в то время как уменьшение к классу «большие» происходит вполне закономерно. Процент огромных селищ в этом временном промежутке довольно велик. Размеры селищ и могильников VIII – сер. XIII века н. э. хорошо коррелируются в классах «малые» и «средние», при переходе к классу «средние» процент обоих падает в 15 раз. Наибольший дисбаланс виден в пропорции классов «большие» и «огромные», что обусловлено субъективными причинами. Процент селищ класса «огромные» в Древнерусскую эпоху меньше, чем в предыдущие. Средние размеры памятников наибольшие в VIII – сер. XIII века н. э., но по шкале эти памятники принадлежат к классу «малые», как и средние вычисленные размеры памятников остальных рассматриваемых периодов. Исключение составляют только средняя площадь селищ II века до н. э. – I века н. э. и площадок городищ раннего железного века. Они отнесены к классу «средние».

Различие в расположении памятников на днепровских и сожских территориях заметно во все рассматриваемые хронологические периоды. Территориально-плотностные образования размещены регулярно на Днестре и почти соприкасаются, выходят на притоки на Соже. Для раннего железного века выявлены две тенденции в расположении городищ и организации обороны – днепровская и сожская (к ней принадлежат и памятники на притоках). Наибольшее количество древнерусских городищ находится вдоль правого берега Днепра. Подчинённость почвенным и ландшафтным особенностям в размещении территориально-плотностных образований в бассейне Сожа указывает на естественный характер формирования сети поселений вне зависимости от внешних факторов. Расположение памятников вдоль русла Днепра, регулярное во все времена, указывает на прохождение здесь как магистрального пути, так и границы между племенами в раннее время и между княжествами в древнерусское.

Почвенная приуроченность памятников указывает на доминирование определённого вида хозяйственной деятельности. При анализе почвенной карты и сопоставлении её с картами памятников выявлено, что для VII века до н. э. – I века н. э. зависимости расположения поселений от определённого типа почв нет, но очевидна их топографическая приуроченность к краям высоких речных террас с выходом на пойму. Из этого наблюдения следует, что господствовали подсечное и пойменное земледелие, лесной перелог, пойменное скотоводство и скотоводство на заброшенных пашнях. Памятники II – VII веков н. э. находятся на больших и малых реках по краям первых террас и на высокой пойме исключительно на землях, используемых для пашенного земледелия. Размеры селищ зависели от качества и размеров участков пригодных почв. Сохранялась некоторая доля подсечного и переложного земледелия, в основном как вспомогательных и для расчистки новых площадей. В VIII – сер. XIII века н. э. развивалось многоукладное хозяйство. Селища размещались равномерно на больших массивах плодородных почв и скудно на небольших участках. На землях с наибольшим бонитетом локализовано большое количество памятников небольших размеров, что демонстрирует оптимальное расселение. Переходы к новым ведущим способам хозяйствования (от подсечи к пашне в I – II вв. н. э. и к трёхполью в XI в.) происходили в тёплые и влажные климатические периоды. Прекращение жизни на городищах и начало господства открытых поселений было обусловлено необходимостью хозяйственного освоения новых ландшафтов и становлением пашенного земледелия. Размер гнёзд поселений зависел от размеров ресурсной зоны. Единство в топографии, ландшафтной и почвенной приуроченности, площадях селищ II – VII веков н. э. свидетельствует о единстве в хозяйственном укладе и необходимых устоявшихся размерах участков территориально-

хозяйственного освоения, которых было достаточно для обеспечения необходимым продуктом постоянных коллективов (соответствуют гнёздам поселений). Некоторая обособленность таких гнёзд объясняет разнообразие компонентов, определяющих культурные влияния на каждую группу памятников в рамках единой общности.

Рост числа селищ происходил с VIII по XI век н. э., стабилизировался в XII веке и снизился к XIII веку. Наибольший прирост наблюдался в X веке, а наибольшее количество селищ зафиксировано для XII века. Процесс бурного роста числа селищ следует связывать с началом процесса феодализации территории (для Верхнего Поднепровья это X в.), который завершился к XII веку. Руководствуясь аксиомой, согласно которой напрямую связаны рост населения – рост плотности заселения – разветвлённость властных структур, скачкообразное увеличение количества памятников от VIII – IX веков к X веку вытекает из экономических и политических причин. В это время земли радимичей активно включали в состав Древнерусского государства, устанавливали единые налоговую и судебную системы. Максимум заселённости отражает прочное проникновение феодальных отношений в гущу общинного населения.

Для построения более полной картины расселения имеют значение данные о возможном прохождении трасс речных и сухопутных путей. Это уже было сделано для некоторых регионов Древней Руси [42; 45–48]. Для территории Юго-Восточной Беларуси описание путей имеется в «Дорожной карте Российской империи всем почтовым и просёлочным проезжим дорогам ... 1809 г.» [49, с. 313–316], с замечаниями Е.Р. Романова [50, с. 123; 51, с. 86–91]. Поскольку ещё в конце XVIII–XIX веков залесённость и заболоченность региона оставалась значительной, дорог было немного, они в основном сохраняли трассы предшествующего времени. При анализе и попытках реконструкции древних путей сообщения необходимо помнить о главных принципах прокладки дорог для пешеходов и конников – рациональности и использования кратчайшей из возможных траекторий их прохождения.

В XVIII–XIX веках по исследуемой территории проходили: 2 главные дороги (Петербургско-Киевская и Могилёвско-Житомирская); 1 губернская (Чернигов – Минск); 7 шляхов (Рогачёв – Толочин, Рогачёв – Поболово, Рогачёв – Новое Место, Жлобин – Белица, Белица – Лоев Городок, Белица – Новое Место и Новое Место – Добрянка); «Правобережный путь» Могилёв – Быхов – Рогачёв – Лоев (по правому берегу Днепра) – Украина (по левому берегу Днепра); «Левобережный путь» (Могилёв – Пропойск – Чечерск – Гомель). Указано, что перечисленные пути включали в себя древние «шляхи» и «битые дороги», а также то, что шлях из Нового Места в Добрянку был проложен старообрядцами и, видимо, функционировал недолго («теперь забыт») [49, с. 315]. Как предполагал Е.Р. Романов, так называемый «Левобережный путь» очень древний, и ещё в XII веке им пользовались черниговские князья [51, с. 86–91]. Указано, что сухопутное сообщение Рогачёва и Могилёва с Бобруйском (дорога на запад) проходило исключительно через станцию Жлобин (после Горвали, перед Поболовом). Упомянут и водный путь – по р. Сож из Днепра в Волжскую систему. Он назван путём «на Радимичи» [49, с. 310].

При нанесении на карту городищ, кладов и единичных ценных находок VIII – сер. XIII века перечисленных сухопутных дорог с указанием упомянутых в документе остановочных пунктов, видны 4 основные трассы, связывавшие изучаемый регион с близлежащими и дальними землями (рис. 2). Практически все укрепленные поселения и клады находятся на предполагаемых трассах или вблизи них. Две дороги дублировали водные пути вдоль Днепра и Сожа, две другие шли почти перпендикулярно первым по междуречьям, и одна вела на юг, пересекая левые притоки Сожа. Большинство городищ со слоем VIII – сер. XIII века находятся на краю террасы правого берега Днепра. Сухопутная дорога проходила вдоль Сожа, лишь на участке от устья Липы до устья Ипути, судя по остановочным пунктам в деревнях Особино и Костюковке, путь отстоял к западу от русла на значительное расстояние. Это его укорачивало. Южнее устья Ипути он переходил на левый берег Сожа, значительно выпрямляясь, и недалеко от устья Терюхи вновь возвращался на правый, чтобы пересечь Днепр у Лоева. Дороги соединяли Рогачёв, Чечерск и Гомель с западными и восточными землями через днепро-сожское междуречье.

Несомненно, в Древнерусскую эпоху существовал сухопутный путь на Стародуб через Новое Место. Одна трасса шла по междуречью от Рогачёва до Чечерска, затем к Бабицам (переправа через Покоть), Немкам (переправа через Беседь), Колбовке (переправа через Столбунку), к Верещакам и поворачивала на юго-восток, на Унуковичи, потом – к Новому Месту [50, с. 123; 52, с. 63]. Вторая проходила от Гомеля на северо-восток, вдоль правого берега Ипути, также к Новому Месту. Затем дорога по междуречью в истоках снова достигала Стародуба. Вдоль Друти проходил путь из Рогачёва на северо-запад. Из Рогачёва была дорога на юго-запад, к Добысне и, далее, к Березине. Путь из Жлобина, который связывал берега Днепра с Бобруйском, мог продолжаться на север вдоль русла Березины или поворачивать на запад вдоль Свислочи. Дороги, которые в XVIII – XIX веках проходили через Жлобин, видимо, ранее пересекали Днепр южнее, в районе Стрешина, где в Древнерусскую эпоху находилось большое городище с посадками (город Стрежев?), или подходили к нему в устье Добысны. Возможно, ещё одна трасса могла выходить в междуречье от устья Березины, от Горвали. К Гомелю дорога шла, скорее всего, через современные деревни Козий Рог, Недойку в истоке Узы, Тереничи и Ивановку в месте её поворота, далее вдоль русла по левому берегу и, минуя широкий заболоченный участок поймы в устье, выходила к Гомелю. Второй вариант этого же пути мог пере-

секать днепро-сожское междуречье севернее, выходя в правобережье Сожа у д. Особино, где находился остановочный пункт дороги с северных земель на Киев. От Гомеля она шла на юг, к Чернигову и Киеву. Исследователи В.П. Коваленко и О.А. Макушников охарактеризовали её как «путь в радимичи» [45; 42].

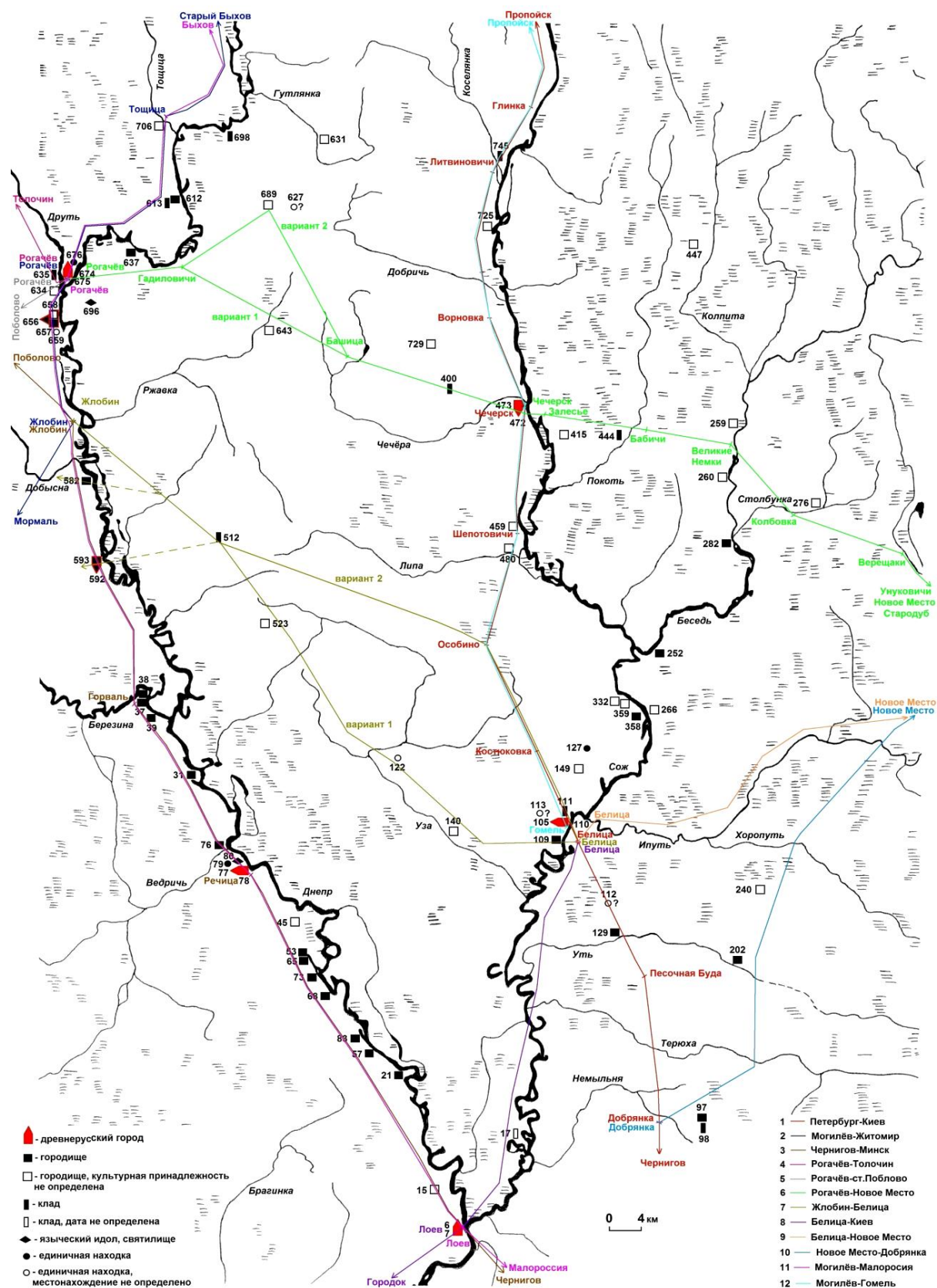

Рис. 2. Карта городищ, кладов VIII–XIII веков н. э., основных дорог начала XIX века н. э.

С большой долей вероятности можно переносить трассы трёх из описанных дорог и на II – VII века. Несомненно, даже в раннем железном веке функционировали пути по правым берегам Днепра и Сожа, дублировавшие водные магистрали. Существование дороги на юг, в Подесенье, по узкому проходу через болота в верхнем течении Немыльни пока не даёт феноменального скопления памятников на клочке плодородных земель, отделённых от остальной территории, которое фиксируется со II – V веков н. э.

Как видно, сухопутные дороги проходили не только вдоль русел рек, но и по междуречьям. Однако общий принцип расположения дорог по возможности параллельно руслам как больших, так и малых рек соблюдался. Кроме проезжих, безусловно, были дороги и тропы местного значения, которые судя по густоте расположения памятников покрывали сеть весь регион.

В ряде случаев население концентрировалось в местах, где почвенная картина неблагоприятная и какой-либо густоты заселения не предполагает. Объяснением является политический фактор, при котором городские центры и крупные транспортные узлы имели большую плотность населения, собранного с округи, для их обслуживания.

Заключение. Для всего периода VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. выявлены природная и хозяйственная доминанты в формировании поселенческой структуры на протяжении раннего железного века и раннего средневековья, которые к XI веку н. э. уступают лидерство политической составляющей, изменившей структуру расселения, переориентировав её на городские центры с округами (земли и уделы княжеств).

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров, В.В. Расселение и окружающая среда / В.В. Владимиров – М.: Стройиздат, 1982. – 228 с.
2. Дробушевский, А.И. Нижнее Посожье на рубеже нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.И. Дробушевский; ИИ НАН Беларуси. – Минск, 1998. – 20 с.
3. Дробушевский, А.И. Поселения Нижнего Посожья и смежных Приднепровских районов в эпоху раннего железа / А.И. Дробушевский // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці (археалогія, гісторыя, культура кнігі, этнаграфія, фальклор, музейнаўства). Да 25-годдзя заснавання Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004. – С. 5–27.
4. Дробушевский, А.И. Городища эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины (типологическое соотношение) / А.И. Дробушевский // Роосійско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – С. 52–56.
5. Дробушевский, А.И. К типологическому соотношению городищ эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины / А.И. Дробушевский // Русский сборник: тр. каф. отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 12; под ред. Е.А. Шинакова [и др.]. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 45–55.
6. Макушнікаў, А. Пра паходжанне сельскай тэрытарыяльнай структуры Гомельскай вобласці / А. Макушнікаў // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакл. міжнар. канф., Мінск, 27–30 кастр. 1993 г. / Ін-т гісторыі АН Беларусі, Беларус. асацыяцыя ахвяраў палітычных рэпрэсій. – Мінск, 1993. – С. 76–79.
7. Макушнікаў, А.А. Рубяжы Гомійскай воласці ў XII–XIV стст. (спроба рэканструкцыі) / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск: ТАА «Сантанас», 1993. – Ч. 2. – С. 42–59.
8. Макушников, О.А. К вопросу о поселенческой структуре второй половины I тыс. н. э. в Нижнем Посожье / О.А. Макушников // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава / ІГ АН Беларусі: тэз. дакл. канф., прысв. 80-годдзю з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава, Мінск, 10–12 снежня 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 73–76.
9. Макушников, О.А. Летописный Гомий и его округа / О.А. Макушников // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конференції, Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р. / под ред. В.П. Коваленко [та інш.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. – С. 89–91.
10. Макушников, О.А. Особенности системы расселения IX – середины XIII века на юге радимичского Посожья / О.А. Макушников // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава; навук. рэд. В. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1997. – С. 46–49.
11. Макушников, О.А. О системе расселения IX – середины XIII века в южных районах земли радимичей / О.А. Макушников // Деснинские древности-II: материалы межгосударств. науч. конф. «История и археология Подесенья», посв. памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Фёдора Михайловича Заверняева (29.II.1919–18.VI.1994). – Брянск, 2002. – С. 105–109.

12. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII века. Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2009. – 217 с.
13. Тимофеев, А.Г. Могильники X–XIII вв. юго-восточной Беларуси (региональный аспект) / А.Г. Тимофеев // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГУ им. акад. И.Г. Петровского; под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – С. 246–250.
14. Тимофеев, А.Г. Анализ расположения могильников X–XIII вв. на территории Гомельского Поднепровья / А.Г. Тимофеев // Материалы по археологии Беларуси / Ин-т гісторыі НАН Беларусі; навук. рэд. А.М. Мядзведзеў. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – № 19. – С. 110–121.
15. Тимофеев, А.Г. Система расселения в раннем железном веке на территории юго-восточной Беларуси / А.Г. Тимофеев // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В.М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – № 20. – С. 40–65.
16. Тимофеев, А.Г. Система расселения на территории юго-восточной Беларуси во II–VII вв. / А.Г. Тимофеев // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В.М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – № 20. – С. 173–194.
17. Юшко, А.А. Московская земля IX–XIV веков / А.А. Юшко; отв. ред. Т.Н. Никольская. – М.: Наука, 1991. – 200 с.
18. Арманд, А.Д. Саморегуляция и саморегулирование географических систем / А.Д. Арманд, Ин-т геогр. АН СССР; отв. ред. В.О. Таргульян. – М.: Наука, 1988. – 261 с.
19. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археологической комиссией Академии наук СССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Вып. 1: Повесть временных лет. – Изд. второе. – 379 с.
20. Веремейчик, О.М. Топографія і плошча селищ IX – першай паловіны XIII ст. межиріччя ніжняй тэчэі Дзесні і Дняпра / О.М. Веремейчик // Археалагічныя старажытнасці Подзесення: матэрыялы історыко-археалагічнага семінару, прысв. 70-річчю від дня народжэння Г.О. Кузнецова (22–23 верасня 1995 р., м. Чэрнігів – Славуціч) / пад рэд. О.П. Моці [та інш.]. – Чэрнігів: Сівярнянская думка, 1995. – С. 25–30.
21. Иов, О.В. Сельские поселения IX–XIII вв. западной части Белорусского Полесья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.В. Иов; АН Беларусі. – Минск, 1991. – 22 с.
22. Веремейчик, О.М. Сільскія паселенні IX – першай паловіны XIII ст. в межиріччя ніжняй тэчэі Дзесні і Дняпра: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.М. Веремейчик; АН Украіны. – Київ, 1994. – 17 с.
23. Мяцельскі, А.А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 664 с.
24. Никольская, Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская; под ред. В.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
25. Кошман, В.І. Паселішчы міжрэччя Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. / В.І. Кошман. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 282 с.
26. Клімаў, М.В. Вясковыя паселішчы ў акрузе Полацка X – сярэдзіна XVI ст.: аўтарэф. дыс. канд. гіст. навук: 07.00.06 / М.В. Клімаў; НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 21 с.
27. Манігда, О. Формування поселенських структур на території середньої течії Горині в межах Погоринської волості / О. Манігда // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст.; под ред. В.П. Коцура [та інш.]. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 20. – С. 404–410.
28. Тропин, Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона. / Н.А. Тропин // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-ут археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М.: Наука, 2005. – С. 244–252.
29. Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР / АН СССР; отв. ред. А.Л. Монгайт. – М.: АН СССР, 1960. – Вып. 92. – 159 с.
30. Томашевський, А.П. Населення Східної Волині V–XIII ст. н. е. (система заселення, екологія, господарство): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.П. Томашевський; АН Украіны. – Київ, 1993. – 19 с.
31. Томашевський, А.П. Палеоприродные особенности южнорусских систем заселения X–XIII вв. // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.) / під ред. П.П. Толочко [та інш.]. – Київ, 1996. – С. 109–111.
32. Багамольнік, У. Вынікі вывучэння кургану радзімічаў / У. Багамольнік // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакл. міжнар. канф., Мінск, 27–30 кастр. 1993 г. / Ін-т гісторыі АН Беларусі, Беларус. асацыяцыя ахвяраў палітычных рэпрэсій. – Мінск, 1993. – С. 148–151.
33. Богомольников, В.В. Причины изменений погребального обряда радимичей / В.В. Богомольников // Древности Белоруссии и Литвы; под ред. Л.Д. Поболя, А.З. Тауавичюса. – Минск: Наука и техника, 1982. – С. 98–103.

34. Богомольников, В.В. Курганы радимичей / В.В. Богомольников // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 23–35.
35. Богомольников, В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). / В.В. Богомольников; под науч. ред. О.А. Макушников. – Гомель, 2004. – 227 с.
36. Соловьёва, Г.Ф. Итоги изучения радимичских курганов в 1962–1965 гг. / Г.Ф. Соловьёва // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. 1966 г. / АН БССР, Отделение общественных наук, Ин-т истории; под ред. В.Ф. Исаенко [и др.]. – Минск, 1966. – С. 253–254.
37. Шекун, О.В. Поселенська структура пониззя межи річчя Десни і Дніпра XII–XVII ст. / О.В. Шекун // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конф., Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р. / під ред. В.П. Коваленко [та інш.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. – С. 114–115.
38. Успенская, А.В. Поселения Древней Руси / А.В. Успенская, М.В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: тр. ГИМ. – М.: Гос. изд-во культпросвет литературы, 1956. – Вып. 32. – С. 7–18.
39. Краснов, Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов // Советская археология. – 1967. – № 1. – С. 3–21.
40. Краснов, Ю.А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов // Советская археология. – М.: Наука, 1968. – № 2. – С. 3–22.
41. Краснов, Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю.А. Краснов; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
42. Макушнікаў, А.А. Бітва 984 г. на рацэ Пяшчане і летапісны шлях “у радзімічы” / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1995. – № 6. – С. 202–213.
43. Мяцельскі, А.А. Смаленска-чарнігаўскае памежжа XII стагоддзя ў міжрэччы Дзясны і Дняпра / А.А. Мяцельскі // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 140–160.
44. Мяцельскі, А. Фарміраванне і тэрытарыяльнае развіццё Мсціслаўскага княства сярэдзіны XII – пачатку XVI ст. / А. Мяцельскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. А.М. Мядзведзева. – Мінск, 2001. – № 3. – С. 22–43.
45. Коваленко, В.П. Звеничев и путь “В радимичи” / В.П. Коваленко // Первая Гомельская областная науч. конф. по историческому краеведению, посв. 70-летию БССР и КПБ, Гомель, 27 февр. – 1 марта 1989 г.: тез. докл. – Гомель, 1989. – С. 82–83.
46. Кренке, Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках / Н.А. Кренке // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени; отв. ред. Н.А. Макаров. – М.: Наука, 2003. – С. 151–167.
47. Мяцельскі, А. Шляхі зносін на тэрыторыі Мсціслаўскага княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А. Мяцельскі // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В. Вяргей [і інш.]. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 175–183.
48. Рикман, Э.А. Города Тверского княжества и сухопутные дороги / Э.А. Рикман // История культуры Древней Руси / под ред. А.Л. Монгайта. – М.: Наука, 1966. – С. 228–232.
49. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В.П. Семёнова и общим руководством П.П. Семёнова и акад. В.И. Ламанского. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – С. 18–321.
50. Невядомая спадчына Еўдакіма Раманава: матэрыялы да археалагічнай карты Магілёўскай губерні: археаграфічны зб. / аўтар-склад. І.А. Марзалюк / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, МДУ імя А. Куляшова. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2001. – 59 с.
51. Раманаў, Е.Р. 3 гісторыка-археалагічнай спадчыны: выбр. творы / Е.Р. Раманаў; пад навук. рэд. І.А. Марзалюка. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. – 239 с.
52. Темушев, В.Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном районе / В.Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 192 с.

Поступила 23.04.2013

EVOLUTION OF SETTLEMENT PROCESSES AT THE TERRITORY OF SOUTH-EAST BELARUS DURING VII AGE B. C. – MIDDLE XIII AGE A. D.: NATURAL, SOCIAL AND POLITIC CONDITIONS

H. TSIMAFYEYENKA

This article is devoted to the settlement processes at the territory of South-East Belarus during VII age B. C. – middle XIII age A. D. The information about 2078 settlements and burials showed that process of their emergence and developing was subordinated to the natural and economical dominants for unfortified settlements and policy for towns. During about 20 ages full change of settlement system had place only during II age A. D. and the cause was changing in working the soil.

УДК 902.03(477.51) “634”

ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДЕСНЫ

Е.В. НОГИН

(Институт археологии НАН Украины, Киев)

Исследуется вопрос неолитизации междуречья Днепра и Десны. На современном этапе изучения неолита особый интерес представляет начальный период этой эпохи, когда происходила трансформация мезолитических культур в неолитические. Рассматривается один из наиболее важных вопросов – временные рамки этого процесса и локализация источников распространения навыков изготовления керамической посуды, наличие которой является основным археологическим критерием, определяющим начало последнего этапа каменного века. В этом смысле территория междуречья Днепра и Десны вызывает особый интерес. Способствует этому главным образом географическое положение региона вблизи границы Полесья и лесостепной зоны, а также отсутствие отдельных публикаций, посвященных данной проблематике.

По физико-географическому районированию регион нашего исследования занимает Черниговское Полесье. С запада ограничен рекой Днепр, с востока – рекой Десна, северная его граница проходит от устья Сожа до реки Снов; южная – по границе современных Киевской и Черниговской областей Украины. Наиболее исследованными является местность вдоль левого берега Днепра, от устья Сожа до устья Десны. Неолитические памятники здесь начали изучаться лишь в середине XX века [11, с. 49–55]. Наиболее масштабные исследования были проведены Киевской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д.Я. Телегина в течение 1962–1966 годов. За это время было открыто около 30 памятников эпохи неолита, на 5 из них проведены стационарные раскопки. Материалы исследований были частично опубликованы. На их большую схожесть с аналогичными, найденными на неолитических поселениях низовьев Припяти, в Посожье и Верхнем Поднепровье, указал Д.Я. Телегин, а также выделил особый вид памятников – тип Пустынка, отнеся его к позднему периоду неолита. Ранний период исследователь связал с памятниками струмельского типа (СТ), к которым отнес поселения Шмаевка и Каменка [22, с. 26–40; 27, с. 86–99; 18, с. 68–78; 26, с. 101–106, 111–124; 28, с. 44–53; 23, с. 173–183; 25, с. 29–32].

Однако вопрос относительно культурной принадлежности позднемезолитического населения Днепро-Деснинского междуречья и его участия в неолитизации региона до последнего времени не рассматривался, за редким исключением [17, с. 95]. Причиной тому было отсутствие здесь известных мезолитических памятников или отдельных культурных горизонтов этой эпохи.

В свое время В.М. Даниленко, характеризуя немногочисленный кремневый инвентарь, который сопровождал находки глиняной посуды струмельского типа в Киевском Поднепровье (поселения Струмель и Гастятин), связывал его с комплексами типа Маглемезе – Эртебелле [6, с. 34]. Авторы исследований поселений струмельского типа в междуречье Днепра и Десны (Шмаевка, Каменка) также писали о наличии позднемезолитических черт в кремневых комплексах упомянутых памятников, но не уточняли, что именно имели в виду [19, с. 108–109; 25, с. 115–116]. Вероятно, подразумевались трапеция и треугольник из Каменки, которые Д.Л. Гаскевич связывает с глиняной посудой струмельского типа и раннего периода днепродонецкой культурной общности (ДДКО) [2, с. 105]. Материалы, опубликованные в последнее время, помогли приблизиться к решению этой проблемы.

Кремневый комплекс, найденный на поселении Пустынка-V в сопровождении фрагментов керамики струмельского типа, имеет четкие постсвидерские черты*. В него входят характерный наконечник со сломанным жалом, черешок которого обработан со спинки крутой притупляющей ретушью, а с брюшка – встречной плоской (рис. 1: 1). На обломке базальной части, вероятно, такого же наконечника, изготовлен угловой резец (рис. 1: 2). Кроме этого, в комплексе имеются: высокая трапеция (рис. 1: 3), концевые скребки (рис. 1: 4–10), угловые резцы на сечениях массивных пластин (рис. 1: 11–15), перфораторы (рис. 1: 16–17) и срединные проколки на пластинах (рис. 1: 18). Керамический комплекс, сопровождавший этот кремневый инвентарь, состоит из фрагментов глиняной посуды струмельского типа: доньшко с шипом, орнаментированное рядами отпечатков косо поставленной тонкой гребенки, и фрагменты стенок, вероятно, того же горшка [17, рис. 77]. Эти материалы, хотя и обнаружены в переотложенном состоянии на развееванной поверхности, дают возможность предположить участие постсвидерского населения в неолитизации территории исследования. В сопредельных районах Беларуси, в частности в низовьях р. Сож, известна сожская позднемезолитическая культура, которая развивалась на постсвидерских традициях и считается основой неолитической верхнеднепровской культуры (ВДК) [13, с. 118–119]. Для

* Автор выражает благодарность В.А. Манько, автору публикации материалов с поселения Пустынка-V, за предоставленную возможность использовать их в данной работе.

сожской культуры характерно присутствие в комплексах наконечников постсвидерского типа, большого количества концевых скребков на отщепках и укороченных широких пластинах, резцов на сломках массивных пластин и проколов серединного типа [14, с. 55–67]. На постсвидерской мезолитической основе развивались и раннеолитические памятники нижней Припяти – Загорини, Новоселки-2, Юровичи-4 [12, с. 127–145]. Эти данные дают основания сблизить комплекс кремневых изделий Пустынки-V с аналогичными комплексами низовьев Сожа и Припяти.

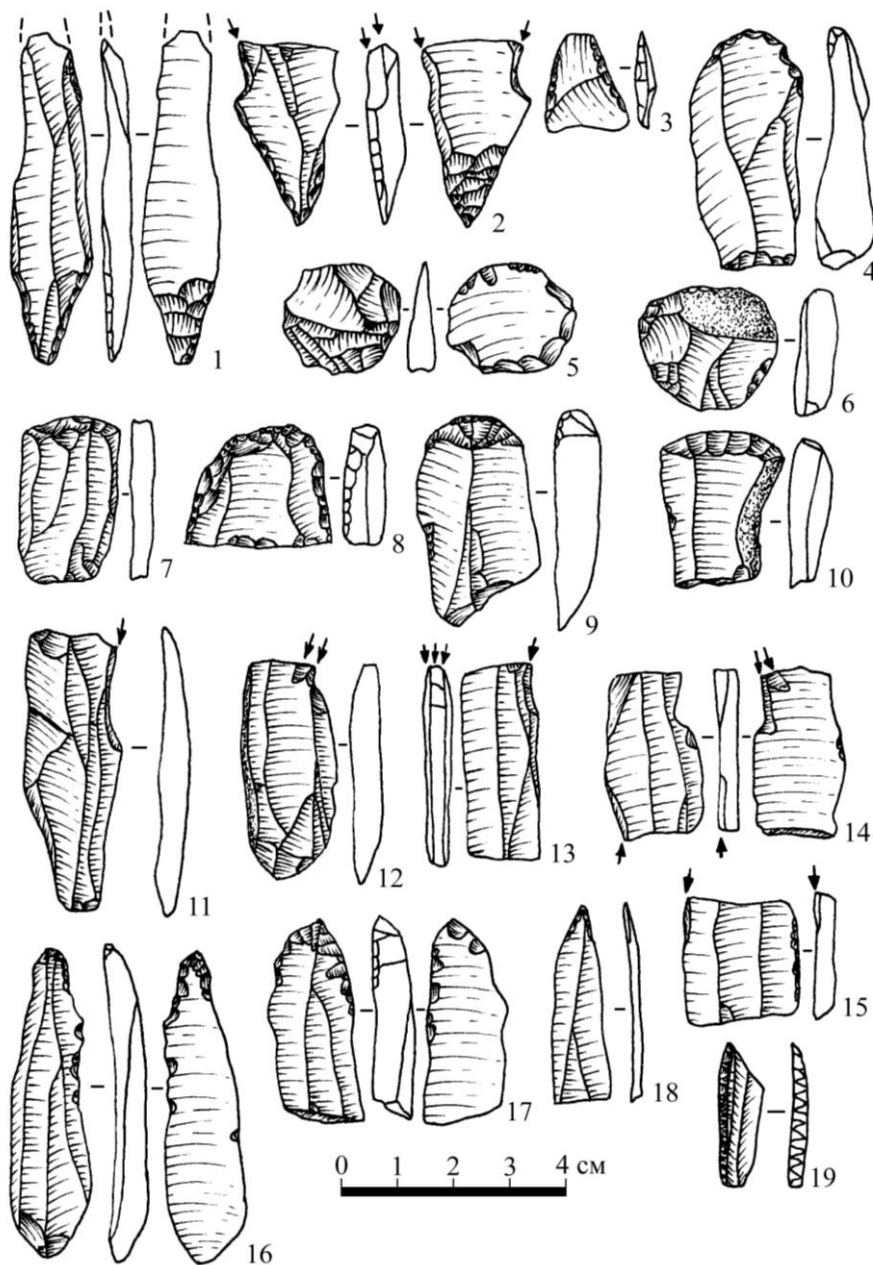

Рис. 1. Кремневый инвентарь с поселений Пустынка-V (1–18) и Шмаевка (19) [17, с. 95, рис. 77]

Источник: рисунок Е.В. Ногина.

Наличие среди малочисленных кремневых изделий в комплексе поселения Шмаевка пластинки с притупленной спинкой кудлаевского типа (рис. 1: 19), казалось бы, не даёт достаточных оснований рассматривать кудлаевское население как мезолитическую основу раннеолитической культуры междуречья Днепра и Десны, поскольку эта находка единичная, к тому же может быть механической примесью. Однако хотелось бы обратить внимание на несколько важных, на наш взгляд, моментов, связанных с возможным участием кудлаевского населения в формировании раннеолитических культур соседних регионов. Во-первых, по мнению Л.Л. Зализняка, население этой культуры, по крайней мере в бассейне

Средней Десны, доживает до раннеатлантического времени [7, с. 27–28; 9, с. 74; 8, с. 100], что делает ее участие в процессе неолитизации вполне возможным. Во-вторых, пластинки с притупленной спинкой кудлаевского типа встречаются и в поствидерских комплексах Посожья, таких как Аврамов Бугор [13, с. 23, рис. 5: 43, 51], и в смешанном, поствидерско-аренсбургском позднемезолитическом комплексе Бабулин Бугор [13, с. 34, рис. 11, 24]. В-третьих, описывая кремневые изделия раннеолитических поселений Загорины, Новоселовка-2, Юровичи-4 в бассейне Нижней Припяти, В.Ф. Исаенко указывает на наличие среди них, кроме типичных поствидерских изделий (наконечники стрел, концевые скребки на отщепках и пластинах, резцы на сломках массивных пластин и т.п.), и архаических форм геометрических микролитов, среди которых острії типа Кудлаевка [12, с. 130]. О наличии в низовьях Припяти группы поздне-мезолитических памятников, в кремневом инвентаре которых, кроме поствидерских изделий, присутствуют и орудия кудлаевской культуры, писал также В.П. Ксензов (поселение Белосорока) [16, с. 7]. Поселение Белосорока Л.Л. Зализняк относит к типу Кудлаевка, для которого характерны серии выразительных трапеций и кудлаевских микроострий, а также наконечники поствидерского и аренсбургского типов [7, с. 10–11, 16–17, 27].

Учитывая эти факты, думается, что отвергать участие кудлаевского населения в формировании раннеолитической культуры Днепро-Деснянского междуречья также не следует.

По нашему мнению, к решению этого вопроса следует, пока чисто теоретически, привлечь и поздне-мезолитическое население Среднего Подесенья, которое относится к позднему этапу песочноровской культуры (памятники типа Студенок) и продолжает аренсбургскую линию развития. По крайней мере, кремневые изделия, найденные на поселении Карповичи (урочище Волчище) в верховьях р. Снов, демонстрируют их происхождение именно от этой культуры [2, с. 125–130, рис. 79–81].

Немногочисленные материалы, которые есть сегодня в нашем распоряжении, позволяют предположить, что раннеолитическая культура Днепро-Деснянского междуречья развивалась с участием населения, в традициях кремнеобработки которого присутствовали элементы поствидерской культуры, постаренсбургские традиции и черты, присущие памятникам типа Кудлаевка. Иначе говоря, к процессу неолитизации указанного региона были привлечены потомки финальнопалеолитических охотников зандровых равнин Европы.

Переход к неолиту на территории междуречья Днестра и Десны, как указывалось выше, отмечается появлением керамической посуды струмельского типа, фрагменты которой найдены на поселениях Шмаевка, Пустинка-V и Каменка.

Памятники струмельского типа как наиболее ранние на территории Киевского Полесья были выделены в 50-х годах прошлого века и изначально связывались с ранним этапом в развитии культуры с гребенчато-накольчатой керамикой этого региона – ДДКО [5, с. 172–178]. Однако впоследствии, после открытия памятников типа Дубичай (позже – дубичайский этап неманской культуры), стали рассматриваться как «северный филиал обширного южноевропейского древнеземледельческого ареала, в который входит и буго-днестровская культура и который распространяется на север и достигает Прибалтики» [6, с. 31–35]. Глиняная посуда струмельского типа, бесспорно, имеет определенное сходство с дубичайской, что проявляется в форме горшков, особенно доньшек, в использовании однотипных графических элементов орнамента (гребенка, наколы), способах обработки поверхностей расчесами гребенки и т.д. Но по таким же параметрам она в той или иной степени подобна и раннеолитической керамике Среднего Подесенья (нижний слой поселения Гришевка), Посеймовья (ранняя группа керамики Лисогубовского поселения) или Северского Донца (тубинская культура) [17, с. 204, рис. 84: 4]. Речь идет о том, что на рубеже мезолита – неолита распространение навыков керамического производства, видимо, происходило из ограниченного количества источников (буквально одного-двух), что приводило к определенной «стандартизации» как форм сосудов, так и элементов их орнаментации и других технологических признаков (способов обработки поверхностей, состава формовочной массы и т.д.), которые распространялись на больших по площади территориях.

Считается доказанным факт начала неолитизации позднемезолитических культур Украинского Полесья под влиянием населения самчинской фазы буго-днестровской культуры (БДК) в начале VI тысячелетия до н. э. [10, с. 149–152, рис. 17; 9, с. 89; 8, с. 138]. Для керамического комплекса самчинского типа, по Д.Л. Гаскевичу, характерны горшки удлиненных пропорций, с зауженной горловиной, несколько отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и донцем, а также изделия удлиненных пропорций цилиндрической формы, со слабо суженной горловиной, прямым венчиком и приостренным дном. По орнаментации исследователь выделяет две группы самчинской посуды: первая – орнаментированная проглаженными линиями, вторая – отпечатками зубчатых штампов и линиями. Встречаются венчики, орнаментированные с внутренней стороны одной строкой отпечатков зубчатого штампа. Наружная поверхность горшков заглажена, иногда залощена и имеет следы расчесов, направленных в разные стороны. Внутренняя сторона также заглажена и несет следы расчесов. Формовочная масса содержит примесь органики и песка, иногда добавлялись дрсва, кровавик и шамот (рис. 2: 3, 4) [3, с. 217–223].

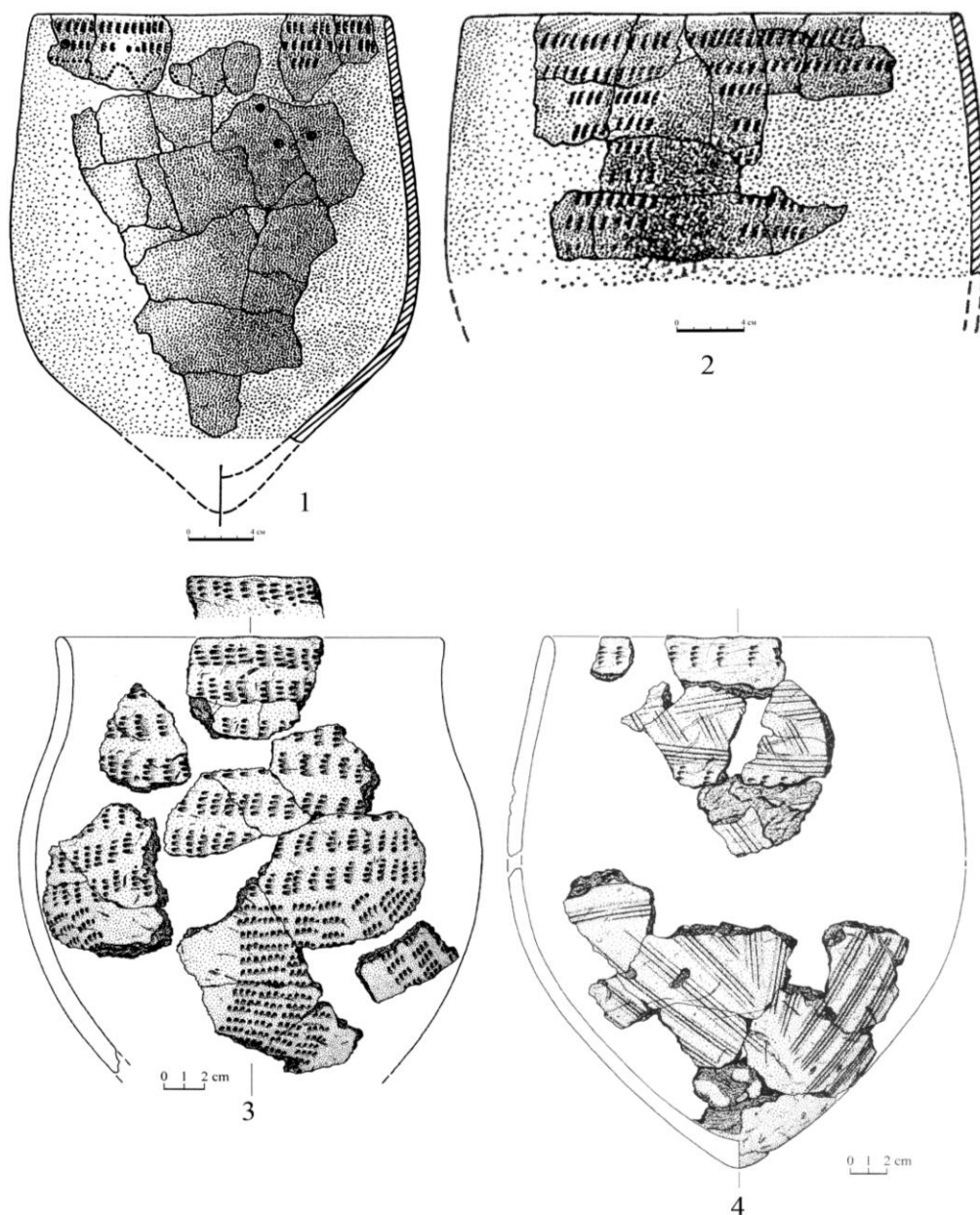

Рис. 2. Горшки струмельского типа (1–2) [24, рис. 47: 2, 4]
и смачинской фазы буго-днестровской культуры (3–4) [3, рис. 3, 4]

Посуда струмельского типа, найденная на поселениях междуречья Днестра и Десны, имеет высокую степень сходства со второй группой горшков самчинского типа (рис. 2: 4) и второй группой, выделенной по орнаменту. Отличает его от самчинского только большая площадь неорнаментированной поверхности, бедность орнаментальных мотивов, наличие донца с «шипом» и большая толщина стенок. Состав формовочной массы почти идентичен, за исключением дресвы и шамота (рис. 2: 1, 2). На основании этого возможно предположить, что появление керамики на территории нашего исследования связано с влиянием населения самчинской фазы БДК. Путь распространения этой технологии от ареала БДК до междуречья Днестра и Десны прослеживается через территорию Киево-Житомирского Полесья. В пользу этого свидетельствуют находки немалого количества фрагментов глиняной посуды с самчинскими чертами в комплексах некоторых поселений указанного региона: Ходосовка-Пойма, Романков 1, Устье Гнилопяти [4, с. 117; 21, с. 255; 20, с. 135, рис. 1: 2, 3].

Исходя из вышесказанного вопрос хронологии БДК в целом и самчинской фазы в частности является важным для определения времени начала неолитизации позднемезолитического населения территории междуречья Днестра и Десны. В последнее время он стал ключевым в дискуссии ученых из-за наличия «старых» и «новых» дат Киевской радиоуглеродной лаборатории и несогласованности последних с датировкой культуры Криш, под влиянием которой возникла БДК [29, с. 46–49]. Эта проблема требует до-

полнительного разъяснения. Часть современных исследователей игнорируют даты, полученные в этой лаборатории до 1998 года, и в своих работах оперируют исключительно значениями, полученными после указанного срока – «новые» даты [15, прил. 1, с. 85–105; 17, табл. 1, с. 15–20]. Другие, наоборот, принимают в расчёт только значения, полученные до 1998 года – «старые» даты [9, с. 125; 29, табл. 5.1, с. 44–48]. Разница между ними достаточно существенна и иногда составляет до 500 лет. Эта проблема выходит за рамки нашего исследования, однако полагаем, что к тому моменту, пока не будет окончательно установлена правомерность одних либо других дат, все они имеют право на существование и использование, однако без сравнения между собой. По «новым» датами самчинская фаза БДК датируется концом VII – началом VI тысячелетия до н. э. [1, с. 65–66] или началом второй половины VII – концом VI тысячелетия до н. э. [3, с. 232].

Однако в 2008 году той же Киевской лабораторией по керамике было получено несколько дат для неолитического поселения Гард (бассейн р. Южный Буг). Следуя полученным значениям, раннеолитический слой Гарда (первый период развития БДК) датируется второй четвертью – серединой VI тыс. cal. BC, что полностью коррелирует с датировкой памятников культуры Криш на территории Бессарабии [30, с. 217]. Верхний культурный слой (поздний период БДК) датируется второй половиной VI – началом V тыс. cal. BC [30, с. 217]. Таким образом, по мнению автора исследований поселения Гард и ведущего специалиста по проблематике БДК Н.Т. Товкайло, самчинская фаза, относимая к среднему периоду этой культуры, не может быть датирована концом VII – началом VI тысячелетия до н. э. Исходя из датировки Гарда, ее возможное место в хронологии БДК – середина – третья четверть VI тысячелетия до н. э.

В конце прошлого века памятники струмельского типа датировались концом V – началом IV тысячелетия до н. э. [24, с. 175]. В последнее время было опубликовано несколько абсолютных значений для раннеолитических памятников междуречья Днестра и Десны с материалами струмельского типа. По данным радиоуглеродного анализа органических примесей к формовочной массе, глиняный сосуд струмельского типа с поселения Шмаевка датируется возрастом 7280 ± 260 BP, аналогичная керамика из поселения Пустынка-V – 7080 ± 180 BP, или 6155–5745 cal. BC, что позволило определить ее возраст не позднее, чем конец VII – начало VI тысячелетия BC [17, с. 16–18, табл. 1]. По образцам органического материала из фрагментов раннеолитической посуды были получены абсолютные значения для некоторых памятников Киево-Житомирского Полесья, где зафиксирована керамика со самчинской орнаментацией. Дата керамики с поселения Лазаревка определена как 6900 ± 150 BP, 5970–5640 BC, для Хутора Тетеревского – 6490 ± 90 BP, 5517–5363 BC [17, с. 16–17, табл. 1; 3, с. 232]. Три даты для поселения Ходосовка-Пойма также не выходят за пределы VI тысячелетия BC [4, с. 104; 3, с. 232]. Вероятно, следует скептически отнестись к датировке керамики струмельского типа с поселений Шмаевка и Пустынка-V, поскольку полученные значения являются более ранними по сравнению с имеющимися датами для памятников Киево-Житомирского Полесья, мезолитическое население которого, безусловно, вошло в контакт с носителями культурных традиций БДК раньше, чем население междуречья Днестра и Десны, в силу своего географического расположения.

Заклучение. Исходя из имеющихся сегодня в нашем распоряжении материалов можно предположить, что позднемезолитическое население междуречья Днестра и Десны, представленное носителями постсвидерских, постаренбургских и, возможно, кудлаевских культурных традиций в середине VI тысячелетия до н. э. под влиянием БДК самчинской фазы постепенно трансформируется в раннеолитическую культуру, представленную памятниками струмельского типа. Однако следует отметить, что данный вывод на современном этапе исследований лишь предварительный и требует дальнейшего уточнения в процессе новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Відейко, М.Ю. Ізотопне датування пам'яток буго-дністровської культури / М.Ю. Відейко, М.М. Ковалюх // АВУ. 1997 – 1998 рр. – К., 1998. – С. 65–66.
2. Гаскевич, Д.Л. Крем'яний інвентар неолітичних культур України: дис. ... канд. іст. наук / Д.Л. Гаскевич. – К., 2003. – 390 с.
3. Гаскевич, Д.Л. Северо-понтийское импресо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юго-востоке Европы / Д.Л. Гаскевич // Stratum Plus. – 2010. – № 2. – С. 213–252.
4. Поселення між Ходосівкою та Лісниками. Дослідження 2003 р. / І.А. Готун та [інш.] // Північна експедиція ІА НАН України: матеріали та дослідження. – К.: Стилос, 2007. – 264 с.
5. Даниленко, В.М. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р. / В.М. Даниленко // АП УРСР. – К.: Вид-во АН УРСР, 1956. – Т. VI. – С. 172–178.
6. Даниленко, В.Н. Неолит Украины / В.Н. Даниленко. – К.: Наукова думка, 1969. – 258 с.
7. Зализняк, Л.Л. Население Полесья в мезолите / Л.Л. Зализняк / АН УССР. Ин-т археологи; отв. ред. Д.Я. Телегин. – К.: Наукова думка, 1991. – 160 с.
8. Зализняк, Л.Л. Мезоліт заходу Східної Європи / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Вип. 12. – К.: Шлях, 2009. – 280 с.
9. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Вип. 8. – К.: Шлях, 2005. – 184 с.

10. Залізник, Л.Л. Стоянки біля с. Добрянка на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я / Л.Л. Залізник, В.О. Манько // Кам'яна доба України: збірка наук. ст. – Вип. 5. – Київ: Шлях, 2004. – С. 137–168.
11. Иногда, В.В. Археологические памятники поблизу с. Радуль на Чернігівщині / В.В. Иногда // Археологія. – К.: Наукова думка, 1973. – № 11. – С. 49–55.
12. Исаенка, У.Ф. Днепра-данецкая культура / У.Ф. Исаенка // Археологія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі. – С. 127–145.
13. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
14. Капыцін, В.Ф. Сожская культура / В.Ф. Капыцін, А.Г. Калечиц // Археологія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі. – С. 55–67.
15. Котова, Н.С. Неолитизация Украины / Н.С. Котова. – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.
16. Ксензов, В.П. К мезолиту Нижней Припяти / В.П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зб. – Мінск, 1994. – № 3. – С. 3–9.
17. Манько, В.О. Неоліт Південно-Східної України / В.О. Манько // Кам'яна доба України. – К., 2006. – Вип. 9. – 280 с.
18. Митрофанова, В.И. Позднеолитическое поселение в ур. Лес близ с. Мневое на Черниговщине / В.И. Митрофанова // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С. 68–78.
19. Неприна, В.И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине / В.И. Неприна. – К.: Наукова думка, 1976. – 150 с.
20. Неприна, В.И. Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры / В.И. Неприна // СА. – 1969. – № 2. – С. 134–139.
21. Переверзев, С.В. Дослідження неолітичної стоянки Романків 1 на Київщині / С.В. Переверзев, А.А. Сорокун // Кам'яна доба України. 13. – К.: Шлях, 2010. – Вип. – С. 254–269.
22. Телегин, Д.Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре / Д.Я. Телегин // СА. – 1961. – № 4. – С. 26–40.
23. Телегин, Д.Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии / Д.Я. Телегин // МИА. – 1973. – № 172. – С. 173–183.
24. Телегин, Д.Я. Памятники струмельско-гастятинского типа / Д.Я. Телегин // Археологія Украинской ССР. – К.: Наукова думка, 1985. – Т. 1. – С. 172–175.
25. Телегин, Д.Я. Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Свод археологических источников / Д.Я. Телегин, Е.Н. Титова. – К.: Наукова думка, 1998. – 142 с.
26. Телегин, Д.Я. Дніпро-донецька культура: До історії населення епохи неоліту – раннього металу півдня Східної Європи / Д.Я. Телегин. – К.: Наукова думка, 1968. – 254 с.
27. Телегин, Д.Я. Основні результати робіт Київської експедиції 1962 – 1964 рр. / Д.Я. Телегин // Археологія. – К.: Наукова думка, 1965. – Вип. XIX. – С. 86–99.
28. Телегин, Д.Я. Поселения дніпро-донецької культури на півночі України / Д.Я. Телегин // Археологія. – 1971. – № 2. – С. 44–53.
29. Товкайло, М.Т. Неоліт степового Побужжя / М.Т. Товкайло // Кам'яна доба України. – К.: Шлях, 2005.
30. Товкайло, М.Т. Ранньонеолітичний горизонт поселення Гард і проблема неолітизації Північно-Західного Надчорномор'я та Побужжя / М.Т. Товкайло // Кам'яна доба України. – К.: Шлях, 2010. – Вип. 13. – С. 213–217.

Поступила 10.07.2013

THE PROBLEMS OF THE DNIEPER AND DESNA RIVERS NEOLITIZATION

E. NOGIN

The author investigated the question of the Dnieper and Desna rivers neolitization. At the present research stage, the initial period of this era associated with a transformation of the Mesolithic cultures into Neolithic ones causes a great interest. The author considered one of the most important issues – both the period for this process and localization of the sources of ceramic tableware making skills dissemination. The presence of those sources is a major archaeological criterion for determining the start of the Stone Age last phase. In this sense, the territory between the Dnieper and Desna rivers causes a particular interest due to a geographical position of the discussed regions – near the boundary of Polessye and forest-steppe zone as well as the lack of publications on the discussed theme.

УДК 94(3):264.014.1

НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБУЧЕНИЯ РИМСКОГО ВОЙСКА И РОЛЬ ПОЛКОВОДЦА В ИХ ОБЕСПЕЧЕНИИ (ЭПОХА ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ)

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

Рассматривается римская военная дисциплина в ее широком контексте, охватывающая военное обучение в качестве особой системы ценностей и являющая собой не просто совокупность наказаний и поощрений, но целостную систему, которая через физическое и психологическое воздействие формировала солдата готовым к несению тягот армейской службы. Относительно же полководца заключим, что поскольку он обладал империем, то именно он, таким образом, пользовался и высшим авторитетом среди своих солдат и, следовательно, был ответственным за поддержание дисциплины, причем не только в ее карательном смысле, но и в отношении личного примера. Полководец не просто контролировал обучение воинов и применял наказания по необходимости, но контролировал ситуацию так, чтобы быть в состоянии поддерживать функционирование того по определению сплоченного воинского сообщества, каким являлось *exercitus*.

Введение. «*Certissima Romani imperii custos, severa castrorum disciplina*» – этими словами Валерий Максим сформулировал понимание римской военной дисциплины, каким оно было у многих из современников данного писателя (Val. Max. 6. 1. 11). Действительно, общепринятым (в том числе в научной среде) является мнение о том, что римским армейским порядкам была свойственна особая суровость: солдаты делали точно то, что им приказывали, подвергаясь за невыполнение приказа строгому наказанию. Но сколько бы мнений не высказывалось по поводу римской военной дисциплины, все они характеризуются тенденцией к недооценке ее связи с особой системой римского военного обучения, состоявшего в целенаправленном привитии новобранцам и поддержании у солдат особой системы ценностей, присущих лишь данной социокультурной среде – римскому войску – и отражаемых понятием *disciplina militaris*. Собственно, освоение войском данной системы ценностей лежит в основе процесса превращения просто суммы воинов *coria* в обученное войско *exercitus*.

Основная часть. Разумеется, нет сомнений, что наказания за нарушение дисциплины в римской армии были строгими. Правда, это компенсировалось, как замечает Полибий (Polib. VI. 37.7 – 39), такими стимулами, как доля в военной добыче и награда за *virtus* (мужество). И тем не менее *disciplina militaris* у римлян, как представляется, – это нечто большее, чем награды и наказания. Римская военная дисциплина была методом закаливания солдатских тела и духа ради достижения (в том числе) абсолютного повиновения солдата командиру (Polib. VI. 36 – 39, Suet. Div. Aug. 24. 5, Jos. III. 5.7), но также ради определения сфер, в рамках которых солдат был волен проявлять инициативу.

С другой стороны, выражение источников «*disciplina castrorum*» является здесь важным указанием на механизмы воинского обучения, поскольку оно акцентировано на местонахождении солдата вне города, помещении воина в лишаяющее его свободы пространство военного лагеря. Это пребывание в лагере ставило солдата не только вне порядков штатской действительности, но и вне порядка мира природы, и заставляло воина сосредоточить внимание на себе, на самоконтроле, который был создан и контролируемым иерархией военных чинов.

Разумеется, личность воина не была полностью потеряна в пределах этой системы. Действительно, карьерные успехи в армии зависели от индивидуального поведения, хотя и направленного на достижение высокого результата всей группы. Выбор был возможен для солдата: задача командования состояла в том, чтобы обеспечить направления мысли и деятельности солдата как явные, так и подразумеваемые, которые вели бы воина к самостоятельному принятию надлежащего решения. Акцент здесь делался на личной ответственности солдата.

Хотя мир личности, оказавшейся в лагере, оставался весьма узким, постоянный надзор за солдатом был невозможен. Следовательно, косвенные методы контроля, соединенные со страхом наказания, были неотъемлемым признаком римской армейской действительности. При всей потенциальной жесткости данной системы, последняя характеризовалась удивительной гибкостью в актуальном применении. Полководец и его офицеры могли выбирать – применять уставные правила или нет, тренировать солдат особым образом или обходиться стандартными упражнениями. Полководец мог выбирать – наказать за неповиновение или проявить снисходительность. *Moderatio* и *comitas* вождя, таким образом, обеспечивали сбалансированность применения уставных правил. Такая политика в применении неких уставных правил обеспечивала, кстати, *disciplina militaris* большую гибкость в поведении римского войска на поле

боя, чем это обычно видится исследователям, а именно позволяла войску приспосабливаться к менявшимся условиям и постоянно меняться самой армии.

Однако основой любого научного построения относительно римской армии остается мысль о том, что последовательностью подходов к дисциплине римская армия отличалась от других воинских сообществ древности. Полное понимание этого обстоятельства зависит от понимания специфики римского военного лидерства, основанного на определенных традициях, включающих особым компонентом традицию жертвенного самоконтроля римского полководца. Все это можно увидеть на примерах восстановления дисциплины в римской армии, из которых наиболее известными являются те, что связаны с именами Сципиона Эмилиана у Нуманции и Метелла в Африке (относительно Сципиона – *App. Iber.* 85; *Plut. Mor. Regum et imperatorem apophthegmata* 201 С; относительно Метелла – *Sallust. B. Jug.* 45. 2; [*Front. Strat.* IV. 2; *Valer. Max.* II. 7. 2).

Тем не менее практические соображения римской военной службы в равной степени и определяли римскую концепцию дисциплины, и противоречили ей – дисциплине, которая была одновременно и идеологемой, и прагмой.

Безусловно, главным механизмом приобщения к *disciplina militaris* была тренировка войска, т.е. воинское обучение в узком смысле. Это было тем, в чем проявлялись фундаментальные принципы службы. Обучение было основным способом приучения солдата к его армейскому окружению и армейским условиям жизни. Обученный солдат становился дисциплинированным, умелым и исполнительным. Здесь очевидны два компонента дисциплины: физический и моральный. Физический компонент состоял в выполнении определенных приемов, в поддержании соответствующей физической формы и приобретении определенных воинских умений и фиксировался с помощью корня *disc* – «учиться» так же, как и основное значение понятия «*disciplina*» – «обучение». Моральный компонент складывался из качеств, непосредственно относящихся к военному обучению, таких как стойкость характера, готовность подчиняться командирам, но также качества более высокого порядка: храбрость и честь [1, s. 1175–1183; 2, s. 187].

В идеале, дисциплина должна была быть видна во всем, что делал солдат, а не только в его воинском мастерстве на поле боя. Тем не менее основная часть службы протекала вне участия в сражениях, и воспитание, а также поддержание дисциплины, хотя и связанные с подготовкой солдата к битвам, составляли суть жизни армейского лагеря. Таким образом, выражение *disciplina castrorum* обозначает не место и время, которыми она (*disciplina castrorum*) была ограничена, но, скорее, то, что следовало из взаимодействия между солдатом, армейской иерархией и солдатским окружением, которыми проверялась и укреплялась солдатская идентичность.

В каком соотношении находятся физические и моральные компоненты римской военной дисциплины? Хорсман сомневается в наличии здесь прямой связи, хотя обращает внимание на то, что римляне считали физическую тренировку условием, способствовавшим выработке психологической установки на дисциплину [2, s. 187–188, 197]. Тем не менее Я. Ле Бозк обращает внимание на то, что в современном антиковедении аксиологические функции военного обучения все более становятся предметом специального анализа [3, с. 151].

Эта взаимозависимость между обучением и дисциплиной, так же как и центральное положение в ее обеспечении командира, характерна для римской практики и имеет большое значение для обеспечения взаимодействия между солдатом и полководцем. Существовала нерасторжимая связь между физической деятельностью, обеспечивавшей моральные характеристики дисциплины, и соответствующими психологическими установками солдата, облегчавшими эту физическую деятельность, что демонстрируется многочисленными свидетельствами, в которых полководцы прибегают к физическим компонентам дисциплины, чтобы восстановить ее моральные составляющие [2, s. 117]. Несомненно, условия военной службы в период военных действий были в физическом отношении тяжелы, поскольку это было связано с нерегулярными поставками продовольствия, частыми перемещениями из лагеря в лагерь и, конечно, риском сражений. Тяготы солдатской жизни вошли в пословицу: Валерий Максим упоминает по случаю *labores et pericula militiae* (тяжелые работы и опасности военной службы) (*Val. Max.* 2. 3. 1), и подобные описания являются нередкими. Так, Вергилий пишет о *belli labores* (*Vergil. Aen.* 11. 126), Ювенал, Цицерон, Курций Руф, Ливий, Овидий, псевдо-Саллустий, Помпей Трог – о *labor militiae* (*Juv.* 16. 52; *Cic. ad Fam.* 7. 8. 1, *ad Quint. Frat.* 3. 6. 1; *Curtius Rufus* 9. 3. 1; *Liv.* 44. 22. 14; *Ovid. Fasti* 1. 302; *Pon.* 1. 6. 10; [*Sall.*] *Ep. Ad Caes.* 2. 2. 2, 2. 10. 9; *Pomp. Trog. fr.* 152). О *castrorum labores* пишут Ювенал, Цицерон и Гирций (*Juv.* 14. 198; *Cic. Mur.* 38; *Hirtius BG* 8. 4. 1). Именно упорный физический труд и военные упражнения, необходимые для того, чтобы быть солдатом, отражаются, согласно Цицерону и Варрону, римским понятием *exercitus* (*Cic. Tusc. Disp.* 2. 37; *Varro DLL* 5. 87: «*Exercitus, quod exercitando fit melior*»).

В свою очередь, в период военных действий, когда естественные эмоции страха или ярости могли легко овладеть солдатами, контроль над поведением войска был особенно актуален. Кроме того, самоконтроль, предписывавшийся каждому солдату, – другими словами, подчинения побуждений воле – вел

к подчинению самое себя – командиру. Привычка к перенесению тягот была, таким образом, в конечном счете в такой же мере выражением самоконтроля, в какой результатом внешнего контроля. Неудивительно поэтому, что Помпей в ходе своего военного обучения, согласно Диодору Сицилийскому, практикует не только чтение теоретиков военного искусства, но и употребление солдатской пищи, причем делает это на солдатский манер: употребляет грубую и скудную пищу, сидя, а не возлежа, как то было принято у аристократов (*Diod. Sic.* 38. 9).

Качества, формировавшиеся практикованием особого типа поведения, представляют собой то, что было в состоянии изменить даже физическую природу человека: Цезарь укреплял свое от природы слабое тело, ведя солдатский образ жизни (*Plut. Caes.* 17. 3, сравни – его же *Cato Maj.* 4. 3).

Солдатский стиль поведения, таким образом, позволял изменить идентичность человека так, чтобы он ощущал себя прежде всего воином, и лишь затем гражданином. Из этого логически следует, что поддержание солдатской идентичности было главным смыслом данного поведенческого стиля. Позволить этим привычкам – к перенесению тягот и трудам – потерять ценность, значило позволить сомневаться в солдатском статусе лица, а значит – сомневаться в обязанности данного лица подчиняться командирам. Римская военная дисциплина была принципом, обеспечивавшим поддержание соответствующих норм поведения таким образом, чтобы воинская идентичность не могла быть подвергнута сомнению.

Необходимо отметить амбивалентность, присущую этому способу фиксирования солдатского статуса (посредством практикования данных поведенческих норм): некое лицо становилось солдатом через соответствующую практику, но оно же могло быть лишено солдатского статуса за ненадлежащее поведение, как это видно в случаях, когда солдаты погрязали в «роскошной жизни» городов, о чем пишет, дискуссия по поводу топоса «роскошь» Э. Уилер [4, p. 229ff.].

Из вышесказанного следует, что другой особенностью обеспечения римской военной дисциплины, является выработка однородного типа поведения посредством приучения воинов к самоконтролю. Развитие самообладания, т.е. самоконтроля, так же как и взаимосвязи между физическими и моральными компонентами, до сих пор в науке обсуждалось мало, впрочем, так же как и их взаимосвязь со многими другими факторами поддержания римской военной дисциплины, такими, например, как суровость военных наказаний и тяжесть работ (например, строительных), возлагавшихся на солдат [2, s. 197].

Воля к сдерживанию таких базовых инстинктов, как голод или сексуальное желание, должна была сформировать солдата в его основных качествах за время его службы. Акцент на индивидуальном самоконтроле на каждом уровне армейской иерархии показывает, почему дисциплина была формируема не только через наказание, но также через пример поведения, подававшийся полководцем. Как о Помпее, так и о Цезаре известно, что их способность выносить лишения была для них важнейшим средством побуждения солдат к такой же стойкости. Будучи на вершине армейской иерархии, они выполняют полководческий долг, демонстрируют пример поведения истинного солдата. Это поведение базируется на двух установках: во-первых, на том, что командиры – всегда в фокусе зрения своих солдат, во-вторых (и это более существенно), что они обязаны так организовать подчиненных, чтобы постоянно оставаться в данном фокусе. Выбор Помпея здесь заключался в самоограничении относительно пищи и отдыха, демонстрации тем самым единства со своими солдатами. Цезарь добивался того же эффекта, преодолевая силой воли слабость своего здоровья (*Suet. Div. Jul.* 57; *Plut. Caes.* XVII). Однако такая сверхподвижническая манера поведения Помпея и Цезаря выделяла их не только по отношению к рядовым воинам, но и по отношению к другим полководцам того периода, и была как бы выражением их – Помпея и Цезаря – полководческой исключительности. Требуя от своих солдат *labores*, Помпей и Цезарь сами выполняли *labores* наряду с солдатами, хотя им приходилось нести еще и командирские обязанности. Для понимания различий в ответственности солдата и полководца показательное место из «Заговора Катилины» Саллюстия (*Sallust. Cat.* 60. (4)): *Interea Catilina cum expeditis in prima acie vorsari, laborantibus succurrere, integros pro sauciis arcessere, omnia providere, multum ipse pugnare, saepe hostem ferire: strenui militis et boni imperatoris officia simul exsequebatur* – «В это время Катилина с легковооруженными находился в первых рядах, поддерживал колебавшихся, заменял раненых свежими бойцами, заботился обо всем, нередко бился сам, часто поражал врага; был одновременно и стойким солдатом, и доблестным полководцем» (пер. В.О. Горенштейна). У Цезаря же читаем (*Caes. BG V.* 33): *At Cotta... et in appellandis cohortandisque militibus imperatoris et in pugna militis officia praestabat* – «Кота... не только обращался со словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца, и солдата» – пер. М.М. Покровского).

Из приведенных отрывков видно, что, как полагают наши авторы, полководческая *providentia* нужна была в сражении для поддержания морального духа воинов, чтобы обеспечить выполнение тактических приказов – еще один показатель неразрывной связи между физическими и моральными характеристиками солдат. Голдсуорти очевидно прав, когда говорит, что умение полководца поддерживать моральный дух войска было не менее важным умением, чем владение приемами тактики и стратегии [5, p. 116]. Однако здесь Голдсуорти идет не дальше признания того, что эти два умения «обычно взаимосвязаны»

(англ. – «are usually mutually dependent») [5, p. 119]. Разумеется, трудно избежать осторожности в формулировках, когда корректируешь подходы предшественников, изучавших данный вопрос, но в конечном счете – здесь неизбежно принятие римского подхода (к определению обязанностей полководца), что, на наш взгляд, должным образом в науке еще не делалось.

Конечно, несмотря на демонстрацию полководцем единства с войском, существовала очевидная дистанция между солдатом и полководцем, проявлявшаяся в очевидных различиях: в особенных – одежде и вооружении командира, в тех относительных удобствах, которыми пользовались офицеры, таких, например, как более качественная пища и более удобные квартиры [6, p. 89–90]. Хотя некоторые свидетельства источников – сообщения о роскошной жизни командиров – могли быть связаны со стремлением дискредитировать противника. Например, так была представлена Цезарем жизнь его врагов – лидеров республиканской партии в лагере у Фарсалы [7, p. 239ff.]. Тем не менее настоящий вождь был также, что естественно, лучшим в отношении воинского мастерства, что собственно и оправдывало его исключительное положение лидера. Примеры многочисленны. У Плутарха Помпей, в возрасте 58 лет, во многих из воинских навыков превосходит гораздо более молодых солдат (*Plut. Pomp. LXIV*), а Марий терпеливо переносит болезненную операцию без слов и не меняясь в лице (*Plut. Marius VI – VII*).

Таким образом, было много того в жизни военного лагеря, что должно было регулироваться командиром посредством обеспечения баланса между разрешением индивидуального выбора в поведении солдата и наказанием за ненадлежащее поведение при реализации права на такой выбор, а также между нормами поведения, которые отличали уровни армейской иерархии, и нормами поведения, общими для солдат и офицеров, т.е. нормами, обеспечивавшими солидарность войска, дух его идентичности. Именно на командира была возложена обязанность обеспечения баланса в реализации каждой из этих поведенческих стратегий, которые (при необходимости) могли задаваться его, полководца, речью, конкретными действиями, общим поведением, т.е. путем демонстрации эффективного лидерского стиля.

Следовательно, третьей особенностью обучения войска было последовательное отделение солдатской массы от ее штатского окружения.

Военная дисциплина, как в ее воспитании, так и в применении результатов, помимо прочего включала в себя дополнительные аспекты, которые были продуктом контекста и условий римской военной службы. Результатом обучения был дисциплинированный солдат, но дисциплина также подразумевала создание определенной среды. По этой причине существенным фактором поддержания дисциплины, в смысле обеспечения беспрекословного повиновения, был не только контроль за поведением солдата посредством физической тренировки, применявшейся в основном к новобранцам, но также отделение солдат от внешнего мира и фокусирование их внимания на лагерной службе и военной жизни. Многие из этих норм поведения были актуализируемы не только в периоды восстановления дисциплины, но были также моделируемы в своих существенных признаках примером самого полководца. Практическое воплощение этих норм поведения было столь же важным для воспитания дисциплинированного солдата, сколь вообще важным было военное обучение.

В современном антиковедении известно авторитетное мнение, что римское армейское сообщество имеет определенные черты, делающие его как бы зеркальным отражением *civitas* (гражданского коллектива, полиса) [8, с. 178]. Но невзирая на это внешнее сходство лагеря с полисом, К. Николе отмечает, что в республиканском Риме изменение статуса человека путем превращения его из штатского лица в солдата было особенно значимым. Значимость перехода подчеркивалась особой солдатской клятвой – *sacramentum*, игравшей роль присяги и дававшейся именно в том случае, если солдат должен был служить сверх положенного срока (в отличие от присяги – *iusiurandum*, дававшейся, когда гражданин призывался на установленный законами обычный срок [9, p. 103–105]).

Разграничение статусов – солдата и невоенного лица – происходило по множеству критериев и признаков, в том числе внешних. Особая солдатская пища, а также пищевые запреты, принятые в войске, не только готовили солдата к тяготам военной жизни, но и были средством идентификации воина, таким образом резко отличающего от остальной части общества. Освобождение солдата из-под отцовской власти также обеспечивало его отрыв от невоенного сообщества и переориентировало воина на социальные связи, существовавшие внутри войска. Солдат, таким образом, становился более мобильным, т.е. соответствующим требованиям военных обстоятельств. Даже сама структура военного лагеря служила четкому отделению армии от остальной части общества, поскольку в соответствии с требованиями дисциплины в лагере не должно было находиться невоенных лиц [6, p. 100]. В действительности реальность была не столь однозначной. Поэтому восстановление дисциплины в лагере у Нуманции началось с изгнания отсюда Сципионом штатских (посторонних) лиц (*Liv. Periochae LVII*; [*Front.*] *Strat.* IV. 1.1; *Val. Max.* II. 7. 1; *App. Iber.* 84 – 85; *Plut. Mor.* 201 C).

Отметим, что эти три особенности римского военного обучения, воплощающие в себе его механизмы, являются весьма общими и не объясняют большие изменения в организации римского войска, происходившие от эпохи Средней Республики до поздней Империи. Тем не менее, как следует из источ-

ников, эти особенности находились в неразрывной связи с философией военного лидерства, хотя методы применения ее с течением времени менялись. Росли противоречия между традиционным пониманием военной дисциплины, выработанным в то время, когда войско было еще гражданским ополчением, и актуальной практикой эпохи, когда разворачивается процесс профессионализации воинской службы, и когда «дисциплина как самостоятельная ценность сформировалась... с углублением профессионализации военного дела и отделением его от прочих сфер частной жизни» [10, с. 130].

Первая из вышеприведенных особенностей римского военного обучения (приучение войска к постоянным трудам), кажется, менялась очень мало. Упорный труд и военные упражнения были неизменно актуальными как в эпоху Республики, так и при Империи, что хорошо заметно при сопоставлении свидетельств, исходящих от авторов Средней Республики и, соответственно, ранней Империи (в частности, Полибия и Иосифа Флавия). Полибий пишет о превосходстве римской системы военного обучения в сравнении с греческой: «Каждый римлянин, раз он идет в битву вполне вооруженный, приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, для всякой неожиданности. Точно так же он с одинаковой охотой готов идти в сражение, ведется ли оно всей массой войска разом, или одною его частью, манипулом или даже отдельными воинами» (*Polib. XVIII. 32.* – пер. Ф.Г. Мищенко).

Как можно здесь видеть, Полибий делает акцент на способности римского солдата действовать в различных условиях, что подразумевается словами Полибия: «приготовлен в одинаковой мере для всякого места, времени, всякой неожиданности». Для достижения таких результатов римскому солдату требовалось немало сил и времени потратить на соответствующую тренировку. Описание Иосифом Флавием солдатских занятий подтверждает эти более ранние данные. Согласно Иосифу, римляне готовятся к битвам даже в мирное время, так что «их упражнения можно справедливо назвать бескровными сражениями, а их сражения кровавыми упражнениями» (*Jos. BJ. III. 5. 1* – пер. Я.Л. Чертка).

Свидетельство Цицерона (хотя и поданное в риторическом контексте) о военных упражнениях дополняет наши сведения, черпаемые у Иосифа. Причем Цицерон акцентирует внимание на том обстоятельстве, что смысл этих упражнений состоит не только в развитии боевых навыков, но и в не менее здесь важном воспитании воинского стиля поведения, особенно значимого в сражении (*Cic. Tusc. Disp. II. 37 – 38*). Цицерон сравнивает реакцию на ранения новобранца и ветерана: в то время как новобранец стонет даже при незначительном ранении, ветеран стоически переносит даже серьезные раны. Цицерон делает акцент на роли военного обучения именно в качестве средства для воспитания соответствующего типа поведения (а не просто физических навыков), поскольку новобранец имеет преимущество перед ветераном в возрасте, а значит и в выносливости (*Cic. Tusc. Disp. II. 37 – 38*): *Quid? exercitatio legionum, quid? ille cursus, concursus, clamor quanti laboris est! Ex hoc ille animus in proeliis paratus ad vulnera. Adduc pari animo inexercitatum militem, mulier videbitur. 38 Cur tantum interest inter novum et veterem exercitum quantum experti sumus? Aetas tironum plerumque melior, sed ferre laborem, contemnere vulnus consuetudo docet. Quin etiam videmus ex acie efferrī saepe sancios, et quidem rudem illum et inexercitatum quamvis levi ictu ploratus turpissimos edere; at vero ille exercitatus et vetus ob eamque rem fortior medicum modo requirens, a quo obligetur...* – «А сами упражнения легионов, их бег, стычки, битвенный шум – разве это не труд? Здесь и учится душа принимать боевые раны; сравни с обученным воином необученного – скажешь, что это баба. (38) Откуда такая разница между новобранцем и ветераном, какую мы видим с первого же взгляда? Молодость новобранцев – отличное свойство, но терпеть труды и презирать раны учит только опыт. То же видим мы, когда несут из сражения раненых: неопытный новичок издает жалостные стоны от каждой легкой раны, а бывалый ветеран, сильный своим опытом, только зовет врача, чтобы тот помог» (пер. М.Л. Гаспарова).

Цезарь в своем пассаже о германском племени свевов также подчеркивает, что обучение воинов в первую очередь направлено на выработку навыков подчинения, и лишь во вторую – определенных физических умений. Сवेфы, подобно новобранцам Цицерона, имеют физическое преимущество в сравнении с римлянами, и Цезарь описывает их как наиболее воинственных из германцев. Тем не менее Цезарь обращает внимание, что хотя свефы постоянно упражняют свое тело, им свойственно пренебрежение дисциплиной и, как следствие, преимущественное использование в бою своей грубой силы (*Caes. BG IV*): 1: *Quae res et cibi genere et cotidiana exercitatione et libertate vitae, quod a pueris nullo officio aut disciplina adsuefacti nihil omnino contra voluntatem faciunt, et vires alit et immani corporum magnitudine homines efficit.* – «Она (охота на диких животных – *C. T.*) развивает их физические силы и сообщает им огромный рост благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине и они делают только то, что им нравится» – (пер. М.М. Покровского).

Римское военное обучение было основано на использовании различных методов, так как ориентировалось не только на выработку физических навыков, но и особых навыков поведения, тех, которые связаны с психологической стойкостью и самоотречением (*facere contra voluntatem*). Иосиф Флавий также отмечает эту особенность римского военного обучения, являющуюся предпосылкой высоких боевых

качеств римских солдат: «Упражнения оружием направлены у них к тому, чтобы закалить не только тело, но и дух» (*Jos. BJ. III. 5. 7* – пер. Я.Л. Чертка).

Организованность солдата, умение его действовать согласованно также предстает как отражение его внутренней дисциплины. Император Адриан во время его объезда провинций Империи считает для себя обязательным инспектирование легионов. Сохранился фрагмент речи Адриана, произнесенной по итогам учений III Августова легиона, квартировавшего тогда в Африке. Здесь Адриан хвалит солдат за их организованность и ловкость в построении оборонительного лагеря (*ILS 2487*): ... *[munitions quas] alii [per] plures dies divis[is]ent, e[st]as uno die peregistis; murum lo[n]gi operis et quails mansuris hibernaculis fieri solet non [mul]to diutius exstruxistis quam caesp[er]e exstruitur, qui m[ol]dulo pari caesus et vehitur facile et tractatur et sine m[ol]les[tia] struitur, ut v[er]ill[is] et planus pro natura sua: vos lapidib[us] grandibus gravibus inaequalibus, quos neque vehere n[on]neque attollere neque locare quis possit, nisi ut inaequalitate inter se compareant* – «Упражнения, которые другие выполняют в течение многих дней, вы выполнили в один день. Длинную стену, какую обычно возводят солдаты, остающиеся зимовать в лагерях, вы выстроили почти в такой же срок, в какой другие строят изгородь из дерна; [между тем дерн], будучи мягким и ровным по своей природе, разрезается на равные части, легко перевозится и обрабатывается и не представляет затруднений при постройке. Вы же [строили] из больших, тяжелых и неровных камней, которые нельзя ни перевозить, ни поднести, ни разместить, не выровняв существующих между ними неровностей существующих между ними неровностей» (пер. под ред. С.Л. Утченко).

Особое внимание, которое здесь Адриан обращает на видимую четкость действий солдат, обусловлено непрямыми целями военного обучения – существенно, что для того, чтобы произвести впечатление на императора, воины действовали в условиях, приближенных к боевым. Слаженность в такой ситуации могла быть результатом лишь упорных тренировок, что вполне согласуется с римскими представлениями о хорошем солдате. Таким образом, принцип контроля за поведением воинов пережил эпоху Республики, перейдя в практику профессионализовавшейся армии Империи.

Вторая и третья особенности (выработка однородного типа поведения посредством приучения воинов к самоконтролю и последовательное отделение солдатской массы от ее штатского окружения) были в наибольшей степени актуальны в условиях профессионализации военной службы. Обе, кажется, первоначально базировались на идее солдата-гражданина, лишь временно оторвавшегося от своих домашних дел. Постепенная профессионализация армии – это был долгий процесс, который, вероятно, начался в середине II века до н. э. [11, р. 253], выразившись не только в условиях набора солдат, но также в сроках службы, и достигнув логического завершения в эпоху Августа с появлением постоянных лагерей. Наряду с большим контролем со стороны командиров, т.е. более строгим регламентированием службы, это пребывание в лагерях означало более регулярное и обильное снабжение солдат продовольствием (во всяком случае – в мирное время). Так что в итоге воины питались лучше, чем местное невоенное население [12, р. 98]. При этом топос «простой солдатской» пищи продолжал эксплуатироваться как одно из выражений тягот военной службы, хотя акцент делался не на количестве этой пищи, а именно на ее «грубости» (*Onas. X. 5; SHA Hadr. X. 2*).

Разделение солдат и граждан, таким образом, усилилось. С другой стороны, создание постоянных лагерей вело к тому, что солдаты оказываются в окружении растущего городского населения канаб (в смысле прилагерных поселков), т.е. населения, концентрирующегося здесь первоначально с тем, чтобы обслуживать обитателей лагеря. В результате эти постоянные лагеря (при том, что служба продолжалась 20 лет и более) создавали новые проблемы для властей Империи. Например, проблемы, которые вытекали из обзаведения солдатами фактическими семьями (несмотря на официальный запрет солдатских браков). В результате идеал солдата-сельского жителя (в смысле находящегося вне тлетворного влияния городской среды), свободного вместе с тем от семейных привязанностей, становился труднодостижимым.

Заключение. Можно согласиться с мнением, что римская военная дисциплина в ее широком контексте охватывает военное обучение в качестве особой системы ценностей и являет собой не просто совокупность наказаний и поощрений, но целостную систему, которая через физическое и психологическое воздействие формировала солдата готовым к несению тягот армейской службы [9, р. 106–107; 13, р. 404]. Относительно же полководца можно сделать вывод, что поскольку он обладал империем, то именно он, таким образом, пользовался и высшим авторитетом среди своих солдат и, следовательно, был ответственным за поддержание дисциплины, причем не только в ее карательном смысле, но и в отношении личного примера. Полководец не просто контролировал обучение воинов и применял наказания по необходимости, но контролировал ситуацию так, чтобы быть в состоянии поддерживать функционирование того по определению сплоченного воинского сообщества, каким являлось *exercitus*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fiebiger. *Disciplina militaris* / Fiebiger // *Der Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Fünfter Band. Demogenes – Ephoroi. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, 1905. – 2864 s.
2. Horsmann, G. *Untersuchungen zur militärischen Ausbildung in Republikanischen und Kaiserzeitlichen Rom* / G. Horsmann. – Boppard am Rhein, 1995. – 279 s.
3. Ле Бок, Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Я. Ле Бок; пер. с франц. М.Н. Челинцевой. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. – 400 с.
4. Wheeler, E.L. The laxity of Syrian legions / E.L. Wheeler // *The Roman Army in the East (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 18)* – Ann Arbor: Journal of Roman Archaeology, 1996. – P. 229–276.
5. Goldsworthy, A. *The Roman Army at War 100 B.C. – A.D. 200* / A. Goldsworthy. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 328 p.
6. Roth, J.P. *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235)* / J.P. Roth. – Leiden: Brill, 1999. – XXI, 399 p.
7. Rossi, A. *The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Beiium Civile** / A. Rossi // *Classical Journal*. – 2000. – № 95. – P. 239–256.
8. Махлаюк, А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / E.L. Wheeler. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Изд. «Акра», 2006. – 440 с.
9. Nicolet, C. *The World of the Citizen in Republican Rome* / C. Nicolet. – Berkeley: University of California Press, 1980. – 435 p.
10. Козленко, А.В. Военная история античности: полководцы, битвы, оружие: словарь-справочник / А.В. Козленко. – Минск: «Беларусь», 2001. – 479 с.
11. Gabba, E. *Republican Rome, the Army, and the Allies* / E. Gabba. – Berkeley: University of California Press, 1976. – IX, 272 p.
12. Garnsey, P. *Food and Society in Classical Antiquity* / P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – XIV, 175 p.
13. Oakley, S.P. *Single Combat in the Roman Republic* / S.P. Oakley // *Classical Quarterly*. – 1985. – № 35. – P. 392–410.

Поступила 17.05.2013

**SOME MECHANISMS OF TEACHING THE ROMAN ARMY
AND THE COMMANDER ROLE OF THEIR GUARANTING
(AGE OF LATE REPUBLIC AND EARLY EMPIRE)**

S. TELEPEN

The Roman military discipline in its broader context includes military training as a particular system of values and represents not just a set of punishments and rewards, but the whole system, which is through the physical and psychological impact has formed a soldier ready to bear the burdens of military service. Regarding the commander conclude that because he had an empire, then was he so enjoyed and the highest authority among his soldiers, and therefore was responsible for the maintenance of discipline, not only in its punitive sense, but also in terms of personal example. The commander is not just controlled the training of soldiers and apply penalties as appropriate, but control of the situation so as to be able to support the operation of addition, by definition, a close-knit military community, which was exsercitus.

УДК 2-9(476) (XVII)

**АНТЫКЛЕРЫКАЛЬНЫЯ НАСТРОІ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVII СТАГОДДЗЯ****М.А. ПЕТРАУСКАС***(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)*

На прыкладзе маёмасных канфліктаў даследуецца дачыненне каталіцкай шляхты Вялікага Княства Літоўскага да аўтарытэту царквы ў першай палове XVII стагоддзя. Судовыя цяжбы землеўласнікаў з прадстаўнікамі духавенства ілюструюць працэс легітымацыі царкоўнай улады ў прававой сістэме Вялікага Княства Новага часу. Прыведзены прыклады канфрантацыі і кампрамісаў паміж шляхтай і афіцыйнай царквой. Узмацненне пазіцый духавенства ў структурах дзяржаўнай улады выклікала пратэст прывілеяваных пластоў грамадства. Уплыў Рэфармацыі, эканамічны эгаізм, узмацненне ролі свецкага права ва ўсіх сферах жыцця, ідэалогія шляхецкай дэмакратыі разглядаюцца як крыніцы дэсакралізацыі аўтарытэту царквы. Прыведзеныя прыклады дазваляюць гаварыць аб секулярызацыі ўяўленняў абывацеляў XVII стагоддзя пра канфесійны абавязак. Падтрымка царквы з боку вярхоўнай улады паступова абмяжоўвала магчымасці шляхты і магнатаў ігнараваць інтарэсы духавенства.

Уводзіны. Пашырэнне ў XVI – першай палове XVII стагоддзя індывідуалістычнага мыслення, якое характарызаваўся прыярытэтам асабістых інтарэсаў над грамадскім абавязкам, паўплывала на канфесійныя ўзаемаадносіны і канчаткова аслабіла асновы сярэднявечнага калектывізму, які, па выразу расійскага філосафа А. Івіна, “толькі часткова аб’ядноўваў думкі сваіх індывідаў, навязваючы ім рэлігійную ідэалогію” [1, с. 277]. Імкненне шляхты Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) да аўтаноміі і эканамічнай самадастатковасці спалучалася з жаданнем зменшыць залежнасць не толькі ад вярхоўнай свецкай улады, але і ад царквы – найбольш аўтарытэтнага інстытута, які вызначаў умовы і формы падпарадкавання асобы агульнаму грамадскаму дабру.

Мэтай працы з’яўляецца вывучэнне дэсакралізацыі (пазбаўлення “святасці”) адносінаў прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя да царкоўных інстытутаў на землях ВКЛ у ранні Новы час і выяўленне сувязі паміж пратэстнымі настроямі каталіцкай шляхты і зменамі ўяўленняў пра канфесійны абавязак.

Крыніцы дэсакралізацыі. Канфлікты з царкоўнымі інстытутамі на глебе маёмасных, фінансавых, побытавых пытанняў сведчылі пра ўзрастанне свецкіх прынцыпаў рэгулявання ўзаемаадносін людзей. У гістарыяграфіі індывідуалізм і праявы эгаізму свабодалюбівай асобы ў XVI – пачатку XVII стагоддзя часта атажсамліваюцца з уплывамі пратэстантызму. У беларускай навуцы гэтую думку адным з першых выказаў У. Пічэта, які адзначаў, што “рэфармацыйны рух садзейнічаў развіццю індывідуалізму сярод літоўскай знаці і вызваленню яе ад уплыву каталіцкай царквы” [2, с. 681].

Асновы секулярызацыі адносінаў “шляхецкага народу” да царквы на землях ВКЛ былі закладзены ў “залатых вольнасцях”, пад якімі разумелася і свабода веравызнання, замацаваная актам Варшаўскай канфедэрацыі 1573 года і Статутам ВКЛ 1588 года. Супраціўленне першанству дзяржавы ў канфесійных пытаннях цесна звязвалася з абаронай шляхецкіх праў. Прырода апошніх па-рознаму растлумачана ў гістарыяграфіі. Украінская даследчыца Н. Якавенка адзначала, што ў XVI–XVII стагоддзях “нарматыўны парадак, які быў надзелены агульнапрынятай легітымнасцю, і тып сацыяльных паводзін шэраговага індывіда былі шчыльна звязаны з ушанаваннямі права не ў яго палітычным ці юрыдычным вымярэнні, а ў сэнсе светаўспрымання ўвогуле, як велічыні вечна справядлівай, трансцэндэнтнай [3, с. 81]. “Залатыя вольнасці” ў пачатку Новага часу былі асновай ментальнага вобраза (думак, паводзін, кругагляду, светаўспрымання) шляхты ВКЛ.

Цесная сувязь рэлігійнай, працоўнай, палітычнай, штодзённай сфер дзейнасці, якой характарызаваўся жыццё абывацеляў у Сярэднявеччы і ў пачатку Новага часу, дазваляе разглядаць шляхецкую апазіцыю ўладзе царквы не толькі як з’яву секулярызацыі. Напружаная соймавая барацьба за захаванне прынцыпаў рэлігійнага плюралізму ў першай палове XVII стагоддзя тлумачылася цеснай сувяззю паміж канфесійнай свядомасцю і ідэаламі навачаснай дэмакратыі. Праявы гэтай свядомасці ў розных сферах публічнага жыцця сведчылі пра набожнасць чалавека і ўплывалі на яго рэпутацыю. Гісторык, ксёндз і грамадскі дзеяч Станіслаў Аржэхоўскі (Orzechowski) у сярэдзіне XVI стагоддзя сцвярджаў, што шляхецкія вольнасці паходзяць ад касцёла і з’яўляюцца прамым вынікам дзейнасці духавенства, таму тыя, хто вырасць адступіць ад каталіцкай веры, павінны клапаціцца пра сваю свабоду [4, с. 35]. Рэлігійныя падмуркі дзяржаўнасці Рэчы Паспалітай у Новы час выклікаюць цікавасць у навукоўцаў. Сучасная беларус-

кая даследчыца Н. Поляк выказала думку пра непадзельнасць залатых вольнасцей і каталіцкай веры ў парламенцка-анархічным ўкладзе краіны [5, с. 26].

Са свайго боку, вярхоўная ўлада стварала і ахоўвала ўмовы выканання грамадскага абавязку, часткай якога была канфесійная дысцыпліна. Паводле тэорыі канфесіяналізацыі нямецкага гісторыка Х. Шылінга, узмацненне дзяржавы ў ранні Новы час, фарміраванне свецкіх кіруючых сіл і легітымізацыя іх улады паступова адсоўвалі царкву на другі план [6, с. 214]. Гэты пастулат дастасавальны да гісторыі ВКЛ і Рэчы Паспалітай XVII стагоддзя з улікам асабліва важнай ролі закона і свецкага права. Узмацненне індывідуалізму ў рэлігійных пытаннях спалучалася з абаронай свабод і вольнасцей, замацаваных соймавымі канстытуцыямі. Міжканфесійныя стасункі сістэмна рэгуляваліся інструментамі свецкага права.

Складанасць сімбіёзу дзяржавы і царквы на землях ВКЛ праявілася ва ўвядзенні суду Трыбуналу *compositi iudicii* (які меў змешаны склад – свецкія дэпутаты і рымска-каталіцкія прадстаўнікі) для вырашэння спрэчных спраў з удзелам вернікаў грэцкай рэлігіі [7, s. 225]. Дзякуючы такому складу суддзяў рашэнні не на карысць каталіцкага кліру былі асуджаныя на правах. Існаванне *compositi iudicii* ускладняла адносіны паміж абывацелямі, дзяржавай і царквой. Адбывалася гэта не толькі ў супрацьстаянні праваслаўных і пратэстанцкіх сіл з уладай і каталіцка-уніяцкай супольнасцю. Трансфармацыя падпарадкавання аўтарытэту царквы ў падпарадкаванне закону выклікала пратэстныя настроі сярод “шляхецкага людзю” незалежна ад канфесійных прыхільнасцей.

Спрэчкі вакол дзесяціны. Суадносіны ідэалаў шляхецкай дэмакратыі ў ВКЛ у Новы час з узроўнем падпарадкавання чалавека царкоўнай уладзе ілюструюць судовыя справы першай паловы XVII стагоддзя аб спагнанні дзесяціны з прыватных маёнткаў каталіцкай шляхты на карысць касцёлаў.

Калі ўпершыню ўспыхнуў канфлікт паміж ксяндзом гедройцкага касцёла Св. Барталамея Сымонам Шаўклеўскім (Szymon Szawklewski) і ўладальнікамі маёнтка Дубаўшчызна (Dubowszczyzna, старая назва Szostakowo) панам Юзафам Пяткевічам і яго жонкай Ганнай дакладна невядома. У студзені 1614 года скарга каталіцкага святара на гэту шляхецкую сям’ю трапіла на разгляд віленскага земскага суда. Абодва бакі даручылі абарону сваіх інтарэсаў спецыяльным упаўнаважаным, таму перад суддзёй Жыгімонтам Гедройцам разгарнулася напружанае супрацьстаянне юрыдычна падрыхтаваных людзей.

Зацягасць і прынцыповасць канфлікту паміж плябанам Шаўклеўскім і панам Пяткевічам мелі свае прычыны. На працягу многіх дзесяцігоддзяў гедройцкай парафіі аказвалася падтрымка з боку ўладароў вакольных мясцовасцей. Яшчэ ў пачатку XVI стагоддзя гедройцкі князі запісалі касцёлу Св. Барталамея даход з трох корчмаў, забараніўшы іншыя піцейныя месцы на адлегласці дзвюх міль ад храма. Кожны чацвер і на вялікія святы людзі з’язджаліся з усёй акругі да тых корчмаў і на торг. Мясцоваму плябану выплачваўся падатак з продажу мёда, піва і быдла. Прывілеі часоў Жыгімонта I замацоўвалі прэферэнцыі гедройцкага плябана на вечныя часы, пасля чаго нават “*samy Hospodar*” гэтага статусу не мог па-рушыць [8, арк. 2 адв.].

На працягу больш трыццаці год гедройцкая парафія не мела пастаяннага святара. За гэты час змяніліся многія ўладальнікі навакольных маёнткаў. Выплаты дзесяціны касцёлу рэгуляваліся старымі прывілеямі сярэдзіны XVI стагоддзя. На іх спасылаўся новы плябан і настойваў, што князі Гедройцы з даўніх часоў запісалі дзесяціну збожжа і мёд з Дубаўшчыzny на парафіяльны касцёл. “Вялікае спусташэнне ў той плябаніі рабілася” таму, што пан Пяткевіч адмаўляўся ад усіх выплат. Прэтэнзіі да ўладальніка Дубаўшчыzny Шаўклеўскі неаднаразова спрабаваў давесці да суда, але яго намаганні прынеслі поспех толькі ў 1614 годзе.

Марцін Жарнеўскі, прадстаўнік шляхціцаў, найперш паставіў пад сумненне магчымасць Шаўклеўскага быць пазоўнікам у справе дзесяціны касцёлу. Ён заявіў, што яго бок “ні ў якое разнагалоссе не ўступае”, пакуль плябан не дакажа, што з’яўляецца шляхціцам. Згодна канстытуцыі 1607 года (а таксама ранейшых 1560 і 1588 гадоў) канонікамі і прэлатамі (прэлат – высокая пасада ў структуры рыма-каталіцкай царквы) не маглі быць “плебеі і простага стану людзі, (а) толькі з бацькі і з маткі народа польскага шляхецкага, *indigenis Regni et Dominiorum*” (лац. “нашчадкі ўладароў і ўласнікаў”) [9, s. 437]. На такі закон спаслаўся Жарнеўскі і падкрэсліў, што ў гедройцкай плябаніі з даўніх часоў “людзі шляхецкага народу былі” [8, арк. 8 адв.]. Пачуццё адзінства, якім былі аб’яднаны Пяткевіч і шматлікія шляхціцы, мацней уплывала на стыль паводзінаў, чым аўтарытэт прадстаўнікоў царквы.

У адказ на дзёрзкую заяву з боку Пяткевіча абаронца плябана спаслаўся на ліст 1603 года “на лаціне”, у якім князі Гедройцы далі згоду на прызначэнне плябанам Шаўклеўскага. Пад дакументам стаялі подпісы не ўсіх прадстаўнікоў знакамітага роду, аднак склад падпісантаў уключаў людзей, вядомых сваёй прыхільнасцю каталіцкай царкве. Мельхіёр Гедройць, жамойцкі біскуп, прыхільнік Контррэфармацыі і апякун літоўскамоўнага пісьменства, яго брат Марцін, вількамірскі падсудак Юры Гедройць, Жыгімонт Гедройць, віленскі падсудак, які ў 1614 годзе ўжо ў якасці суддзі разглядаў справу Шаўклеў-

скага, бацька пана Юзафа Малхер (Malcher, літ. Merkelis) Пяткевіч і іншыя асобы далі сваю згоду на абранне новага плябана.

У гэтым пераліку цікавай з’яўляецца постаць Пяткевіча-старэйшага, віленскага земскага пісара і сакратара Галоўнага літоўскага Трыбунала. У 1598 годзе коштам Малхера ў Вільні быў выдадзены “Polski z Litewskim katechism”. Напісаны на дзвюх мовах, катэхізіс паўтараў многія палажэнні кальвінскага вучэння [10]. Верагодна Катэхізіс 1600 года, складзены для абывацеляў ВКЛ, быў выдадзены пры ўдзеле гэтага ж чалавека [11, s. 97].

Рэпутацыя яшчэ аднаго прадстаўніка Пяткевічаў (гербу Romian) – жмудскага біскупа Юрыя (Jerzy III, памёр у 1574 г.) – звязвалася з рэфармацыйным рухам. Па некаторых звестках, Юры Пяткевіч разам з паствай (“jego szczupie”) і шматлікімі шляхетнымі людзьмі “ад веры прававернай адлучыўся”, а “тых часоў зараза (г. зн. Рэфармацыя – М. П.) беды ў касцёле Божым стварыла” [12, s. 297]. Таму яго спадкаемца на біскупстве, Мельхіёр Гедройц, застаў у паслушэнстве толькі сем каталіцкіх князёў.

На пратэстны настрой уладара Дубаўшчыны і на яго імкненне супрацьстаяць аўтарытэту царквы маглі ўплываць рэфармацыйныя схільнасці продкаў.

Невысакароднае паходжанне плябана выклікала раздражненне Юзафа Пяткевіча, які настойваў, што шляхціц не мог быць парафіяльным святаром. У канстытуцыях гаварылася пра вышэйшыя пасады рымска-каталіцкай царквы – канонікаў і прэлатаў. Прадстаўнік Пяткевіча настойваў, што плябан лічыўся старэйшым сярод падначаленых яму алтарыстаў і вікарыяў, а значыць, з’яўляўся прэлатам.

Правамоцнасць Шаўклеўскага падмацоўваў ліст віленскага біскупа Бенедыкта Войны 1604 года. У ім іерарх пацвярджаў легітымнасць новага гедройцкага святара, а значыць, права адстойваць інтарэсы парафіі ў судзе. Плябан заклікаў больш не чыніць перашкоды ў вырашэнні справы і адзначыў, што калі “пан Пяткевіч да ксяндза плябана мае (пытанне), няхай яго да суда належнага, гэта значыць да Яго міласці ксяндза біскупа віленскага адрасуе”. Пяткевіч з такой аргументацыяй прымірыцца не жадаў і падкрэсліў намер захоўваць “вольны голас” у сваёй абароне, “да чаго права дарогу пакажа”. Такімі словамі шляхціц падкрэсліў разуменне “права” вышэйшым за традыцыю ці аўтарытэт царкоўнай улады.

Адрозныя адносіны да “права канстытуцый” і да “права па звычаю” стала асновай супрацьстаяння шляхціцаў з царквой. Пяткевіч настойваў, што яго справу павінен разглядаць каралеўскі суд падчас наступнага сойму. Паводле канстытуцыі 1607 года, дзесяціны з шляхецкіх маёмасцей, якія існавалі “паводле звычаю” і не былі вызначаны фундушамі ці судовымі дэкрэтамі, загадвалася адкладаць “do kompromisy blisko przyszyły” [9, s. 436].

Плябан Шаўклеўскі меў вопыт супрацьстаяння з непакорнымі шляхціцамі, што было засведчана ў трох дэкрэтах “кола духоўнага” Галоўнага Трыбунала. Яны вызначалі дзесяціну на карысць плябаніі з прыватных маёнткаў і былі зацверджаны падпісам канцлера Льва Сапегі. У чарговы раз пазіцыя каталіцкага святара абапіралася на аўтарытэт свецкай улады. Сярод тых, хто ўступіў у спрэчку з гедройцкім плябанам, быў Барталамей Крыжаноўскі. Трыбунал “кола духоўнага” (які напалову складаўся з прадстаўнікоў царквы) вырашыў спрэчку з ім на карысць гедройцкай плябаніі, і гэта рашэнне зацвердзіў асэсарскі каралеўскі суд (прыдворны каралеўскі суд, які меў свецкі склад). У выніку шляхціц быў вымушаны прадаць свой маёнтак Войтэху Быхаўцу, з якім Шаўклеўскі знайшоў паразуменне.

На думку Пяткевіча, папярэднія шляхціцы саступілі Шаўклеўскаму з-за “нядбанна і праўнай неабароны”. У адрозненне ад іх, пан Юзаф падрыхтаваўся адстойваць свае інтарэсы, але “w zadnoy rzeczy nichto nizakoho terpeti u tezara ponositi ne maiet, tolko kozdy sam za siebie” [8, арк. 12 адв.].

Спрэчка вакол “застарэлай” дзесяціны прывяла да непаразумення сярод земскіх суддзяў. Жыгімонт Гедройц аддаў перавагу праву канстытуцый, па якіх жылі “не две і не тры асобы, а ўся Рэч Паспалітая”, таму падобныя справы загадаў накіроўваць да “кола вялікага свецкага (г)енеральнага”, гэта значыць да соймавага суда [8, арк. 13]. Падсудак жа настойваў, каб канфлікты паміж царквой і свецкімі ўласнікамі разглядалі “одно osoby Duchownye spolne z Sweckimi”. Такі парадак быў прапісаны ў Статуце ВКЛ 1588 года (Арт. 32, раздзел III), па якому канфлікты свецкіх асоб з людзьмі духоўнага стану вырашаліся шасцю трыбунальскімі суддзямі, тры з якіх прадстаўлялі духавенства [13]. У выніку справа накіроўвалася на разгляд Галоўнага Трыбунала [8, арк. 13].

Супраціўленне Пяткевіча і яго грэбаванне аўтарытэтам царкоўнай улады ўяўляецца тыповым для шляхецкага асяродку ВКЛ пачатку Новага часу. Эвалюцыя права і ўзмацненне ролі дзяржаўных інстытутаў у рэгуляванні грамадскіх узаемаадносін і рэлігійных пытанняў уплывалі на фарміраванне секулярызаванага светапогляду асобы. Для прывілеяваных груп адстойванне маёмасных праў ці канфесійных інтарэсаў цесна перапляталася з абаронай свабод шляхецкага люду. Традыцыя ўшанавання царквы і яе аўтарытэт у пачатку Новага часу саступілі месца прымату свецкага права і закону. Таму актыўныя спробы Пяткевіча не дапусціць духоўных асоб да разгляду спрэчкі з гедройцкім плябанам сведчылі пра асаблівы

грамадскі рэзананс, які быў выкліканы ўключэннем прадстаўнікоў царквы (той яе часткі, дзейнасць якой адпавядала цэнтралізатарскім памкненням вярхоўнай улады) у свецкія структуры ранненавачаснай дзяржавы. Супраціўленне гэтым тэндэнцыям праяўлялася ў абароне рэлігійных свабод і падтрымцы магутнымі шляхецкімі родамі разнаверцаў (праваслаўных і пратэстантаў).

Праз Трыбунал *compositi iudicii* абумоўлены традыцыяй абавязак паступова замацоўваўся ў праве. Не толькі шляхта, але і магнаты гублялі магчымасць ігнараваць інтарэсы царквы. У 40-я гады XVII стагоддзя прадстаўнікі знакамітага роду Радзівілаў былі вымушаны шукаць кампрамісу з плябанам крошынскага касцёла (у мястэчку Крошын, цяпер вёска ў Баранавіцкім раёне) Паўлам Грабоўскім [14, арк. 1]. Спрэчку накіраваў перад царквой распачаў Жыгімонт Кароль Радзівіл, кавалер Мальтыйскага ордэна. Канфлікт абвастраўся жаданнем магната абмежаваць у сваіх уладаннях лоўлю рыбы людзьмі плябана. Як і ў Дубаўшчызне, у Крошыне існавала карчма, даход з якой належаў мясцоваму касцёлу. Радзівіл жа дамагаўся пабудовы ўласных шынкоў.

У хуткім часе (пасля смерці Жыгімонта ў 1642 г.) уладальнікам Крошына стаў брат мальтыйскага рыцара, вялікі маршалак ВКЛ Аляксандр Людвіг. У 1646 годзе за нежаданне выплаціць дзесяціну суд змешанага складу пакараў магната вялікім штрафам. Аднак Радзівіл дамогся кампрамісу з касцёльнымі ўладамі. На маёнтак Крошын ён пералічыў 5 тыс. злотых, пасля чаго з гэтай сумы на карысць плябаніі штогод выплачвалася 400 злотых. Віленскі біскуп Аўрам Война (Abraham Woyna) пагадзіўся вызваліць радзівілаўскі маёнтак ад дзесяціны. Больш рашучай была пазіцыя Радзівіла ў адносінах іншых прывілеяў касцёла. Лоўлю рыбы ўладар Крошына дазволіў “толькі ў межах плябанскіх і берагах, якія не выходзяць за гэтыя межы”. Таксама Аляксандр Людвіг пацвярджаў сваё права пабудаваць уласныя пітныя ўстановы. Крошынскім жыхарам і прышлым людзям дазвалялася “вольнае ўжыванне напой” як у плябанскай, так і ў радзівілаўскіх корчмах [14, арк. 1].

Каб уздзеінічаць на шляхту, каталіцкія іерархі звярталіся за дапамогай да дзяржаўных дзеячаў. У гэтым праяўляўся сімбіёз свецкай улады і царквы ў фарміраванні “грамадства падданных” на землях ВКЛ.

У 1647 годзе Януш Радзівіл, які займаў пасаду цівуна ў Рэтаве (літ. *Retavas*), атрымаў скаргу жамойцкага біскупа (верагодна, Юрыя Тышкевіча) на мясцовую шляхту. Тая адмаўлялася выконваць неабходныя абавязкі перад касцёлам. У адказ Радзівіл напісаў грозны ліст сваім падудадным, у якім патрабаваў “усё аддаць, што касцёлу рэтаўскаму належыць, і не інакш” [15].

Заклучэнне. Для каталіцкай шляхты Вялікага Княства Літоўскага адстойванне асабістых інтарэсаў у спрэчках з царквой уяўлялася не менш важным, чым для прадстаўнікоў праваслаўнага і пратэстанцкага асяроддзя. У адрозненне ад апошніх, канфлікты каталікоў з уладамі грунтаваліся на эканамічным эгаізме, а не на канфесійных супярэчнасцях. Рэгуляванне ўзаемаадносін паміж царкоўнымі інстытутамі і грамадствам праз свецкія прававыя механізмы ўплывала на аўтарытэт царквы сярод жыхароў ВКЛ Новага часу. Існаванне “права па звычаю”, якое рэгулявала традыцыйны абавязак перад духавенствам на аснове “састарэлых” ці непісаных прывілеяў, было асновай канфліктаў паміж шляхтай і святарамі. Суд *compositi iudicii* уплываў на ўзаемаадносіны прадстаўнікоў розных хрысціянскіх канфесій. У выніку спалучэння свецкіх і царкоўных інструментаў падпарадкавання грамадства канфесійны абавязак у ВКЛ у першай палове XVII стагоддзя становіцца нормай грамадзянскай дысцыпліны. Падтрымка дзяржавай каталіцкага духавенства значна абмяжоўвала магчымасці шляхты ігнараваць інтарэсы царквы.

ЛІТАРАТУРА

1. Ивин, А. Философия истории: учеб. пособие / А. Ивин. – М.: Гардарики, 2000. – 528 с.
2. Пичета, В. Белоруссия и Литва XV – XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В. Пичета. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 814 с.
3. Яковенко, Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. / Н. Яковенко. – Київ: Критика, 2002. – 416 с.
4. Baczewski, S. Szlachectwo. Studium z dziejów idei w piśmiennictwie polskim: druga połowa XVI wieku – XVII wiek / S. Baczewski. – Lublin: UMCS, 2009. – 280 s.
5. Поляк, Н. Дысідэнт-пратэстанты беларускіх зямель у знешнепалітычных стасунках Прусіі і Рэчы Паспалітай (канец XVI – пачатак XVII ст.) / Н. Поляк // Весці БДПУ імя М. Танка. – Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2005. – № 1(43). – С. 25–29.
6. Schilling, H. Konfessionalisierung. Kościół i państwo w Europie doby przednowoczesnej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – 640 s.
7. Kempa, T. Wobec Kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2007. – 624 s.

8. Lietuvos valstybes istorijos archyvas. F. 694. – Ap. 1. – B. 3279. Материалы имущественно-судебного характера по Гедройцкому костёлу. 1528–1779 гг.
9. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw. T. II. – Petersburg: Nakładem i drukiem Józafata Ohryzki, 1859. – 482 s.
10. Pociūte-Abukevičienė, D. Kateizmas / D. Pociūte-Abukevičienė [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lle.lt/search3.htm>. – Дата доступа: 20.05.2011.
11. Kuźmina, D. Katechizmy w Rzeczypospolitej XVI i początku XVII wieku / D. Kuźmina. – Warszawa: Nauka – Dydaktyka – Praktyka, 2002. – 168 s.
12. Niesiecki, K. Herbarz Polski. T. I. / K. Niesiecki. – Lipsk: Nakładem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1839–1846. – 582 s.
13. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grodno.by/grodno/history/statut_vkl_1588. – Дата доступа: 18.01.2011.
14. Lietuvos mokslo akademijos biblioteka (LMAB). Rankraščių skyrius. F. – 127. – 951. Письмо Александра Людвига Радивилла. 1646.
15. Lietuvos mokslo akademijos biblioteka (LMAB). Rankraščių skyrius. F. – 12. – 709. Письмо Я. Радивила. 1647.

Пастуныў 18.04.2013

ANTICLERICAL SENTIMENT OF THE ARISTOCRACY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 1ST PART OF THE 17TH CENTURY

M. PETRAUSKAS

On the example of property conflicts explores the attitude of the Catholic gentry to the authority of the church in the first half of the XVII century. The litigation between landowners and clergymen illustrates the process of legitimizing the ecclesiastical authority in the legal system of the GDL of the Modern times. There are the examples of confrontation and compromise between the nobility and the official church. Strengthening the position of the clergy in the governance structures caused protest of the privileged strata of society. The influence of the Reformation, the economic self-interest, the role of the civil law in all spheres of life, the ideology of szlachta democracy are named as the sources of authority desacralization of the church. These examples suggest the ideas of the secularism in the attitude of XVII century inhabitants to the confessional duty. The support of the church by the supreme power gradually limited the opportunities of the gentry and magnates to ignore the interests of the clergy.

УДК 94(476.5)

СВЯТОЧНАЯ КУЛЬТУРА ПОЛАЦКА ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТАКУ XX СТАГОДДЗЯ

С.Л. РАМАНАЎ

(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)

Разглядаецца праблематыка святочнай культуры Полацка ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя. Вызначаецца месца і роля горада ў ідэалагічным пераацэньванні беларускіх губерняў Расійскай імперыі пасля паўстання 1863–1864 гадоў пасродкам культывавання новых святочных традыцый. Вывучаецца структура, выгляды і формы гарадскіх свят, іх вартасныя арыентацыі. Вылучаюцца тыя святы, якія для Полацка мелі адмысловае значэнне. Вызначаюцца і аналізуюцца розныя падставы святочнасці, падабенствы і адрозненні паміж святочнымі групамі, этнарэлігійная, палітычная і культурная спецыфіка такіх свят. У высновах прыводзяцца ключавыя ідэі даследавання, вызначаюцца вядучыя тэндэнцыі і характэрныя асаблівасці святочнай культуры Полацка ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя.

Гарадская святочная культура даволі рэдка абіраецца беларускімі даследчыкамі ў якасці самастойнага прадмета даследаванняў. Шмат часцей у даследаваннях культуры разглядаюцца “традыцыйныя” яе элементы: літаратура, музыка, тэатр, жывапіс і інш. Разам з тым святочная культура як з’ява ўжо некалькі дзесяцігоддзяў прыцягвае навуковыя інтарэсы нашых усходніх [1–4] і заходніх [5] суседзяў. У айчынай гістарыяграфіі асобныя аспекты святочнай культуры гарадскіх паселішчаў Беларусі разглядаліся А.Р. Яшчанка [6], І.В. Соркінай [7; 8], Т. Вароніч [9]. У шырокім сэнсе гарадская святочная культура ўяўляе сабой частку духоўнай культуры гарадской супольнасці і ўключае сукупнасць усіх відаў і формаў свят і святочных традыцый, абрадаў і рытуалаў, цырымоній і звычаяў, атрыбутаў і знакаў [10, с. 3–4]. Для жыхароў імперыі ўвесь спіс дзён, якія з нагоды свят былі рэгламентаваны вольнымі ад працы, у календары звычайна пазначаўся як “табельные дни” або “неприсутственные дни”, “неприсутствия”. Такое азначэнне святочных дзён мела пад сабою іх вызначальную характарыстыку: у гэтыя дні ад працы вызваліліся ўсе “присутственные места”. Акрамя табельных дзён, якія мелі свае акрэсленыя месцы ў святочным календары, у другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя асаблівую папулярнасць набывае святкаванне памятных дат гістарычных падзей, ваенных перамог і іншых юбілейных неперыядычных свят. У згаданы перыяд **паўночна-заходнія** губерні святкавалі наступныя юбілеі: 1862 год – 1000-годдзе Расійскай дзяржавы; 1872 – 200-годдзе з дня народзінаў Пятра I; 1877 – 100-годдзе з дня народзінаў Аляксандра I; 1885 – 1000-гадовы юбілей з дня смерці Св. Мяфодзія; 1888 – 900-годдзе хрышчэння Русі; 1892 – 500-годдзе з дня смерці Св. Сергія Раданежскага; 1896 – 100-годдзе з дня народзінаў Мікалая I; 1896 – 100-годдзе з дня смерці Кацярыны II; 1899 – 100-годдзе з дня нараджэння А.С. Пушкіна; 1900 – 100-годдзе з дня смерці А. Суворова; 1912 – 100-годдзе вайны 1812 года; 1913 – 300-годдзе праўлення дынастыі Раманавых і інш. [8, с. 296].

Аднак у шэрагу гарадоў беларускіх губерняў Полацк меў сваю спецыфіку, якая атрымала адпаведную інтэрпрэтацыю і праз святочную культуру, што было выразна акрэслена пасля падзей 1863–1864 гадоў. Як адзначаў сучаснік, “...Полоцк – древний город, издавна служивший оплотом православия в Северо-Западном крае и тем самым могущий положить в души молодых его питомцев любовь к вере отцов и дедов и желание продолжать их просветительные задачи. Кроме того, с Полоцком связаны и дорогие для каждого русского исторические воспоминания, которые должны были содействовать надлежащему воспитанию ... молодежи. Полоцк славился своею древностью, как основанный в незапамятные времена; историческим значением, как стольный град Изяславичей и Гедиминовичей; торговлею, как член Ганзейского союза; силою, как главная крепость Литвы; святынями, как заключающий в себе древний Софийский храм и Спасо-Евфросиниевскую обитель” [11, с. 7].

Некалі магутны і ўплывовы, Полацк уяўляў сабою сур’ёзную пагрозу для суседзяў: ён неаднаразова станаўўся найбольш значнай крэпасцю ў шэрагу разбуральных войн другой паловы XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя, быў месцам ваеннага супрацьстаяння Івана IV і Стэфана Баторыя – сімвалаў сваёй эпохі. Што праўда, у часы Расійскай імперыі ў заходніх губернях святкаванне любых падзей, звязаных з Рэччу Паспалітай і асобамі з яе гісторыі, было непапулярным і на афіцыйным узроўні не дазвалялася. Матывавалася гэта між іншым і тым, што гэтыя святы нібыта страцілі сваё значэнне. У той жа час 8 верасня 1881 года Пскоў гучна святкаваў 300-гадовы юбілей зняцця аблогі ад войск караля Стэфана Баторыя (7–8 верасня 1581 г.). Адзін са сведкаў гэтых падзей адзначаў: “Нельзя не отнестись с величайшим сочувствием к этому историческому празднику псковцев, и не указать на него, как на достойный подражания пример. Мы, говоря вообще, как-то мало знаем и ценим свою историю. Подобные исторические торжества могут служить общедоступным средством распространения исторических сведений, возбуждения патриотического чувства любви к родной старине и её деятелям...” [12, с. 342].

З сярэдзіны XIX стагоддзя ўплыў афіцыйнай святочнай культуры становіцца больш адчувальным, што было звязана з выпрацоўкай дакладнай ідэалагічнай пазіцыі адносна заходніх губерняў. Адным з найбольш знакавых святочных мерапрыемстваў Полацка было адкрыццё 26 жніўня 1850 года помніка ў

памяць вайны 1812 года. Але фактычна гэты помнік павінен быў падкрэсліваць адразу некалькі падзей: перамогу князя Пажарскага над палякамі пад Масквой у 1612 годзе, Барадзінскі бой 1812 года, узяцце Варшавы рускімі войскамі ў 1831 годзе, а таксама баі за Полацк 5–6 жніўня і ўзяцце горада штурмам 7 кастрычніка 1812 года [11, с. 185–187]. Адкрыццё адбывалася ў прысутнасці будучага імператара Аляксандра II, які пасля сустрэчы і службы, праведзенай архіепіскапам В. Лужынскім у царкве мясцовага кадэцкага корпуса, прыняў удзел у святочных мерапрыемствах: крыжовым ходзе і арганізацыі ўрачыстага цэрыманіяльнага маршу полацкіх кадэтаў, якім і было завершана адкрыццё помніка.

Не меней урачыста была адсвяткаваная ў корпусе і праведзеная 26 жніўня 1856 года каранацыя Аляксандра II. Кадэты пад кіраўніцтвам паручніка Захарчанкі наладзілі бліскучую ілюмінацыю, і вензелі цара і царыцы гарэлі рознакаляровымі агнямі. Народ доўга тоўпіўся па пляцы корпуса. У гэты ж дзень дырэктар корпуса атрымаў чын генерала [11, с. 207–208]. У дзень каранацыі Мікалая II, 14 мая 1896 года, кадэтамі таксама было арганізавана ўрачыстае мерапрыемства, якое скончылася балем для адной з кадэцкіх рот [11, с. 305].

Аднымі з самых распаўсюджаных свят былі святы карпаратыўныя. У найвялікшай карпарацыі ва ўсёй Расійскай імперыі, якой з’яўлялася армія, у звычайнага афіцэра колькасць адных толькі карпаратыўных святочных дзён складала норму 10–12 свят у год [13, с. 46]. Такая сітуацыя вынікала з таго, што прафесійны склад і карпаратыўная культура імперскай арміі вызначалася каставасцю і надзвычай складанай структурай: існавалі палкавыя святы, а калі ў палку была свая паходная (або сталая гарнізонная) царква, то і прэстоўныя святы, адзначаліся святы відаў і радоў войскаў: пяхоты (інфантэрыі), кавалерыі, артылерыі, флоту і інш. Акрамя таго, кожная структурная адзінка: батальён, рота і іншыя часцей за ўсё мелі ўласныя іконы сваіх патронаў і святкавалі дні іх памяці. У заходніх губернях, як патэнцыяльна небяспечных, у другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя назіралася высокая канцэнтрацыя войскаў. У Полацку, напрыклад, размяшчаліся 15 уланскі татарскі полк, 47 драгунскі і інш. Асаблівацю свят вайсковых навучальных устаноў было тое, што ўсе яны мелі агульнае карпаратыўнае свята – дзень Марыі Магдалены (22 ліпеня) – і разам з тым валодалі сваімі асобнымі святамі. Для Полацкага кадэцкага корпуса такімі святамі былі дні памяці Святога Мікалая. Святы такога парадку адзначаліся не толькі навучэнцамі і служачымі ваенных навучальных устаноў, але і выпускнікамі-афіцэрамі, якія складалі ў дачыненні да *alma mater* своеасаблівую касту. Колькасць такіх “вучэбных” святочных дзён залежала ад вайскавай кар’еры афіцэра: як мінімум гэта былі толькі юнкерскае вучылішча, марскі або пажскі корпус; як максімум – кадэцкі корпус (часам некалькі карпусоў як вынік перамяшчэнняў), вайскавае вучылішча, усемагчымыя афіцэрскія курсы (школы, класы), вайсковая акадэмія і, нарэшце, Мікалаеўская акадэмія генеральнага штаба [13, с. 42]. Адначасова палкі і вайсковыя навучальныя ўстановы часта мелі сваіх “шэфав”, і таму святкавалі і іх дні народжэння або імянін. Шэфам часцей за ўсё з’яўлялася ўплывовая асоба (часам з царскай сям’і), якая ажыццяўляла апеку над палком або ўстановай. Апека магла быць як фармальнай, так і абсалютна рэальнай – усё залежала ад асобы шэфа.

У 1860 годзе кадэцкі корпус сціпла адсвяткаваў свой першы, 25-гадовы юбілей. У лагерах 25 чэрвеня была адслужана паніхіда па імператары Мікалаі I, заснавальніку корпуса, затым быў праведзены кадэцкім батальёнам царкоўны парад. Да кадэцкага стала былі запрошаны таксама служачыя, а ўвечары быў спалены самаробны феерверк. У дзень адкрыцця ў Полацку кадэцкага корпуса і яго 50-гадовага юбілею 25 чэрвеня 1885 года ў паходнай царкве была здзейсненая літургія па імператары Мікалаі I і вялікім князі Міхаіле Паўлавічу, але само святкаванне юбілею для зручнасці было перанесена на 6 снежня таго ж года. Свята адзначалася з асаблівай урачыстасцю і прысутнасці шматлікіх гасцей, будынкі і корпусныя залы былі ўпрыгожаны сцягамі, вянкамі і гірляндамі [11, с. 222, 274–275].

З надзвычайнай урачыстасцю было адзначана корпуснае свята ў 1902 годзе, калі фактычна ў адзін тэрмін адзначаліся тры падзеі: уласна корпуснае свята – дзень памяці Святога Мікалая; імяніны імператара Мікалая II; прыезд у Полацк вялікага князя Канстанціна. Часткай свята сталі літаратурныя чытанні, праведзеныя членамі “Кружка любіцелей художественного чтения и музыки в Петербурге”: Ю.Э. Азароўскім, Д.М. Мусінай, В.І. Пятровым, В.В. Чэхавым. Вечарам у Аляксандраўскай зале праводзіліся танцы, якія пачыналіся вальсам. Памяшканне перад галоўнай залай было падзелена елкамі на дзве часткі. Пярэдня палова ўяўляла сабою гасціную з мяккай мэбляй, засланую і абчэпленую дыванамі, а другая, у якую ішоў масток з бярозавымі поручнямі, была зроблена ў выглядзе напалову асветленага кута, адкуль адкрываўся від на эфектна асветленую здаду транспарантную карціну з выявай заліва і паруснай лодкі ў захадзе сонца. Зала таксама была прыгожа прыбраная, эстрада перад партрэтамі імператара была ўслана дыванамі і застаўлена дэкаратыўнымі раслінамі і мэбляй. З пярэдняга боку яна была ўпрыгожана чатырма вялікімі, зробленымі пад мрамур калонамі, на сярэдніх з іх стаялі пальмы, а на іншых – велізарныя гіпсавыя бюсты Зеўса і Геркулеса. Направа ад эстрады вісеў на сцяне ўпрыгожаны ружамі вялікі партрэт вялікага князя Канстанціна Канстанцінавіча – начальніка ўсіх вайсковых навучальных устаноў Расійскай імперыі. На процілеглым канцы залы з гімнастычнага абсталявання была зробленая вялікіх памераў хата, пакрытая снегам і застаўленая спераду елкамі, на галінах якіх ляжалі снежныя шматкі. Задняя сцяна ўяўляла сабою неба, усеянае зоркамі. Усярэдзіне хаты размяшчаліся музыкі. Злева на трыножніку стаяў вялікі мальбэрт, на якім збоку быў напісаны расклад танцаў, а ў сярэдзіне намаляваны зімовы краявід. Танцы ішлі надзвычай ажыўлена, і вечар скончыўся ў 3 гадзіны 20 хвілін ночы [11, с. 320].

З 1872 года ў Полацку існавала настаўніцкая семінарыя, вучні якой прымалі ўдзел ва ўшанаванні памяці расійскіх пісьменнікаў: адзначалі юбілей Пушкіна, Гогаля, Жукоўскага, Тургенева і інш. У 1912 годзе з нагоды юбілею вайны 1812 года семінарыі было прысвоена імя Я.П. Кульнева – генерала, які загінуў у баі пры Клясціцах [14; 15, с. 25].

Адначасова відавочна, што Полацк меў асаблівае значэнне і ў якасці рэлігійнага цэнтра. У прыватнасці, 12 лютага 1839 года менавіта ў Полацку адбыўся сабор з мэтай ліквідацыі Брэсцкай царкоўнай уніі. Гэтая падзея, у сваю чаргу, паклала пачатак новай святочнай традыцыі: у 1864 годзе святкаваўся яе першы, 25-гадовы юбілей. Асабліва шырока ў 1889 годзе ў гарадах Беларусі адзначаўся 50-гадовы юбілей “далучэння ўніятаў”. Шмат у якіх населеных пунктах: Брэсце [16, с. 288], Гродна [16, с. 260], Каменцы [16, с. 275] сучаснікі заўважалі адну асаблівасць – свята ліквідацыі ўніі, якое праводзілася 8 чэрвеня, супадала са святкаваннем каталікамі свята “Божага цела”; тая ж сітуацыя занатоўвалася і ў іншых мясцовасцях Расійскай імперыі (Стара-Канстанцінаў, Камянец-Падольскі). Для XIX стагоддзя гэта была праблема масавасці свята: у Гродна, напрыклад, адзначалася што ў параўнанні з папярэднімі Уладзімірскім (1885 г.) і Кірыла-Мяфодзіўскім (1888 г.) юбілямі гэта свята было больш маштабным якраз з нагоды таго, што ў гэты ж дзень у горадзе знаходзілася шмат народу з навакольных вёсак, якія былі тут “по случаю” святкавання каталіцкага свята “Божага цела” [16, с. 260]. Аднак тэхналогія “шчаслівых выпадковасцяў” рыхтавалася ў Полацку. Яе аўтарам быў полацкі архіепіскап В. Лужынскі, які разам з мітрапалітам Сямашкай прымаў актыўны ўдзел у падзеях 1839 года. У сваім дзённіку за 1840 год Лужынскі занатаваў наступнае: “Празднование повсюду унитскою церковью вместе с римскою праздника в 9-й четверг после Пасхи Тела Господня меня более всего беспокоило. Мне становилось крайне необходимым уничтожить в воссоединенных церквах сей латинский праздник. Но как приступить к тому, как решиться на это, когда столетия укрепили в народе особенное сердечное расположение к нему с живую верою в пречистое Тело Христово, которого и приобщались после исповеди в этот праздник все немолодых лет люди? Сообразив все обстоятельства, просил я Бога, чтобы Он умудрил меня, как разрешить мне эту трудную задачу. И вот, мне и пришла прекрасная мысль, чтобы в вышеозначенный день был установлен самим правительством праздник в память многознаменательного события воссоединения греко-униатской церкви с православною для торжественного в оный день празднования с крестным после литургии хождением на реку для водоосвящения, а потом и вокруг церкви, где это последнее удобноисполнимо...” [17, с. 195–196]. Святочныя мерапрыемствы 1889 года прайшлі і ў Полацку, дзе асноўныя падзеі разгарнуліся ў тым самым Сафійскім саборы, дзе мела месца паседжанне 1839 года [16, с. 295–299; 18, с. 308].

Яшчэ адным, не менш значным царкоўным святам Полацка, было вяртанне ў горад астанкаў св. Ефрасінні Полацкай. Напрацягу XIX стагоддзя вышэйшыя царкоўныя іерархі 6 разоў звярталіся ў Свяцейшы Сінод з прапановай перанесці мошчы Ефрасінні з Кіева ў Полацк: гэта падзея павінна была мець адпаведны ідэалагічны падтэкст. Частка мошчаў паводле ініцыятывы полацкага епіскапа Савы і з дазволу Сіноду ў 1870 годзе з Кіева была перавезена ў Полацк – у Спаса-Ефрасіннеўскі манастыр, дзе застаўлена ў збудаваным яшчэ Ефрасінняй храме Хрыста Збавіцеля [19, с. 12; 20, с. 81–82]. Штогод у дзень памяці святой, 23 мая, адпаведным крыжовым ходам святкавалася таксама і перанясенне Крыжа Ефрасінні Полацкай, што ўпершыню мела месца ў 1841 годзе [21, с. 18].

Сам акт перанясення мошчаў Ефрасінні ў Полацк не быў з’явай выпадковай. Перад тым як атрымаць канчатковы дазвол кіеўскага мітрапаліта і Сінода на перанос астанкаў святой, полацкія іерархі займелі падтрымку місіянерскага з’езда ў Кіеве ў 1908 годзе, “признавшего в качестве одной из весьма важных и необходимых мер борьбы с католичеством в северо-западном крае перенесение мощей преподобной Ефросинии из Киева в Полоцк...” [20, с. 61]. Дадзенае рашэнне зацвярджалася асабіста Мікалаем II [21, с. 12]. Перанясенне адбылося вясной 1910 года. Пачаткова белы параход, упрыгожаны зелянінай і кветкамі, вёз раку з мошчамі святой па Дняпры. Яшчэ тры параходы суправаджалі святыню. Плаванне па Дняпры працягвалася 12 дзён з прыпынкамі ў Любечы, Рэчыцы, Рагачове, Быхаве, Магілёве і Оршы. Ва ўсіх месцах прыпынку флатыліі здзяйсняліся ўрачыстыя набажэнствы, на носе парахода была збудаваная малельня з люстранымі вокнамі. З Оршы святыню з крыжовым ходам панеслі ў Віцебск, а пасля ў Полацк. З гэтай нагоды ў горадзе сабралася вялізарная колькасць народу. Сярод удзельнікаў урачыстасці 1910 года былі вялікі князь Канстанцін Канстанцінавіч Раманаў, каралева Грэцыі Вольга, сыны вялікага князя Канстанціна Канстанцінавіча князі Алэг і Ігар Раманавы, вялікая княгіня Лізавета Фёдарэўна, архіепіскап Мітрафан (Краснапольскі), протаіерэй Мікалай Акаловіч, протаіерэй Міхаіл Мітроцкі і інш. Само ж святкаванне пасля было даволі падрабязна апісана ў адпаведнай літаратуры.

Святочныя мерапрыемствы часам набывалі палітычную афарбоўку: у 1865 годзе чатырох кадэтаў выдалілі за спяванне “польского революционного гимна” [11, с. 241]. З нагоды русска-японскай вайны 1904–1905 гадоў у Полацку мелі месца патрыятычныя маніфэстацыі. 19 лютага 1904 года каля гадзіны дня калона вучняў гарадскога вучылішча, чалавек у 30–40, несучы наперадзе партрэт імператара, са спевамі гімна паказалася з-за вугла Пакроўскай вуліцы і накіравалася да плошчы. Моцны энтузіязм ахапіў натоўп, калі на балкон вучылішча быў вынесены партрэт імператара і пачуліся гукі гімна. Нягледзячы на такія патрыятычны ўздым, чыноўніцтва моцна адчувала яго штучны характар, таму імкнулася выкарыстоўваць яго ў мэтах умацавання палітычнай стабільнасці: палкоўнік Паўтарацкі, які выйшаў на балкон, у сваёй прамове да натоўпу выказаў думку адносна таго, што ў такі значны для Расіі момант усе павінны

злучыцца ў адзінае цэлае і забыць свае нацыянальныя супярэчнасці. “Сегодня в манифестации участвовали русские, поляки и евреи. Сохраняя каждый свою национальность, верь, во что хочешь, но будь верным слугою Царю и Отечеству” [11, с. 331–333]. Наогул, у час рэвалюцыі 1905–1907 гадоў грамадства Полацка моцна палярызавалася, што дазволіла выявіць межы афіцыйнай і неафіцыйнай святочнай культуры. Калі ў выніку выдання маніфеста 17 кастрычніка 1905 года па краіне прайшлі масавыя беспарадкі, Полацк, значную частку насельніцтва якога складалі рабочыя-яўрэі, таксама прыняў у гэтым удзел. У гэтыя дні пэўныя катэгорыі насельніцтва не выходзілі на вуліцы з-за дэманстрацый, якія праходзілі на галоўных вуліцах і плошчы, у адрас настаўніцкай семінарыі і кадэцкага корпуса ляцелі пагрозы, а саміх навучэнцаў маніфестанты называлі “опричникаи”. У адзін са святочных дзён у Полацку сабралася яго “русское” насельніцтва, якое арганізавала сваю дэманстрацыю ў падтрымку ўлады. Калі дэманстрацыя з партрэтаў імператара і аркестрам прайшла па плошчы і рушыла па галоўных вуліцах, па ёй пачалася стрэльба і маніфестацыя скончылася трагічна. Пасля гэтага чырвоныя сцягі і рэвалюцыйныя песні зніклі, і жыццё горада нармалізавалася [11, с. 352].

Значнай праблемай святочнай культуры заходніх губерняў Расійскай імперыі было сумяшчэнне эканамічных і рэлігійных свят. Так, у 1881 годзе Віктарыян, епіскап Полацкі і Віцебскі пісаў да віцебскага губернатара ліст з прашэннем аб адмене таргоў у нядзельныя і святочныя дні [22, с. 409–410]. Адносна эканамічнай асновы свята гістарычная традыцыя беларускіх гарадоў мела глыбокія карані, якія склаліся яшчэ да ўключэння гэтых земляў у склад Расійскай імперыі. Сутнасць гэтай традыцыі заключалася ў тым, што гістарычна ўсе кірмашы, гандлёвыя аперацыі і кантрактныя дамовы былі прымеркаванымі да свят хрысціянскага календара, дзён памяці святых [23, с. 90–91]. Традыцыя ўзнікла яшчэ ў сярэднявеччы і працягвала сваё існаванне ў часы Рэчы Паспалітай: у гарадах (асабліва маючых магдэбургскія прывілеі) кірмашы і фестывалы прызначаліся штогадова ў тыя самыя дні. Такая сітуацыя мела вельмі простую і зразумелую прычыну: з-за адсутнасці рэкламных магчымасцей паспяховае функцыянаванне такіх свят магло быць паспяховым і шматлюдным толькі пры іх стабільнасці – калі навакольнае насельніцтва і гандляры аддаленых гарадоў ведалі загодзя, дзе і калі святыя будуць мець месца. Хрысціянскі каляндар выкарыстоўваўся для зручнасці: рэлігійнасць была вызначальнай рысай тагачаснага грамадства, а царква і касцёл – яшчэ і месцамі інфармацыйнай камунікацыі паміж людзьмі. У часы Рэчы Паспалітай гарадскі святочны графік размяркоўваўся наступным чынам: першая палова дня (часам толькі ранак) звычайна прызначалася для наведвання царквы (касцёла), адпраўлення рэлігійных патрэб, тады як у другую палову выходзілі на рынак, наведвалі святочныя мерапрыемствы, гандлявалі на кірмашы.

З развіццём капіталізма фабрычнае заканадаўства хоць і значна зменшыла колькасць святочных дзён, але вымушана было лічыцца з наяўнасцю цэлага шэрага рэлігійных свят. Так, у пачатку XX стагоддзя ў Полацку існавала табачная фабрыка Рыўліна. Паколькі пачаткова ўсе працоўныя былі яўрэямі, напярэдадні іўдзейскіх свят і суботы праца скончвалася ў 16.00 летам і 14.00 зімою. У нядзелю працавалі толькі пасля 14.00 (па заканчэнні службы ў праваслаўнай царкве). У святочныя дні (як іўдзейскія, так і хрысціянскія) фабрыка не працавала (27 дзён у год). Рэчаіснасць свята, вядома, часам выходзіла за каляндарныя рамкі, як гэта было 30 красавіка 1910 года, калі 8 рабочых-хрысціян прасілі ўладальніка фабрыкі аб магчымасці прыняць удзел у пераносе мошчаў Ефрасінні Полацкай [15, с. 36].

Такім чынам, вынікае што ў Расійскай імперыі Полацк сярод астатніх гарадоў Паўночна-Заходняга краю займаў асаблівае месца як горад з летапіснай гісторыяй, адно з першых дзяржаўных утварэнняў на гэтых землях, якое, да таго ж, мела некалі моцныя гандлёвыя, культурныя і рэлігійныя сувязі з Візантыйскай імперыяй. Расійская імперыя, якая па шэрагу пазіцый прэтэндавала на пераемнасць з Візантыяй, бачыла ідэалагічную ролю Полацка як аднаго з цэнтраў праваслаўнай ідэі, паколькі горад з тысячагадовай традыцыяй некалі валодаў моцнай палітычнай уладай і побач з Кіевам і Ноўгарадам з’яўляўся адным з першых хрысціянскіх цэнтраў на ўсходнеславянскіх землях. Святочная культура Полацка ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя адрознівалася ад святочных традыцый у іншых гарадах Расійскай імперыі. На неафіцыйным узроўні гэта праяўлялася ў наяўнасці некалькіх этнаканфесійных груп у горадзе (кожная з якіх практыкавала ўласную святочную культуру) і выходзячых з гэтага адрознення. На афіцыйным узроўні святочнай культуры таксама назіраліся выразныя адрозненні, якія вынікалі са святкавання Полацкам не толькі асноўнай, “агульнаімперскай” групы святочных мерапрыемстваў (царскія дні, шматлікія гістрычныя юбілеі), але і шэрага спецыфічных свят, характэрных выключна для рэгіёна (50-гадовы юбілей ліквідацыі Брэсцкай царкоўнай уніі, юбілеі далучэння земляў былой Рэчы Паспалітай да Расійскай імперыі і інш.) і горада (перанос мошчаў Ефрасінні Полацкай). Разам з гэтым для Полацка (як і для шэрага іншых гарадоў заходніх губерняў) былі ўласцівы пэўныя культурныя асаблівасці свят, якія мелі карані ў гістарычным мінулым, святочнай традыцыі часоў Рэчы Паспалітай.

ЛІТАРАТУРА

1. Котлярчук, А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии в XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А.С. Котлярчук; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. – СПб., 1999. – 20 с.

2. Котлярчук, А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии в XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А.С. Котлярчук. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – 240 с.
3. Мазаев, А.И. Праздник как социально-художественное явление / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
4. Паренчук, Т.Н. Праздничная культура современной России в контексте урбанизации: автореф. дис. ... канд. культур. наук: 24.00.01 / Т.Н. Паренчук; Омский гос. ун-т. – Кемерово, 2008. – 17 с.
5. Żygulski, K. Święto i kultura / Kazimierz Żygulski. – 1981. – 410 s.
6. Яшчанка, А.Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: гісторыка-этнаграфічны нарыс / А.Р. Яшчанка. – Гомель, 1997. – 80 с.
7. Соркіна, І.В. Святочная культура мястэчак Беларусі / І.В. Соркіна // Arche. – 2011. – № 7–8. – С. 112–137.
8. Соркіна, І.В. Гістарычная палітыка ў Гродне ў другой палове XIX – пачатку XX ст. паводле матэрыялаў архіўных фондаў мясцовай адміністрацыі / І.В. Соркіна // Гарадзенскі палімпсест. 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XX стст. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2012. – С. 291–311.
9. Воронич, Т. Общественные инициативы жителей Витебска на рубеже XIX–XX вв. / Т. Воронич // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. артыкулаў / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь, І.В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 279–285.
10. Некрылова, А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века / А.Ф. Некрылова. – СПб.: Искусство, 1984. – 191 с.
11. Викентьев, В.П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-лет его существования (1835–1910) / В.П. Викентьев. – Полоцк, 1910. – 456 с.
12. Псков праздновал 300-летнюю годовщину // Литовские епархиальные ведомости за 1881 год. – Вильно, 1882. – С. 341–342.
13. Жук, А.В. Праздничные и неprisутственные дни Российской империи конца XIX – начала XX в.: учеб. пособие / А.В. Жук. – Омск, 2008. – 92 с.
14. Открытие учительской семинарии в г. Полоцке: 24 сент. 1872 г. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1872. – 31 с.
15. Путеводитель по городу Полоцку 1910 года: к торжеству перенесения святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из г. Киева в г. Полоцк / сост., примеч. и вступ. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судник. – Полоцк: Полоц. книжн. изд-во, 2009. – 45 с.
16. Торжество 50-летия воссоединения униатов с православной церковью: 8-е июня 1889 г. в Вильне и др. местах Западной России. – Вильно: Губ. тип., 1889. – 356 с.
17. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Казанская духовная акад., 1885. – 312 с.
18. Церковные торжества в Полоцке и Витебске // Литовские епархиальные ведомости за 1889 год. – Вильно, 1890. – С. 308–311.
19. Дубровский, М. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с кратким описанием основанного ею в г. Полоцке женского монастыря и находящейся в нем святыни / М. Дубровский. – Полоцк, 1885. – 34 с.
20. Жизнь и подвиги преподобной Евфросинии Полоцкой. – М.: Тип. И.Д. Сытина: 1910. – 108 с.
21. Дубровский, М. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой: к торжеству перенесения святых мощей пресвятой Евфросинии из г. Киева в г. Полоцк / Михаил Дубровский. – СПб.: Полоц. церк. братство во имя св. Николая и преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, 1910. – 19 с.
22. Письмо преосвященного Викторiana, епископа Полоцкого и Витебского, к витебскому губернатору об отмене базаров в воскресные и праздничные дни // Литовские епархиальные ведомости за 1881 год. – Вильно, 1882. – С. 409–410.
23. Великий пост, пассии и святая в г. Дисне в былое время // Литовские епархиальные ведомости за 1892 год. – Вильно, 1893. – С. 90–91.

Пастуныў 26.04.2013

FESTIVE CULTURE OF POLATSK IN THE SECOND HALF XIX – BEGINING XX CENTURIES

S. RAMANAU

In this article the author examines the festive culture of Polotsk in the second half of the XIX – early XX centuries. The place and role of the ideological revaluation Belarusian provinces of the Russian Empire after the rebellion of 1863–1864 by cultivating new festive traditions. The structure, types and forms of city festivities, their value orientation. Identifies those festivities that for Polotsk had special significance. The article identifies and analyzes the various reasons of celebration, the similarities and differences between the festivities groups, ethno-religious, political, and cultural specificity of these holidays. The findings are the key ideas of articles, defined the leading trends and characteristics of Polotsk festive culture in the second half of the XIX – early XX centuries.

УДК 903.2.02(476.4)

**ИЗУЧЕНИЕ ПЕЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ
РЕГИОНА МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОСОЖЬЯ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Н.П. ШУТКОВА*(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Представлен историографический аспект изучения печных изразцов региона Могилевского Поднепровья и Посожья. Анализируются основные публикации конца XIX – начала XX века – период, когда началось изучение этого вида архитектурно-декоративной керамики, вплоть до начала XXI века. Сделан вывод о том, что данный период можно разделить на несколько этапов. Первый из них связан с деятельностью Е.Р. Романова в конце XIX – начала XX века. С 70-х годов XX века развернулось активное археологическое изучение позднесредневекового белорусского города, что также послужило толчком для изучения печных изразцов. Рассмотрена первая обобщающая работа Л.Г. Паничевой (1980 г.), посвященная белорусским изразцам XIV–XVII веков. В это время данную тематику разрабатывали О.Н. Левко, О.А. Трусев, Ю.А. Заяц. Показано, что активное изучение печных изразцов в регионе Могилевского Поднепровья и Посожья в 90-е годы XX–XXI века связано с археологическим исследованием Кричева, Могилева, Мстиславля и Шклова.

Изучение изразцов на белорусских землях началось в дореволюционный период. Отдельные экземпляры печных изразцов, остатки развалов печей на территории современной Беларуси находили еще в конце XIX – начале XX века во время проведения любительских раскопок, земляных работ. Благодаря своей красоте многие изразцы попадали в музейные коллекции, но предметом специального исследования они не становились. Поэтому целью данной работы явился историографический анализ трудов конца XIX – начала XXI века, посвященных изучению печных изразцов региона Могилевского Поднепровья и Посожья

Основная часть. Значительный вклад в изучение данной категории археологических артефактов на территории Могилевского Поднепровья и Посожья внес великий белорусский археолог, этнограф и фольклорист Евдоким Романович Романов. В 1886–1894 годах Е.Р. Романов проводил археологические раскопки и разведки в Могилевской и Витебской губерниях [1, с. 145–146; 2, с. 3; 3, с. 37–45].

В 1900–1903 годах Е.Р. Романов издал 3 сборника «Могилевской старины». В статье, опубликованной в выпуске № 3 этого издания, была дана классификация могилевских печных изразцов, которые он собрал при изучении берега Днепра на территории Подниколья [4, с. 62–64]. В коллекции было более 200 экземпляров изразцов. Разделил данный вид изделий по типу орнамента, нанесенного на лицевую пластину изразцов, Е.Р. Романов попытался создать их типологическую классификацию. Согласно данному принципу изразцы были разделены на следующие типы:

- *изделия с геометрическим орнаментом* (изразцы преимущественно с рамками, среди узоров полукруги, ряды треугольников, ломаные линии, ряды точек.);
- *изделия с растительным орнаментом* (как отмечал Е.Р. Романов, встречается наиболее часто, но еще чаще в сочетании с другими видами);
- *изделия с зооморфным орнаментом* (занимает второе место в могилевских изразцах. Изображения двуглавого орла и льва наиболее часты, но были встречены и изображения одноглавого орла и фантастического животного «с длинной крокодиловой пастью»);
- *изделия с сюжетным орнаментом* (таких изразцов было немного, но они были разделены на три подгруппы по характеру изображения на них сюжетов);
- *изделия с религиозным орнаментом* (на изразцах данного типа преобладают изображения херувимов с крыльями, ангелов, были встречены два изображения св. Георгия Победоносца, поражающего дракона) [4, с. 62 – 64].

Были найдены и карнизные изразцы (5 шт.) с изображением львов, поддерживающих корону, и с «польскими буквами», но к отдельной группе или виду он их не отнес [4, с. 64].

Собранные Е.Р. Романовым материалы не сохранились, но судя по их описанию основная масса изразцов относится к коробчатым изразцам конца XVI–XVII века.

Предложенная Е.Р. Романовым типология стала революционной для своего времени. В дальнейшем принцип деления изразцов по типу орнамента на лицевой пластине с учетом их формы и размеров использовали исследователи в 70–80 годы XX века.

В начале XX века наступает эпоха революционных событий, войн. После Рижского мирного соглашения территория Беларуси была разделена между Польшей и СССР. Соответственно, археологическое изучение территории Западной Беларуси проводили польские исследователи, а Восточной – советские.

В Белорусской республике в 20–60-е годы XX века во время археологических раскопок позднесредневековые слои целенаправленно не изучались, соответственно, не было и работ, посвященных рассматриваемой нами тематике. Однако печные изразцы, найденные во время раскопок, все же пополняли коллекции музеев. Увеличение их количества ставило вопрос о датировке, происхождении и т.д. Поскольку в большинстве случаев изразцы не привязывались к культурному слою, то и датировались они приблизительно – по стилю орнамента, по аналогам из других государств (Польши, Чехии, Германии). В таком ключе в 1969 году вышла публикация Р.Л. Розенфельдта, посвященная белорусским изразцам [5, с. 178–184]. Автор использовал изразцы, полученные в ходе раскопок таких белорусских городов, как Минск, Мстиславль, Витебск, Полоцк, Новогрудок, и находившиеся в музеях и хранилищах Минска, Москвы и Ленинграда. Главной целью его работы было определение истоков московского изразцового производства [5, с. 179]. Для этого он сравнил состав глиняного теста, форму, виды орнамента московских и белорусских изразцов. Автор также отметил и тот момент, что время бытования ряда серий определяется с трудом, поскольку найдены они в плохо датированных горизонтах верхнего культурного слоя [5, с. 179]. Итогом работы стало то, что Р.Л. Розенфельдт отнес к наиболее ранним изразцы бесполовые (вторая половина XVI в.) с квадратными лицевыми пластинами. В начале XVII века их сменяют полевые и бесполовые изразцы с прямоугольной лицевой пластиной. С середины XVII века начинается влияние белорусского изразцового производства на московское [5, с. 184].

После Второй мировой войны над проблемой русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII века активно работали С.В. Бессонов и Л.С. Абецедарский. В статье С.В. Бессонова (1947 г.) и двух работах Л.С. Абецедарского «Белорусы в Москве» (1957 г.) и «Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII в.» (1978 г.) была рассмотрена деятельность белорусских мастеров в Московском государстве. На основании архивных документов исследователи восстановили имена наиболее известных резчиков по дереву и кафельников (в том числе и из региона Могилевского Поднепровья и Посожья); раскрыли их биографические факты (в частности, откуда они были родом); показали, какие виды работ выполняли, какими инструментами пользовались, какие новации внесли в русское изразцовое производство и резьбу по дереву [6, с. 75–81; 7, с. 218, 239–243; 8, с. 12, 17–24]. Среди таких новаций прежде всего можно выделить технику изготовления многоцветных эмалевых рельефных изразцов [8, с. 34].

Сегодня примеры реконструированных печей, изразцы которых выполнены в такой технике, мы можем увидеть в восстановленном в 2011 году Коломенском дворце царя Алексея Михайловича [9, с. 52–58].

В 70-х годах XX века белорусские археологи начали активное изучение культурного слоя замков, городов, а позже местечек и сельских поселений периода Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, что позволило расширить источниковую базу для изучения белорусского средневекового изразцового производства.

Первый важный шаг в направлении определения хронологии и типологии белорусских изразцов XIV–XVII века был сделан Л.Г. Паничевой [10–12]. Автор в своей работе по типологической классификации, орнаментике и хронологии белорусских изразцов XIV–XVII веков проанализировала и свела воедино материалы из раскопок разных исследователей. На их основе была создана общая картина эволюции белорусских изразцов, показана их связь с общеевропейским изразцовым ремеслом, причем Л.Г. Паничева использовала в своей работе и некоторые могилевские изразцы [11, с. 6, 10]. Она выделила три типа изразцов по конструктивным признакам (сосудообразные, решетчатые и изразцы с прямоугольными орнаментированными лицевыми пластинами), в каждом типе были выделены виды, а для первого еще и варианты [11, с. 3–6]. После рассмотрения всех типов белорусских изразцов Л.Г. Паничева пришла к выводу, что по формату и размерам они наиболее близки к польским, литовским и чешским изразцам, несколько менее близки венгерским и немецким аналогам [11, с. 6]. В отношении хронологии позднесредневековых изразцов она впервые использовала не только типологическую и стилистическую классификацию, но и данные стратиграфии и дендрохронологии [11, с. 10–14; 12, с. 71–72]. Кроме того, Л.Г. Паничева занималась изучением деятельности белорусских мастеров-целинников в Москве, а среди них были и выходцы из Могилевских, Мстиславских земель (Иван Елфимов, Степан Иванов и другие) [10, с. 30–32].

Первая крупная коллекция изразцов в Кричеве была получена в 1973–1976 годах М.А. Ткачевым, который впервые провел крупномасштабные раскопки (360 м²) на территории Замковой горы [13, с. 474].

Во время архитектурно-археологических исследований города Могилева в 1979–1981 годах под руководством О.А. Трусова, И.М. Чернявского была собрана значительная коллекция изразцов – свыше 1000 фрагментов и целых экземпляров. Благодаря этому исследователям удалось определить орнаменти-

ку и наиболее употребляемые цвета для украшения лицевой пластины изразца. Находки изразцов позволили также судить и о социальном статусе населения Могилева. Основная масса артефактов была датирована серединой – второй половиной XVII века [14, с. 71–72].

В 1979 году О.А. Трусовым и в 1984 году во время раскопок И.М. Чернявского могилевской рапуши было найдено большое количество фрагментов глазурованных изразцов конца XVI – первой половины XVII века с зооморфным и растительным орнаментами [15, с. 70, 72–73].

В 1989 году во время раскопок Д.Л. Яцкевича на территории Старого города Могилева (ул. Ленинская, двор дома № 15) собрана значительная коллекция изразцов середины – второй половины XVII века (около 2000 фрагментов и целых изразцов). Среди них встречались как полихромные, так и зеленоглазурованные печные изразцы [16, с. 48]. Особый интерес представляют медальоны с изображениями «Погони» и геральдические изразцы с изображением двуглавого орла и с львами щитодержателями [17, с. 43].

В 1988 году вышла работа О.А. Трусова «Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII веков. Архитектурно-археологический анализ», посвященная белорусской архитектуре XI–XVIII веков. В главе о датировке архитектурно-декоративной керамики значительное внимание уделено изразцам. Исследователем О.А. Трусовым совместно с В.Е. Соболем и В.В. Угриновичем составлена типологическая шкала развития белорусских изразцов [18, с. 140]. В разработке шкалы использовались материалы археологических раскопок Лиды, Мира, Минска, Логойска и Могилева. Хронологическая шкала охватывает период с начала XIV до рубежа XVII–XVIII веков [18, с. 129–150].

В этой работе также приводятся наиболее используемые виды орнаментов для определенного этапа развития изразцового производства. Так, например, представлены 25 вариантов мстиславских изразцов с изображением «вазы с цветами» [18, с. 144].

В 1989 году вышел альбом-каталог «Беларуская кафля», посвященный развитию изразцов на территории Беларуси [19]. Авторы использовали материалы из археологических раскопок Лидского, Мирского, Мядельского, Гольшанского замков, Полоцка, Витебска, Могилева, Мстиславля, Гродно, Кричева, Молодечно, Славгорода и других городов. В работе показано развитие изразцового искусства от его возникновения на территории Беларуси (XIV в.) до начала XX века. Всего исследователями выделено 7 этапов в развитии данного вида архитектурно-декоративной керамики, дана краткая характеристика каждого изразца, приведенного на фотографии (всего 219 иллюстраций). В альбоме репрезентированы изразцы из разных регионов Беларуси. В работе также представлены фотографии сохранившихся печей в интерьере (есть примеры конца XVIII века [19, с. 106–107], конца XIX – начала XX века [19, с. 108–109]). Альбом был попыткой свести воедино накопленный археологами материал и стал первым изданием такого плана о белорусских изразцах.

В 90-х годах XX – начале XXI века изучение изразцового производства и изразцовых печей продолжает оставаться актуальной темой для изучения. Выходит ряд публикаций и работ, включающих новую информацию по данной тематике. Ведутся активные археологические раскопки, что позволяет пополнить источниковую базу. Еще в конце 80-х годов XX века появляются первые публикации, посвященные отдельным сюжетам на лицевой пластине изразцов и их интерпретации, связям белорусско-русского изразцового производства [20, с. 32; 21, с. 47–48; 22, с. 65–67]. В 90-годах XX – начале XXI века количество таких публикаций увеличивается, появляются работы, частично или полностью посвященные изразцам отдельных городов данного региона [23, с. 334–340; 24, с. 75–76; 25, с. 64–66; 26, с. 102–103; 27, с. 7, 10–12; 28, с. 119; 29, с. 11–15; 30, с. 47–50; 31, с. 47–51; 32].

В это время продолжается изучение технологии изготовления изразцов и их декоративной обработки, выявление отличий, характерных для западного и восточного регионов Беларуси [33, с. 79–82; 34].

Белорусские археологи начали активно использовать методы других наук [35, с. 179–189].

Так, например, в 1992 году вышла публикация Т. Левковой и И.И. Синчука «Петрагліфічнае вывучэнне керамкі з раскопак у Магілеве і Быхаве». Исследователи за основу взяли керамический материал конца XVI–XVIII века, полученный в ходе раскопок 1988–1989 годов исторических центров Могилева и Быхова. Для работы были взяты 45 образцов (изразцы составили 11 шлифов). Изучение этих образцов с использованием поляризационного микроскопа позволило определить характер используемого сырья: температуру обжига, минеральный состав, происхождение и количество отошителей [35, с. 179–189].

В 90-е годы XX – начале XXI века на территории региона Могилевского Поднепровья и Посожья наиболее активно археологические раскопки проводятся в Могилеве (И.А. Марзалюк), Шклове (О.Н. Левко, И.А. Марзалюк), Кричеве (А.А. Метельский).

С 1992 года археологическое исследование города Могилева проводит И.А. Марзалюк [16; 36–39]. Итогом археологических исследований 90-х годов XX века стало издание монографии «Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы». В работе на основе материалов, полученных в ходе раскопок 1973–1994 годов, и письменных источников XIV–XVIII веков были показаны этапы исторического развития города,

описана его материальная культура, повседневная жизнь горожан, элементы их мировосприятия. В разделах, посвященных гончарному ремеслу [17, с. 41–44], развитию живописи и декоративно-прикладного искусства [17, с. 61–64], большое внимание было уделено развитию изразцового производства в Могилеве, его связи с европейскими традициями.

В 1987–1988, 1995–2000 годах раскопки археологических памятников Кричева проводил А.А. Метельский [13, с. 474]. Итогом его работ стало издание в 2003 году монографии «Старадаўні Крычаў. Гісторыка-архелалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст.», в которой небольшой раздел посвящен кричевским изразцам. Метельский выделил два вида изразцов, использовавшихся в городе, – горшковые и коробчатые. В свою очередь, горшковые делилась на два типа [39, с. 72]. Исследователь также дал характеристику основных типов коробчатых изразцов [39, с. 72–74], поясных изразцов, коронок и медальонов [39, с. 74–75]. На территории Кричевского замка были найдены остатки изразцовой печи, что позволило автору дать ее описание [39, с. 76]. Также были проанализированы инвентарные описания строений Кричевского замка, которые дали общее представление о печах, использовавшихся в них.

Активные археологические исследования, особенно в последнее десятилетие, проводятся на территории города Шклова. В литературе Шклов известен под названиями Старый Шклов, «место Шкловское» и Новый Шклов. Старый Шклов расположен на левом берегу р. Серебрянки и соотносится с древним городищем [40, с. 106–110; 41, с. 314–316]. Археологическое изучение этого поселения проводили Г.В. Штыхов (1964 г.), О.Н. Левко (1979, 2003 гг.), И.А. Марзалюк (2008–2012 гг.) [42, с. 105–112; 43, с. 418–419; 44, с. 92–106]. В ходе исследований была получена значительная коллекция печных изразцов.

Месторасположение «места Шкловского» при впадении старого русла р. Серебрянки в Днепр (бывшая д. Рышковичи), где были построены Шкловский замок и «место Шкловское», было открыто О.Н. Левко в 2002 году. Она же и проводила археологические раскопки на территории Шкловского замка в 2000–2006, 2008, 2010–2012 годах, в ходе которых были получены значительные материалы изразцов как сосудообразных, так и коробчатых [45, с. 420–421]. Археологические материалы, собранные при изучении территории Нового Шклова, относятся ко второй половине XVIII–XIX веку [43, с. 418–419].

В городе Мстиславле значительные коллекции печных изразцов были получены в ходе археологических раскопок в 1956–1985 годах Л.В. Алексеевым [46, с. 102–103; 47, с. 96, 105, 111; 48, с. 336–337; 49, с. 380–381] городища Замковая гора (детинец) и в 1982 году О.А. Трусовым Мстиславльского Тупичевского монастыря [50, с. 104–105]. В ходе археологических раскопок 1987 года большая коллекция изразцов была получена и с территории околного города [51, с. 86].

В это же время появился ряд обобщающих работ по данной тематике. Так, уже в 1993 году вышла небольшая обобщающая работа О.А. Трусова «Беларускае кафлярства» [52], в которой были определены основные этапы развития изразцового производства на территории белорусских земель, показаны изменения формы и функционального назначения, наиболее употребляемые изображения, параллельно указывалось как шло изменение формы самой печи, показаны варианты реконструкции формы печи из разных регионов Беларуси.

В 1996 году вышла работа И.В. Ганецкой «Беларуская маёліка XVI–XVIII стст.», где дано и описание изменения тематики изображений, цветовой гаммы изделий и технологических приемов обработки поверхности майоликовых изразцов на протяжении XVI–XVIII веков. В исследовании использовались материалы из Могилева и Мстиславля [53, с. 67–88].

Среди наиболее важных общих работ можно указать и «Археалогію Беларусі» (том 4). В главе, посвященной изделиям из глины, Ю.А. Заяцем были подведены итоги изучения изразцов с территории Беларуси за период с конца XIX века по 90-е годы XX века; дан обзор типов и хронологии белорусских изразцов, их место в декоре печи; сделан акцент на том, что местное изразцовое производство развивалось под мощным влиянием Центральной и Западной Европы; указаны этапы и особенности развития изразцовых печей [54, с. 319–348].

Небольшие обобщающие статьи, посвященные изразцам Беларуси, в которых использованы и материалы из региона Могилевского Поднепровья и Посожья, опубликованы в энциклопедиях «Археалогія Беларусі» в 2-х томах (том 1) и «Вялікае княства Літоўскае» в 3-х томах (том 3) [55, с. 430–432; 56, с. 261–266]. Ряд иллюстраций печных изразцов содержатся в разделе «Материальная культура Беларуси XIV–XVIII вв.» издания «Археологическое наследие Беларуси» [57, с. 134–186].

Заключение. Интерес к собиранию и описанию изразцов появляется еще в конце XIX – начале XX века, этот этап можно назвать периодом накопления материалов, поскольку изразцы в основном попадали в музеи и не становились предметом специального изучения. Исключением из правил можно назвать попытку Е.Р. Романова разделить найденные им изразцы по виду орнамента на лицевой пластине. Такая классификация использовалась в дальнейшем рядом исследователей. В целом же вплоть до 60-х годов XX века не было ни одной работы, посвященной данной тематике.

В 60-е годы XX века ситуация постепенно начинает меняться. Появляются обобщающие работы и публикации (Р.Л. Розенфельдт, Л.С. Абецдарский), в которых затрагиваются вопросы, связанные как с изразцовым производством, так и с деятельностью мастеров-ценников.

С 70-х годов XX века белорусские археологи одними из первых в СССР начали активное изучение культурного слоя замков, городов, а позже местечек и сельских поселений периода Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, что позволило расширить источниковую базу для изучения белорусского средневекового изразцового производства. Первый важный шаг в направлении определения хронологии и типологии белорусских изразцов XIV–XVII века был сделан в работах Л.Г. Паничевой.

С 80-х годов XX века и до настоящего времени ведутся активные работы по изучению изразцового производства на территории Беларуси. Среди исследователей этого периода можно выделить работы О.Н. Левко, О.А. Трусова, Ю.А. Заяца. Появляется ряд монографий, публикаций и коллективных работ, посвященных данной тематике. Наиболее полно обобщение всех материалов по данной проблематике дано в «Археологіі Беларусі» (том 4). Необходимо отметить и тот факт, что изразцы стали все более активно экспонироваться в музеях.

В Могилевском Поднепровье и Посожье наиболее репрезентативные коллекции печных изразцов были собраны в ходе археологических исследований О.Н. Левко, М.А. Ткачева, О.А. Трусова, И.А. Марзалюка и А.А. Метельского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Евдоким Романович Романов (1855–1922) / Л.В. Алексеев // Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. – Минск: Беларус. навука, 1996. – С. 145–148.
2. Раманаў, Е.Р. 3 гісторыка-археалагічнай спадчыны: выбр. творы / Е.Р. Раманаў; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова. – Магілёў: МДУ, 2006.
3. Марзалюк, І.А. Еўдакім Раманавіч Раманаў – археограф і археолаг Магілёўшчыны / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – Магілёў, 1993. – С. 37–45.
4. Романов, Е.Р. Могилевская старина / Е.Р. Романов. – Могилев, 1902–1903. – Вып. 3. – С. 62–64.
5. Розенфельдт, Р.Л. Белорусские изразцы / Р.Л. Розенфельдт // Древности Восточной Европы. – М., 1969. – С. 178–184.
6. Бессонаў, С.В. Беларускія мастацкія майстры ў Маскве XVII стагоддзя / С.В. Бессонаў // Весці Акадэміі навук БССР. Адаптыраваныя грамадскія навук. Серыя гістарычная. Вып. 1. – 1947. – С. 75–81.
7. Абецдарский, Л.С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII век / Л.С. Абецдарский. – Минск: Выш. школа, 1978. – 255 с.
8. Абецдарский, Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей / Л.С. Абецдарский. – Минск: Изд-во БГУ, 1957. – 62 с.
9. Баранова, С. Изразцовые печи дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском. Опыт реконструкции / С. Баранова // Музей. – 2011. – № 4. – С. 52–58.
10. Панічава, Л.Р. Беларускія цанінікі ў Маскве / Л.Г. Панічава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1976. – № 3. – С. 30–32.
11. Комплексное изучение Мстиславля и его округа / Л.В. Алексеев [и др.] // Археологические открытия 1984 г. – М., 1985. – С. 336–337.
12. Паничева, Л.Г. Хронология белорусских изразцов XIV–XVII вв. / Л.Г. Паничева // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1984. – Вып. 179. – С. 70–75.
13. Мяцельскі, А.А. Крычаў / А.А. Мяцельскі // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2010. – Т. 1: А–К. – С. 474–475.
14. Трусаў, А.А. Архітэктурна-археалагічныя даследаванні гістарычнага цэнтра Магілёва / А.А. Трусаў, І.М. Чарняўскі, В.Р. Кукуня // Весці АН БССР. Серыя гуманіт. навук. – 1983. – № 5. – С. 67–76.
15. Трусаў, А.А. Магілёўская ратуша / А.А. Трусаў // Спадчына. – 1998. – № 5. – С. 68–80.
16. Марзалюк, І.А. Магілёўскія пасады / І.А. Марзалюк // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я. – С. 48–49.
17. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк; навук. рэд. Я.Г. Рыер. – Магілёў–Мінск: Веды, 1998. – 260 с.
18. Трусов, О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII веков Архитектурно-археологический анализ / О.А. Трусов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 158 с.
19. Белорусская кафля [альбом-каталог] / аўтары-складальнікі: В.Е. Собаль [і інш.]. – Мінск, 1989. – 161 с.

20. Угрыновіч, У.В. Кафля з выявай букета / У.В. Угрыновіч // Мастацтва Беларусі – 1986. – № 5. – С. 32.
21. Угрыновіч, У.В. Дрэва жыцця / У.В. Угрыновіч // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 12. – С. 47–48.
22. Мельнік, І. Жывое цяпло паліхромнай кафлі (Сувязі беларускага і рускага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва першай паловы XVII ст.) / І. Мельнік // Мастацтва Беларусі. – 1987. – № 7. – С. 65–67.
23. Трусов, О.А. Мстиславские изразцы / О.А. Трусов // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник, 1989. – М., 1990. – С. 334–340.
24. Ганецкая, І.У. Мастацкая кераміка Мсціслава / І.У. Ганецкая // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук. – Мінск, 1990. – № 1. – С. 75–80.
25. Трусаў, А.А. Вобраз спрадвечны і вечны. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі XV–XVII стст. / А.А. Трусаў // Мастацтва Беларусі. – 1991. – № 10. – С. 64–66.
26. Трусаў, А.А. Антрапаморфныя выявы на беларускай кафлі XV–XVII стст. / А.А. Трусаў // 3 глыбі вякоў. – Мінск, 1992. – С. 97–104.
27. Марзалюк, І.А. Да старажытнай гісторыі Магілева / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1996. – № 1. – С. 5–13.
28. Марзалюк, І.А. Археалагічныя раскопкі ў Магілеве ў 1998 годзе / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1999. – Вып. 7. – С. 119.
29. Трусаў, А.А. Антрапаморфныя выявы на магілёўскай і мсціслаўскай кафлі / А.А. Трусаў // Магілёўская даўніна. – 2001. – Вып. 9. – С. 11–15.
30. Здановіч, Н.І. Гратэскавае люстэрка кафлярства / Н.І. Здановіч // Мастацтва. – 2001. – № 2. – С. 47–50.
31. Дук, Д.У. Аб адным «паралельным» сюжэце Полацкай і Магілёўскай кафлі з выявамі рыцараў / Д.У. Дук // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва. – Магілёў, 2001. – С. 47–51.
32. Заяц, Ю.А. О прототипе изображения на лицевой пластине изразца XVII в. из Тупичевского монастыря в г. Мстиславле / Ю.А. Заяц // Религия и общество-3: актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2008. – 328 с.
33. Здановіч, Н.І. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н.І. Здановіч, А.А. Трусаў. – Мінск, 1993. – 183 с.
34. Ганецкая, І.У. Тэхналогія дэкаратыўнай апрацоўкі маёлікавых вырабаў на Беларусі ў XVI–XVIII стст. / І.У. Ганецкая // 3 глыбі вякоў. – 1992. – С. 165–178.
35. Ляўкова, Т. Петрагліфічнае вывучэнне керамкі з раскопак у Магілеве і Быхаве / Т. Ляўкова, І. Сінчук // 3 глыбі вякоў. Наш край: гісторыка-культуралагічны зб. – Мінск, 1992. – С. 179–189.
36. Марзалюк, І.А. Археалагічныя даследаванні 1994 года ў Магілеве / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1996. – С. 96–97.
37. Марзалюк, І.А. Археалагічныя раскопкі ў Магілеве ў 1998 годзе / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1999. – Вып. 7. – С. 119.
38. Марзалюк, І.А. Да старажытнай гісторыі Магілева / І.А. Марзалюк // Магілёўская даўніна. – 1996. – № 1. – С. 5–13.
39. Мяцельскі, А.А. Старадаўні Крычаў. Гісторыка-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – 167 с.
40. Левко, О.Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О.Н. Левко. – Минск, 2004. – 280 с.
41. Ляўко, В.М. Старажытны гарадзішча / В.М. Ляўко, І.А. Марзалюк // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я. – С. 314–316.
42. Штыхов, Г.В. Там, где был основан город (археологическое исследование в Старом Шклове в 60-е годы XX века) / Г.В. Штыхов // Романовские чтения-2. – 2005. – С. 105–112.
43. Ляўко, В.М. Шклоў / В.М. Ляўко // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я. – С. 418–419.
44. Ляўко, В.М. Гісторыя Шклоўшчыны па археалагічных і пісьмовых крыніцах (да сярэдзіны XVIII ст.) / В.М. Ляўко // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 2. – С. 92–106.
45. Ляўко, В.М. Шклоўскі Замак / В.М. Ляўко // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я. – С. 420–421.
46. Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. / Л.В. Аляксееў [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2: Л–Я. – С. 102–104.
47. Алексеев, Л.В. Детинец Мстиславля в XIV–XVIII вв. / Л.В. Алексеев // Российская Археология. – 2000. – № 2. – С. 94–114.
48. Комплексное изучение Мстиславля и его окружи / Л.В. Алексеев [и др.] // Археологические открытия 1984 г. – М., 1985. – С. 336–337.

49. Работы в древнем Мстиславле / Л.В. Алексеев [и др.] // Археологические открытия 1983 г. – М., 1985. – С. 380–381.
50. Трусаў, А.А. Мсціслаўскі Тупічэўскі манастыр / А.А. Трусаў, Л.Л. Чарняўская // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т. – Мінск, 2011. – С. 104–105.
51. Трусаў, А.А. Некаторыя вынікі археалагічнага вывучэння акольнага горада Мсціслава XII–XVII ст. / А.А. Трусаў, М.А. Ткачоў, А.А. Мяцельскі // Весці Акад. навук Беларусі. – 1990. – № 2. – С. 80–87.
52. Трусаў, А.А. Беларускае кафлярства / А.А. Трусаў. – Мінск, 1993. – 55 с.
53. Ганецкая, І.У. Беларуская маёлка XVI–XVIII стст. / І.У. Ганецкая // З глыбі вякоў. Наш край: гістарычна-культуралагічны зб.; науч. ред.: А.К. Краўцэвіч. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – Вып. 2. – С. 67–88.
54. Археалогія Беларусі: у 4 т. / под науч. ред. П.Ф. Лысенко. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. – 597 с.
55. Трусаў, А.А. Кафля / А.А. Трусаў // Археалогія Беларусі: энцыкл. у 2-х т. – Мінск, 2009. – Т. 1: А–К. – С. 430–432.
56. Заяц, Ю.А. Кафля / Ю.А. Заяц, В.С. Пазнякоў // ВКЛ: энцыкл.; рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]; маст. З.Э. Герасімовіч. – Мінск, 2010. – Т. 3: Дадатак: А–Я. – С. 261–266.
57. Археологическое наследие Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; сост., авт. вступ. ст. О.Н. Левко; науч. ред. А.А. Коваленя, О.Н. Левко. – **Минск, 2012.** – 192 с.

Поступила 10.07.2013

THE RESEARCH OF STOVE TILES OF MOGILEV REGION PODNEPROVIE AND POSOZHIE (HISTORIOGRAPHICAL ASPECT)

N. SHUTKOVA

The article is devoted to the research of historiographical aspect of tiles of Mogilev region Podneprovie and Posozhie. In the text are analyzed all the major publications starting from the late 19th – the beginning of 20th century, when the studying of this kind of architectural-decorative ceramics was started, till the beginning of 21st century. This period can be divided into several stages. The first of them is connected with the work of E.R. Romanov in the late 19th – early 20th century. From the 70th of 20th century an active studying of late medi-aeval Belarusian town was activated, and this became an impulse for researching tiles. In 1980 the first general-izing work of L.G. Panicheva was published. This work was devoted to Belarusian tiles of 14th – 17th centuries. At that time this subject was developed by O.N. Levko, O.A. Trusov, Y.A. Zajac. An active studying of tiles in the region of Mogilev Podneprovie and Posozhie in the 90th of 20th – 21st centuries is connected with the archaeological researches of Krichev, Mogilev, Mstislavl and Shklov.

УДК 94(4–015)(=16) "18/19"

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА****Р.В. СОЛОВЬЕВ***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Исследуются некоторые особенности развития представлений по вопросу славянской этнической истории в среде ученых Восточной Европы второй половины XIX – начала XX века. Анализируются процессы, тем или иным образом повлиявшие на выбор позиций по этой проблеме авторов рассматриваемого периода, где внимание уделяется процессу «национализации» науки и началу формирования национальных историографий. На фоне общего прогресса в теории и методологии исторической науки отмечается переход от версий о ранних славянах, основанных преимущественно на анализе письменной традиции, к всё более взвешенным концепциям, которые стремятся учесть весь комплекс имеющейся информации. Особое внимание уделено проблеме исторической и лингвистической дифференциации восточных славян в историческом и политическом дискурсе Восточной Европы.

Введение. Проблема происхождения и этнической истории славян на протяжении последних веков регулярно привлекала внимание многих исследователей и входила в сферу интересов нескольких поколений ученых различных эпох. И из-за своей неразрешенности эта проблема остается актуальной и сейчас.

Изучение истории славянства вплоть до 1850-х годов находилось в зачаточном состоянии. Шел интенсивный процесс накопления отдельных фактов. Профессора филологии и истории, другие представители интеллигенции, любители наук, изучая старые летописи и документы по славянскому прошлому, обращали внимание на имевшиеся в них сведения о древних славянах. Особым вниманием пользовались древнеславянский и церковнославянский языки, что стимулировало интерес к другим славянским языкам, их истории и культуре. В некоторой степени рост интереса к славянскому (общеславянскому) прошлому был следствием активной внешней политики России в первой половине XIX века, дополняемого развитием идеологии славянского единства и как продолжением последнего панславизмом.

Уместно привести точку зрения видного русского ученого А.Н. Пыпина, характеризующую предшествующий период. Так, он считал, что в 1830–1850-е годы в условиях отсутствия «настоящей политической жизни» славяноведение было наполнено «мечтательным романтизмом». Затем события в славянских землях поставили славянский вопрос «на реальную политическую почву». Но славянство не входило в «собственные идеальные и практические стремления русского общества», поскольку интерес к славянству не затрагивал насущных «общественных вопросов», стоявших перед Россией; «политическая сторона славянского вопроса была слишком загадочна и далека» и для ее выяснения «всегда недоставало необходимого простора». Поэтому интерес в обществе к славянам возникал ситуативно: во время славянского съезда в Москве в 1867 году, в период балканского кризиса 1870-х годов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов – и проходил по окончании вызвавшего его события. Пыпин неоднократно отмечал, что русское общество плохо знало славянский мир и не понимало истинного положения славян, тем более их древней истории [1, с. 300–303].

Основная часть. В рассматриваемый нами период задача установления родственных связей отдельных народов решалась при непосредственном изучении исторических источников. Однако их свидетельства во многом искажали действительную ситуацию, и эти искажения касались именно этнических взаимоотношений. Поэтому проблема родства и происхождения народов должна изучаться комплексно, т.е. с привлечением данных этнографии, археологии, лингвистики и антропологии. С другой стороны, слабая методологическая база этих молодых наук, да и самой истории, не позволяли взглянуть на проблему этногенеза славян шире. Даже анализ информации, извлекаемой из письменных источников, не всегда воспринимался критически, что отнюдь не способствовало прояснению картины ранней славянской истории. Тем самым большинство исследователей, стремясь к научному обоснованию данного вопроса, лишь пересказывали летописи и хроники.

Разбор общих и особенных черт отдельных славянских народов тоже осуществлялся неоднозначно. Признавая факт существования первоначального славянского единства, ученые рассматриваемого периода по-разному определяли время его существования и распада, а также обстоятельства, этот распад обусловившие. Но надо заметить, что в тот период проблема дифференциации славян относилась преимущественно к плоскости лингвистической проблематики. Поэтому на анализе особенностей того или иного славянского языка и строились объяснения обстоятельств распада славянской общности и зарождения отдельных ветвей славянства.

Еще ко времени И. Добровского относятся попытки научного обоснования теории деления славянских языков. Однако первоначально это деление было двухчастным. Выделялись восточнославянская и западнославянская ветви. Языками, производными от первой ветви, являются: русский, старославян-

ский, иллирийский, хорватский и словенский; производными от второй – чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский. Подобной точки зрения придерживались многие представители восточноевропейской историографии вплоть до второй половины XIX века. В частности, известный русский славист, ученик П. Шафарика, Измаил Иванович Срезневский, читая лекции о славянском мире в Харьковском университете, выделял восточно- и западнославянскую ветвь, дополнительно подразделяя последнюю на так называемые «отрасли» – южную и северную [2]. В своем труде «Мысли об истории русского языка», изложенном Срезневским на годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 года, он высказал свою точку зрения на соотношение и различия языка народного и языка книжного, дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры. Основное же его достижение состояло в том, что он ввел русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков.

Постепенно шло формирование теории разделения славянских языков на три ветви. Часто авторство этой теории связывают с именем русского филолога Александра Христофоровича Востокова. Хотя большую разработку теория получила в работах его последователей, таких как В. Григорович, А. Будилович [3, с. 43–44].

В частности, значительный вклад в исследование проблемы внесла работа «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях» видного русского ученого-слависта Антона Семеновича Будиловича. В своём исследовании Будилович пытался установить основные лексико-семантические сферы общеславянского языка, относящиеся к верованиям, явлениям природы, занятиям, промыслам, ремеслам, рукоделиям, яствам и питьям, одеждам и украшениям, хозяйственным постройкам и сооружениям, домашней утвари, посуде и снарядам, играм и музыкальным орудиям и т.п. Подчеркивая важность изучения языка в деле реконструкции прошлого славянских народов, он писал: «Мы принимаем при этом не две основные группы славянских наречий..., а три, выделяя по примеру Надеждина и Максимовича русский язык в особый отдел, срединный между диалектическими полярностями славянского запада и юга, хотя и сближающийся больше с последним» [4, с. 10]. Обосновывая необходимость подобного разделения, автор приводит соображения как лингвистического, так и исторического характера. Причем время распада праславянского языка ученый определяет началом нашей эры.

Что касается позиции упомянутого М.А. Максимовича, то свою концепцию становления «южнорусского» языка он выдвинул в конце 1850-х годов в дискуссии с М.П. Погодиным на страницах славянофильского журнала «Русская беседа». Так, Максимович утверждал, что южнорусский и севернорусский языки «родные братья, сыновья одной русской речи», которые еще до татарского нашествия обособились друг от друга [5, с. 84–85; 6, с. 129]. Каждый из этих языков, по его убеждению, включал в себя два наречия: севернорусский – великороссийское и белорусское, а южнорусский – червонорусское и малороссийское (причем именно последнее признавалось наиболее близким к церковно-славянскому языку) [5, с. 127].

Вплоть до второй половины XIX века убежденность в доминирующем значении языка в процессе этнической идентификации начинает претерпевать изменения. Основные группы языков были к 1850-м годам установлены и систематизированы, и теперь главными стали вопросы о степени этнической близости между носителями родственных языков и об их этногенезе. С активизацией этнографических и фольклористических исследований восточных славян в целом на первый план вышла задача создания теории происхождения отдельных славянских народов.

Так, еще в программе изучения русской народности Николая Ивановича Надеждина в этнографической лингвистике обозначено несколько аспектов. Например, он уточнял, что только «язык народа» ... «был, так и останется навсегда – главным залогом и главным признаком народности», также было высказано сужение о необходимости разделения «русского» и «российского» языка как соответственно разговорного и официально литературного вариантов. Под первым Надеждин понимал тот, «которым Русь запросто пробавляется», под вторым – находящийся в официальном употреблении. Кроме того, он настоятельно рекомендовал изучить «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками [7, с. 111–112].

Во второй половине XIX века в антропологических и этнографических классификациях такой важный признак, как язык, отходит на второй план – он уступает свое прежнее главенствующее место антропологическим признакам (как более точным).

Основоположником российской этнографии справедливо считается Н.И. Надеждин, детально работавший предметное поле, методы и программу этнографических исследований, прежде всего отдельных славянских «народов» империи. Определяя характерные черты великороссов как одну из трех «ветвей» единого этноса, Надеждин настаивал на том, что главным способом их выявления должно служить сравнение с малороссами и белорусами по ряду параметров. Попытка сопоставления «географического значения» термина великороссы и его этнографического содержания привело Н.И. Надеждина к выводу о том, что они не соответствуют друг другу, так как Россия населена представителями многочисленных народов и племен, а великороссы населяют и земли за ее пределами. Он полагал также, что именно этнографический смысл понятия (т.е. само слово великороссы) гораздо более употребителен, нежели географический. Именно Надеждин зафиксировал главные отличительные свойства великорусского этноса, хотя под-

черкивал, что его отличия от малороссийского «оттенка» общерусской народности не являются столь значимыми, что позволило бы говорить о том, «будто это не один русский народ, а две отдельные народности» [7, с. 114–116].

Даже этнонимы – наименования «великоросс», «малоросс» и «белорус» – не были самоназваниями, а лингвистика на том этапе все еще не сформировала точных определений и иерархической модели славянских языков, наречий и поднаречий. Дискуссии продолжались вплоть до конца столетия [8, с. 9–11]. Здесь будет уместно обратиться к попыткам решения этой проблемы со стороны известного русского историка и филолога Алексея Александровича Шахматова, который, в частности, дал определение понятиям «язык», «наречия» и «поднаречия», классифицировал их и выстроил иерархическую модель соотношения. Причем делается это ученым с учетом исследований политической и племенной истории этнических групп, а также их племенного и культурного развития. Различия между упомянутыми терминами Шахматов рассматривал как относительные. По его мнению, о наречиях говорят там, где хотя бы противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях – там, где требуется указать, что они как части связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком, и т.д. [9, с. 7–10].

Безусловно, что во взглядах ученых рассматриваемого периода соотношение понятий «русский», «великорусский», «белорусский», «малорусский» и тому подобных могло существенно различаться. Тут следует особо отметить тот факт, что в научных и публицистических работах XIX века и вообще в историко-этнографическом дискурсе имело место употребление этнонимов русский и великорус в качестве синонимов. Зачастую термин «русские» постоянно используется в двух значениях: как наименование восточнославянской группы и как название одной из трех этнографических ее частей, поэтому даже в официальных данных смысл можно определить лишь с помощью контекстуального анализа. Представляется, что это было следствием некоей подсознательной констатации нациеобразующей роли русских и великорусов как одного или различных субъектов процесса формирования «единого русского народа». Тем более становилось важным определение племенных типов трех главных этнических групп «русского народа», где главным предметом спора оказался вопрос о времени и причинах появления различий «единой» русской этнической общности.

Так, например, для В.О. Ключевского и С.М. Соловьева представлялось бесспорным, что малорусское и великорусское племена есть не что иное, как ветви русского народа [10, с. 289; 11, с. 26]. Они видели причины разделения на две «отрасли» в этнографическом отношении, прежде всего, в природных и антропологических факторах – славяно-финской метисации в великорусском регионе и изменившихся географических и исторических условий для переселенцев с юга [10, с. 295].

Важным признаком определения этнической идентичности выступали черты физического облика. Хотя еще до антропологических разысканий была разработана расово-племенная концепция происхождения региональных этнических вариантов русского народа. Была распространена теория, которая объясняла различия трех русских «ветвей» процессом смешивания северо-западных славян с другими этническими группами, которому не подвергалось «южнорусское» или «западнорусское» население, ибо в исторической науке господствовала идея о наследственной передаче специфических этнических признаков, таких как внешний вид, характер этноса и его тип. Хотя сам факт смешения славян с местными этносами не ставился под сомнение, он довольно часто выступал основанием для полемики вокруг интерпретации последствий такого смешения. Как известно, некоторые польские и украинские историки усматривали в этом начала «испорченности» славянского типа, т.е. славянские племена подверглись столь сильному воздействию со стороны финно-угорского этноса, что их европейская составляющая могла быть поставлена под сомнение. Как результат, проблема интерпретации этногенеза отдельных народов стала тесно связанной с проблемой «национальной гордости» и самобытности.

Наличие подобных позиций в литературе было вызвано и чисто теоретическими дискуссиями о факторах, воздействующих на историческое развитие народов. Особенно это было заметно в интерпретациях процессов, происходящих с этносами в тесной связи с изменениями окружающей среды или политического подчинения и утраты независимости, а также в случае ассимиляционных процессов. Некоторые ученые считали, что «от одного изменения среды еще нельзя ожидать изменения и племенного типа, хотя это изменение почувствуется непременно в известных представителях в известной степени» [12, с. 45], и полагали метисацию более значимым видом воздействия на этнические свойства, поскольку она существенно ускоряет вероятные видоизменения этноса.

Несколько альтернативными были воззрения на эту проблему со стороны другого выдающегося историка второй половины XIX века Николая Ивановича Костомарова. В частности, изучая историю в этнонациональном плане, он в своей статье «Две русские народности» (1861 г.) впервые на концептуальном уровне системно осмысливает этнические, этносоциальные и этнокультурные различия между северной и южной ветвями восточных славян. Истоками этих отличий ученый считает времена Киевской Руси [13, с. 5].

Костомаров занимался теоретическим осмыслением «особенности» или даже «отдельности» украинского народа, которое противоречило официальной историографии, признававшей лишь единый русский народ в составе трех племен. Анализируя вопрос «о различии наших русских народностей», он ука-

зывает: «начало этого отличия теряется в глубокой древности, как и вообще распадение Славянского племени на отдельные народы. С тех пор как о Славянах явились известия у греческих писателей, они уже были разделены и стали известны то под общими отдами, то в разнообразии малых ветвей, из которых многие не знаешь куда приютить. Так, по Прокопию, Славянское племя разделяется на две большие ветви: Антов и Славов; по Иордану – на три: Славов, Антов и Венедов. Без сомнения, каждая из больших ветвей дробилась на меньшие... У Константина Порфирородного исчисляются уже разные мелкие ветви Славян. У нашего первоначального летописца отдел собственно Русских Славян изображается раздробленным на несколько ветвей, каждая с отличиями от другой, со своими обычаями и нравами. Без сомнения, между одними из них более взаимного сродства, чем между другими, и таким образом несколько этнографических ветвей начали, в более обобщенном образе своих признаков, представлять одну народность, так же, как и все вместе русско-славянские племена одну общую, Русскую, в отношении других славянских племен на юге» [13, с. 16].

Пытаясь найти признаки существования в племенную эпоху особой южно-русской народности в виде отдельной этнической общности, Костомаров пишет: «Прямо об этом в летописи не говорится; в этом отношении счастливее Белорусская народность, которая, под древним именем Кривичей, обозначается ясно на том пространстве, которое она занимала впоследствии и занимает в настоящее время со своим разделом на западную и восточную. На юге, в древности, упоминаются только народы, и нет для них общего сознательно-одинакового для всех названия. Но чего не договаривает летописец в своем этнографическом очерке, то дополняется самой историей и аналогией древнего этнографического разветвления с существующими в настоящее время» [13, с. 17–18].

В результате рассмотрения исторических процессов Костомаров пришел к выводу, что к XV веку в пределах восточнославянского мира образовались четыре этнотерриториальные общности (народности): Новгород, Московия, Литва (Беларусь) и Русь (Украина). Однако он отмечал, что к XVII веку этническая структура восточнославянского массива приобрела привычную для нас трехчленную структуру: Московия (Россия), Литва (Беларусь) и Русь (Украина). Причем «когда из разных земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русским, и народ его составлявший, усвоил знакомое прежде ему название и от признаков общих перенес его на более местные и частные признаки» [13, с. 19–20].

Стараясь определить принципиальные отличия и свойства малороссов и великороссов, которые сложились в рамках продолжительного и обособленного существования, Костомаров (как и его последователи) определял их в качестве равнозначных этнонациональных единиц на этнографической карте империи. Показательно, что в этом контексте о белорусах и их возможной «равнозначности» уже не писалось.

В этом отношении интерес представляет своеобразное «противостояние» Костомарова с другим участником разысканий в области этнонациональной ситуации в России – Михаилом Осиповичем Кояловичем. Так, в своих статьях Коялович часто предавался рассуждениям о древности белорусов и неосновательности характеристики их как производного от великороссов «племени» («Дети стариков кривичей... не могут быть представляемы юными историческими детьми севернорусского племени») [14, с. 221]. Суть построений Кояловича состояла в отрицании организующего принципа деления на костомаровской карте России: «...или мое разделение русской истории на восточную и западную, или Г. Костомарова, на северную и южную». Как отмечает российский исследователь М.Д. Долбилов: «Если для Костомарова “картографирование” по оси Север – Юг имело прикладное значение, будучи аргументом в пользу украинской самобытности, то для Кояловича это означало подрыв его способа легитимизации самобытности и личности внутри общерусского единства» [14, с. 221]. Обращая внимание на языковые особенности местного восточнославянского населения, Коялович в ответе Костомарову не скупился на резкие слова, относящиеся как к «мове», так и к самому принципу языкового обособления от более широкого сообщества Западной России: «...малороссийской мовы, ... которую стараются создать самым деспотичным образом и с забвением всех общих интересов западной России» [14, с. 222].

С критикой теорий Костомарова выступал также М.Ф. де Пуле. В своей публикации в «Русском вестнике» он настаивал на том, что существует только единый русский язык, в котором в XIII–XIV века начали выделяться сперва великорусское, а затем и малорусское наречия, окончательно сформировавшиеся не ранее начала XVII века и представляющие собой его части. Автор категорически возражал против употребления украинского языка в печати, школе, суде и в церкви [15, с. 211–215, 226–228].

Заключение. Из проведенного исследования видна своеобразная эволюция как взглядов, так и методов в деле изучения отдельных проблем славянской истории на фоне её общей политизации. В частности, наиболее существенным следует признавать попытки всестороннего анализа особенностей формирования отдельных славянских этносов, в том числе находившихся на стадии формирования наций. По-прежнему не было четкой схемы рассмотрения этнической истории во всем многообразии аспектов её затрагивающих, а на имевшие место попытки накладывались бытующие этногосударственные и этнонациональные стереотипы, а также обществено-политическая ситуация в регионе. Тем не менее можно отметить, что дефиниции терминов постепенно стандартизируются, установление исторического фона и лингвистической иерархии славян начинает происходить уже с учетом или на основании

исследований политической и племенной истории этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Следует отметить, что значительного уровня достигли вспомогательные дисциплины: источниковедение, палеография, археография и текстология. Более широкому обмену научной информацией способствовали издания по славистической библиографии. Расширилась тематика и углубилось научное содержание трудов по истории южных и западных славян. Широко использовались и подвергались углубленному критическому анализу источники, в том числе и архивные. Славянофильские тенденции в освещении славянской истории уходят в прошлое, основным направлением становится позитивизм, что проявилось во внимании историков к документам. Тем самым в дореволюционной историографии были намечены основные мотивы для дальнейших разработок славянского дискурса, особенно его лингвистической, этнологической, антропологической и археологической составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыпин, А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии / А.Н. Пыпин // Вестн. Европы. – М., 1889. – Т. V. – С. 257–305.
2. К 200-летию Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/06/15/k_200letiyu_izmaila_ivanovicha_sreznevskogo_18121880/. – Дата доступа: 10.05.2013.
3. Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М.: Алетейя, 2000. – 592 с.
4. Будилович, А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян / А. Будилович. – Киев, 1878–1882. – Ч. I–II. – 246 с.
5. Максимович, М.А. Филологические письма к М.П. Погодину / М.А. Максимович // Русская беседа. – М., 1856. – Кн. 3. – С. 78–139.
6. Погодин, М.П. Ответ на филологические письма М.А. Максимовича / М.П. Погодин // Русская беседа. – М., 1856. – Кн. 4. – С. 124–141.
7. Надеждин, Н.И. Этнографическое изучение народности русской (Часть 1) / Н.И. Надеждин // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 107–117.
8. Седов, В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – М., 1999. – 312 с.
9. Шахматов, А.А. Введение в курс истории русского языка / А.А. Шахматов. – Петроград: Научное дело, 1916. – 146 с.
10. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Собр. соч.: в 9-ти т. – М., 1987. – Т. I. – 430 с.
11. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Соч.: в 18-ти т. – М., 1991. – Т. 13. – 701 с.
12. Ешевский, С.В. Этнографические этюды. Введение в курс всеобщей истории / С.В. Ешевский. – СПб., 1862. – 74 с.
13. Костомаров, Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров. – Киев–Харьков: Майдан, 1991. – 72 с.
14. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
15. Де Пуле, М. К истории украинофильства / М.Де Пуле // Русск. вестн. – М., 1881. – № 3. – С. 210–234.

Поступила 28.06.2013

PROBLEM OF THE ORIGIN AND ETHNIC HISTORY OF SLAVS IN EASTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

R. SALAUYOU

The article is devoted to some peculiarities of the development of ideas of Slavic ethnic history among scientists in Eastern Europe (XIX – early XX centuries), as well as the analysis of processes that affected the choice of positions on this issue. Another side of the problem focused on the process of “nationalization” of history and the beginning of the formation of national historiography. On the base of the overall progress in the theory and methodology of history we can also see the transition from simple versions of the early Slavs history, based primarily on an analysis of the written tradition, to more weighted and detailed concepts that seek to take into account the full range of available information. Special attention was paid to the problem of historical and linguistic differentiation of the Eastern Slavs in the academic and political discourse of Eastern Europe.

УДК 94(476)«18/19»

**ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ В 1860-е ГОДЫ****Е.А. ПОДОРОЖНЯЯ***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

Анализируется организация системы управления в белорусско-литовских губерниях в 1860-е годы, когда в ходе реализации аграрной реформы 1861 года и подавления восстания 1863–1864 годов было создано временное военно-полицейское управление. Показано, что на всех высших и ответственных должностях местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи. Русификация чиновничьего аппарата обусловила создание особой системы служебных льгот и привилегий приезжим чиновникам. В результате в 1860-х годах в белорусско-литовских губерниях сложилась особая система управления с определенными механизмами формирования кадрового состава местной администрации. После снятия военного положения были ликвидированы военно-административные органы, однако продолжало действовать ограничительное законодательство.

Реализация аграрной реформы 1861 года и восстание 1863–1864 годов внесли коррективы в систему органов управления и должностных лиц белорусско-литовских губерний. С началом волнений в западных губерниях в начале августа 1861 года министр юстиции Д.Н. Замятин представил царю доклад относительно мер по прекращению волнений. По поручению Александра II Комитет министров работал и продемонстрировал проект мер в отношении территорий, на которых вводилось военное положение. На основании предложений 5 августа 1861 года был утвержден проект, предполагавший предоставление местному руководству особых прав. В частности, виленский генерал-губернатор и военный губернатор наделялись правом увольнять чиновников всех ведомств, отдавать их под суд в случае участия в восстании, утверждать приговоры военных судов, объявлять местности на военном положении, назначать военных начальников и др. [1, л. 3]. Первоначально было решено не подчинять Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии ни к одному из ближайших генерал-губернаторств, так как Вильно и Киев находились на значительном расстоянии от этих местностей, что могло создать дополнительные неудобства. С того же года в Витебской, Могилевской и Минской губерниях был введен институт временных военных губернаторов для борьбы с политическими выступлениями. Для удобства действий в случае введения военного положения по указу от 10 августа 1862 года Минская губерния была включена в состав Виленского генерал-губернаторства. В том же году был образован Виленский военный округ, и под руководство виленского генерал-губернатора отошли войска, расположенные в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях, а также командование отдельным корпусом жандармов в мирное время [2; 3].

В Западный комитет князем П.П. Гагариным была представлена записка, которую Александр II одобрил 31 декабря 1862 года. В записке подчеркивалась тесная связь Западного края с Российской империей, необходимость скорейшего завершения выкупа земли крестьянами, усиление православной церкви и народной русской школы в крае. Суть предложений по административным мерам сводилась к необходимости установления «энергичной правительственной власти», при участии «независимых высших судов» и «способных административных деятелей». Записка была дополнена министром внутренних дел, а именно необходимостью соблюдения единства в действиях властей и организации правильного подбора кадров в губернской и уездной администрации и полиции [4, л. 1–4, 15 об., 18–19 об.]. Этот вопрос был актуален, так как на начало 1860-х годов практически все административные и выборные должности в крае занимали чиновники римско-католического вероисповедания. Согласно донесениям находившегося в крае генерал-майора П.М. Мейера министру внутренних дел П.А. Валуеву от 23 октября 1861 года, в Минской губернии из 864 служащих только 43 чиновника, занимавшие преимущественно низшие должности, и до 100 писарей были православными, магометанами, лютеранами. Остальные должности занимали католики [6, л. 3–5].

В конце 1861 года в связи с выходом в отставку шести предводителей дворянства Гродненской губернии правительство отменило дворянские выборы в Гродненской и Виленской губерниях. Местная администрация получила право увольнять всех чиновников, включая предводителей дворянства. На основании указа от 28 ноября 1861 года в Витебской, Минской и Могилевской губерниях дворянские выборы также были отсрочены на неопределенный срок [6, с. 25, 30].

С началом восстания 9 февраля 1863 года Александр II утвердил проект П.А. Валуева, представленный в Западный комитет, согласно которому в западных губерниях создавалось централизованное государственное управление с целью окончательного присоединения края к Российской империи. В связи с политической обстановкой проект предполагал проведение здесь предстоящих буржуазных реформ с некоторыми отступлениями [7, л. 250].

Указом от 15 января 1863 года во всех губерниях края вводилось военное положение [8]. В условиях восстания 1863–1864 годов и ликвидации его последствий в руках виленского генерал-губернатора была сконцентрирована вся полнота власти. Он получил право отдавать под суд участников восстания и налагать секвестр на их имения (15 марта 1863 г.); учреждать особые военно-судебные комиссии; утверждать смертные приговоры военно-полевых судов; увольнять неблагонадежных служащих всех уровней (7 марта 1863 г.); учреждать должности военных начальников уездов и станов (13 марта 1863 г.), сельские вооруженные караулы (24 апреля 1863 г.); приглашать чиновников из разных мест империи для службы в крае (30 апреля 1863 г.) [9, с. 21].

Находившийся в то время на должности виленского генерал-губернатора В.И. Назимов был не в состоянии принять действенные меры по подавлению восстания. Еще в октябре 1860 года он представил царю записку, в которой обосновал изменения в управлении краем. Его предложения сводились исключительно к расширению русского представительства в культурной и образовательной сфере, поддержке православия, добровольному переселению русских крестьян [7, л. 10–15].

Новым виленским генерал-губернатором был назначен М.Н. Муравьев, который, еще находясь в Санкт-Петербурге, распорядился ввести военное положение в мае 1863 года в Витебской и Могилевской губерниях. Эти губернии были подчинены виленскому генерал-губернатору. По прибытии в Вильно М.Н. Муравьев 24 мая 1863 года направил местным властям инструкцию по организации управления на местах [10, с. 36–37].

В ходе подавления восстания образовалась сложная паутина властей как при центральном управлении, так и в низших инстанциях. Новая администрация обратилась к предложениям минского губернатора Э.К. Келлера, который еще в октябре 1861 года в условиях постоянных волнений в Западном крае предложил осуществить ряд административных мер: учредить полицейские суды, состав которых формировать из приезжих русских чиновников, а также привлечь военные силы для поддержания порядка [11, л. 8]. В каждом уезде было сформировано строгое военно-полицейское управление, во главе которого стоял уездный военный начальник, подчинявшийся виленскому генерал-губернатору. С целью эффективной борьбы с восстанием уезды были разделены на несколько военных участков. Военные начальники назначались совместным решением военного командования и местного губернатора преимущественно из штаб-офицеров [12, с. 4]. Там, где они уже были назначены и оказались недостаточно распорядительными, их заменяли новыми. В подчиненное положение к ним было поставлено все местное население. Основными задачами военных начальников было поддержание порядка на вверенной им территории, пресечение действий повстанцев, отдача участников восстания под суд, разоружение местного населения, выявление сочувствующих восстанию. Все эти меры проводились с помощью подчиненных им войск, полиции и сформированных из крестьянского населения сельской стражи и конных разъездов. Вместе с тем служащие военно-административного управления не должны были вмешиваться в дела гражданского и судебного делопроизводства.

При генерал-губернаторе с февраля 1863 по октябрь 1868 года действовала Виленская следственная комиссия по политическим делам для расследования дел участников восстания 1863–1864 годов, в состав которой входили управляющий политическим отделением канцелярии генерал-губернатора, начальник виленского губернского жандармского управления и 7 постоянных членов [13, л. 9]. На местах с весны 1863 по 1865 год действовали губернские и уездные следственные комиссии, которые подчинялись виленскому генерал-губернатору. Они оказывали содействие военно-уездным начальникам в розыске и проведении следствия над участниками восстания. В состав комиссий входили офицеры расположенных в окрестностях войск, судебные следователи и старшие заседатели уездных полицейских управлений [14, л. 35 об.].

Кроме того, при генерал-губернаторской канцелярии действовало особое отделение, учрежденное еще в результате восстания 1830–1831 годов. В 1863 году оно было переименовано в политическое отделение. В его функции входило рассмотрение дел об участниках восстания и ведение секретной корреспонденции. Делопроизводство отделения вел состоявший при виленском генерал-губернаторе дежурный штаб-офицер, а с началом беспорядков в крае к нему были прикомандированы два обер-аудитора и чиновник общей канцелярии. Согласно штатам от 11 мая 1863 года в состав политического отделения входили управляющий секретарь, его помощник и писари. В 1863 году был образован временный полевой аудиториат, который до 1867 года составлял доклады по военно-судебным делам [13, л. 10 об.].

Новая администрация приступила к пересмотру кадрового состава местных органов управления. Добровольная отставка 28 уездных предводителей дворянства, уездных судей и мировых посредников Гродненской губернии в начале 1863 года ускорила решение вопроса о полной замене их по всему краю правительственными чиновниками. По указу от 18 апреля 1863 года эти должности замещались служащими министерств внутренних дел, военного, госимуществ и юстиции [15, л. 1–18]. Набирались они из внутренних губерний России из чиновников и офицеров, не имевших в крае недвижимости и родственных связей. Принявших участие в восстании служащих или тех, кто самостоятельно покидал свои посты, увольняли с должностей и предавали военному суду, имения их подлежали конфискации. В первую очередь жесткая кадровая политика действовала при назначении предводителей дворянства, мировых по-

средников, председателей съездов мировых посредников и уездных исправников. Это был важный политический шаг, которым власти стремились ограничить влияние местных помещиков-католиков на крестьянство и его самоуправление, так как под непосредственным руководством мировых посредников проводились выборы волостных старшин и назначались волостные писари. На основании циркуляра М.Н. Муравьева от 7 июня 1863 года состоялись перевыборы в крестьянских обществах на должности волостных старшин и сельских старост под наблюдением уездных военных начальников [10, с. 120]. Распоряжением от 23 июня 1863 года в тех волостях, где по разным обстоятельствам не могли пройти перевыборы, назначались «благонадежные» старшины, сельские старосты и волостные писари из крестьян, по возможности православного вероисповедания [6, с. 16].

До снятия военного положения общее руководство белорусско-литовскими губерниями осуществлял виленский генерал-губернатор, которому подчинялись гражданские и военные губернаторы. В 1863 году виленскому генерал-губернатору было поручено контролировать устройство быта сельского населения. С 1 мая 1863 года обязательные отношения крестьян с помещиками прекращались в Виленской, Гродненской, Минской губерниях и 4 уездах Витебской губернии. Со 2 ноября 1863 года эта мера распространялась на Могилевскую губернию и белорусские уезды Витебской губернии. Все обязательные отношения между помещиками и поселенными на их землях временно-обязанными крестьянами в Могилевской губернии и 8 уездах Витебской губернии прекращались с 1 января 1864 года [16, л. 4, 8].

Муравьев установил систему ограничительных мер, которых придерживались последующие генерал-губернаторы. Основные положения этой системы были изложены в записке М.Н. Муравьева относительно устройства Северо-Западного края. Записка была представлена в Западный комитет и 27 мая 1864 года утверждена Александром II. Согласно этому документу католикам и иудеям был закрыт доступ на государственную службу, ограничено их представительство в органах городского самоуправления и частных учреждениях. Виленский генерал-губернатор получал право приглашать на службу в край чиновников по всем ведомствам. Предполагалось назначить чиновников русского происхождения на все высшие, врачебные и ветеринарные должности, а также на места отдельных начальников, находившихся в непосредственном соприкосновении с крестьянством [17, л. 2 об. – 5]. Это касалось и русских чиновников, женатых на польках. Таким образом, на все должности, включая выборные, служащими назначались по решению властей. Замена чиновников всех ведомств проводилась под контролем местной администрации, а за уволенными служащими устанавливался полицейский надзор.

Местные губернаторы обязались сообщать виленскому генерал-губернатору сведения о кандидатах на должности членов губернских учреждений, прокуроров, губернских и уездных стряпчих, судебных следователей, уездных судей, исправников, полицмейстеров и их помощников. Дополнительно прикладывались сведения о политической благонадежности кандидатов и вероисповедании их семей [6, с. 17].

В Северо-Западном крае происходила централизация власти. Местной администрации были предоставлены широкие полномочия, которые позволили ей находиться в независимом положении от центральных министерств и ведомств, за исключением министерств военного и финансов. Отсутствие земских учреждений, введение судебных уставов 1864 года со значительными ограничениями и опозданием (мировые суды – с 1872, а окружные – с 1883 г.) обусловили широкую компетенцию местных органов управления. В отличие от своих коллег во внутренних губерниях, местные губернаторы и их администрация занимались всеми вопросами земского хозяйства, влияли на судебные решения, а также курировали вопросы образования, обеспечения религиозной терпимости, решали политические и секретные дела, вопросы о надзоре полиции, о духовенстве, выдаче паспортов. Губернаторы белорусско-литовских губерний сохранили за собой значительную управленческую и контрольную функции. С августа 1865 года выдача свидетельств о политической благонадежности переходила из ведения военных уездных начальников и полицейских властей к местным губернаторам [18, л. 18].

В 1860-е годы вводились новые структурные единицы управления и должностные лица, которые должны были содействовать укреплению русского землевладения, православной церкви и образования на русских началах. Для контроля за деятельностью новых органов управления и проведением системы ограничительных мер по указу от 14 июля 1864 года вводилась временная должность помощника виленского генерал-губернатора, которая была ликвидирована в 1870 году. Помощниками виленского генерал-губернатора были генерал-майоры А.Л. Потапов (1864–1865), М.И. Чертков (1867–1868) и генерал-лейтенант князь П.Р. Багратион (1868–1870).

При управлении виленского генерал-губернатора действовали канцелярии общая, особая, по политическим делам, комиссии по крестьянским делам, по делам римско-католического духовенства, по еврейскому вопросу, по реализации указа от 10 декабря 1865 года и др. [19, л. 456]. Кроме того, была создана канцелярия по распространению русского землевладения в крае, которая занималась рассмотрением вопросов о праве получения ссуд и льгот для приобретения земельной собственности. Согласно изданным 30 августа 1867 года правилам в белорусско-литовских губерниях учреждались уездные оценочные и поверочные комиссии по оценке имений лиц, высланных из края за участие в восстании 1863–1864 годов.

Усилился контроль местной администрации за всеми сторонами жизни края. Под предлогом отсутствия достойных русских кандидатов на должности городских голов (председателей городской адми-

нистрации) по инициативе витебского губернатора В.Н. Веревкина в 1864 году Александр II разрешил назначать на эти должности служащих по усмотрению местных властей. Первоначально городское руководство было заменено в Динабурге, Режице и Полоцке, а в 1865–1866 годах – в Витебске, Люцине, Себеже, Городке и Лепеле [20, л. 60–61].

Восстание 1863–1864 годов повлияло на организацию и компетенцию полицейских органов. Наряду с прежними функциями местной полиции было поручено осуществление надзора за политическими настроениями населения, контроль за вернувшимися на родину студентами, за перемещениями и действиями помещиков-католиков. Ежемесячно полиция предоставляла губернатору соответствующие сведения [21, л. 2]. С целью поддержания порядка в крае, кроме общих жандармских управлений, были созданы дополнительно 50 уездных управлений. По распоряжению виленского генерал-губернатора в 1864 году во всех уездах были заведены обывательские книги, в которых фиксировались данные о местном населении [14, л. 39].

Несмотря на принятые меры, местные губернаторы отмечали недостаток полицейских кадров, а ограниченность бюджетных средств не позволяла увеличить их число, поэтому виленская администрация предпринимала отдельные шаги. В 1864 году в Витебской губернии М.Н. Муравьев разрешил временно увеличить содержание полицейских штатов на 13 тыс. руб. из сумм 10 %-ного сбора с имений помещиков-католиков. Конечно, отдельные меры не могли изменить общей ситуации. Полиция не справлялась с большим количеством дел. Так, в той же Витебской губернии в 1866 году под надзором полиции находилось 377 чел., из них по политическим делам 193 чел. (51 %) [20, л. 38 об., 53 об.].

В связи с восстанием и сменой кадрового состава во всех административных учреждениях увеличилось число поступавших дел. Новым чиновникам, прибывшим из внутренних губерний, требовалось время для ознакомления с делами. Так, по Витебской губернии за 1864 год количество входящих бумаг по всем учреждениям МВД превысило число поступивших в 1863 году на 36944, а число исходящих было больше на 73604 по сравнению с 1863 годом [14, л. 24–26]. В представленном 12 сентября 1864 года отчете члена Виленской временной комиссии по крестьянским делам Шаповалова на имя виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева сообщалось, что в Витебском губернском правлении делопроизводство находилось в плачевном состоянии, наблюдались беспорядок в ведении дел, отступление от правил, медленность в принятии решений (выкупные акты рассматривались по 3–4 месяца), неправильное взимание сборов. В том же году ревизировавший волостные правления член витебского губернского правления Розенбаум отмечал недостаток писарей и землемеров для завершения выкупных актов.

В 1866 году при губернаторах вводилась должность чиновников особых поручений с целью усиления контроля за местными органами управления. В их обязанности входило рассмотрение злоупотреблений со стороны городских дум, сиротских судов, контроль за делопроизводством по рекрутскому набору, наблюдение за правильностью получения гильдейских свидетельств, паспортов. Дополнительно в функции чиновников особых поручений в крае входило распоряжение конфискованными имениями, перешедшими в ведение управления госимуществ [19, л. 349 об.].

После подавления восстания центральные власти постепенно вносили изменения в организацию местного управления с целью упорядочения его действий. Так, для единообразия в наложении штрафов с 4 февраля 1866 года военные начальники и уездные жандармские и полицейские управления получали соответствующие разрешения только от виленского генерал-губернатора. Отметим, что порой действия местного руководства носили крайне репрессивный характер. За полтора года правления виленского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1865–1866) было собрано штрафов на сумму около 600 тыс. руб. [19, л. 120–123, 193]. Эта практика продолжилась и в последующие годы. По сведениям виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова, подобных взысканий в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях было: в 1868 году – 208; в 1869 – 325; в 1870 – 205 [22, л. 11 об.]. Система штрафов, дополнительный процентный сбор и пересмотр выкупных актов в пользу крестьян привели к разорению части средних и мелких помещиков, что привело к упадку помещичьего сельскохозяйственного производства.

Военное положение вызвало неразбериху в функционировании местных органов управления. На местах существовал целый ряд равноправных властей. При этом не были четко очерчены пределы компетенции каждого начальника, и иногда их функции смешивались или переходили в области ведения других инстанций. Например, военные начальники занимались обращением населения в православие, полицейские чиновники – постройками деревень [19, л. 457].

Наряду с общеадминистративными мерами с начала 1860-х годов в правительстве активно обсуждался вопрос о пересмотре административных границ в крае. Указом от 28 декабря 1861 года из Оршанского уезда был выделен Горецкий уезд Могилевской губернии. С началом восстания по предложению министра внутренних дел П.А. Валуева 4 февраля 1863 года Александр II поручил Западному комитету и правительству составить проект отделения западных губерний от остальной России согласно государственным и административным целям [23, л. 1 об.]. В результате по утвержденному положению Западного комитета от 22 мая 1864 года для удобства управления было решено провести межевание некоторых уездов в восточном направлении. В свою очередь, в ведомстве МВД некоторое время обсуждалась мысль о создании особой Пинской губернии в составе Мозырского, Кобринского, Брестского, Луцкого и Ковель-

ского уездов [24, л. 1–2]. Однако правительство не пошло на коренной пересмотр административных единиц края. Вместо этого были пересмотрены границы некоторых уездов путем перераспределения соседних волостей. Указом от 25 ноября 1866 года Суражский уезд Витебской губернии был разделен между соседними Велижским и Городокским с образованием дополнительных станов. В Минской губернии 14 января 1866 года Глыбокская слобода Борисовского уезда была причислена к Докшицам [25, с. 5, 9].

Для привлечения в край наиболее способных и добросовестных чиновников 12 декабря 1863 года царь утвердил Положение Главного комитета о предоставлении командированным чиновникам общих прав по чинопроизводству. Всем им предоставлялись служебные и материальные поощрения в виде подъемных и прогонных денег. Кроме того, согласно утвержденному положению Западного комитета от 5 марта 1864 года для приезжих русских чиновников ведомства МВД, кроме чинов городских и уездных полиций, производились дополнительные выплаты к жалованию в размере 50 % от их окладов. Первоначально льготы распространялись на Виленскую, Гродненскую и частично Минскую губернии. На основании «Правил о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам русского происхождения, служащим в Западных губерниях» от 21 ноября 1869 года действие льгот распространилось и на Витебскую и Могилевскую губернии. Местным уроженцам выплаты не полагались.

В результате к 1865 году освобождение от католиков местных государственных учреждений Беларуси было в основном закончено. Например, среди служащих Минского губернского управления госимуществ за 1868 год местные уроженцы составляли 31 % всего личного состава. В большинстве своем они занимали незначительные должности – писари, делопроизводители, архивариусы и т.д. На высшие должности назначались чиновники русского происхождения. Однако многие приезжие чиновники относились равнодушно к своему делу, были слабо знакомы с местными условиями и нуждами населения [26, л. 28]. В целом, осуществление программы по замене кадров на практике столкнулось с рядом трудностей. Слабыми сторонами управления оставались недостаточные полицейские штаты, недостаток врачей и способных техников-архитекторов русского происхождения. Власти не могли заменить сразу всех чиновников польского происхождения, поэтому оставшихся в государственных учреждениях католиков согласно циркулярам от 21 и 22 июля 1864 года проверяли на благонадежность. Для надзора за их действиями в губернскую судебную палату по гражданским делам назначался чиновник от правительства.

К середине 1860-х годов делопроизводство в губернских учреждениях уменьшилось. По сведениям витебского губернатора, эффективность их выполнения составляла около 99 % [20, л. 65–67]. На повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации недостатков в деятельности местного административного аппарата. В 1864 году должность временных военных губернаторов была упразднена, а их обязанности перешли к гражданским губернаторам. С 1867 года в губернии края вводились общеимперские штаты для губернских правлений и канцелярий губернаторов, принятые 8 июня 1865 года. К губернскому правлению присоединялись врачебная управа и комитет общественного здоровья в виде пятого отделения.

При виленском генерал-губернаторе А.Л. Потапове произошло некоторое смягчение репрессивных мер, которые, по большому счету, были призваны умиротворить край, но никак не меняли сути проводимой ограничительной политики. Так, в качестве политической уступки в 1868 году А.Л. Потапов исходатайствовал у Александра II разрешение на назначение католиков на должности предводителей дворянства в случае отсутствия кандидатов русского происхождения. Вместе с тем дополнительно 17 октября 1868 года был издан указ о запрете принимать на службу католиков по почтово-телеграфному ведомству, а тех, кто уже служил, запрещалось повышать в должности. В то же время в Виленской и Гродненской губерниях за 1868 год было привлечено к ответственности по политическим обвинениям 284 чел., в 1869 году – 457, в 1870 – 220 чел. [22, л. 18–18 об.].

Сохранение военного положения оказывало неблагоприятное воздействие на общее состояние края, поэтому указами от 27 июня и 2 ноября 1869 года в Могилевской и Витебской губерниях было снято военное положение. Губернии были выведены из подчинения виленского генерал-губернатора, и в них был восстановлен общий порядок управления. Все права и обязанности генерал-губернатора по выполнению особых постановлений, принятых вследствие восстания 1863–1864 годов, перешли к министру внутренних дел. На тех же основаниях 25 декабря 1870 года из состава генерал-губернаторства была выведена Минская губерния [22, л. 17 об.]. К этому времени в губернии был восстановлен порядок, окончательно составлены выкупные и люстрационные акты. По мнению правительства, дальнейшее сохранение Минской губернии в административной связи с литовскими губерниями могло препятствовать ее объединению с другими частями империи [16, л. 2–2 об.]. В то же время Виленская, Ковенская и Гродненская губернии продолжали оставаться в границах Виленского генерал-губернаторства.

С окончанием восстания ликвидировались военно-полицейские управления. Постепенно закрывались или реорганизовывались особые органы. Летом 1864 года были упразднены военно-становые начальники, а должности военно-уездных начальников просуществовали до 1868 года. Были ликвидированы в 1865 году и губернские следственные комиссии. В условиях жесткой экономии бюджетных средств и сокращения процентного сбора по предложению А.Л. Потапова на основании указа от 11 октября 1868 года реформирована Виленская следственная комиссия по политическим делам. Ее состав был сокращен вдвое – с 8 до 4 чел. [13, л. 9]. После упразднения временного полевого аудитория-

та указом от 25 августа 1867 года все дела были направлены в архив политического отделения, куда также поступили журналы заседаний из Виленской следственной комиссии по политическим делам. В итоге, в архив политического отделения было направлено 15944 дела, относящиеся ко времени с 1831 по 1867 год. В 1871 году политическое отделение было преобразовано в отделение по политическим делам и увеличен его штат двумя штаб-офицерами. Отделение просуществовало до 1884 года, когда его служащие влились в общий штат канцелярии генерал-губернатора [13, л. 10]. По распоряжению А.Л. Потапова в начале 1870 года была образована особая комиссия для учета конфискованной недвижимости, подлежащей переходу в казну или выдаче в качестве вознаграждений приезжим русским чиновникам [22, л. 70–71]. В 1871 году вместо особой комиссии было организовано отделение канцелярии по крестьянским делам при генерал-губернаторском управлении. В 1873 году это отделение и особая канцелярия по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае были заменены тремя столоначальниками, а при генерал-губернаторе назначены 2 чиновника особых поручений по крестьянским делам.

Таким образом, аграрная реформа 1861 года и восстание 1863–1864 годов послужили поводом к пересмотру прежней системы управления белорусско-литовскими губерниями. В крае было введено временное централизованное военно-полицейское управление, которое основывалось на иерархичности и подчинении низших звеньев высшим. Военно-полицейским органам были предоставлены широкие полномочия, объединившие военные, полицейские и жандармские власти в единое целое. Создавался эффективный аппарат для подавления восстания. Начальник этого управления, сосредоточив в своих руках власть над всеми военно-полицейскими органами и в некоторой степени над гражданской администрацией, практически действовал самостоятельно и фактически оказался вне контроля. Это наблюдалось и на низших ступенях военной административной лестницы. Все части системы управления были тесно связаны, однако их задачи часто переплетались. После снятия военного положения были ликвидированы военно-административные органы, однако продолжало действие ограничительное законодательство. Администрация в крае сохранила усиленные функции. Многие буржуазные реформы, вводившие в империи новые принципы управления и самоуправления, были проведены со значительными ограничениями. Все это отразилось на условиях деятельности органов управления в белорусско-литовских губерниях на протяжении второй половины XIX – начала XX века. Путем репрессий и унификации, в которой важная роль отводилась области управления и администрации, правительство стремилось превратить белорусско-литовские губернии в неотъемлемую часть Российской империи. Так как эффективность деятельности администрации зависела от кадрового состава чиновников, то административные должности на всех уровнях управления занимали преимущественно служащие русского происхождения. Большинство чиновников-католиков были отстранены от службы. Обновлению подверглись судебные, полицейские, городские учреждения, медицинский и учительский персонал. Принят был также ряд мер с целью увеличения их количества в крае. Русификация чиновничьего аппарата обусловила создание особой системы материальных и служебных льгот и преимуществ приезжим чиновникам. В результате в 1860-х годах в белорусско-литовских губерниях сложились особая система управления и механизмы формирования кадрового состава местной администрации. Несмотря на то, что с начала 1870-х годов были ликвидированы особые органы управления, созданные с целью подавления восстания, основные принципы деятельности и комплектования местной администрации сохранились до конца существования империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Высочайшие» указы по 1-му департаменту Сената об учреждении полицейских судов в западных губерниях и о правилах при объявлении каких-либо местностей западных губерний на военном положении (9 августа 1861 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге (ОР РНБ). – Фонд 379. Корнилов Ф.П. – Ед. хр. 230.
2. О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении. 5 августа 1861 г. // Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 36. – Отд. 2. – № 37328. – С. 225–226.
3. Высочайше утвержденное Положение о Главном Управлении войсками, входящими ныне в состав 1-й армии. 6 июля 1862 г. // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 37. – Отд. 1. – № 38452. – С. 660–661.
4. Соображения председателя Комитета министров П.П. Гагарина о различных мерах по усилению русификации в Северо-Западном и Юго-Западном краях и ограждении этих областей от польского влияния (31 декабря 1862 г.) // ОР РНБ. – Фонд 379. Корнилов, Ф.П. – Ед. хр. 327.
5. Следственная комиссия по восстанию 1863 г. по Минской губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1418. – Оп. 2. – Д. 1.
6. Справка по вопросу о назначении лиц польского происхождения и римско-католического исповедания на должности в Западном крае (По канцелярии Министра внутренних дел). – СПб., б. г. – 31 с.
7. Дело о введении в 9-ти западных губерниях управления аналогичного с управлением в центральных губерниях России (1862–1863) // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1282. – Оп. 2. – Д. 334.

8. Об объявлении пограничных с Царством Польским уездов Западных губерний на военном положении и о том, чтобы в случае появления шаек мятежников судить захваченных с оружием по полевым уголовным законам. 15 января 1863 г. // ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 38. – Отд. 1. – № 39169. – С. 67.
9. Доклад Совета по вопросу об изменении положения губернаторов согласно проекту Правительства о преобразовании Общего учреждения губернского. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 28 с.
10. Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 гг. / сост. Н. Цылов. – Вильна: Тип. Киркора и бр. Ромм, 1866. – IV, 384 с.
11. Следственная комиссия по восстанию 1863 г. по Минской губернии (1863–1864) // НИАБ. – Фонд 1418. – Оп. 2. – Д. 1.
12. Инструкция для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний. (24 мая 1864 г., Вильна) // Научно-справочная библиотека РГИА (НСБ РГИА). – Фонд 278. – Ед. хр. 6.
13. Дело об упразднении Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства // РГИА. – Фонд 1409. – Оп. 6. – Д. 1029.
14. Дело по всеподданнейшему отчету о губернаторе состоянии Витебской губернии за 1864 г. // РГИА. – Фонд 1281. – Оп. 7. – 1865. – Д. 51.
15. Дело о перемене и составе чиновников, служащих по выборам от дворянства за 1864 г. // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31753.
16. Дело о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам посредством выкупа земельного надела крестьянами // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31347.
17. Дело по записке генерала от Инфантерии М.Н. Муравьева о введении в северо-западных губерниях управления, аналогичного с управлением в центральных губерниях России // РГИА. – Фонд 1282. – Оп. 2. – Д. 346.
18. О взимании сборов с недвижимых имуществ лиц польского и еврейского происхождения // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 32021.
19. Рапорты чиновников Министерства внутренних дел П.А. Валуеву с приложением записок, ведомостей и др. материалов об экономическом и политическом положении в Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях // РГИА. – Фонд 908. – Оп. 1. – 1867 г. – Д. 279.
20. Дело по всеподданнейшему отчету губернатора о состоянии Витебской губернии за 1866 г. // РГИА. – Фонд 1281. – Оп. 7. – 1867 г. – Д. 77.
21. Дело о предоставлении губернатору ежемесячных отчетов о судебных делах участников восстания 1863 г. // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 33584.
22. Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1868, 1869 и 1870 г. // РГИА. – Фонд 1263. – Оп. 4. – Д. 46.
23. О пересмотре настоящего разграничения Западных губерний (1863–1864 гг.) // РГИА. – Фонд 1282. – Оп. 2. – Д. 339.
24. Записка неустановленного лица (без подписи) о новом административном делении Северо-Западного края (после 22 мая 1864 г.) // РГИА. – Фонд 908. – Оп. 1. – Д. 226.
25. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1887. – 74 с.
26. Св. кн. Н. Пл. Грузинский. «Записка виленского губернатора о расширении полномочий губернаторов Северо-Западного края по применению особых узаконений и мероприятий, последовавших для губерний сего края» [1901] // РГИА. – Фонд 1016. – Оп. 1. – Д. 1003.

Поступила 13.05.2013

ORGANIZATION OF THE GOVERNOR SYSTEM IN BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES IN 1860TH

E. PODOROZHNYAYA

The article deals with the organization of governor system in belarusian-lithuanian provinces in 1860th when after agrarian reform 1861 and revolt 1863–1864 provisional military-police governor system was created. On all responsible posts and the posts connected with the people, local officials were replaced with natives of the central provinces of Russian empire. Russification of the local state machinery entailed formation specific system of considerable monetary and office privileges. As a result there were created special governor and bureaucrat systems in 1860th in belarusian-lithuanian provinces. After repeal of martial law military-administrative establishments were liquidated, but restricted legislation was kept.

УДК [94(476)-058.224:821.161.3] “18”

**ЭДУАРД ТОМАШ МАССАЛЬСКИЙ О СТРАТЕГИЯХ ЭКСПЛУАТАЦИИ
БЕЛОРУССКОГО КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА**

*канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируется социальный роман писателя и публициста, уроженца Минщины, Э.Т. Массальского (1799–1879) «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831–1833). Рассматриваются стратегии эксплуатации крепостного крестьянства Беларуси первой половины XIX столетия (произвольное увеличение объёмов работ на барицине, использование крестьянского инвентаря и скота при работах на барицине, изъятие излишка продуктов, оплата за труд спиртным, принуждение к использованию платных услуг господских мельниц, завышение стоимости услуг, принуждение к раннему вступлению в брак, экономия на строительстве крестьянского жилья, ограничение мобильности крестьян). Выявляются идеологические предпосылки (идеология сарматизма) формирования характерных черт польской системы крепостного хозяйствования на белорусских землях.

Введение. Система эксплуатации крепостного крестьянства в Российской империи являлась одним из приоритетных объектов исследования в отечественной историографии XX века, которая рассматривала общественные процессы в ракурсе антагонистической борьбы классовых интересов. Насколько подобный подход модернизирует события прошлого, не «переводит» ли он историческую фабулу на язык конфронтации? Можно ли говорить об осознанных, приведённых в систему стратегиях эксплуатации крепостного крестьянства? Воспринималось ли социальное неравенство как несправедливость представителями привилегированного сословия?

Вышеизложенные вопросы будут обращены Эдуарду Томашу Массальскому (Фома Ануфриевич Массальский; 1799–1879), польскоязычному писателю и публицисту, уроженцу Минщины, автору социального романа «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy»; Вильно – С-Петербург, 1831–1833 [1]; в русском переводе: «Пан Подстолич, уездный роман»; С-Петербург, 1832–1833 [2]).

Основная часть. Многие польские популярные авторы XIX – начала XX столетия (например, беллетрист И. Крашевский [3], исследователи З. Глогер [4] и Е. Тышкевич [5]) в своих текстах создавали образ органичного симбиоза между польским паном и крепостным, относя, однако, его существование к стародавним «золотым временам». Роман Э.Т. Массальского «Пан Подстолич», прежде всего его первая часть «Крестьянин» [6], в своём критическом отношении к крепостной действительности кардинально расходится с традиционной консервативной апологетикой патриархальной бесконфликтности. Мнение Э.Т. Массальского представляет ценность именно как реакция современника, который даёт актуальную моральную оценку крепостным отношениям. Когда современный французский историк Даниэль Бовуа [7], сравнивая положение рабов на североамериканских плантациях с жизнью крепостных польского пана, выносит вердикт не в пользу последних, это может восприниматься как модернизационный, без учёта социально-культурного контекста, подход к оценкам исторических событий. Совершенно иное дело, когда Э.Т. Массальский пишет о неуважении человеческого достоинства и жестокости шляхты в отношении крепостных, отождествляя жизнь белорусского крестьянина и участь заморского чернокожего раба [6, с. 108]. Таким образом, исторические параллели рабства и крепостничества были очевидны и для непосредственных наблюдателей крепостной действительности, представителей самой польской интеллигенции.

Положение в крепостной деревне рассматривалось писателем как несомненный образец вырождения и деградации [6, с. 107–108]. Наибольшая нищета и запустение были характерны, по мнению Э.Т. Массальского, для крестьянских хозяйств Виленской, Гродненской, Минской губерний и «всей Беларуси» – в зоне польской системы хозяйствования. Причиной высокой смертности среди крепостного крестьянства Э.Т. Массальский считал «бесчеловечное угнетение», следствием которого были изнурительный труд, плохое питание, плохая одежда (дети не имели обуви и зимней одежды), невозможность женщин посвящать себя уходу за маленькими детьми, сырые избы, пьянство [6, с. 105–106]. Местные помещики зачастую при постройке жилья для крестьян экономили, не используя каменного фундамента и устраивая земляной пол, что ухудшало гигиенические характеристики помещения. Попытки некоторых помещиков строить для крестьян дома с дымоходами, но без деревянных полов и каменного фундамента, только ухудшали условия жизни в таком жилище в сравнении с курными избами и дискредитировали саму идею устройства дымоходов в крестьянской среде [6, с. 101]. Крестьянин, по мнению Э.Т. Массальского, вырождался, он описывает распространённый среди белорусов физический тип: «малорослый, малосильный, несообразительный, равнодушный и безынициативный», хотя, как указывает писатель,

предки белорусского крестьянина отличались высоким ростом и силой [6, с. 107]. Массальский отмечал черты вырождения и в отношении шляхты. Однако их причины были иные, нежели в крестьянской среде, а именно: привычка к комфорту, изнеженное воспитание детей, упадок нравов, бездеятельная жизнь, отвращение от военной службы [6, с. 109].

Причины несчастий местного крестьянства Э.Т. Массальский видит не только в самом факте существования крепостного права. По наблюдению писателя, у русских и польских помещиков была заметна разница в физическом и моральном состоянии крепостных крестьян [6, с. 112]. Он указывал на коренное отличие в отношении польских и российских помещиков к крепостному крестьянству. У польского пана к белорусскому крестьянину отсутствовало чувство национальной солидарности, которое прослеживается в патриархальных взаимоотношениях с православным крестьянством русского помещичьего дворянства. По мнению Э.Т. Массальского, «кротость в отношении к крестьянам» не является распространённой добродетелью в среде польского дворянства [6, с. 3–4]. Истоки особо жестокого отношения шляхты к крестьянству Э.Т. Массальский видит в сарматской теории, которая выводит происхождение привилегированного сословия от древних воинственных сарматов, покоривших якобы предков современных крестьян [6, с. 114–115]. Сарматская идеология обосновывала факт владения шляхтой крестьянами правом народа-победителя и рассматривала крестьянство как этнически чуждое население. В данном аспекте параллели с порядками на далёких заморских плантациях и отношениями между завоевателями-колонизаторами и рабами-туземцами, которые установились в Новом Свете после его «открытия» европейцами, вполне оправданны. Белорусская, шире – восточно-славянская, территория бывшего Великого Княжества Литовского рассматривалась в контексте сарматской идеологии как пространство колонизации. Данная идеологическая установка усугублялась постепенным падением нравов в шляхетской среде, недостатком образования, различиями в конфессиональной принадлежности польских господ и большинства местного крестьянства [6, с. 3–4].

Одной из причин бедственного положения белорусского крестьянства признавалось пьянство. Авторы, ратующие за патриархальную натуральность крепостных отношений, склонны были обвинять в распространении пьянства корчмарей-евреев. Последние якобы доводят крестьянство обманом до нищеты, приучают к безделью, бесхозяйственности и разврату и вводят самих помещиков в убыток, так как последние вынуждены помогать крестьянам продуктами питания и зерном [6, с. 28]. Массальский обнаруживает более глубокие корни данной проблемы. Хотя помещики могли запрещать корчмарям разносить водку крестьянам по домам, но сама практика передачи помещиками корчем в аренду являлась пагубной. С арендаторами шинков крестьяне рассчитывались либо зерном и домашними животными, либо отработывали долги, например, на лесных работах [6, с. 13]. За вырубку леса часто купцы уплачивали не напрямую крестьянам, а их пану, который оплачивал труд последних по своему усмотрению, иногда – водкой. Аналогично могло происходить и в случае найма на сельскохозяйственные работы в соседние поместья [6, с. 36–37]. Так раскручивался маховик алкоголизации – чтобы отработать долг корчмаря крестьянин нанимался на работу и получал от пана как вознаграждение – водку.

Падение цен на хлеб в течение первой половины XIX века приводило к тому, что помещики стремились компенсировать убыток, прибегая к различным стратегиям, которые носили часто экстенсивный характер. Чтобы компенсировать потери, засеивались большие площади, что в итоге приводило к переизбытку продукта и дальнейшему падению его цены. Увеличение площадей посевов требовало больших объёмов участия крестьян в барских работах. Из-за тяжёлой барщины крестьянские посевы не убирались в срок, что приводило к значительным потерям урожая. На господских работах использовался также крестьянский скот. Вышеназванные причины приводили к оскудению крестьянского рациона. Нередко возникал дефицит соли на крестьянском столе, что также ухудшало качество питания. От недоедания и тяжёлой работы женщины не могли полноценно выкармливать грудных детей, которые были ослаблены и умирали в младенческом возрасте [6, с. 37–39].

Объёмы отработок барщины за господскую землю не учитывали количество рабочих рук в семье. Три трудовых дня (мужских и женских), работа на дороге, возка дров, молотьба, унавоживание полей, стражи, толоки, перевозка леса и многие другие работы, которые не входят в барщину, были не под силу малой семье. Крестьяне даже в праздники выполняли определённые работы для пана – собирали в лесу ягоды, хмель, грибы, орехи. Зимой выполнялись работы по обмолоту и перевозке хлеба, чесанию шерсти, трепанию льна, тканью полотна для дворни [6, с. 42–44]. Объём барщины, по мнению Э.Т. Массальского, на землях польских помещиков был чрезвычайно завышен. Согласно его сведениям, день работы наёмного сельскохозяйственного работника оценивался в среднем в 15 копеек серебром, 20 десятин земли с постройками сдавали в аренду примерно за 1500 копеек серебром. Однако крестьянину пользование 20 десятинами обходилось в год с учётом барщины в 46802 копеек серебром [6, с. 120–121]. Традиционное бортничество становилось невыгодным занятием, так как помещики увеличивали объём взимаемой медовой дани до половины всего сбора [6, с. 60]. Общей проблемой являлось отсутствие у крестьян в

достаточном количестве упряжи и рабочего скота, из-за большой занятости на барщине крестьянские поля были плохо возделаны и не в срок засеяны [6, с. 107]. Помощь помещика своим крестьянам зерном в случае его недостатка действительно практиковалась, однако, как утверждает Э.Т. Массальский, она не была безвозмездной. Чаще выдавалась мякина, за которую крестьянин должен был отрабатывать как за полноценное зерно [6, с. 13].

Как замечает писатель, польское дворянство привыкло забирать у крестьянина весь излишек, оставляя ему минимум на пропитание. Даже когда по примеру российских помещиков шляхта выпускала своих крестьян на оброк, смысл этого решения выхолащивался, так как устанавливалась такая величина оброка, что крестьяне не чувствовали улучшения своего положения. Идея того, что крестьянин должен получать вознаграждение за свой труд, позволявшее ему делать определённые накопления, была, по мнению Э.Т. Массальского, чужда польскому помещику. На землю, её плоды и на самого крестьянина польский помещик смотрел как на собственность. Максимально, что допускало общественное шляхетское мнение – это некоторое улучшение бытовых условий жизни крестьянина [6, с. 118–120].

Работа на барщине продолжалась практически без отдыха, чтобы максимально использовать труд крепостных. Отработка барщины часто проводилась на далёких от деревни фольварках, значительное время, которое паном не учитывалось, у крестьян терялось на дороге. Если крестьяне приходили на барщину, и случался дождь, их отправляли назад. В результате они теряли значительную часть дня, которая также не учитывалась в счёт барщины. Работать на себя крестьянин мог более или менее свободно только в ненастье, когда его труд не был востребован паном [6, с. 44].

Как считал Э.Т. Массальский, неправильно понимаемая бережливость приводила к тому, что помещики вместо того, чтобы использовать механические молотилки, полагались на крестьянский труд. Хотя применение механизации, по мнению писателя, высвободило бы время крестьян для более продуктивных занятий (например, ремеслом) в зимнее время [6, с. 125]. Бесплатный труд крепостных мало ценился помещиками. Когда не было полевых работ, крестьян могли занимать рутинными, часто бессмысленными занятиями. Как пример Э.Т. Массальский приводит связывание лука в венки, которым женщины-крестьянки могли заниматься у пана днями напролёт. Таким образом, бесплатный труд не стимулировал помещиков к поиску интенсивных путей развития своего хозяйства [6, с. 127–128].

Мобильность крестьян была ограничена. Крестьянин мог отлучаться из своей деревни в фольварк, на мельницу, близлежащую ярмарку один или два раза в год [6, с. 22]. Помещики иногда прибегали к переселению крестьянских семей из обжитых деревень на пустоши и вырубки. Окультуренная крестьянами территория деревни в таком случае отдавалась под фольварк [6, с. 34–35]. Чтобы увеличить прибыль, помещики отбирали жернова у крестьян, и последние вынуждены были молоть зерно за плату у арендаторов помещичьих мельниц [6, с. 18].

Помещики были заинтересованы в росте количества крепостного крестьянства. С этой целью существовала практика поощрения к вступлению в брак сельской молодёжи. Однако высокая детская смертность нивелировала итоги данной стратегии [6, с. 111]. Крепостники выдавали дворовых девушек и крестьянок по своему усмотрению. Помещики с неохотой отпускали крепостных замуж в чужие волости [6, с. 72]. Нежелание родителей отдавать дочь по велению господ могло трактоваться как бунт. «Бунтовщиков» принуждали к исправительным работам на голодном пайке, секли плетью и розгами, заковывали в колоды, отдавали в рекруты молодых мужчин [6, с. 79]. Расправа могла исходить не только от барина, но и барыни, которая обычно лично занималась вопросом выдачи крепостных крестьянок замуж [6, с. 81–82].

Атрибутом власти эконома была плеть, которую он, не раздумывая, применял против крестьян [6, с. 88]. За опоздание крепостных избивали, во время работ надсмотрщики плетью подгоняли работников, запрещались разговоры [6, с. 44–45]. Крестьянин стоял в самом низу сельской иерархии. Его эксплуатировал и обирал не только помещик на правах владельца, но и корчмарь, эконо, писарь, органист, дворовые люди [6, с. 45]. Не удивительно, пишет Э.Т. Массальский, что во время мародёрских вылазок французов во время войны 1812 года крестьяне в своём большинстве участвовали в грабежах имущества своих хозяев [6, с. 54]. Преданность крепостных и слуг была чрезвычайно редким качеством. Ещё большей редкостью, по свидетельству писателя, являлась доброжелательность слуг, в той же мере, как и чувство справедливости и забота господ о нуждах своих крепостных [6, с. 50].

Заключение. Из проведенного исследования видно, что Э.Т. Массальский в первой книге своего романа «Пан Подстолич» создаёт образ упадка хозяйственной жизни и быта белорусского крепостного крестьянства, рассматриваемого писателем как следствие деградации моральных основ польского дворянского общества. Лениность, отсутствие благоразумия, надменность, тщеславие, недостаток средств и неумение их зарабатывать – таковы обобщённые характеристики крепостника-шляхтича, данные писателем на страницах этого романа.

Эдуард Томаш Массальский описывает основные стратегии эксплуатации крепостных, которые практиковались польскими землевладельцами (произвольное увеличение объёмов работ на барщине,

использование крестьянского инвентаря и скота при работах на барщине, изъятие излишка продуктов, оплата за труд водкой, принуждение к использованию платных услуг господских мельниц, завышение стоимости услуг, принуждение к раннему вступлению в брак, экономия на строительстве крестьянского жилья, ограничение мобильности крестьян). Их основополагающей характеристикой является экстенсивность. Трудовые, как и экологические, ресурсы края расходовались помещиками практически без создания условий их восстановления с целью получения максимальной прибыли в короткой перспективе. Морально дистанцироваться от плодов данной хозяйственной практики, которая истощала среду обитания и ставила на грань вырождения местное крестьянское население, помогала польским помещикам идеология сарматизма, внушающая местной шляхте комплекс завоевателей. Пытаясь найти аналог подобных практик элиты по отношению к людям труда, Э.Т. Массальский обращается к образу заморского раба на плантациях. Противопоставляя типичным крепостническим отношениям идеал просвещённого хозяйствования, писатель ссылается на литературные и реальные исторические прототипы: так, русский перевод романа писатель посвящает русскому филантропу Сергею Григорьевичу Строганову. Таким образом, роман Э.Т. Массальского «Пан Подстолич» проявляет как наличие сложившихся, опирающихся на расистскую по своей сути идеологию, стратегий эксплуатации крепостного крестьянства края местным польским дворянством, так и наличие в его среде просвещённого меньшинства, заявляющего публично о своём неприятии сложившейся системы эксплуатации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: w 5 częściach / E.T. Massalski. – Wilno–St. Petersburg, 1831–1833.
2. Массальский, Ф. Пан Подстолич: роман уездный: в 5 ч. / Ф. Массальский. – СПб., 1832–1833.
3. Kraszewski, J.I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J.I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J.K. Wilczyńskiego, 1860. – S. 136–139.
4. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – T. 2. – 1901. – S. 31.
5. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinkowskiego, 1847. – S. 197.
6. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: w 5 częściach. Część 1 / E.T. Massalski. – Wilno: W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – 143 s.
7. Beauvis, D. Demokracji szlacheckiej nie było: Rozmowa z Danielem Beauvois / D. Beauvis // gazeta.pl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.gazeta.pl/forum/w,639,35992493,35992493,_Drang_nach_Osten_po_polsku.html. – Дата доступа: 27.01.2006.

Поступила 04.01.2014

EDWARD MASSALSKY ABOUT OPERATING STRATEGY BELARUSSIAN SERFS

S. SHYDLOUSKI

Analyzes the social novel writer and journalist, born in Minsk Region, E.T. Massalsky (1799–1879) “Пан Подстолич” (“Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy”) (1831–1833). Operating strategies considered serfs Belarus first half of the nineteenth century (any increase in the volume of work on serfdom, the use of peasant stock and cattle when working on the corvee, the removal of excess products, pay for work of alcohol, compulsion to use paid services manorial mills, overstating the value of services, forcing to early marriage, saving on construction of peasant property, restriction of mobility of the peasants). Identified ideological premises (Sarmatian ideology) formation characteristics of the Polish economic system of serfdom in the Belarusian lands.

УДК 94(476).083

**ПАЛЕМІКА ПА ПЫТАННІ АГРАРНАГА РАЗВІЦЦЯ
ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯГА КРАЮ НА СТАРОНКАХ ПРЭСЫ
(ПАЧАТАК XX СТАГОДДЗЯ)**

А.П. ЦУМАРАВА

(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Па матэрыялах прэсы даследуюцца праблематыка аграрнага пытання, якая набыла асаблівую актуальнасць у 1905–1907 гадах. Паўночна-Заходні край ацэнены як небагаты сельскагаспадарчы рэгіён. Разгледжана крытыка прэсы ў аднас улады і адсутнасці відавочных рэформ. Прааналізавана ўзаемасувязь сельскагаспадарчага крызісу з сацыяльнымі і палітычнымі праблемамі, удзелам сялян у рэвалюцыі 1905–1907 гадоў, актывізацыі міграцыі беларускіх сялян у Сібір і Амерыку. Раскрыта дыскусія вакол перавагі “польскага” і апалчанага землеўладання ў краі. Агульная пазіцыя землеўладальнікаў ахарактарызавана як выбар умеранага, легальнага шляху для правядзення рэформ у аграрным сектары. Асветлена работа землеўпарадкавальных камісій, іх ўзаемадзеянне з Сялянскім банкам. Раскрыты праект польскай краёвай прэсы па рэфармаванні аграрнага сектара з мэтай пераарыентацыі сельскай гаспадаркі на садоўніцтва, агародніцтва, пчаларства, вытворчасць малочных прадуктаў, будаўніцтва сыравобных заводаў, развіцця агароднічасушыльнай галіны. Прадстаўлены станючы партрэт заможнага селяніна. На падставе даследаваных матэрыялаў паказана, што многія прапановы актуальныя і ў сучасным свеце.

Праблематыка аграрнага пытання набыла асаблівую актуальнасць у 1905–1907 гадах і займала значнае месца на старонках прэсы. Паўночна-Заходні край ацэнены небагатым сельскагаспадарчым рэгіёнам. Аграрнае развіццё беларускіх земляў было нераўнамерным ва ўсходняй і заходняй частцы, што прызнавалася на афіцыйным узроўні і не спрыяла стварэнню адзінай эканамічнай прасторы ў краі. Так, для абмеркавання і выказвання свайго стаўлення да “той формы аграрнага пытання, якая вылучана Дзяржаўнай Думай”, планавалася склікаць абласны з’езд “сельскіх гаспадароў”. Аднак у сувязі з рознымі ўзроўнямі аграрнага развіцця, ён быў падзелены на два параённых. Прадстаўнікі ўсходняй Беларусі ад губерняў (Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай) сабраліся ў Мінску; прадстаўнікі заходняй Беларусі і Літоўскіх губерняў – у горадзе Коўна [1].

Мэта даследвання – асвятліць палеміку ў прэсе па прычынах крызісу аграрнага сектара, вывучыць прапанаваныя практычныя меры землеўпарадкавання, развіцця капіталістычных рыс у сельскай гаспадарцы і іх значэнне для грамадства. Выбар крыніц абумоўлены выключным значэннем СМІ ў фармуляванні дыскурсу, хуткасці рэагавання на штодзённыя праблемы, уплывовасці на аўдыторыю.

Асноўная частка. Згодна з эканамічнай тэорыяй, прадстаўленай польскай прэсай, неспрыяльныя прыродныя ўмовы павінны былі садзейнічаць “сацыяльнай эвалюцыі”, развіццю па інтэнсіўнаму шляху. У такім выпадку “аграрная беднасць” замянялася “прамысловай вытворчасцю”. Аднак гэта было не характэрна для таго рэгіёну. Рысамі вядзення гаспадаркі з’яўляліся “марнатраўнае выкарыстанне лясных рэсурсаў ..., аддзяленне арэнды” [2; 3].

Звычайнымі “карцінамі” беларускага сялянскага жыцця апісаны “шэрае, самацкае адзенне, часта лапці замест ботаў, занябная, часам курная, з земляной падлогай, хатка, штогадовая нястача хлеба амаль заўжды з мкінай і бульбай” [4]. Беларуская прэса задавала пытанне: “Чаму ж той самы гаспадар мужык інакшы на Украіне, у Літве, у Польшчы, на Валыні?” [5]. Адзначана страшнае падзенне культуры беларускай вёскі, мясцовы селянін прадстаўляў “выключны” ў Расіі прыклад матэрыяльнай і духоўнай “галечы” [6]. У гэтым кантэксце газетай “Окраины России” вылучана задача: прыняць меры як мага “хуткага ўздыху”. У прэсе знайшлі адлюстраванне штодзённыя праблемы сялянства: наяўнасць церазпалосіцы, шнуравой гаспадаркі, пытанні аб карыстанні лесам і лугамі, адсутнасць крэдытавання вёскі (“меліярацыйнага і іншага крэдыту амаль няма”), праблема беднасці арандатараў [7; 8]. Эканамічныя праблемы актывізавалі сацыяльныя: распаўсюд “п’янства, непрыстойнасці” [2].

Газета “Окраины России” тлумачыла, што праблема бязладдзя сялянскага побыту, галеча сельскай гаспадаркі ганьбачы “адукаванае грамадства”. Стан вёсак і ніў, сялянскага насельніцтва апісаны, як бездапаможны, “рэжучы вока”, асабліва ў параўнанні з замежжам. Палітыка дзяржавы ў аграрным сектары прызнана безвыніковай: сорак год пасля рэформы прайшло ў занятках “сезоннымі пытаннямі”. Прычыны жаласнага стану бачыліся ў “палітыканстве лібералаў і кансерватараў”. Меры ўрада па павышэнні дабрабыту сельскай гаспадаркі расцэнены леваманархічнай газетай як бюракратычныя, вынікам якіх стала толькі папайненне дзяржаўнага архіва 28 тамамі актаў. У нявырашанасці аграрнага пытання бачыліся прычыны сацыяльнага расколу [9].

Пад’ём аграрнага руху ў краі на першым этапе рэвалюцыі 1905–1906 гадоў, на думку кансерватараў, быў ініцыяваны “рэвалюцыйнымі праграмамі ўскраін” [10]. Правая прэса падтрымала Пастанову

Совета Міністраў аб мерах процідзеяння аграрным хваляванням. Адназначна выказана падтрымка пазіцыі сельскіх таварыстваў, якія па сваіх прысудах выдавалі ў рукі ўлад актывістаў і ўдзельнікаў “аграрных беспарадкаў”. Такая жорсткая пазіцыя апраўдвалася неабходнасцю і патрэбамі “смутных дзён” [11]. На падставе карэспандэнцыі газеты “Віцебскі Голас” аб прысудах сельскіх таварыстваў Віцебскай губерні, зроблена выснова, што прычыны аграрных хваляванняў не мелі “палітычнай афарбоўкі”. Сяляне патрабавалі памяншэння арэнднай платы за землі, якія здаюцца ім памешчыкамі, забароны наймаць працоўных з іншых мясцовасцей і, такім чынам, працоўныя месцы аддаць карэнным жыхарам [12].

У прэсе адлюстравана актуальнае пытанне міграцыі беларускіх сялян у Сібір і Амерыку, абумоўленае, на думку польскай прэсы, адсутнасцю прамысловасці і працоўных месцаў [2]. Сярод губерняў з найбольшай колькасцю мігрантаў у Амерыку названы Ковенская, Віленская. У горадзе Тракі знаходзілася кантора па арганізацыі перасяленняў, у тым ліку нелегальных выездаў. Многія з’ехаўшыя ў Амерыку выклікалі туды сваіх сваякоў. Правая прэса ў ацэнцы гэтай з’явы зыходзіла з дзяржаўных інтарэсаў, адмоўна апісвала страту рабочых рук, выезд на заробкі ваеннаабавязаных, што выклікала па некаторых паветах “значны” недабор навабранцаў [13]. З гэтай думкай была салідарная газета “Kurjer Litewski” [2].

Для Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай губерняў быў характэрны накірунак эмігрантаў у Сібір. На прыкладзе Барысаўскага “найзбыднелага павета” газетай “Окраины России” разгледжана рашэнне праблем, якія ўзніклі па куплі-продажы зямлі перасяленца. Зямельны надзел ацэньваўся ў 300–400 ці 500 рублёў. Гэтую суму адначасова селянін выплаціць не мог, таму зямлю набывала каталіцкая шляхта. Сярод прычын неплацежаздольнасці праваслаўнага селяніна названы адмова Сялянскага банка ў прадастаўленні пазыкі пры куплі дробных зямельных участкаў, а таксама малалікасць праваслаўных памешчыкаў, якія не маглі аказаць дапамогі. Зыходзячы з абароны “рускіх інтарэсаў” у краі, правая прэса прапаноўвала ўладам забараніць продаж сялянскіх зямель разначынцам, а дазволіць толькі ва ўласнасць іншых сялян; абавязаць Сялянскі банк выдаваць пазыку. Такім чынам, было магчыма задаволіць інтарэсы сялян [14].

Асаблівасцю Паўночна-Заходняга краю з’яўлялася перавага “польскага” і апалячанага землеўладання. Дадзеная рыса аграрнага сектара, вынікаючая з палітычнай, культурнай і рэлігійнай спецыфікі, з’яўлялася дыскусійным пытаннем у грамадскім абмеркаванні і на старонках прэсы. Адзначана, што палікі “моцна трымаліся зямлі”. Такім чынам, землеўладанне для “польскага” элемента краю з’яўлялася падмуркам і апорай у далейшай культурнай і палітычнай барацьбе [15]. На думку землеўладальнікаў-каталікоў, прычыны крызісу сельскай гаспадаркі хаваліся ў эканамічным заняпадзе царскага рэжыму і ў палітычным ціску. Сваё становішча ў краі польскія землеўладальнікі расцэньвалі як фінансава стабільнае, давалі наступныя прагнозы ў газеце “Dziennik Wilenski”: “у эканамічных адносінах вялікія сродкі, вялікі капітал доўга яшчэ будуць прыцягваць на наш бок працуючы люд” [16].

Правая прэса бачыла прычыны крызісу ў векавым “нічога нядзеланні” для “Белай Русі” “польскіх паноў”, вынікам чаго з’явілася знішчэнне эканамічных рэсурсаў краю, “перакідванне” дабрабыту за мяжу. Аграрнае пытанне, такім чынам, разглядалася ў цесным перапляценні з польскім нацыянальным і рэлігійным пытаннем. Польскія памешчыкі абвінавачваліся ў прадурзятасці пры вырашэнні аграрных канфліктаў: на працу прымалі пераважна каталікоў, іх праца аплачвалася ўдвая. Сярод сродкаў падтрымкі “палякамі” сваіх прыхільнікаў указаны дапамога зямельных банкаў, выдача танных пазык [17].

У супастаўленні дастатку праваслаўнага і селяніна-каталіка адзначаны “параўнальны дабрабыт” апошняга. Доказам бядотнага становішча праваслаўнага селяніна з’яўляўся факт продажу хлеба, сабразнага для насення, і продаж жывога інвентару, які спекулятыўна скуплялі габрэі. Правай прэсай габрэі прадастаўлены эксплуатацыйныя ўмовы вясковай эканомікі, якія “высмоктвалі” з яе “апошнія сокі” [7].

У ліку прычын заняпаду сельскай гаспадаркі называлася дзейнасць “польскіх сельскагаспадарчых і земляробчых таварыстваў”, крытыка якіх пачыналася з супастаўлення дзейнасці сельскагаспадарчых аб’яднанняў у Прусіі, Літве і Белай Русі [15]. Адзначана, што ў канцы XIX стагоддзя ў Прусіі налічвалася 2780 сельскагаспадарчых таварыстваў, у якіх удзельнічала больш 150 000 членаў, у Літве і Белай Русі ў гэты ж час сфарміравалася толькі некалькі такіх таварыстваў. На думку расійскай прэсы, у апошніх мінушам была немагчымасць удзелу простага людзю, земляробаў. Сярод лепшых беларускіх таварыстваў названы мінскае і росіенскае. Правая прэса крытыкавала Віленскае сельскагаспадарчае аб’яднанне, яна лічыла дзейнасць многіх яго членаў намінальнай, бо яны ўступілі ў сферу іншых прафесій – сталі дактарамі, адвакатамі, чыгуначнымі агентамі, “сталі палітыканстваваць” і парвалі традыцыйную сувязь з сельскагаспадарчымі коламі [18].

Непакой правых сіл выклікала тэндэнцыя да аб’яднання сельскагаспадарчых таварыстваў у Паўночна-Заходнім краі. Так, Брэст-Літоўскае буйное аб’яднанне меркавала дзейнічаць салідарна з Ваўкавыскім і Слоніміскім. У адозненне ад правай прэсы, “Goniec Wilenski” падтрымаў гэты працэс, лічачы, што сельскагаспадарчае яднанне будзе больш плённым, чым культурнае [19].

Аграрнае пытанне было цесна пераплецена з палітычнымі пытаннямі, правядзеннем земскай рэформы, выбарамі ў Дзяржаўную Думу. Для выпрацоўкі агульнай праграмы актыўна дзейнічалі з’езды землеўладальнікаў. У Мінску старшынёй з’езда быў абраны Э. Вайніловіч, член Дзяржаўнага Савета [20]. Агульную пазіцыю землеўладальнікаў краю, выказаную на з’ездзе ў Вільні, можна ахарактарызаваць як

выбар ўмеранага легальнага шляху для дасягнення “пажаданах рэформаў” у аграрным сектары. Кадэцкая праграма па аграрным пытанні падвярглася рэзкай крытыцы. Член Дзяржаўнага Савета па выбарах ад землеўладальнікаў Паўночна-Заходняга краю І.О. Корвін-Мілеўскі назваў палітыку кадэцкай партыі “найвялікшым палітычным злачынствам”. Таксама землеўладальнікі краю падзялялі погляд Цыбульскага аб неабходнасці ўтварэння сельскагаспадарчых гурткоў, па прыкладу Галіцыі і Букавіны. Да ўдзелу ў сельскагаспадарчым аб’яднанні дапускаліся сяляне за невялікую плату ў выглядзе членскіх унёскаў. Амаль усе выказаліся супраць гвалтоўнай экспрапрыяцыі [21].

Матэрыялы прэсы сведчаць аб змене дзяржаўнага курсу ў бок ўсведамлення неабходнасці рэформаў з мэтай “прывесці сялянскае насельніцтва” да такіх формаў землекарыстання, пры якіх магчыма “правільнае вядзенне” сельскай гаспадаркі, падтрымка “асабістай ініцыятывы і прадпрымальнасці” гаспадароў. Прызнана, што існуючае землеўпарадкаванне прывяло сялян да “галечы, заняпаду гаспадаркі” і штогадоваму кармленню землеўладальніка “за кошт дзяржаўны, а значыць, за кошт таго ж народа” [22].

Важную функцыю ў рэфармаванні аграрнага сектара выконвалі землеўпарадкавальныя камісіі, дзейнасць якіх уважліва вывучалася прэсай. Стварэнне камісій у Паўночна-Заходнім краі пачалося з Вільні. Для вывучэння сітуацыі ў аграрным сектары былі створаны падкамісіі, якія распрацавалі правілы і формы збору статыстычных дадзеных па землеўладанні і землекарыстанні з мэтай усебаковага асвятлення эканамічнага становішча сялянства. Падкамісіі прапаноўвалі вывучэнне наступных прыватных пытанняў: “аб іпатэчнай запазычанасці, аб стане адыходных промыслаў і заробкаў, аб арэндзе ... паступаючых у распараджэнне павятовых землеўпарадкавальных камісій казённых і павятовых зямель” [23].

Прэса асвятляла ўзаемадзеянне землеўпарадкавальных камісій і Сялянскага банка. Так, камісіі ствараліся па ўказе ад 4 сакавіка 1906 года з мэтай садзейнічання Сялянскаму банку ў перапродажы памешчыцкай зямлі сялянам. Усе здзелкі Сялянскага банка павінны былі складацца толькі са згоды камісіі, усе канфлікты вырашаліся ў Пецярбургу саветам банка. Прэса шырока асвятляла дапамогу землеўпарадкавальнай камісіі ў пераходзе да хутарскай гаспадаркі, крэдытаванні. На думку прэсы, пры аказанні дапамогі трэба аддаць перавагу “малаземельным перад безземельнымі”. У вызначэнні паняцця “малаземельны” прысутнічалі варыянты: па матэрыялах “Магілёўскага Весніка”, селяніна лічылі малаземельным, калі на “душу мужчынскую” прыходзілася менш за 2 дзесяціны [24]. Крыху вышэй гэты паказчык быў у Рэчыцкім павеце і складаў “надзел да 2,5 дзесяцін” [25].

У Магілёўскай губерні ў працы землеўпарадкавальнай камісіі спрэчкі выклікала пытанне аб дазволе сялянам пры куплі зямлі браць пазыкі пад заклад гэтай жа зямлі. У выніку доўгіх і ажыўленых дэбатаў камісія вырашыла гэтае пытанне на карысць сялян, а таксама апісала працэдуру ацэнкі зямлі. Гэты працэс праводзіўся сумесна банкам і камісіяй, што павінна было ліквідаваць “спушташальную” для сялян мадэльнасць папярковых спраў. Прызнана неабходным садзейнічаць пераходу сялян да падворнай хутарскай гаспадаркі і падтрымліваць іх пазыкамі на прылады працы, на ўздым культуры [26].

Польская краёвая прэса прапаноўвала свой варыянт “хуткіх і відавочных” эканамічных рэформаў, якія складаліся ў пераарыентацыі сельскай гаспадаркі на “садоўніцтва, агародніцтва, пчалярства, вытворчасць малочных прадуктаў”, будаўніцтва сыраробных заводаў [27]. Вялікія магчымасці для інтэнсіфікацыі прапаноўвалі аграпрамысловыя выставы садоўніцтва ў Вільні, Мінску, Дзвінску, серыя выстаў буйной рагатай жывёлы [28]. На думку газеты “Kurjer Litewski”, заняпад садоўніцтва сведчыў аб значным крызісе, таму што нават перспектыва прыбыткаў для ўласніка не была перавесам перад імгненнымі “невялікімі” выдаткамі на дрэвы [27].

Прыкладам паспяховага прадпрымальніцтва прыведзена дзейнасць перадавога гаспадара Балвід-Бамулта, які арганізаваў у Мінску агароднінасушыльны завод. Прадпрымальнік прапаноўваў новае бачанне ў сферы “трансфармацыі нашай сельскай гаспадаркі”, пошуку “новых крыніц нацыянальнага дабрабыту”. Агароднінасушыльная галіна апісана прагрэсіўнай, паспяховай, прыбыткавай (32 % дывідэндаў). Мінскія заводы забяспечвалі перапрацаванай гароднінай расійскія рынкі, ажыццяўлялі ваенныя пастаўкі, прадукцыя экспартавалася ў Швецыю, Палестыну. Часта попыт перавышаў прапанову. На думку прадпрымальніка, адмоўнымі рысамі ў гаспадаранні было залішняе павелічэнне коштаў, імкненне дыктаваць густ спажыву [29].

Правая прэса таксама падтрымлівала новыя, капіталістычныя рысы, якія пранікалі ў вёску, працэс фарміравання сельскай буржуазіі з былых прыгонных. Прадстаўлены станоўчы партрэт заможнага селяніна. Ён ахарактарызаваны як “надзвычай працавіты”, праяўляў індывідуальную энергію; не прапусціць выпадку “зарабіць капейку”. Гэтым ён выгадна адрозніваўся ад аднавяскоўцаў. У гістарычным экскурсе адзначана, што толькі “рэформа 1863 года”, вызваленне сялян “выклікала да жыцця” індывідуальную энергію. Селянін-уласнік расійскай прэсай бачыўся як антыпод пана і “польска-шляхецкага” прыгнёту [15].

Заклучэнне. Эканамічнае развіццё Паўночна-Заходняга краю расійскай кансерватыўнай і польскай краёвай прэсай ацэнена як слабае, з рысамі крызісу. Прэса адкрыта крытыкавала стан аграрнага сектара. Абапіраючыся на сялян, правая прэса выступала супраць буйных “апалячаных” землеўладаль-

нікаў і дапускала пераразмеркаванне зямельнай уласнасці. Падтрымлівалася станаўленне сельскай буржуазіі. Польская прэса прапаноўвала шэраг рэформаў для паляпшэння эканамічнага развіцця. Многія з іх, на наш погляд, актуальныя і ў сучасным свеце.

ЛІТАРАТУРА

1. Хроника // Окраины России. – 1906. – № 17. – С. 297.
2. Ostroróg-Sadowski, J. Uprzemysłowanie Litwy / J. Ostroróg-Sadowski // Kurjer Litewski. – 1905. – № 1. – Wilno, czwartók, dnia 1 (14) wrzesnia. – С. 2.
3. Z handlu drzewem // Kurjer Litewski – 1905. – № 4. – Wilno, niedziela, dnia 4 (17) wrzesnia. – С. 3.
4. Свой. Обзорение событий и окраинная жизнь. Гродно // Окраины России. – 1908. – № 15–16. – С. 236–237.
5. Юлька з Моладава. Велики час // Беларуски календар «Нашае Нивы» на 1913 г. – Вильно: М. Кухты. – 1913. – С. 87–89.
6. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1910. – № 18. – С. 271.
7. Эльфи. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1906. – № 43–44. – С. 741.
8. Якия невыгады шнуравой гаспадарки // Першы Беларуски календар «Нашае Нивы» на 1910 г. – Вильно: М. Кухты. – 1910. – С. 41.
9. Неустройство крестьянского быта и хозяйства // Окраины России. – 1906. – № 12. – С. 205–206.
10. Передовая // Окраины России. – 1906. – № 1. – С. 6.
11. Хроника // Окраины России. – 1906. – № 5. – С. 82.
12. Обзор печати // Окраины России. – 1906. – № 3. – С. 58.
13. Письмо белоруса // Окраины России. – 1907. – № 15. – С. 241.
14. Обзорение событий и окраинная жизнь. Минск // Окраины России. – 1908. – № 24. – С. 368.
15. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1909. – № 31–32. – С. 460–461.
16. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1908. – № 3. – С. 39.
17. В «Русском окраинном обществе» // Окраины России. – 1909. – № 18. – С. 268.
18. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1908. – № 22. – С. 332–334.
19. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1908. – № 47. – С. 678.
20. Съезд землевладельцев в Минске // Окраины России. – 1906. – № 24. – С. 406–407.
21. Текущие вопросы из Северо-Западного края // Окраины России. – 1906. – № 32. – С. 531.
22. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – № 39. – С. 662.
23. Хроника // Окраины России. – 1906. – № 24. – С. 408.
24. Обзорение событий и окраинная жизнь // Окраины России. – 1906. – № 28. – С. 479.
25. Хроника. Экономическая жизнь // Окраины России. – 1906. – № 25–26. – С. 427.
26. Хроника // Окраины России. – 1906. – № 29–30. – С. 494.
27. Sadowictwo i owocarstwo // Kurjer Litewski. – 1905. – № 9 – Wilno, niedziela, dnia 11 (24) wrzesnia. – С. 2–3.
28. Rosienie. Wystawy // Kurjer Litewski. – 1905. – № 11 – Wilno, sroda, dnia 14 (27) wrzesnia. – С. 2.
29. Minsk. Suszenie warzyw // Kurjer Litewski. – 1905. – № 13 – Wilno, piątek, dnia 16 (29) września. – С. 3.

Пастыніў 18.09.2013

THE CONTROVERSY ON THE AGRICULTURAL DEVELOPMENT OF THE NORTH-WESTERN TERRITORY IN THE PRESS (EARLY XX CENTURIES)

A. TSUMARAVA

In the article on the press materials studied problems of the agrarian question, which has become particularly relevant in 1905–1907. North-Western Territory assessed affluent agricultural region. We consider the criticism of the press to the government and the absence of reforms. The relationship of agricultural crisis with social and political problems involving peasants in the revolution of 1905–1907, activation migration Belarusian peasants in Siberia and America. Revealed the superiority of the discussion about the “Polish” estates in North-Western Territory. Common position of the landowners described as moderate choice, legal way for reforms in the agricultural sector. Lit work surveying commissions, their interaction with the Farmers Bank. Disclosed the project boundary of the Polish press to reform the agricultural sector to reorient agriculture horticulture, gardening, beekeeping, dairy, cheese factory building, the development of vegetable dehydration industry. By presenting the portrait of a wealthy farmer. On the basis of the materials studied, the author believes that many of the suggestions are relevant to the modern world.

УДК 94(476)“1864”:94(470)

**БАРАЦЬБА ВА ЎРАДАВЫХ КОЛАХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ
ВАКОЛ ПРАВЯДЗЕННЯ СУДОВАЙ РЭФОРМЫ 1864 ГОДА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ***канд. гіст. навук І.Г. ГУШЧЫНСКІ**(Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Мінск)*

Разглядаецца тэматыка барацьбы ва ўрадавых колах Расійскай імперыі вакол правядзення на тэрыторыі Беларусі судовай рэформы 1864 года. Прадметам вострых дыскусій былі галоўным чынам пытанні, звязаныя ўвогуле з магчымасцю яе ўвядзення, а таксама з выняткамі з судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года ў адносінах менавіта да гэтых зямель (адмена выбарнасці міравых суддзяў, кантроль над імі з боку адміністрацыйных улад, абмежаванні для прадстаўнікоў неправаслаўных канфесій пры фарміраванні складу прысяжных засядацеляў і г.д.). Гэта стала следствам палітычных, рэлігійных і іншых асаблівасцей, уласцівых беларускім землям у той перыяд. У дадзеных дыскусіях знайшла адлюстраванне супярэчлівасць палітыкі самадзяржаўя адносна тэрыторый, далучаных да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай. Яна мела мэтай канчатковае іх зліццё з унутранымі губернямі імперыі, але пры гэтым захоўвала асобы палітыка-прававы статус краю.

Падпісанне 20 лістапада 1864 года Аляксандрам II судовых статутаў азначала пачатак правядзення ў Расійскай імперыі судовай рэформы, якая прадугледжвала шэраг буржуазных прынцыпаў судаводства і судаўладкавання: нязменнасць суддзяў, галоснасць, вуснасць, спаборнасць, аддзяленне суда ад адміністрацыі, выбарнасць часткі судовых органаў. Пытанні, звязаныя з рэалізацыяй гэтай рэформы на тэрыторыі Беларусі (аб увогуле магчымасці і часе яе ўвядзення, вынятках з агульных правілаў у адносінах менавіта для гэтых зямель і г.д.), сталі на доўгі час прадметам вострых дыскусій ва ўрадавых колах, што было звязана з палітычнымі, рэлігійнымі і іншымі асаблівасцямі, уласцівымі дадзенай частцы імперыі.

Разглядаемая намі праблема дагэтуль не была прадметам спецыяльных гістарычных даследаванняў. У той жа час некаторыя яе аспекты (абмеркаванне ва ўрадзе магчымасці выбарнасці міравых суддзяў, выкарыстання суда прысяжных і некаторыя іншыя) былі закрануты шэрагам гісторыкаў у кантэксце асвятлення працэсу падрыхтоўкі да ўвядзення судовай рэформы 1864 года на беларускіх землях [1–5]. Раскрыццё пазіцый Міністэрства юстыцыі, Міністэрства ўнутраных спраў, мясцовых адміністрацыйных улад і іншых групавак ва ўрадзе адносна мэтазгоднасці, тэрмінаў і ўмоў распаўсюджвання на так званы Заходні край судовых статутаў дазваляе выявіць як прычыны першапачатковай адмовы самадзяржаўя ад такой ідэі, так і затым матывы прыняцця рашэння аб неабходнасці іх увядзення, прычым у значна абмежаваным выглядзе. Акрамя таго, гэта дае магчымасць лепш зразумець увогуле палітыку самадзяржаўя, накіраваную на палітычную, сацыяльную і іншую інтэграцыю зямель, далучаных да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай, з унутранымі губернямі імперыі.

У пачатку 1860-х гадоў урадам праводзіліся падрыхтоўчыя мерапрыемствы да правядзення судовай рэформы (збор судова-статыстычных звестак, меркаванняў прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі і судовага ведамства адносна будучых пераўтварэнняў і г.д.). Гэта датычыла і беларускіх зямель. На дадзеным этапе пытанне аб неметазгоднасці правядзення тут судовай рэформы, фактычна, пакуль што не ўздымалася. Прадстаўнікамі царскай адміністрацыі яна бачылася як сродак “узмацнення рускага элемента” ў краі. У той жа час вышэйшае судовае чыноўніцтва заходніх губерняў, у цэлым прызнаючы неабходнасць рэформы, адзначала фактары, якія перашкаджалі яе правядзенню: апазіцыйнасць “прапольскі настроенай” шляхты, недастатковая колькасць рускіх памешчыкаў, засілле яўрэйскай буржуазіі.

Аляксандрам II былі падпісаныя 20 лістапада 1864 года судовыя статуты, якія ўяўлялі сабой змест судовай рэформы. Аднак тэрміны непасрэднага адкрыцця судовых устаноў новага ўзору пакуль заставаліся нявызначанымі. Ва ўнутраных губернях імперыі гэта пачалося толькі ў 1866 годзе. Што датычыць увядзення судовай рэформы на тэрыторыі Беларусі, то мясцовая вышэйшая судовая адміністрацыя прытрымлівалася думкі, што гэта можа адбыцца ў той жа час, як і ва ўнутрырасійскіх губернях, але з пэўнымі выняткамі (перш за ўсё прызначэнне міравых суддзяў ад урада, а таксама абмежаванні для асоб неправаслаўных веравызнанняў пры падборы кандыдатаў на судовыя пасады і фарміраванні складу прысяжных засядацеляў) [6, арк. 3; 7, арк. 9 адв. – 12 адв.]. Аднак кіраўніцтва краіны палічыла, што ўвядзенне ліберальнага пачатку ў судовую сферу на тэрыторыі, дзе яшчэ нядаўна адбываліся антыўрадавыя ўзброеныя выступленні (паўстанне 1863–1864 гг.), пакуль немагчыма. Таксама гэта было звязана з вельмі моцнымі пазіцыямі тут дваранства каталіцкага веравызнання [4, с. 20].

Тэма распаўсюджвання судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года на беларускія землі зноў стала актуальнай ва ўрадавых колах з канца 1860-х гадоў. Ініцыятыва выходзіла, па-першае, ад Міністэрства юстыцыі, якое ставіла задачу ўдасканаліць сістэму судаўладкавання і працэс судаводства, па-другое, ад

мясцовой адміністрацыі, якая бачыла ў судовай рэформе пашырэнне і ўмацаванне сацыяльнай базы ўлады, а таксама сродак далейшай інтэграцыі гэтых зямель у склад імперыі. Некаторы час Аляксандр II і ўрад вагаліся. З аднаго боку, яны імкнуліся выкарыстаць увядзенне судовай рэформы ў Беларусі дзеля падтрымкі сябе з боку мясцовага маёнткавага дваранства; з другога – ва ўрадавых колах мела месца заклапочанасць магчымымі негатыўнымі наступствамі распаўсюджвання сюды такіх прынцыпаў судовай рэформы 1864 года, як аддзяленне суда ад адміністрацыі, выбарнасць суддзяў і г.д. Пасля доўгіх узгадненняў было вырашана ўводзіць новыя судовыя ўстановы тут паступова: спачатку міравыя суды, затым агульныя (акруговыя суды і судовыя палаты).

Міністэрству юстыцыі 30 чэрвеня 1868 года было загадана скласці праект правілаў увядзення міравых судов у губернях, дзе не дзейнічалі земскія ўстановы [8, арк. 1 – 2]. Неўзабаве (пачатак 1869 г.) убачыў свет адпаведны папярэдні праект, згодна з якім суддзі павінны былі прызначацца ад урада (міністрам юстыцыі) на нявызначаны тэрмін; цэнзу не патрабавалася, бо гэта спрашчала магчымасць замяшчаць гэтыя пасады ўраджэнцамі іншых губерняў. Падчас абмеркавання дадзенага праекта ва ўрадзе разгарэліся дыскусіі аб магчымасці выбарнасці суддзяў, кантролі над імі з боку мясцовой адміністрацыі, памеры цэнзу і г.д. За значна абмежаваны характар функцыянавання ў Заходнім краі інстытута міравых суддзяў выступала галоўным чынам Міністэрства ўнутраных спраў (МУС), хаця ў цэлым падтрымлівала ідэю іх увядзення ў дадзеным рэгіёне. Так, у водзеве МУС ад 7 жніўня 1869 года на згаданы папярэдні праект Міністэрства юстыцыі гаварылася: міравыя суддзі павінны прызначацца па прадстаўленні мясцовых губернатараў; па кандыдатурах ганаровых міравых суддзяў трэба ўлічваць меркаванні генерал-губернатараў; мясцовае адміністрацыйнае начальства павінна мець права пратэсту на прыгаворы міравых суддзяў і з'ездаў па справах аб парушэнні парадку кіравання і г.д. [8, арк. 224 адв. – 231].

Указ аб увядзенні ў 9-ці заходніх губернях міравых судовых устаноў быў падпісаны Аляксандрам II 23 чэрвеня 1871 года. Гэты заканадаўчы акт прадугледжваў для дадзеных тэрыторый шэраг выключэнняў з судовых статутаў ад 20 лістапада 1864 года. Галоўнае з іх – замена выбарнасці міравых суддзяў прызначэннем іх ад урада, а дакладней – міністрам юстыцыі. У той жа час патрабаванні Міністэрства ўнутраных спраў, а таксама генерал-губернатараў і губернатараў заходніх губерняў адносна кантролю з боку адміністрацыйных улад над міравымі суддзямі ў законе адлюстравання не знайшлі. Адзначым, што ўжо на дадзеным этапе з Міністэрства юстыцыі пачала зыходзіць ініцыятыва хутчэйшага пераходу да выбарнага пачатку ў фарміраванні корпуса міравых суддзяў у заходніх губернях, нягледзячы нават на адсутнасць тут земстваў. Міністр юстыцыі К.І. Пален яшчэ 15 чэрвеня 1871 года прапаноўваў міністру ўнутраных спраў А.Я. Цімашаву прапрацаваць магчымасць іх выбарнасці ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях, а таксама Паўднёва-Заходнім краі [9, ч. Іа, арк. 1 адв. – 2]. Аднак падтрымкі гэта ідэя не атрымала. Так, 26 кастрычніка 1872 года Кіеўскі генерал-губернатар А.М. Дандукоў-Корсакаў адзначаў, што выбарныя міравыя суддзі “вельмі часта складаюць не падтрымку, а прадмет новых цяжкасцей і прыдзірлівых спрэчак з адміністрацыяй”. Аляксандрам II на гэтым меркаванні была зроблена пазнака: “Цалкам справядліва, як мы бачым з сумных вопытаў” [9, ч. Іа, арк. 45]. Па агульным меркаванні Мінскага, Віцебскага і Магілёўскага губернатараў, выказаным таксама восенню 1872 года, выбарнасць міравых суддзяў не магла яшчэ тут быць магчымай, бо “асобы польскага паходжання” накіроўвалі б свае намаганні на выбар іх выключна са свайго асяродку. Аднак і ў выпадку ўвядзення абмежавання па нацыянальна-рэлігійнай прыкмеце, па іх словах, ні ў адным павеце не знайшлося б дастатковай колькасці кандыдатаў, якія б адказвалі адпаведным патрабаванням. З гэтым быў згодзен і міністр унутраных спраў, які таксама адзначаў, што гэта прывяло б да росту раздражнення і раз'яднання сярод мясцовага насельніцтва [9, ч. Іа, арк. 52], таму лічыў мэтазгодным пачакаць “указанняў практыкі” аб дзейнасці міравых судов [9, ч. Іа, арк. 39–40]. Аднак і ў далейшым ідэя выбарнасці міравых суддзяў на тэрыторыі Беларусі так і не была рэалізавана.

Міравыя суды пачалі сваю працу ў Беларусі вясной 1872 года. Увядзенне ж акруговых судов тут адбылося толькі ў канцы 1883 года. Але было б няправільным сцвярджаць, што ўрад увесць гэты час быў супраць далейшага распаўсюджвання судовых статутаў 20 лістапада 1864 года на дадзеную тэрыторыю. Падрыхтоўка да адкрыцця тут судовых палат і акруговых судов пачалася адразу пасля ўвядзення ў дадзеных губернях інстытута міравых суддзяў. Яшчэ 15 чэрвеня 1871 года ва ўжо згаданай запісцы міністра юстыцыі К.І. Палена на імя міністра ўнутраных спраў А.Я. Цімашава прапаноўвалася адразу пасля адкрыцця міравых судов прыступіць да ўвядзення агульных судовых устаноў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях [9, ч. Іа, арк. 1] (у 1873 – 1874 гадах адпаведныя праекты Міністэрства юстыцыі прадугледжвалі гэта ўжо ў адносінах да ўсіх 9-ці заходніх губерняў). Найбольшыя дыскусіі на дадзеным этапе выклікала магчымасць распаўсюджвання на ўказаныя тэрыторыі і ў якой форме інстытута прысяжных засядацеляў. У канцы 1872 года МУС прадставіла па гэтым пытанні свае меркаванні, заснаваныя галоўным чынам на заўвагах мясцовых губернатараў. Прадугледжвалася, па-першае, увесці абмежаванні для яўрэяў (не больш 1/3 ад агульнай колькасці прысяжных пры вырашэнні справы), а па-другое, выключыць з падсуднасці суда прысяжных пэўныя катэгорыі спраў (па злачынствах: рэлігійных, дзяржаўных, служ-

бовых, супраць парадку кіравання, пастанаўленняў аб дзяржаўных павіннасцях, маёмасці і даходаў казны) [9, ч. Іа, арк. 54 – 55]. Супрацьлеглую пазіцыю заняў, як не дзіўна, начальнік II аддзялення імператарскай канцылярыі С.М. Урусаў, які быў вядомы сваімі кансерватыўнымі поглядамі, за што быў называны А.Ф. Коні “найбольш шкодным чалавекам” перыяду кіравання Аляксандра II. У 1874 годзе ён у перапісцы з Міністэрствам юстыцыі выступіў супраць абмежаванняў для яўрэяў пры фарміраванні складу прысяжных засядацеляў, а таксама не падтрымаў выключэнне некаторых катэгорый спраў з падсуднасці суда прысяжных [9, ч. Іб, арк. 81 адв. – 83].

У жніўні 1875 года праект Міністэрства юстыцыі “О введении судебных установлений 20 ноября 1864 года в полном их объёме в 9-ти Западных губерниях” паступіў у Дзяржаўны савет, дзе таксама ўзніклі спрэчкі па шэрагу пытанняў, у прыватнасці аб прыцягненні яўрэяў у якасці прысяжных засядацеляў. Большасць членаў Савета прытрымлівалася наступнага пункту гледжання: афіцыйна ніякіх выняццяў з судовых статутаў адносна яўрэяў рабіць не трэба, карыстаючыся пры гэтым правам губернатараў па ўласным меркаванні выкрэсліваць непажаданных асоб са спісаў прысяжных засядацеляў. Яны апасаліся, што ўвядзенне абмежаванняў для іх вяло б да далейшага адасаблення гэтай нацыянальнай групы насельніцтва ад грамадскага жыцця краіны. У той жа час МУС па-ранейшаму настойвала на тым, каб доля яўрэяў не перавышала 1/3 ад агульнай колькасці прысяжных пры разглядзе канкрэтнай справы. У выніку было прынята кампраміснае рашэнне, згодна якому ў царскім указе ад 19 чэрвеня 1877 года аб увядзенні судовых статутаў 20 лістапада 1864 года ў поўным іх аб’ёме ў 9-ці заходніх губернях адносна колькасці яўрэяў сярод прысяжных засядацеляў не павінна была перавышаць іх працэнта сярод насельніцтва губерні [9, ч. II, арк. 41 – 42 адв.].

Прадметам спрэчак стаў таксама выбар для Паўночна-Заходняга краю (г. зн. 6-ці губерняў: Магілёўскай, Віцебскай, Мінскай, Гродзенскай, Віленскай і Ковенскай) месца знаходжання судовай палаты, у якой бы вырашаліся найбольш значныя судовыя справы (перш за ўсё палітычныя, рэлігійныя і аб злачынствах супраць парадку кіравання). Гэта, безумоўна, надавала адпаведнаму губернскаму цэнтру асаблівы палітычны статус і вагу. Трэба адзначыць, што адкрыццё судовых палат тут першапачаткова ўвогуле не прадугледжвалася [9, ч. Іа, арк. 162 – 162 адв.]. Матывы гэтага былі, відавочна, палітычныя. Яшчэ ў канцы 1860-х гадоў ва ўрадавых колах існавала меркаванне, што стварэнне асобнай судовай палаты ў Паўночна-Заходнім краі “будзе служыць выражэннем ідэі сепаратызму” [10, арк. 4]. Аднак з цягам часу пачуццё страху перад новым уздымам нацыянальна-вызваленчага руху ў рэгіёне становілася не такім вострым, і ў дакументах Міністэрства юстыцыі, датуюемых ужо лютым 1875 года, для Паўночна-Заходняга краю прадугледжвалася асобная судовая акруга (з цэнтрам у Мінску) [9, ч. Іб, арк. 95]. 3 апошнім быў нязгодны міністр унутраных спраў, які 31 сакавіка 1875 года ў перапісцы з міністрам юстыцыі выступіў за адкрыццё судовай палаты ў Вільні [9, ч. Іб, арк. 118 адв.]. Разгарнулася вельмі вострая барацьба за права стаць цэнтрам судовай улады цэлага рэгіёна.

Мінскі губернатар В.М. Токараў 20 жніўня 1875 года і 15 кастрычніка 1875 года прадставіў у Міністэрства юстыцыі хадаўніцтвы прадстаўнікоў гарадскога саслоўя гэтага горада, дзе гаварылася аб тым, што дзякуючы свайму матэрыяльнаму і духоўнаму развіццю, а таксама геаграфічнаму палажэнню менавіта Мінск павінен стаць месцам адкрыцця судовай палаты [9, ч. Іб, арк. 165, 173–180]. Аднак на гэтым захады Мінска ў дадзеным накірунку былі закончаны. Верагодна, гэта было звязана з заменай на пасадзе Мінскага губернатара В.М. Токарава на В.І. Чарыкава. Міністр юстыцыі К.І. Пален у гэты час прыняў бок міністра ўнутраных спраў А.Я. Цімашова і Віленскага генерал-губернатара П.П. Альбендзінскага, галоўным аргументам якога было тое, што менавіта Вільня, на яго думку, з’яўлялася цэнтрам рускага ўплыву ў Паўночна-Заходнім краі [9, ч. Іб, арк. 168–172]. Ва ўжо згаданым праекце Міністэрства юстыцыі, пададзеным у Дзяржаўны савет у жніўні 1875 года, у якасці месца судовай палаты выступала ўжо Вільня [9, ч. II, арк. 24]. Аднак падчас абмеркавання дадзенага праекта ў Дзяржаўным савеце на гэты конт зноў узніклі спрэчкі. Паступілі прапановы альбо наогул не ствараць для Паўночна-Заходняга краю асобную судовую палату, падначаліўшы гэтыя губерні Санкт-Пецярбургскай судовай палатэ, альбо стварыць яе ў Смаленску [9, ч. II, арк. 38]. Да апошняй ідэі са спачуваннем аднёсся сам Аляксандр II [9, ч. II, арк. 52 адв.]. У барацьбе за права стварэння судовай палаты актыўную пазіцыю займаў Віленскі генерал-губернатар П.П. Альбендзінскі, які, маючы падтрымку міністра ўнутраных спраў, уступіў у перапіску з міністрам юстыцыі К.І. Паленам з мэтай канчаткова схіліць таго на свой бок [9, ч. II, арк. 77–87]. У выніку быў знойдзены кампраміс, і ў адпаведнасці з царскім указам ад 19 чэрвеня 1877 года планавалася, што тэрыторыя Паўночна-Заходняга краю будзе падзелена паміж акругамі дзвюх судовых палат – Віленскай (Віленская, Ковенская, Мінская і Гродзенская губерні) і Смаленскай (Магілёўская і Віцебская губерні) [8, ч. II, арк. 180]. Аднак у самы апошні момант (у кастрычніку 1883 г.) адкрыццё Смаленскай судовай палаты па эканамічных матывах было адменена, а Віцебскі і Магілёўскі акруговыя суды аднесены да Санкт-Пецярбургскай і Кіеўскай палат адпаведна.

Такім чынам, бачым, што працэс падрыхтоўкі і правядзення судовай рэформы ад 20 лістапада 1864 года на тэрыторыі Беларусі суправаджаўся барацьбай ва ўрадавых колах вакол шэрагу пытанняў: увогуле мэ-

тазгоднасці і тэрмінаў увядзення судовых статутаў у дадзеным рэгіёне, выбарнасці міравых суддзяў, складу прысяжных засядацеляў, месца знаходжання судовай палаты і інш. Пры гэтым амаль заўсёды бакі абгрунтоўвалі свой пункт гледжання карыснасцю яго для інтэграцыі тэрыторый, далучаных да Расіі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай, з унутранымі губернямі імперыі. Вынікам гэтай барацьбы стала ў пэўным сэнсе супярэчлівасць і непаслядоўнасць палітыкі самадзяржаўя ў дадзеным кірунку. З аднаго боку, безумоўна, уніфікацыя заканадаўства стала важнейшым фактарам, які садзейнічаў працэсу далейшай інтэграцыі беларускіх губерняў у склад імперыі, а з іншага – тыя выключэнні, якія ўводзіліся для тэрыторыі Беларусі (пэўныя абмежаванні для каталікоў і іўдзеяў, адсутнасць выбарнасці міравых суддзяў і некаторыя іншыя), наадварот, з’яўляліся перашкодай на гэтым шляху.

ЛІТАРАТУРА

1. Белевич, Ф.Р. Проведение судебной реформы 1864 года в Белоруссии / Ф.Р. Белевич // Вопросы общенародного государства и права Белорусской ССР / Акад. наук Белорус. ССР. Отд-ние обществ. наук; под общ. ред. Т.С. Горбунова. – Минск, 1963. – С. 40 – 56.
2. Загорнов, А.А. Подготовка судебной реформы 1864 г. в Беларуси / А.А. Загорнов // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI: материалы респ. науч. чтений, посв. памяти Игоря Вацлавовича Оржеховского, Брест, 27 мая 2003 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; редкол.: А.А. Загорнов [и др.]. – Брест, 2004. – С. 88 – 94.
3. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 383 с.
4. Марышкин, А.В. Судебная реформа 1864 года и особенности её проведения на территории Белоруссии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Марышкин: Всесоюз. заоч. юрид. ин-т. – М., 1985. – 24 с.
5. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во 2-й половине XIX века / С.М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 224 с.
6. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Фонд 1405. – Воп. 539. – Спр. 26. Записка Могилёвского губернского прокурора и председателей судебных палат по вопросу о введении в действие судебных уставов в Могилёвской губернии. 1865 г.
7. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 64. – Спр. 5784. По проекту Гродненского губернского прокурора о порядке введения судебной реформы в Гродненской губернии 1865 – 1866 гг.
8. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 64. – Спр. 7643. О введении в Западных губерниях мировых судебных учреждений отдельно от общих 1868 – 1871 гг.
9. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 69. – Спр. 6114. О введении в действие судебных уставов в полном объёме в 9-ти западных губерниях 1871 – 1880 гг.
10. РДГА. – Фонд 1405. – Воп. 534. – Спр. 851. “Всепоподаннейшая” записка (автор не установлен) о введении судебной реформы в Северо-Западном крае 1869 г.

Паступіў 23.12.2013

THE STRUGGLE IN THE OFFICIAL CIRCLES OF THE RUSSIAN EMPIRE ABOUT CARRYING OUT THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE TERRITORY OF BELARUS

I. HUSHCHYNSKI

The article is devoted to the problem of the struggle in the official circles of The Russian Empire about carrying out the judicial reform of 1864 in the territory of Belarus. Questions about advisability to put it in force there and exclusions from the judicial statutes of November 20, 1864 for these lands (abolition of appointment by election of justices of the peace, limiting the number of Jews in the jury etc.) were the subjects of heated debates. It was a result of political, religious and other features of Belarusian lands in that period. Contradictions in the Russian policy concerning Belarusian-Lithuanian territories were reflected in these debates. The Russian Government aimed at absolute consolidation of this region with inland provinces of The Empire, but at the same time retained its particular political and legal status.

УДК 94(476) “18”:070

ЭВАЛЮЦЫЯ ВЫДААННЯ ГАЗЕТЫ “ВІЛЕНСКІ ВЕСНІК”
НА ПРАЦЯГУ XIX СТАГОДДЗЯ

А.А. ІВАНОЎ

(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А.А. Куляшова)

На матэрыяле архіўных крыніц даследуюцца структурныя змены, якія адбываліся з газетай “Віленскі веснік” на працягу XIX стагоддзя, і асноўныя фактары, якія на гэтыя змены паўплывалі. Асвятлены асноўныя этапы развіцця выдання і праведзены паралелі, якія злучаюць гэтыя змены з асноўнымі падзеямі, што адбываліся ў Паўночна-Заходнім краі ў дадзены перыяд. На прыкладзе газеты “Віленскі веснік” як галоўнага афіцыйнага выдання дадзенага рэгіёна паказаны асноўныя тэндэнцыі ў палітычным, сацыяльным і культурным жыцці краю. Зроблена выснова аб тым, што выданне, якое асвятляе ўсе сферы жыцця грамадства, можа служыць не толькі крыніцай па гісторыі Беларусі і ўсяго Паўночна-Заходняга краю, але і ў сілу сваёй афіцыйнасці паказвае асноўныя кірункі развіцця грамадства заходніх губерняў у XIX стагоддзі.

Уводзіны. “Виленский вестник” (Kurjer Litewski/Kurjer Wilenski) – галоўнае афіцыйнае выданне Паўночна-Заходняга краю на працягу ўсяго XIX стагоддзя. На наш час амаль усе нумары часопіса (з 1798 да 1884 г.) змяшчаюцца ў аддзеле перыядычных выданняў Бібліятэкі Акадэміі Навук Літвы ў Вільнюсе (Р., F № 4148). Фонды бібліятэкі і з’яўляюцца галоўнай крыніцай для дадзенага даследавання.

Адразу зробім агаворку. У другім томе “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” змяшчаецца інфармацыя, што “Виленский вестник” (“Kurjer Wilenski”) – гэта палітычная і літаратурная газета, афіцыйны орган Віленскага генерал-губернатарства. Выдаваўся ў 1841–1915 гадах у Вільні [1, с. 289]. Такім чынам “Энцыклапедыя...” бярэ за кропку адліку існавання газеты менавіта 1841 год, год перайменавання яе ў “Виленский вестник”. Мы ж, скарыстоўваючы гэту назву, маем на ўвазе ўвесь перыяд, у які выходзіла выданне, як бы яно не называлася: “Kurjer Litewski” альбо “Виленский вестник”/ “Kurjer Wilenski”. У нашым выпадку гэта проста захоўвае ад залішняй блытаніны, бо на ўвазе маецца адна і тая ж рэч. Тым больш відавочна, што найвялікшая змена (пераход на двухмоўе) адбылася значна раней – у 1834 годзе.

Асноўная частка. У 1796 годзе газета “Kurjer Litewski”, якая ў свой час была першым рэгулярным перыядычным выданнем на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага (выходзіла з 1759 да 1763 г.) [2, с. 94], зноў пачала выходзіць, на гэты раз у Гродне (да гэтага друкавалася ў Віленскай езуіцкай акадэміі). Тады былі выдадзены 52 нумары, пасля чаго рэдакцыя газеты была перанесена ў Вільню (з 1 красавіка 1797 г.) і перададзена ў арэнду Віленскаму ўніверсітэту (на той момант – Галоўная вышэйшая школа) [2, с. 98].

З 1800 года і да закрыцця ўніверсітэта ў 1832 годзе “Літоўскі кур’ер” рэдагавалі яго прафесары. Так, у 1800–1809 гадах рэдактарам газеты быў Я. Ясінскі, у 1810–1811 – К. Даніловіч, у 1812–1814 – Э. Славацкі, а з 1815 года – А. Марціноўскі. На старонках газеты адлюстравалася ліберальная атмасфера Віленскага ўніверсітэта. Пасля паўстання 1831 года выданне часова было спынена, аднак усё ж праз два гады ўзнавілася і працягвала заставацца адзіным перыядычным выданнем у Вільні на польскай мове [2, с. 98].

З 1834 года газета друкуецца на дзвюх мовах (да гэтага часу, як ужо ўзгадвалася, – выключна на польскай) – рускай і польскай. Прычым інфармацыя цалкам дубліруецца. Менавіта гэты перыяд існавання “Весніка” найбольш карысны з пункта гледжання беларускай гісторыі, таму што, нягледзячы на тое, што значная частка матэрыялаў перадрукоўвалася з пецябургскіх выданняў, змяшчаліся таксама і артыкулы беларускай тэматыкі. У № 20 ад 9 сакавіка 1834 года рэдакцыя газеты сама тлумачыць змяненні, якія адбыліся з выданнем, наступным чынам:

“Издание “Литовского Вестника”, сообразно с видами правительства, с местными обстоятельствами и пользами края, требовало значительных изменений. Надлежало дать сему изданию силу официальной газеты, увеличить объем его и выдавать отселе не на одном уже, как прежде, языке польском, но в соединении и нераздельно с русским” [Для гэтага, як сцвярджаецца далей, засноўваецца часовы рэдакцыйны Камітэт].

[З прамовы архімандрыта Платона на адкрыцці першага пасяджэння гэтага Камітэта]: “... Газета сия доселе заключала в себе одни политические известия и разные объявления: это пища для любопытства и для политических и коммерческих расчетов. Теперь будут помещаемы в ней и статьи ученые: вот пища для ума! ...Литва, обильная земными произведениями, не меньше того обильна произведениями умственными, политическими известиями, историческими событиями, географическими и статистическими сведениями. Сколько тут пищи для политика, историка, археолога, статистика!” [3, № 20].

Як гаварылася раней, за час свайго існавання газета неаднаразова змяняла сваю структуру і змест. На момант 1834 года структура выдання выглядала наступным чынам:

“Kurjer Litewski” падзяляўся на афіцыйную і неафіцыйную (“Прибавление”) часткі.

Афіцыйная частка выходзіла 2 разы на тыдзень і складалася з наступнага:

“Внутренние известия” (официальные известия – известия из Санкт-Петербурга, высочайшие указы, указы правительственного сената; известия из разных городов [перад усім Масква, Вільня, Варшава, Адэса і г.д.]).

“Иностранные известия” [з розных краін па чарзе – Прусія, Аўстрыя, Францыя, Англія, Турцыя і г.д.].

Акрамя гэтага з’явіўся раздзел “Смесь (Rozmiatosci)”, у якім друкаваліся рознага кшталту цікавыя ці карысныя рэчы ад апісання далніх экспедыцый, флоры і фаўны далёкіх краёў, жыццяпісу знакамітых сучаснікаў і людзей мінулага і да доказу карысці тых ці іншых угнаенняў пры сельскагаспадарчых работах.

Неафіцыйная частка (выходзіла асобным накладам прыкладна ў 3 разы часцей за афіцыйную). Змяшчала рознага кшталту аб’явы (“куплю”, “продам”, “аренда”, “бродяги”, “казенные объявления”, “частные объявления”).

Выбарачны аналіз неафіцыйнай часткі “Ведамасцей” паказаў, што нічога плённага для дадзенага даследавання яна не змяшчае. Таму прадметам даследавання з’яўляецца менавіта афіцыйная частка Вестніка.

У 1840 годзе газета змяніла гаспадара. У № 97 за 1839 год мы бачым: “Газета Литовский Вестник, издаваемая доселе Марциновским по контракту от Виленского Дворянского Института, переходит в непосредственное владение Института (с 1 января 1840 г.)” [3, № 97].

У 1841 годзе слова “Litewski” знікае з назвы і замяняецца і ў рускім, і ў польскім варыянтах (Виленский вестник – Kurjer Wilenski). Аднак аб’ява з’явілася на старонках газеты: “Объявление редакции: с 1 января 1841 года – новое название газеты: “Виленский Вестник”” [4, № 96].

У 1860 годзе, напярэдадні паўстання, газета зноў змянілася. Прычым у нечаканы бок. Справа ў тым, што з 1 студзеня 1860 года (і да 1865 г.) выдаўцом і рэдактарам газеты становіцца Адам Ганоры Кіркор (на першай старонцы – Nakladem i drukiem A.H. Kirkora), і гэта прынцыпова новы перыяд развіцця газеты. Таму змены, якія адбываліся, праходзілі пры яго непасрэдным удзеле і пад яго кіраўніцтвам.

Даследчык Шырокава падзяляе час рэдагавання “Віленскага вестніка” А. Кіркорам на тры перыяды:

- перыяд з 1860 па 1861 год характарызуецца дынамічным развіццём газеты, значным ростам колькасці падпісчыкаў і супрацоўнікаў, перавагай польскага тэксту над рускім;
- другі перыяд (1862 год – 19 сакавіка 1864 года) быў перыядам паступовага ўпадку “Вестніка”, яго русіфікацыі і часам пераходу на пазіцыі ўрадавай газеты;
- трэці перыяд (21 сакавіка 1864 года – канец 1865 года) характарызуецца пераўтварэннем газеты ў цалкам афіцыйнае рускамоўнае выданне [5, с. 234].

Яшчэ раз заўважым, што ўсе змяненні, якія адбываліся з “Віленскім вестнікам”, непарыўна звязаны з постаццю А. Кіркора. Менавіта ён прыцягнуў да супрацоўніцтва новых асоб (У. Сыракомля, які рэдагаваў цэлы раздзел, так званы “Мясцовы агляд”; Т. Нарбут; браты Тышкевічы і інш.), надаў выданню больш неафіцыйны кірунак, уводзячы новыя раздзелы (для ажыўлення выдання друкаваліся нават найбольш цікавыя лісты чытачоў, альбо, напрыклад, напярэдадні ўсяго 1860 года на старонках выдання змяшчаўся “Статистический очерк г. Вильно” [6, № 3]). Але і пэўная лінгвістычная “паланізацыя” часопіса – справа, распачатая, відавочна, таксама ім. Цікава, што на гэты час прыходзіцца росквіт папулярнасці “Вестніка” як культурнага ачага ўсяго краю (3205 падпісчыкаў у 1861 годзе [5, с. 235]). А гэта значыць, што новая рэдакцыя газеты адпавядала запыту адукаванай часткі насельніцтва ў моўным і культурным аспекце таксама.

У першым нумары за 1860 год быў размешчаны праграмны артыкул наступнага зместу:

“В последнее время Русские журналы и газеты, с истинно гражданской доблестью пролагающие путь к гласности, этому важнейшему средству к осуществлению благих преднамерений правительства, обратили особенное внимание на Западные губернии России. Край этот, богатый своею историею, литературою, еще в XVI веке занявшую почетное место и столь многосторонне развитую в последнее столетие, до сих пор еще мало известен в русской литературе; но слава Богу, в настоящее время, Русская журналистика начала смотреть на него с более серьезным направлением и пожелала разоблачить те многочисленные гардины, под коими прежде, как здесь, так и вообще в России, нередко лезть, мелочное искаительство, чиновническое желание выслужиться, скрывали истину, пятнали доблесть, заблуждениям давали гигантские размеры несправимого зла, искажали даже самую историю. Ныне желание уяснить и приступить к серьезным выводам и заключениям сделалось столь же сильным, сколько всеобщим. Мы счастливы, что имеем возможность в нашем Вестнике, открывая настоящий учено-литературный отдел, присоединиться к благородным деятелям столь неутомимо и с таким напряженным усилием пролагающим дорогу к широкой гражданской среде и ее интересам. Заканчивая все необходимые и полезные

сведения в прочих столбцах Вестника, мы назначаем этому отделу исключительное направление знакомить публику, не читающую по Польски, с гражданственною, ученую, литературною, художественною, промышленною, и земледельческою деятельностью края. Читатель найдет здесь краткую, но точную летопись замечательных явлений и событий, указание и оценку лучших произведений польской литературы по всем ее отраслям, статьи исторического, археологического, статистического и этнографического содержания, одним словом, всё то, что может уяснить край и его жителей, в отношении развития, нравов, обычаев, всё, что может повести к полным выводам и действительному знакомству с краем.

Не самонадеянно, не без робости и внутреннего страха приступаем мы к осуществлению столь важной задачи. Мы хорошо понимаем и предчувствуем все трудности и препятствия, какие встретим на этом пути, но это нас не останавливает, и мы всегда и везде будем иметь в виду любовь и истину” [6, № 1]. Причым, написана гэта было толькі па-руску, без польскага перакладу.

З гэтага часу выданне ў плане моўнай палітыкі змянілася ў адваротны бок. Польскай мовы стала шмат болей. На рускай засталіся толькі “Внутренние известия” (з польскім перакладам), некаторыя аб’явы (таксама с перакладам) і непасрэдна новая рубрыка, узгаданая вышэй. Затое польская частка газеты стала куды больш разнастайнай. Акрамя “Иностранных известий” і раздзелу “Смесь (Rozmieszczenie)”, якія цяпер выдаваліся толькі па-польску, з’явіліся новыя цікавыя рубрыкі, навіны, нават вершы, сярод якіх сустракаліся, між іншым, творы У. Сыракомлі, А. Міцкевіча (цікава, што іх можна знайсці нават у краязнаўчых аглядах. Напрыклад, у артыкуле аб возеры Свіцязь выкарыстоўваецца адпаведная цытата А. Міцкевіча аб ім [6, № 41] і інш). Таму вышэйнапісаны артыкул можна разглядаць, хутчэй, як нейкі “рэверанс” у бок расейскамоўнага грамадства краю. Гэта не значыць, што матэрыялы, анансаваныя вышэй, не друкаваліся. Для нас куды важней, з якіх пазіцый зыходзіла рэдакцыя, падаючы іх.

Дарэчы, у 42-м нумары за той жа 1860 год рэдакцыя якраз змяшчае прыкладную структуру абноўленага “Вестніка”:

“Вестник, согласно Высочайше утвержденной программе одного, будет помещать:

- I. Внутренние известия [па-руску і па-польску]
- II. Иностранные известия [выключна на польскай мове, пад рэдакцыяй Маліноўскага]
- III. Отдел литературный [нягледзячы на назву, рубрыка, так бы мовіць, “аба ўсім”]
- IV. Объявления (казенные и частные)” [6, № 42].

Можна заключыць, што структура выдання значна змянілася ў параўнанні з папярэднім часам. Дадаўся так званы літаратурны раздзел, у якім і друкаваліся асноўныя неафіцыйныя звесткі (дакладней аб гэтым гаварылася вышэй). Да таго ж з’явіўся спецыяльны раздзел з аб’явамі. Нагадаем, што раней гэтая частка газеты выходзіла асобным накладам, прычым у некалькі разоў часцей за асноўную. Зараз жа мы бачым, што абедзве часткі аб’ядналі. Дарэчы, трэба заўважыць, што пры беглым аглядзе гэтых аб’яў, што за 1860 год, што за 30 гадоў да таго, выдавочна, што большасць іх надрукавана ўсё ж такі па-польску (асабліва “частные” аб’явы). А гэта значыць, што (калі ўлічыць, што арыентаваліся яны на сярэднестатыстычнага абыяцеля) гарадское асяроддзе (Вільні перад усім) па многім паказчыкам заставалася польскамоўным.

Паўстанне 1863–1864 гадоў адбілася і на лёсе газеты: знікла польская палова, газета паводле загада М.М. Мураўёва стала поўнаасцю рускамоўнай і пераўтварылася ў афіцыйны орган Паўночна-Заходняга краю. Пад назвай “Виленский вестник” яна выходзіла да 1916 года [2, с. 98]. На жаль, у бібліятэцы Акадэміі Навук Літвы наступная з захаваных падшывак пасля 1863 года – толькі за 1866 год, таму каментарыя рэдакцыі наконт чарговага змянення зместу газеты мы, карыстаючыся гэтай крыніцай, не маем.

1863 год – год пачатку паўстання. Ад гэтага моманту (а гэта самы пачатак года) “Віленскі веснік” пераўтварыўся ў “рупар” афіцыйных улад. Акрамя чарговых і пазачарговых паведамленняў, афіцыйных заяў, маніфестаў і дэкрэтаў на старонкі выдання амаль нічога не прасочвалася. Як вядома, ужо праз некалькі месяцаў, у маі, віленскім генерал-губернатарам быў прызначаны Міхаіл Мураўёў, які з прычыны сваёй жорсткасці ў падаўленні паўстання, у асяроддзі польскамоўнай эліты краю зарабіў сабе мянушку “Вешальнік”. І само паўстанне было хутка задушана не без дапамогі яго рэпрэсіўнай палітыкі ў краі, адпостраванне якой можна ўбачыць у афіцыйных паведамленнях ад яго імя на старонках Весніка.

За 1863 год выйшла значна больш нумароў газеты, чым звычайна (149 супраць штогадовых 101–104). У кожным нумары змяшчаецца матэрыял аб тым, што тая ці іншая “шайка мятежников” зрабіла нейкі злосны ўчынак (напала, абрабавала, павесіла прадстаўнікоў расійскай улады ці людзей, якія выступалі на баку цара і г.д.); урадавыя войскі разбілі той ці іншы атрад “мятежников” (што здаралася даволі часта).

Акрамя гэтага вельмі часта на старонках “Віленскага весніка” можна было пабачыць так званыя “верноподданнические письма”. Яны ўяўлялі сабой лісты ад розных сацыяльных і этнічных груп (казакоў, яўрэйскіх абшчын, старавераў, гарадскіх супольнасцей) з розных частак імперыі. Часцей за ўсё яны ліста-

валі, што даведаліся аб паўстанні і цяпер вельмі жадаюць дапамагчы. Больш апантаныя абяцалі “не пашкадаваць крыві”, астатнія – проста дапамагчы. Але звычайна ўсе асуджаюць і “верноподданнически негодуют”, прысягаюць на вернасць і г.д.

Як гэта не жудасна, у кожным нумары змяшчалася інфармацыя аб растрэле каго-небудзь. А ў нумарах 87 і 88 апублікаваны велізарныя спісы тых, чыі маёнткі падлягалі секвестру [7, № 87, 88].

Палітыка Мураўёва, як мы ведаем, зрабіла сваю справу. Не без яго дапамогі большасць сялян не толькі не брала ўдзелу ў паўстанні, але нават часцяком прыходзіла на дапамогу афіцыйным уладам. Нярэдкамі ставаліся выпадкі, калі сяляне раззбройвалі і выдавалі паўстанцаў царскім жаўнерам. Частка шляхты, напалоханая рэпрэсіямі, таксама склала зброю. Вялікая колькасць паўстанцаў была пакарана смерцю, у тым ліку адзін з кіраўнікоў, знакаміты Вікенцій (Канстанцін) Каліноўскі. Міхаіл Мураўёў жа ў хуткім часе быў адазваны з пасады віленскага генерал-губернатора. Улады палічылі яго місію выкананай.

Пасля 1865 года газета пачала выходзіць цалкам на рускай мове, а Адам Кіркор перастаў быць яе рэдактарам. Значная колькасць дзеячаў культуры (у тым ліку беларускай, якая нараджалася ў гэты час) загінула падчас паўстання ці былі сасланы ў Сібір. Тыя, хто ўратаваўся, не мелі магчымасці публікаваць свае творы. Хоць і не існавала афіцыйнай забароны на беларускамоўныя публікацыі, на практыцы нічога не публікавалася. Рэдакцыя “Віленскага весніка” адхіліла прапанову В. Дуніна-Марцінкевіча, які хацеў друкаваць у гэтым часопісе свае беларускамоўныя творы. Рэдакцыя палічыла “больш чым залішнімі спробы стварыць штучную беларускую літаратуру”. Таму свае найбуйнейшыя сцэнічныя творы “Пінская шляхта” і “Залёты” паэт напісаў, так бы мовіць, у шуфляду [8, с. 106].

Як мы бачым, газета “Віленскі веснік” – надзвычай цікавая і грунтоўная крыніца па гісторыі Беларусі сярэдзіны XIX стагоддзя ва ўсіх яе праяўленнях.

Заклучэнне. Як ужо ўзгадвалася, у сваім даследаванні мы карысталіся фондамі аддзела перыядычных выданняў Бібліятэкі Акадэміі Навук Літвы (Р., F № 4148). Першасная ўвага надавалася матэрыялам газеты “Віленскі веснік” з 1834 па 1884 год. У сярэднім у год выходзіла 101–104 нумары. Падшыўкі за 1834–1843, 1846, 1848, 1854, 1859–1863 гады захаваліся поўнаасцю, за 1844, 1845, 1849–1853, 1856, 1857 – амаль цалкам (за выключэннем аднаго-двух нумароў). Пасля паўстання 1863–1864 гадоў і аднаўлення выдання ў выключна рускай рэдакцыі газета захавалася фрагментарна: за 1866 год – 6 нумароў, за 1868 – 2, за 1873 – 5 і па адным нумары ў 1869, 1872, 1879 і 1884 гадах. Падшывак за 1838, 1847, 1855, 1858, 1864–1865, 1867, 1870–1871, 1874–1878 і 1880–1883 гады ўвогуле не захавалася.

Выходзячы з гэтага, азначаны перыяд існавання газеты ўмоўна быў падзелены на некалькі перыядаў. Першую частку складаюць матэрыялы выдання з 1834 па 1859 год, калі газета паўставала, так бы мовіць, у сваім “класічным” для сярэдзіны XIX стагоддзя выглядзе: поўная моўная раўнавага (рускай і польскай частак), пэўная структура і змест, якія будуць азначаны ніжэй. Другую – матэрыялы за 1860–1862 гады, калі галоўным рэдактарам быў А. Кіркор, а змест і моўная складаючая выдання відавочна, што штурхануліся ў бок палонацэнтрызму.

Нягледзячы на тое, што і ў наступным (1863) годзе рэдактарам і выдаўцом заставаўся А. Кіркор, для нашага даследавання мэтазгодна трэцяй, асобнай, часткай вылучыць 1863 год – год пачатку паўстання. Тут змешчаны карысны для разумення тагачаснага палітычнага і сацыякультурнага становішча ў краі матэрыялы.

І апошняю, чацвёртую, частку складае матэрыял з 1866 па 1884 год – перыяд поўнай русіфікацыі выдання і адпаведнага змянення яго зместу.

Перыяд з 1834 па 1860 – найбольш працяглы з вышэйузгаданых. Да таго ж выданні менавіта гэтага часу захаваліся найбольш поўна. Таму для вывучэння сацыякультурнай гісторыі Беларусі XIX стагоддзя, а тым больш сярэдзіны яго, дадзены раздзел неацэнна карысны. Аналізуючы “Віленскі веснік” гэтага часу, можна з усёй паўнатай “акунуцца” ў штодзённасць таго перыяду.

Можна пагадзіцца са знакамітым нямецкім даследчыкам беларускай гісторыі Райнэрам Ліндэрам, які ў сваёй працы “Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст.” падкрэслівае, што “афіцыйныя культурніцкія і гістарычныя часопісы, што пачынаючы з XIX стагоддзя выходзілі ў заходніх правінцыях, выразна дэманструюць, незалежна ад іх ідэяльнай арыентацыі, удзел царскай дзяржавы ва ўсталяванні гістарычнаўчай інфраструктуры” [9, с. 63]. Але нягледзячы на пэўную ангажыраванасць часопіса, калі адкінуць гэтыя знешнія праявы часу, становіцца відавочным, што дадзенае выданне з’яўляецца сапраўды невычарпальнай крыніцай па гісторыі Беларусі XIX стагоддзя ва ўсіх яе праявах. Больш таго, менавіта тыя палітычная і культурніцкая пазіцыі, якіх прытрымліваўся “Віленскі веснік” на працягу свайго існавання, і пэўныя іх змяненні даюць магчымасць не толькі ўбачыць афіцыйную пазіцыю дзяржаўнай улады датычна сітуацыі ў Паўночна-Заходнім краі, але і прасачыць структурныя змяненні ў самім грамадстве, пабачыць глыбінныя прычыны тых

працэсаў на беларускіх землях (сацыяльных, культурных, этнічных і палітычных у тым ліку), якія нават і зараз не згубілі сваёй актуальнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2: Беліцк – Гімн. – 537 с.
2. Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. / М.В. Нікалаеў [і інш.]; навук. рэд.: В.В. Антонаў, М.В. Нікалаеў. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2: Кніжнасць новай Беларусі (XIX–XXI стст.) – 436 с.
3. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1834 г.
4. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1841 г.
5. Широкава, Т.М. А. Кіркор як рэдактар “Виленского вестника” / Т.М. Широкава // Сб. работ 62-й науч. конф. студентов и аспирантов Бел. гос. ун-та: в 3 ч. – Минск: БГУ, 2005. – Ч. 3. – С. 234–236.
6. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1860 г.
7. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1863 г.
8. Латышонак, А. Гісторыя Беларусі з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня, 2010. – 368 с.
9. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. – Выд. 2. – СПб.: Неўскі прасяг, 2005. – 540 с.

Паступіў 10.07.2013

**THE EVOLUTION OF THE NEWSPAPER “VILENSKY VESTNIK (JOURNAL OF VILNA)”
DURING THE XIX CENTURY**

A. IVANOU

The article with archival sources investigates the structural changes taking place with the newspaper “Vilensky vestnik” during the XIX century and the main factors affecting these changes. The key stages in the development and publication draws parallels linking these changes with the major events that took place in the North-West region in that period have been highlighted. On the example of the newspaper “Vilensky vestnik” as the main official publication of the region the main tendencies in the political, social and cultural life of that region are shown. It's concluded that the publication which covered all aspects of society, can be not only a source for the history of Belarus and the entire North-West region, but also due to its officious it shows the main directions of the society development in the western provinces in the XIX century.

УДК 271.2(476.2)|18/19|

**ГОМЕЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МОГИЛЕВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
БОГОЯВЛЕННОГО БРАТСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА***канд. ист. наук, доц. С.М. ВОСОВИЧ**(Брестский государственный технический университет)*

Рассматривается история развития Гомельского отделения Могилевского православного Богоявленного братства в конце XIX – начале XX века – одна из недостаточно изученных в отечественной исторической науке проблем. Анализируется культурно-просветительная деятельность и благотворительность указанного братского отделения в исследуемый период. Делается вывод, что вся активность Гомельского объединения была направлена на укрепление позиций Русской Православной церкви на Гомельщине.

История развития братского движения второй половины XIX – начала XX века – одна из недостаточно изученных проблем отечественной исторической науки. Не исключением является и Могилевское православное Богоявленное братство. Поэтому в данной работе нами предпринята попытка решить три задачи: 1) рассмотреть развитие Гомельского отделения Могилевского православного Богоявленного братства в конце XIX – начале XX века; 2) проанализировать направления культурно-просветительной работы указанного братского отделения в рассматриваемый период; 3) раскрыть благотворительность данного православного церковно-общественного объединения.

Развитие Гомельского отделения Могилевского православного Богоявленного братства в конце XIX – начале XX века. Гомельское отделение Могилевского православного Богоявленного братства было открыто 19 октября 1897 года в ознаменование коронации императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Оно было учреждено в соответствии с постановлением совета Могилевской епархиальной братской организации от 24 ноября 1896 года как опытное [1, с. 377]. Ко дню открытия был составлен устав, определен круг лиц, выступивших членами-учредителями (86 человек). Были избраны члены управления, должностные лица, собрана довольно значительная сумма членских взносов – свыше тысячи рублей. Епископ Могилевский и Мстиславский Мисаил передал в пользу вновь учреждаемого объединения облигацию номиналом 100 руб. внутреннего 4,5 %-ного займа, князь Ф.И. Паскевич – 200 руб., княгиня И.И. Паскевич и Е.И. Балашева – по 100 руб. каждая. По 25 руб. пожертвовали генерал-майор А.А. Никитин и поручик 160-го пехотного Абхазского полка С.И. Антюшин. Суммы в размере 10 руб. поступили также от А.Б. Станевича, протоиерея Григория Петрашени и епархиального миссионера Алексия Елеонского.

В члены управления были избраны княгиня И.И. Паскевич, В.В. Роменский, протоиерей Григорий Петрашень, священник Александр Грицкевич, А.Б. Станевич, П.Е. Егоров и генерал-майор А.А. Никитин. Кандидатами стали Т.С. Тернавский, А.П. Мельников, С.С. Уклонский, М.Д. Климов, а также священники Алексей Елеонский, Феодор Страдомский и Иоанн Мамонтов. Функции председателя управления были возложены на протоиерея Григория Петрашню, его помощника П.Е. Егорова, казначея А.Б. Станевича и делопроизводителя – священника Александра Грицкевича [1, с. 378].

С целью привлечения внимания общественности к предстоящему торжественному открытию отделения в «Могилевских епархиальных ведомостях» в номерах 28–29 за 1–11 октября была помещена статья «Несколько слов к предстоящему открытию Гомельского отделения Могилевского Богоявленного братства». Автор публикации высказал надежду, что результаты вновь создаваемого братского объединения будут видны не только в Гомельском районе, «но и могли бы послужить толчком для открытия таких же отделений и в других городах и густо населенных местностях Могилевской епархии» [1, с. 379].

Накануне открытия Гомельского отделения все члены-учредители были оповещены специальными извещениями. Само открытие состоялось в доме городской управы.

Устав Гомельского братского отделения был утвержден епископом Могилевским и Мстиславским Мисаилом 27 сентября 1897 года [2]. Согласно уставу данное братское объединение создавалось для более успешного достижения тех же целей, которые были положены в основу Могилевской Богоявленной епархиальной организации, т.е. «духовно-просветительной и христиански-благотворительной». Для выполнения указанных целей намечалось открыть библиотеку с бесплатной читальней для простого народа в Гомеле, основать приют с церковно-приходской школой с ремесленным отделением для маленьких детей, преимущественно из старообрядцев и «других сектантов», организовывать церковные хоры в своем уезде. По мере необходимости планировалось в Гомеле открыть склад книг, брошюр и листов религиозно-нравственного содержания и «предметов религиозно-исторического» содержания для бесплатной раздачи народу и продажи их по возможно низким ценам. Предусматривалось также оказание содействия

епархиальному миссионеру, выделение материальной помощи сиротам, обращенным из иудаизма, старообрядчества и других конфессий. Такой категории детей намечалось выдавать белье, одежду, обувь и другие необходимые вещи с учетом возможностей братского объединения [2, с. 248].

Гомельское отделение Могилевского Богоявленского братства находилось под покровительством правящего архиерея Могилевской епархии и состояло из лиц обоего пола, принадлежавших к православному вероисповеданию. Не исключалось принятие пожертвований от лиц другой конфессии, сочувствовавших целям братской организации. Такие благотворители могли войти в число членов-соревнователей.

Торжественность учреждения, начало деятельности закономерно вызвали на первых порах огромный интерес местного православного населения к братскому объединению. На 1 мая 1898 года в указанном обществе состояло 229 действительных членов и 4 сотрудника, которые внесли в пользу Гомельской православной церковно-общественной организации 1145 руб. 78 коп. [6, с. 129]. Рост численности членов Гомельского братского отделения продолжался до 1901 года (табл. 1).

Таблица 1

Количество членов Гомельского отделения
Могилевского православного Богоявленского братства в 1897–1904 годах

Разряды братчиков	Годы							
	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Почетные члены	0	0	5	4	4	4	4	3
Пожизненные члены	4	2	6	8	7	6	6	6
Действительные члены	122	202	107	134	134	59	124	97
Члены-соревнователи (члены-сотрудники)	1	60	248	326	108	159	78	37
Всего	127	264	366	472	253	228	212	143

Источники: [4, с. 106; 5, с. 110; 6, с. 80; 7, с. 41; 8, с. 60; 9, с. 67; 10, с. 2].

Все братчики делились на четыре категории: почетных, пожизненных, действительных и членов-соревнователей (членов-сотрудников). Самой многочисленной группой были действительные члены и члены-соревнователи, а самой малочисленной – почетные. В числе последних состояли обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, князь Ф.И. Паскевич, княгиня И.И. Паскевич, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский), митрополит Киевский и Галицкий Иоанникий. Звание почетных членов присваивалось только общим собранием братского отделения. Почетными членами становились лица, оказавшие особые услуги братскому отделению своими трудами, нравственным влиянием или «другим способом». За это они получали не только право присутствовать на заседаниях управления отделения, но возможность голоса при решении братских дел.

Пожизненными членами в рассматриваемый период были епископ Могилевский и Мстиславский Мисаил, Е.И. Балашева, протоиерей Московской Свято-Сергиевской церкви Иоанн Виноградов, миссионер Могилевской епархии священник Алексей Елеонский, С.И. Антюшин, К.С. Бочков, Е.С. Лямина, Ф.Е. Баранов [6, с. 85]. Пожизненными членами в конце XIX века становились особы, пожертвовавшие в пользу Гомельского отделения не менее 50 руб. В 1910 году пожизненным членом стал В.С. Бочков, внесший в пользу братства единовременно 100 руб.

Действительными членами становились братчики, вносившие ежегодно не менее одного рубля, или сделавшие единовременное денежное пожертвование на сумму, проценты с которой ежегодно составляли указанный размер взноса. Кроме того, таковыми лицами считались особы, сделавшие значительные пожертвования книгами, школьными принадлежностями и другими полезными вещами.

Лица, вносившие в братскую кассу ежегодно менее одного рубля, пополняли ряды членов-соревнователей. Таковыми считались также братчики, жертвовавшие вещи на незначительную сумму.

Средства братского отделения образовывали преимущественно членские взносы, пожертвования от неизвестных лиц, сборы по подписным листам. Они составляли обычно более половины всех денежных поступлений в братскую кассу. Небольшие средства поступали от продажи религиозно-нравственной литературы. Незначительные поступления составляли проценты с сумм, хранившихся в сберегательной кассе.

В целом, все средства Гомельского отделения делились на две части: неприкосновенный капитал и текущий – расходный. Неприкосновенный капитал образовывался из сумм, жертвуемых с целью их неприкосновенности. Проценты с таких средств отделение могло расходовать по своему усмотрению.

Руководящими органами отделения являлись управление и общее собрание братчиков местного братского отдела. До 1909 года управление состояло из семи лиц. Члены управления избирались общим собранием братчиков. Должностные лица – председатель, его помощник, казначей и делопроизводитель – избирались членами управления. За выполнение своих обязанностей должностные лица не получали никакого вознаграждения.

Заседания управления братского отделения проходили один раз в три месяца. В случае необходимости члены управления могли собираться чаще. Для законности решения необходимо было присутствие председателя или его помощника, делопроизводителя и трех членов управления. Дела решались большинством голосов. При равенстве голосов мнение председателя или его помощника, в случае отсутствия руководителя, считалось решающим. Все постановления представлялись на утверждение местному епископу. Управление братского отдела определяло порядок делопроизводства, ведения прихода-расходных книг, заботилось об увеличении средств. Помимо этого, на нем лежало расходование текущих сумм в соответствии с целями братского отделения, составление отчетов и публикация приглашений к пожертвованиям. В круг обязанностей председателя управления входило: прием прошений о помощи, адресованных на имя отделения; ведение официальных отношений с должностными лицами и различными учреждениями по делам отдела; сбор по повесткам членов управления; руководство заседаниями управления и подпись всех исходящих бумаг.

В первые четыре года (по 4 октября 1901 г.) председателем управления был протоиерей Гомельского Свято-Петро-Павловского собора Григорий Петрашень. Управлять отделением ему помогали лица, принадлежавшие духовному сословию: епархиальный миссионер священник Алексей Елеонский и священник Гомельской Свято-Троицкой церкви Александр Грицкевич.

Казначей вел прихода-расходные и квитанционные книги отделения, принимал суммы и денежные корреспонденции, осуществлял расход средств в соответствии с определениями управления, составлял экономические отчеты. В целом, он отвечал за всю экономическую составляющую деятельности отделения. Канцелярскими же делами заведовал делопроизводитель управления. Он вел журналы заседаний управления, фиксировал все входящие и исходящие бумаги, составлял согласно определениям управления ответные документы, готовил годовые отчеты Гомельского отделения.

Другим органом управления были общие собрания членов отделения, которые могли быть как годичными, так и экстренными. Последние созывались в случае необходимости решения особо важных дел. Очередные общие собрания проводились один раз в год в один из воскресных дней не позднее февраля. Для решения дел необходим был кворум в количестве 15 человек, имевших право голоса и проживавших в Гомеле. В случае отсутствия кворума последующее собрание решало дела при любом количестве братчиков. На общих собраниях не все члены братства имели право решающего голоса. Таковым обладали почетные, пожизненные и действительные братчики. Что касается членов-соревнователей, то они могли лишь присутствовать на общих собраниях с правом совещательного голоса. Такое ограничение прав указанной категории членов отделения, думается, не могло повлиять благоприятно на деятельность указанной братской организации. Ведь в отдельные годы члены-соревнователи составляли подавляющее большинство братчиков. И пренебрежение их мнением негативно воздействовало на заинтересованность членов-соревнователей. Поэтому неудивительно, что в период с 1900 по 1904 год количество членов братства сократилось почти в 3,3 раза, а членов-соревнователей – в 8,8 раза! Ведь не каждый мог найти возможность ежегодно вносить один рубль в братскую кассу.

В компетенцию годичных общих собраний входило решение ряда важных вопросов. Например, избрание членов управления отделения, почетных братчиков, утверждение сметы расходов на предстоящий год, рассмотрение годичных отчетов, обсуждение вопросов и мероприятий, предлагаемых управлением. Решения на общих собраниях принимались большинством голосов. Позиция председателя собрания давала преимущество в случае равенства голосов.

Придерживаясь устава, Гомельское отделение в первое время сосредоточило свою активность на открытии библиотек-читален и распространении духовно-нравственной литературы. Для осуществления последней цели оно бесплатно раздавало народу книги, брошюры, листки, организовало книжную торговлю. С 1898 года стало организовывать внебогослужебные чтения на религиозно-нравственную тематику. Не забывалась также и благотворительность.

Издание 17 апреля 1905 года Закона «О веротерпимости» привело к активизации миссионерской деятельности неправославного духовенства. Это, по словам современников, привело к тому, что «устои церковно-православного уклада стали расшатывать со всех сторон» [11, с. 779]. В новых создавшихся условиях возникла необходимость совершенствования методов работы. Поэтому общее собрание братчиков, состоявшееся 9 мая 1907 года, постановило расширить свою работу. Было решено «выступить на путь издания религиозно-нравственных листков и книг» [2]. Также было предложено переработать устав отделения.

В 1907 году Гомельское отделение начало заниматься издательской деятельностью. В указанный год увидели свет четыре листка и брошюры, а именно: «Противъ обычая драться вербами», «Размышленіе въ Великій Пятокъ», «Учрежденіе Гомельскаго викаріатства, первый Гомельскій Епископъ, преосвященнѣйшій Митрофанъ и первыя его служенія въ Гомелѣ», «Посѣщеніе г. Рогачева Его преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Митрофаномъ, Епископомъ Гомельскимъ» [13, с. 57]. В следующем году, испытывая финансовые трудности, Гомельское отделение отказалось от издания духовно-нравственной литературы.

Культурно-просветительная деятельность Гомельской братской организации в конце XIX – начале XX века. Организация библиотек-читален. Деятельность Гомельского отделения началась с открытия бесплатных народных библиотек-читален. Уже 23 ноября 1897 года было решено выписать на 100 руб. необходимое количество литературы. Большую помощь братству оказал правящий архиерей Мисаил, пожертвовавший 1220 экземпляров книг различного содержания [3, с. 129–130].

Первые бесплатные библиотеки-читальни были открыты согласно параграфу четвертому третьего протокола постановления отделения от 25 января 1898 года в чайных Попечительства о народной трезвости в Гомеле и Белице. На их создание было выделено 554 экземпляра книг: в Гомель было передано 424 книги, в Белицу – 130 [3, с. 130].

Двадцать девятого марта было принято решение об открытии двух библиотек-читален при чайных Попечительства о народной трезвости в Гомельском уезде: в с. Глубоцком и с. Бобовичах. Для организации туда были препровождены книги: для первой из них 121 книга, второй – 122 книги [3, с. 130].

В первый год своего существования Гомельское отделение обратило внимание и на создание библиотечных учреждений миссионерской направленности. Согласно предписанию епископа Могилевского и Мстиславского Мисаила от 15 апреля 1898 года были открыты две библиотеки-читальни «специального противосектантского содержания» в селах Ути и Иваки, где был обнаружен штундизм [3, с. 130]. На указанные цели в с. Ути было передано 197 экземпляров книг, в с. Иваки – 199. В том же году была учреждена библиотека-читальня в Ветке, на организацию которой было пожертвовано 500 экземпляров книг [4, с. 107].

Если книжный фонд первых четырех библиотек-читален состоял из литературы различного содержания (например, религиозно-нравственного, исторического, брошюр по земледелию, гигиене), то в последних трех – преимущественно из книг противосектантской направленности. По отзывам современников, все книги отличались «популярностью изложения, серьезностью содержания, общепонятностью и доступностью» [5, с. 112].

В 1898 году Гомельское отделение впервые обратило внимание на открытие уличных библиотек-читален (витрин). На эти цели оно ассигновало священнику Ивакского храма 20 руб. [4, с. 107]. В 1899 году настоятелю указанной церкви, священнику Платону Гошкевичу, было выдано 600 экземпляров Троицких листков и 100 брошюр для бесплатной раздачи народу и обновления материалов в указанной библиотеке [5, с. 112].

Учитывая пользу бесплатных библиотек-читален и их популярность среди простого народа, управление отделения старалось открыть таковые и в других многолюдных местах Гомельского уезда. В 1899 году было открыто дополнительно четыре новые библиотеки-читальни в следующих населенных пунктах: 1) м. Хальч (6 ноября 1899 г.); 2) м. Носовичах; 3) г. Гомеле – при второй чайной Попечительства о народной трезвости; 4) д. Старая Мильча при местной церковно-приходской школе. На организацию указанных библиотечных учреждений было использовано 692 книги, а именно: в м. Хальч было выслано 173 книги, м. Носовичи – 140, г. Гомель – 242, д. Старая Мильча – 137 [5, с. 111]. Помимо этого, управление отделения на своем заседании, состоявшемся 12 декабря 1899 года, постановило открыть уличную библиотеку-читальню в Поколюбичах. Местному священнику Филиппу Пясковскому было поручено заказать для этой цели рамы, а счет для оплаты предоставить в отделение [5, с. 111]. В итоге организация Поколюбичской уличной библиотеки-читальни обошлась братству в 15 руб. [6, с. 81].

Отделение, руководствуясь своим постановлением от 14 мая 1900 года, открыло в этом же году библиотеку-читальню при гомельской тюремной Свято-Александро-Невской церкви, выделив для ее организации 130 экземпляров книг для чтения их заключенными. На средства братского союза был также сделан шкаф для хранения книг [6, с. 80].

Учреждая новые библиотеки-читальни, управление Гомельского отделения заботилось о пополнении книжного фонда уже существовавших в то время библиотечных учреждений. Так, в 1899 году по предложению правящего архиерея Могилевской епархии Мисаила братский союз передал толкование епископа Михаила в 5 томах на Евангелие и Апостолов в библиотеки, находившиеся в м. Ветке, с. Ути и Иваки [5, с. 112].

Открытые библиотеки вызвали огромный интерес у грамотных крестьян. Они посещали читальни, брали на дом книги. Если в Глубоцком, Ути, Гомеле, Хальч население интересовалось различными книгами, то в Бобовичах – литературой преимущественно религиозно-нравственного содержания. В некоторых местах наблюдалось массовое чтение книг. Так, по заявлению заведующего гомельской библиотекой при второй чайной Попечительства о народной трезвости Курошко количество читателей в 1899 году было так велико, что запись их было вести «очень трудно» [5, с. 111]. Всего с 19 октября 1897 года до 1901 года Гомельское братское отделение открыло 14 библиотек-читален (из них две уличных), передав им бесплатно 3690 экземпляров книг различного содержания [6, с. 81]. В 1901 году братское объединение сосредоточило свое внимание на пополнении книжного фонда открытых библиотечных учреждений. Было передано 47 экземпляров книг различного содержания в тюремную библиотеку. В соответствии со списком местного епархиального миссионера было выписано по 24 экземпляра книг в противосектантские библиотеки-читальни в Ути и Иваки [14, с. 66].

В 1902 году Гомельское братское отделение вновь перешло к устройству новых библиотек в тех местах, где ощущалась «настоятельная потребность». Согласно параграфу четвертому постановления управления от 27 января 1902 года была открыта уличная библиотека в селе Кузьминичи Гомельского уезда. На эти цели было израсходовано 15 руб. В соответствии с параграфом третьим постановления управления от 4 апреля на средства, пожертвованные епископом Могилевским и Мстиславским Мисаилом, была открыта библиотека в населенной староверами слободе Марьино при местной церковно-приходской школе, куда было выдано 117 книг главным образом «противораскольнического» содержания. Согласно указанному постановлению были организованы также библиотеки-читальни в деревнях Уваровичи и Семеновка при церковно-приходских школах. В первую из них было пожертвовано 86 книг, во вторую – 82 [15, с. 80].

Не забыло братское отделение в указанный год и о пополнении ранее открытых библиотечных учреждений. В 1902 году в местечко Хальч передано 25 экземпляров книг в соответствии с параграфом первым постановления от 4 апреля. Всего в период с 1897 по 1902 год было создано 18 библиотек, из них три уличных (табл. 2).

Таблица 2

Перечень библиотек, созданных Гомельским отделением
Могилевского православного Богоявленского братства в 1898–1903 годах

Годы	Населенные пункты, где были открыты библиотеки-читальни	Количество открытых библиотек
1898	Гомель, Белица, Глубокое, Бобовичи, Уть, Иваки, Ветка	8
1899	Гомель, Хальч, Носовичи, Старая Миляча, Поколюбичи	5
1900	Гомель	1
1901	—	0
1902	Марьино, Уваровичи, Семеновка, Кузьминичи	4
1903	—	0
Всего		18

Источники: [4, с. 107; 5, с. 111–112; 6, с. 80–81; 14, с. 66–67; 15, с. 80].

Сотрудниками читален служили лица, работавшие в учреждениях, при которых создавались данные заведения. Библиотекари в первое время выполняли свои обязанности бесплатно. Лишь в 1900 году им было выдано пособие, общая сумма которого составила 40 руб. [6, с. 83]. В следующем году они получили 30 руб. [14, с. 67].

В целом за десять лет существования отделения было открыто в Гомельском уезде при церквях и школах 18 библиотек-читален с 3500 экземплярами книг религиозно-нравственного содержания.

Бесплатное распространение литературы. Гомельский братский союз не только учреждал библиотеки, но и занимался распространением литературы. Так, по просьбе священника тюремной церкви Гомеля отделение выдало 15 декабря 1897 года 170 экземпляров книг для чтения заключенным. Через полтора месяца, 25 января 1898 года (согласно третьему параграфу протокола № 3) в ответ на просьбу Могилевской духовной консистории отделение постановило выслать в Утевский приход 170 книг религиозно-нравственного содержания и 525 крестиков для бесплатной раздачи народу. На такие же цели 29 марта (согласно второму параграфу протокола № 5) было передано епархиальному миссионеру 450 экземпляров составленной братским союзом брошюры «Рѣшеніе пяти трудныхъ для глаголемыхъ старообрядцевъ вопросовъ о Церкви Христовой» [3, с. 130].

Наибольшее количество литературы было роздано в 1899 году – 3211 экземпляров листов и брошюр [5, с. 114]. Больше всего её распространялось в храмовые праздники. Например, в указанные дни в 1899 году в Гомельском Свято-Петро-Павловском соборе, Гомельской Свято-Троицкой церкви и Белицком Свято-Александр-Невском храме было бесплатно роздано богомольцам 1600 экземпляров Троицких листов и 50 брошюр. Для проведения аналогичного мероприятия в 1899 году в местечко Хальч было выслано 100 экземпляров Троицких листов и 100 брошюр [5, с. 112].

Порой листки и брошюры бесплатно раздавались во время продажи книг в часовне Свято-Петро-Павловского собора. Например, в 1900 году таким способом было распространено 300 листов, книг и брошюр [6, с. 81]. Временами литература просто раздавалась посетителям чайных Попечительства о народной трезвости.

Часть литературы передавалась лицам, оказавшим содействие братству. Так, с целью поощрения правильного и благоговейного чтения в церквях, поддерживавшего религиозное настроение богомольцев, Гомельское отделение согласно постановлению своего управления от 1 августа 1899 года наградило 158 экземплярами Нового Завета лучших и усердных чтецов уезда, отмеченных приходскими священни-

ками. Книгами Нового Завета были награждены также два заведующих братскими библиотеками-читальнями: сиделец второй чайной Попечительства о народной трезвости в Гомеле Курошко и сидельца Белицкой чайной Владычанская. Заведующий книжным братским складом при Свято-Петро-Павловском соборе В.А. Шевелев, «несущий трудные обязанности приема, выдачи, сортировки и продажи книг», был награжден Библией [5, с. 113].

Рассматриваемый вид деятельности постепенно стал сокращаться с 1900 года, а в 1902–1903 годах Гомельское отделение вообще отказалось от бесплатного распространения литературы (табл. 3). Думается, это было вызвано тем, что братский отдел в начале XX века перестал получать значительные пожертвования книгами. В последующее время Гомельская братская организация все-таки вернулась к данному виду деятельности.

Таблица 3

Количество литературы, бесплатно розданной Гомельским братским отделением в 1897–1903 годах

Годы	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903
Количество бесплатно розданных экземпляров книг, брошюр, листов	790	3211	1091	821	0	0

Источники: [4, с. 107; 5, с. 112–113; 6, с. 81; 14, с. 66; 15, с. 80–81; 16, с. 85–87].

Необходимо отметить, что за первые десять лет существования отделения было бесплатно роздано народу около 13000 книг, брошюр и листов.

Организация книжной торговли. В первый год существования Гомельское братское отделение организовало книжную торговлю в двух местах города Гомеля: в часовне местного Свято-Петро-Павловского собора и при чайной Попечительства о народной трезвости. Заботясь о более широком распространении полезных для народа книг, отделение делало незначительные надбавки на продаваемую продукцию. В результате чистая прибыль была незначительна. Так, несмотря на то, что к 1 мая 1898 года было продано 1037 экземпляров книг различного содержания, отделение получило чистой прибыли лишь 1 руб. 62 коп. [3, с. 131]. С продажи 1289 экземпляров книг, брошюр и листов религиозно-нравственного содержания к 1 января 1899 года было получено чистой прибыли 3 руб. 55 коп. [4, с. 107]. Причем со второго года книжная торговля проводилась только в часовне Гомельского Свято-Петро-Павловского храма. Наибольшее количество книг Гомельским отделением было продано в первые полтора года его существования.

С целью распространения в деревнях предметов «религиозного почитания» отделение на своем заседании 21 января 1898 года постановило выписать на 60 руб. крестиков и иконок для организации их продажи в некоторых селах Гомельского уезда при местных церквях. В связи с этим был даже сделан запрос о высылке образцов в мастерскую серебряных и бронзовых изделий Романова, расположенную в с. Красном Костромской губернии [3, с. 131]. Думается, данное начинание Гомельского братского отдела не получило дальнейшего развития, так как в последующих отчетах ничего не говорилось об устройстве торговли при храмах.

В 1903 году продажа книг стала осуществляться при помощи книгоноши. За сравнительно короткий период времени (полтора месяца) он смог продать 657 книг и брошюр на сумму 29 руб. 24 коп. [16, с. 86].

Продавцами религиозно-нравственной литературы служили лица, работавшие в учреждениях, при которых создавались братские заведения. Так, книжную торговлю в часовне Гомельского Свято-Петро-Павловского собора в 1897–1898 годах осуществлял Шевелев, который заведовал одновременно продажей свеч. Лица, отвечавшие за продажу братской литературы, получали в 1898 году жалованье: Шевелеву и Кузьмину, работавшему при первой чайной Попечительства о народной трезвости в Гомеле, ежемесячно выдавалось по 3 руб. [3, с. 131]. В последующие годы в статьях расхода не было упоминания о выплатах данным лицам.

В целом, в течение 1897–1906 годов Гомельским отделением Могилевского Богоявленского братства было продано около 5000 экземпляров различной литературы на сумму, составлявшую около 200 руб.

Организация внебогослужебных чтений. В целях «религиозно-нравственного развития православного населения» Гомельское отделение организовывало внебогослужебные чтения. Впервые оно обратило внимание на их устройство в 1898 году и в указанный год ассигновало двум священникам Гомельского уезда 100 руб. на приобретение «волшебных фонарей» (проекторных аппаратов) для проведения бесед с народом [4, с. 108]. Через год братский отдел выделил священнику Ивакского храма на подобные цели и приобретение «картин» (слайдов) 30 руб. [6, с. 83]. В 1901 году на организацию мероприятий указанного типа было передано 28 книг священнику Ново-Громыкской церкви и 6 книг – священнику Ереминского храма [14, с. 66].

С 1900 года с разрешения и благословения епископа Мисаила (в соответствии с его резолюцией от 19 апреля 1900 года за № 1530) Гомельское отделение стало проводить внебогослужебные чтения по

воскресным и праздничным дням поочередно то в Свято-Петро-Павловском соборе, то в Свято-Троицкой церкви. Проводились чтения местным духовенством и жившими в то время в Гомеле лицами, получившими богословское образование, по программе, утвержденной епископом Могилевским и Мстиславским. С 1901 года к устройству чтений стали привлекаться светские лица [14, с. 67].

Перед проведением указанных мероприятий обычно совершались торжественные вечера, сопровождаемые стройным пением хоров указанных церквей. Предметом чтений были жития святых, объяснение богослужений православной церкви и символа веры, история христианской церкви.

Временами подобные мероприятия проводились в рамках общегородских торжеств. Так, во время празднования 300-летия кончины князя К.К. Острожского 17 февраля 1908 года в зале городской думы было организовано чтение в его память. Проводил чтение председатель местной братской организации священник Феодор Жудро. Накануне данного мероприятия была совершена панихида, а сами чтения сопровождались церковными песнопениями, исполняемыми хором певчих Свято-Троицкой церкви. Было прочитано Н.П. Адамовым стихотворение А.Н. Майкова, посвященное западно-русским братствам. После чтения присутствующим лицам были розданы брошюры о князе К.К. Острожском, изданные Виленским Свято-Духовским братством [17].

По словам современников, «отличаясь простотою и общедоступностью, религиозно-нравственные чтения оказывали несомненно весьма благотворное влияние на слушателей» [6, с. 82]. Посещал чтения, главным образом, простой народ. В среднем на каждом подобном мероприятии собиралось от 300 до 500 человек.

С целью правильной организации указанных мероприятий в 1901 году на основании параграфа четвертого постановления общего братского собрания от 18 февраля была образована специальная комиссия в составе С.С. Уклонского, М.Д. Климова и священников Феодора Жудро, Феодора Страдомского и Павла Левашева. Комиссия точно определяла количество чтений в году, составляла программу, рассматривала и рекомендовала руководства для проведения данных мероприятий. В течение 1900 года было проведено 17 чтений, в 1901 – 45, в 1902 году – 35 [14, с. 67; 15, с. 81].

С целью увеличения средств, необходимых для проведения внебогослужебных мероприятий, с разрешения могилевского епископа Мисаила с 1901 года Гомельским отделением стали проводиться духовные концерты. Первый такой концерт был организован в указанном году. В его организации участвовали священник Александр Грицкевич, М.Д. Климов и П.В. Степанов. Были приглашены четыре хора: Гомельского Свято-Петро-Павловского собора, Гомельской Свято-Троицкой церкви, духовно-училищного храма и Поколюбичской церкви – под управлением их регентов, а именно: диакона К. Ярошевского, Ф.К. Войтенко и священников Семенова и Филиппа Пяковского. Состоявшийся духовный концерт дал 310 руб. 37 коп. чистой прибыли [14, с. 67]. Учитывая предыдущий успех, в 1902 году было устроено уже два духовных концерта: 3 и 25 марта. Но они дали лишь 124 руб. 55 коп. чистой прибыли [15, с. 81]. В следующем году подобный концерт был проведен 25 марта. Было получено 182 руб. 25 коп. чистой прибыли [16, с. 86].

Благотворительная деятельность. Занималось Гомельское отделение Могилевского Богоявленского братства и благотворительностью, тесно связанной с просветительной работой. Братчики оказывали материальную помощь преимущественно тем бедным школьным учителям, кто прилежно занимался обучением детей и заботился об устройстве церковных хоров. В течение первого полугодия существования Гомельское братское отделение выдало пособия 10 наставникам на общую сумму 150 руб., второго – 4 учителям на общую сумму 70 руб. [6, с. 131]. На аренду помещения в 1898 году школе грамоты в д. Осовцы было выделено 10 руб., а двум священникам на приобретение «волшебных фонарей» для устройства собеседований с народом – 100 руб. [4, с. 108]. Помощь нуждающимся учителям оказывалась и в последующее время (табл. 4).

Таблица 4

Количество учителей, получивших пособия от Гомельского братского отделения в 1897 – 1903 годах

Годы	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903
Количество учителей, получивших пособие	14	3	2	1	–	–

Источники: [4, с. 108; 5, с. 113; 6, с. 82; 14, с. 67; 15, с. 81–82; 16, с. 86].

Выделялись деньги до 1901 года и на аренду помещения под школу грамоты в д. Осовцы. В целом за десять лет существования отделения была оказана помощь церковно-приходским школам в размере около 400 руб.

С 1900 года благотворительная деятельность Гомельского отделения расширилась. Братский отдел стал помогать псаломщикам, усердно занимавшимся церковным пением, а также некоторым церковным хорам. В указанный год материальную помощь получили три псаломщика, а также четыре церковных хора: гомельскому соборному и Свято-Троицкому было выдано за пение во время проведения внебогослужебных

чтений 50 руб., Руденецкому и Поколюбичскому – 35 руб. [6, с. 82–83]. В следующем, 1901 году гомельские церковные хоры получили 135 руб., в 1902 году – 197 руб. 50 коп. [14, с. 67; 15, с. 81]. Также в 1901 году было выделено 20 руб. наблюдателю церковно-приходских школ Гомельского уезда священнику Андрею Курневичу на приобретение письменных принадлежностей для двух школ: Бартоломеевской и Ново-Закружской [14, с. 67]. В целом за десять лет существования отделения псаломщики и учителя, организовавшие церковные хоры, были награждены денежными пособиями, общая сумма которых составила около 1200 руб., а также различными книгами на сумму 150 руб.

Оказывалась помощь братством и беднякам. По словам современников, «насколько позволяли средства, оно шло на встрѣчу истинной нуждѣ и горю». В течение первого полугодия существования братской организации было удовлетворено четыре просьбы о помощи на общую сумму в 100 руб., во втором полугодии 1898 года – девять просьб на сумму 130 руб. [3, с. 131]. В течение 1899 года в управление отделения было подано 25 прошений о пособиях (в том числе трех учителей школ грамоты), которые не остались неудовлетворенными: Гомельское объединение оказало единовременную помощь нуждающимся лицам на сумму 278 руб. [5, с. 113]. С 1900 по 1903 год общая сумма пособий стала ежегодно возрастать (табл. 5). За десять лет существования братского отделения было выдано пособий беднякам в размере около 3000 руб.

Таблица 5

Размер помощи, оказанной Гомельским отделением нуждающимся лицам в 1897–1903 гг.

Годы	1897–1898	1899	1900	1901	1902	1903
Общая сумма помощи нуждающимся лицам (руб.)	230	278	115	116,5	194,95	320,38

Источники: [4, с. 108; 5, с. 113; 6, с. 83; 14, с. 67; 15, с. 81–82; 16, с. 86].

Испытывая недостаток средств, Гомельское отделение с 1900 года в некоторых случаях отказывало просителям, учитывая тот факт, что они уже получили пособия раньше. Однако в случаях, «не терпящих отлагательства», на основании параграфа четвертого протокола общего братского собрания, состоявшегося 31 января 1899 года, пособия нуждающимся лицам могли выдаваться немедленно после рассмотрения прошений председателем и казначеем отделения. Затем после выдачи пособия расход заносился в протокол ближайшего заседания братского управления [6, с. 83]. Учитывая важное значение оказания своевременной помощи, управление отделения 11 сентября 1902 года предоставило приходским священникам города Гомеля право при исправлении ими треб выдавать из братских средств в случаях крайней нужды единовременно не более 5 руб. [15, с. 82].

В годы русско-японской войны 1904–1905 годов отделение израсходовало на нужды, связанные с войной, около 300 руб. Например: Красному Кресту было передано 100 руб.; на усиление флота – 50; на белье больным и раненым военным – 30 руб.

Благотворительная деятельность Гомельского братского отделения находила сочувствие у местного уездного духовенства. Так, с целью увеличения средств 6 мая 1898 года в зале городского общественного собрания состоялся духовный концерт церковного хора с. Поколюбичи под руководством местного священника Филиппа Пяковского [3, с. 132]. От продажи билетов было выручено 51 руб. 46 коп. [4, с. 108]. В свою очередь певчие Поколюбичского хора были отмечены книгами.

Заключение. В городе Гомеле в 1897 году было создано отделение Могилевского православного Богоявленского братства. На протяжении всего своего существования Гомельское православное братское объединение активно занималось культурно-просветительной работой, благотворительностью. Братским союзом было создано большое количество библиотек, литература которых, по словам современников, читалась с большим интересом и приносила «несомненно великую пользу народу». Занимался Гомельский братский союз также распространением книг, брошюр, листов духовно-нравственного содержания, организацией внебогослужебных чтений, изданием духовно-нравственной литературы. Оказывалась помощь как неимущим лицам православного вероисповедания, так и учителям, псаломщикам, отличившимся в преподавании церковного пения. В целом, вся деятельность братского объединения на территории Гомельщины в рассматриваемый период была направлена на укрепление позиций Русской Православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несколько слов к предстоящему открытию Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. – 1897. – № 28–29 (часть неофициальная). – С. 377–379.

2. Устав Гомельского отделения Могилевского церковного Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. – 1897. – № 28–29 (часть официальная). – С. 247–253.
3. Отчет о деятельности Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства с 19 октября 1897 г. по 1 мая 1898 года // Могилевские епархиальные ведомости. – 1898. – № 17 (часть официальная). – С. 129–132.
4. Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства, открытое в ознаменование св. коронования их Императорских Величеств; его состояние и деятельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11–12 (часть официальная). – С. 106–109.
5. Гомельское отделение Могилевского церковно-православного Богоявленского братства (второй год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1900. – № 9 (часть официальная). – С. 110–118.
6. Отчет о состоянии и деятельности Гомельского отделения Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1900 год (третий год существования) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1901. – № 9 (часть официальная). – С. 80–88.
7. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1901 год (19-я годовщина братства) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9–10 (часть официальная). – С. 40–45.
8. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1902 год (20-я годовщина братства) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1903. – № 9–10 (часть официальная). – С. 59–79.
9. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1903 год (21-я годовщина братства) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 12 (часть официальная). – С. 66–76; № 13 (часть официальная). – С. 79–85.
10. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1904 год (22-я годовщина братства) // Могилевские епархиальные ведомости. – 1905. – Приложение к № 11 (часть официальная). – С. 1–19.
11. Н. Торжество православия в г. Гомеле (29 сентября – 1 октября 1909 г.) / Н. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1909. – № 21 (часть неофициальная). – С. 779–787.
12. Г[рицкевич]. Краткий очерк деятельности Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства со времени его учреждения / Г[рицкевич] // Вестн. Виленского Св.-Духовского братства. – 1907. – № 7. – С. 145.
13. Жудро, Ф.А. Город Гомель (Могилевской губ.) с 68 автотипиями / Ф.А. Жудро, И.А. Сербов, Д.И. Довгялло. – Вильно: Сев.-Зап. отд. Импер. Русского географического о-ва, 1911. – 61 с.
14. Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1902. – № 9 (часть официальная). – С. 66–68.
15. Деятельность двух отделений братства – Гомельского и Мстиславского. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1903. – № 9–10 (часть официальная). – С. 80–82.
16. Краткий очерк деятельности двух братских отделений – Гомельского и Мстиславского за 1903 г. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 13 (часть официальная). – С. 85–88.
17. Хроника церковно-общественной жизни. Гомель. Мог. г. // Вестн. Виленского Свято-Духовского братства. – 1908. – № 6. – С. 126.

Поступила 13.03.2013

GOMEL BRANCH OF MOGILYOV ORTHODOX EPIPHANY BROTHERHOOD AT THE END OF THE XIXTH – BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

S. VOSOVICH

The article considers the history of development of Gomel branch of Mogilyov Orthodox Epiphany brotherhood at the end of the XIXth – beginning of the XXth century. Are analyzed cultural-educational and charity activities of the afore-said brotherhood branch in the considered period. The conclusion is made that all the activities of Gomel association was directed at strengthening the positions of Russian Orthodox Church in Gomel Region.

УДК 94(474):321.013

**СПРОБЫ СТВАРЭННЯ РЭГІЯНАЛЬНАГА АБ'ЯДНАННЯ БАЛТЫЙСКИХ ДЗЯРЖАЎ
У 1918–1921 ГАДАХ**

канд. гіст. навук А.А. ВАЛОДЗЬКІН
(Інстытут эканомікі НАН Беларусі, Мінск)

Аналізуюцца тэарэтычныя канцэпцыі і практычныя спробы стварэння рэгіянальнага аб'яднання балтыйскіх краін у 1918–1921 гадах. На падставе апублікаваных у Літве архіўных крыніц адпаведнага перыяду аднаўляецца храналогія супрацоўніцтва гэтых краін у вырашэнні агульных праблем падчас вайны за вызваленне і змагання за міжнароднае прызнанне. Таксама вызначаюцца супярэчнасці ў іх адносінах і прычыны, што не дазволілі ім у разглядаемы перыяд ажыццявіць планы па стварэнні рэгіянальнага аб'яднання на Балтыцы.

Спробы стварэння рэгіянальнага аб'яднання краін Балтыі ў міжваенны перыяд (1920–1930-я гг.) з'яўляюцца адной з самых маладаследаваных і між тым вельмі цікавых старонак еўрапейскай гісторыі XX стагоддзя. Навуковую цікаўнасць гэтыя працэсы выклікаюць найперш тым, што ўяўляюць сабой адну з першых спроб рэгіянальнай інтэграцыі ў Еўропе, бо аналіз вылучаных праектаў аб'яднання яскрава сведчыць аб тым, што размова вялася не толькі аб стварэнні класічнай міждзяржаўнай ваеннай кааліцыі, ці шматэтнічнай дзяржавы на падставе нераўнапраўнага падпарадкавання адных этнасаў другім (як гэта мела месца пры стварэнні Каралеўства сербаў, харватаў і славенцаў (Югаславіі) ці Чэхаславакіі), а менавіта аб комплексным і раўнапраўным збліжэнні, якое мы зараз называем інтэграцыяй. Па-другое, у адрозненне ад краін Заходняй Еўропы, дзе інтэграцыйныя праекты пачалі ажыццяўляцца на базе ўжо сфарміраваных нацыянальных дзяржаў (з нагоды чаго, інтэграцыйныя структуры часта называюць наднацыянальнымі), у выпадку краін Балтыі яны развіваліся паралельна стварэнню нацыянальнай дзяржаўнасці, а часам нават апырэджвалі яго. У гэтым сэнсе досвед краін Балтыі ў 1920–1930-я гады вельмі нагадвае досвед Беларусі ў 1990–2000-я гады, калі наша краіна, ледзве набыўшы незалежнасць і актыўна прыступіўшы да будаўніцтва нацыянальнай дзяржаўнасці, пачала ўдзельнічаць у развіцці інтэграцыйных праектаў на постсавецкай прастору.

Зрэшты, па-трэцяе, аналіз праектаў інтэграцыі краін Балтыі ў міжваенны перыяд дапамагае зразумець карані іх сённяшняй празаходняй геапалітычнай арыентацыі. Бо фактычна ўсе гэтыя праекты распрацоўваліся з разлікам на прамую ці ўскосную падтрымку дзяржаў Антанты – найперш, Англіі і Францыі, якая павінна была ўраўнаважыць палітычны і ваенны ўціск з боку такіх моцных суседзяў, як Германія і Расія/СССР, і дапамагчы краінам Балтыі супрацьстаяць іх памкненням да гегімоніі ў Балтыйскім рэгіёне. З аднаўленнем сваёй дзяржаўнай незалежнасці напачатку 1990-х Літва, Латвія і Эстонія не толькі вярнуліся да гэтай геапалітычнай схемы, але і паклалі яе ў аснову сваёй знешняй палітыкі – з тым толькі адрозненнем, што замест стварэння рэгіянальнага аб'яднання пад патранажам Захаду была абрана прамая інтэграцыя ў асноўныя заходнія інстытуты, а месца Англіі і Францыі ў якасці галоўнага гаранта іх бяспекі занялі Злучаныя Штаты Амерыкі як новы лідар заходняга свету.

Асноўная частка. Характарызуючы гістарыяграфію праблемы, найперш трэба ўзгадаць амерыканскага гісторыка латвійскага паходжання Эдгара Андэрсана (Edgar Anderson, у некаторых крыніцах даецца латвійскае напісанне – Edgars Andersons). Галоўнымі працамі даследчыка з'яўляюцца трохтомнік “Балтыйская прастора ў сусветнай палітыцы 1914–1945” (The Baltic Area in World Affairs 1914–1945) і двухтомнік “Міжнароднае становішча Латвіі ў 1914–1945” (Latvijas Starptautiskais Stavoklis 1914–1945). Працуючы ў каліфарнійскім універсітэце г. Сан-Хасэ, ён надрукаваў у 1966–1968 гадах серыю артыкулаў, прысвечаных спробам стварэння саюза балтыйскіх дзяржаў напрацягу ўсяго міжваеннага перыяду. Для нашых храналагічных рамак найбольшае значэнне мае праца Андэрсана “Toward the Baltic Union: The Initial Phase” (“Да балтыйскага саюза: пачатковая фаза”) [1].

З сучасных даследчыкаў тэмы яднання краін Балтыі ў міжваенны перыяд варта вызначыць літоўскага прафесара Зянонаса Буткуса (Zenonas Butkus), вядомага шэрагам прац па даследаванні міждзяржаўных стасункаў краін Балтыі ў 1920–1930-я гады. Асабліваю каштоўнасць для даследавання заяўленай тэматыкі мае складзены і выдадзены навукоўцамі Інстытута гісторыі НАН Літвы і Віленскага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам З. Буткуса збор архіўных дакументаў і матэрыялаў “Ідэя і практыка адзінства балтыйскіх дзяржаў у 1918–1940 гг.” (Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais). У гэтай кнізе прадстаўлена больш за 300 дыпламатычных крыніц, вытрымак з канцэптальных прац і публічных выступаў, а таксама паведамленняў тагачаснай прэсы, сабраных у архівах Літвы, Латвіі, Эстоніі,

Германії і Расії і падзеленых на пяць храналагічных раздзелаў адпаведна пяці асноўным этапам кансаладацыі балтыйскіх краін, вылучаных прафесарам Буткусам.

Спачатку разгледзім канцэптуальныя вытокі праектаў аб'яднання балтыйскіх краін. Умоўна кажучы, тут можна вылучыць дзве тэарэтычныя плыні: літоўскую і эстонскую. Першую з іх прадстаўлялі такія грамадскія дзеячы, палітыкі і філосафы, як Ёнас Шлюпас, Оскар дэ Любіч-Мілаш і Стасіс Шалкаўскас; другую – Яан Тынісан і Карэль-Роберт Пуста. Для літоўскіх аўтараў была характэрна засяроджанасць на ідэе стварэння аб'яднанай дзяржавы двух балцкіх народаў – літоўцаў і латышоў. Так, палітык, грамадскі дзеяч і першы пасланнік Літвы ў Латвіі Ёнас Шлюпас яшчэ з 1885 года выношаў ідэю стварэння агульнай літоўска-латвійскай дзяржавы. У 1918 годзе ён апублікаваў сваю канцэпцыю ў трактате “Літоўска-латвійская рэспубліка і саюз паўночных нацый”. Адпаведна яго канцэпцыі гэта павінна быць зусім не малая дзяржава з насельніцтвам каля 10 мільёнаў чалавек, пабудаваная на прынцыпах раўнапраўнай федэрацыі дзвюх нацый з рэспубліканскай формай праўлення – агульным прэзідэнтам, парламентам, заканадаўствам і агульнай сталіцай у Вільні. Пры гэтым кожная нацыя павінна мець аўтаномію ў культурных і муніцыпальных справах. Планавалася, што гэта дзяржава ўступіць у саюз з Эстоніяй, Фінляндіяй і скандынаўскімі краінамі, захоўваючы пры гэтым свой суверэнітэт, і будзе развіваць міжнародны гандаль, ствараючы спрыяльныя ўмовы для расійскага і польскага транзіту праз сваю тэрыторыю і праз Балтыйскае мора [2].

У пачатку наступнага 1919 года паэт і дыпламат літоўскага паходжання граф Оскар Владіслаў дэ Любіч Мілаш выдаў у Парыжы на французскай мове артыкул “Адзіная рэспубліка Літвы і Латвіі”, дзе быў каротка пададзены план стварэння аб'яднанай літоўска-латвійскай дзяржавы, вельмі падобны да плана Шлюпаса. Як і Шлюпас, ён падкрэсліваў, што гэта будзе немалая дзяржава з насельніцтвам каля 10 мільёнаў чалавек, якая здолее супрацьстаяць панаванню славянскіх і германскіх дзяржаў у рэгіёне Балтыйскага мора. Аб'яднаная з роднаснай Латвіяй, Літва забяспечыць сабе тыл на поўначы, што ўзмацніць яе пазіцыі ў няпростых адносінах з Польшчай. Аднак, у адрозненне ад Шлюпаса, Мілаш лічыў, што гэта аб'яднаная дзяржава павінна больш арыентавацца на краіны Антанты (асабліва, на Францыю), цесныя сувязі з якімі дазваляць супрацьстаяць геапалітычнаму ўціску Расіі і Германіі [4].

Ідэі стварэння аб'яднанай літоўска-латвійскай дзяржавы часткова закраналіся і ў выдадзеным у тым жа 1919 годзе ў Жэневе трактате літоўскага філосафа і грамадскага дзеяча Стасіса Шалкаўскаса “На водападзеле двух сусветаў”. Ён лічыў, што “дзве роднасных нацыі” добра дапоўняць адна адну ў культурным плане – “латышская практычнасць” дапасуецца да “літоўскага ідэалізму і інтэлектуальнасці”. Стварэнне аб'яднанай дзяржавы, па меркаванні Шалкаўскаса, паслабіла б польскія элементы ў Літве і нямецкія ў Латвіі. Як і Шлюпас, ён лічыў, што гэта дзяржава павінна ўступіць у саюз з краінамі Скандынавіі, каб дасягнуць балансу сіл паміж Германіяй і Расіяй [5].

Што тычыцца эстонскіх аўтараў, іх праекты адрозніваліся большай маштабнасцю і агульным трэндам на аб'яднанне краін Балтыі са скандынаўскімі дзяржавамі. Так, падчас рэвалюцыйных падзей у Расіі 1917 года адзін з эстонскіх нацыянальных лідэраў і будучы прэм'ер-міністр гэтай краіны Яан Тынісан прапанаваў у якасці найлепшага рашэння праблем балтыйскага рэгіёна стварэнне сумеснай скандынаўска-балтыйскай федэрацыі. Аднак 7 верасня 1917 года Земскі Савет Эстоніі, нават не абмяркоўваючы слушнасць гэтай прапановы, адпрэчыў яе як цалкам утапічную на той час [1].

Другі эстонскі палітык і дыпламат, удзельнік эстонскай дэлегацыі на Парыжскай мірнай канферэнцыі і будучы міністр замежных спраў краіны, Карэль-Роберт Пуста, апублікаваў напрыканцы 1918 года ў Парыжы артыкул “Балтыйская ліга”, які змяшчаў, з аднаго боку, больш маштабны, а з другога – больш стрыманы праект саюза краін, размешчаных вакол Балтыйскага мора. Зыходзячы з этнічных адрозненняў іх народаў, Пуста лічыў, што яны не здолеюць стварыць ні аб'яднаную дзяржаву, ні федэрацыю – толькі шчыльны Балта-Скандынаўскі саюз, які будзе складацца з трох рэгіянальных груп: Скандынаўскай (Данія, Швецыя, Нарвегія), Усходнебалтыйскай (Фінляндія, Эстонія, Латвія) і Сярэднебалтыйскай (Літва і Польшча) [3]. Зразумела, пры гэтым ён спадзяваўся на мірнае вырашэнне польска-літоўскага тэрытарыяльнага канфлікту і паляпшэнне адносін паміж гэтымі краінамі. Па яго меркаваннях, саюз павінен быў ахапіць эканамічную і палітычную сферы – краіны-ўдзельніцы павінны стварыць адзіную сістэму абароны і каардынаваць сваю знешнюю палітыку. Пры гэтым кожная краіна захоўвала сваю мову, а агульныя дакументы павінны былі перакладацца на англійскую і французскую мовы. Балтыйская Ліга павінна дзейнічаць у сістэме Лігі Нацый, складаючы ў ёй асобную рэгіянальную групоўку, а ў сваёй знешняй палітыцы арыентавацца пераважна на краіны Антанты. Такім чынам, Балтыйская Ліга павінна была выконваць ролю пасярэдніка паміж Захадам і Расіяй, стабілізацыі ў якой яна павінна была спрыяць, імкнучыся пры гэтым не трапіць у сферу ўплыву Германіі [3].

Першыя захады па ўвасабленні гэтых праектаў у жыццё пачаліся яшчэ да таго, як літоўцы, латышы і эстонцы дамагліся стварэння сваіх нацыянальных дзяржаў – падчас Першай сусветнай вайны. Да абвя-

шчэння незалежнасці адбылося 5 сустрэч, на якіх абмяркоўваліся праекты аб'яднання ці сумеснай дзейнасці па рашэнні агульных праблем. Так, заклік да стварэння сумеснай літоўска-латышскай федэрацыі быў агучаны ўжо на кангрэсе літоўскіх эмігрантаў у Амерыцы, які адбыўся ў верасні 1914 года ў Чыкага [1]. Абмеркаванне ідэі федэрацыі працягнулася на сумесным літоўска-латышскім кангрэсе ў Берне 4 кастрычніка 1915 года. Аднак яна не знайшла асаблівай падтрымкі з боку латышскіх дэлегатаў, якія пачалі падазраваць літоўцаў у намеры абаперціся для ажыццяўлення гэтага праекта на Германію. З гэтай жа нагоды ідэя прапанаванай федэрацыі была адхілена падчас яе фармальнага абмеркавання на канферэнцыі Латвійскага часовага нацыянальнага савета ў Валцы 2 снежня 1917 года. Першыя кантакты латвійскіх і эстонскіх афіцыйных прадстаўнікоў адбыліся падчас Расійскай дзяржаўнай канферэнцыі, што праходзіла ў Маскве ў жніўні 1917 года [1]. Тады прадстаўнік Латвійскай думы Яніс Залітис і эстонскі дэлегат Антис Пііп сумесна запатрабавалі ад расійскага ўрада большай увагі да праблем цяжка пацярпелага ад вайны рэгіёна Балтыі. Супрацоўніцтва мела працяг падчас арганізаванага Украінскай Радай у Кіеве 21–28 жніўня 1917 года кангрэса расійскіх меншасцей і дэмакратычнай канферэнцыі ў Петраградзе 27 верасня таго ж года [1].

Пасля абвяшчэння незалежнасці краін Балтыі ў 1918 годзе іх супрацоўніцтва стала больш інтэнсіўным. Найперш іх аб'ядноўвала пагроза з боку агульных ворагаў: немцаў, якія жадалі стварыць у былых Остзэйскіх губернях асобную нямецкую дзяржаву; бальшавікоў, што фармальна прызнаўшы права нацый на самавызначэнне, на практыцы імкнуліся навязаць ім савецкую ўладу пад сваім кантролем; расійскіх “белых”, якія стаялі на прынцыпах “адзінай і непадзельнай Расіі” і ваража ставіліся да сепаратызму нацыянальных ускраін былой імперыі. Найбольш схільнай да цеснага супрацоўніцтва з суседзямі была Латвія, якая апынулася ў самым цяжкім становішчы – большая частка яе тэрыторыі была захоплена нямецкімі і савецкімі войскамі. Як паведамляе Андэрсан, ужо ў лістападзе – снежні 1918 года ўсталяваліся сувязі паміж латвійскім і эстонскім кіраўніцтвам [1]. Эстонскі ўрад 20 студзеня 1919 года дазволіў стварэнне на тэрыторыі Эстоніі латвійскіх ваенных частак для вызвалення Латвіі. Арганізацыя латвійскіх войскаў у Эстоніі была падмацавана заключэннем 18 лютага папярэдняга пагаднення паміж эстонскім і латвійскім ўрадамі, якое 21 ліпеня таго ж года было заменена двухбаковай дамовай аб ваенным узаемадзеянні [12]. У выніку сумесных баявых дзеянняў эстонскія і латвійскія войскі здолелі вызваліць ад чырвонаармейцаў паўночную Латвію, а 22 чэрвеня 1919 года разграміць пад Цэсісам сілы Балтыйскага нямецкага ландсвера. Эстонская армія і флот дапамагалі латышам вызваліць Рыгу, а пасля эстонцы трымалі значную частку ўсходняга фронту ў паўночнай Латвіі, каб даць латышам магчымасць арганізаваць свае ўзброеныя сілы і трымаць абарону на захадзе.

Больш складанымі былі адносіны з Літвой. Яе кіраўніцтва яшчэ не адмовілася цалкам ад ідэі аднаўлення Вялікай Літвы і прэтэндавала нават на тыя тэрыторыі, дзе літоўскае насельніцтва было ў відавочнай меншасці. І гэта вяло да канфліктаў амаль з усімі суседзямі. Рознагалосці выявіліся ўжо на Парыжскай мірнай канферэнцыі, дзе, па меркаванні Э. Андэрсана, дэлегацыі балтыйскіх краін дэманстравалі прыклад адзінства і ўзаемнай падтрымкі – дапамагалі адна адной не толькі парадамі і інфармацыяй, але нават грашыма на бягучыя расходы [1]. Так, інструкцыя літоўскага ўрада дэлегацыі Літвы на гэтай канферэнцыі ад 13 лютага 1919 года ўпаўнаважвала яе патрабаваць не толькі міжнароднага прызнання краіны, але і забеспячэння ёй выхаду да мора, прычым не толькі праз Клайпеду, але і праз латвійскі порт Ліепаю [6]. Палітыка літоўскага кіраўніцтва была даволі супярэчлівай. З аднаго боку, яно заключае 1 сакавіка 1919 года дамову з Латвіяй, па якой абяцае даць ёй пазыку ў 5 млн. марак (з ліку тых 100 млн., якія ёй самой дала Германія, што ставілася да Літвы больш спрыяльна, чым да іншых краін Балтыі) у абмен на амаль неабмежаваны доступ да порта Ліепаля [7]. З іншага боку, як сведчыць пратакол паседжання літоўскага ўрада ад 13 красавіка, дэлегацыі Літвы на Парыжскай мірнай канферэнцыі было даручана патрабаваць Ліепаю ў якасці паўночна-заходняй мяжы краіны. Гэта было максімальнае патрабаванне, ад якога можна было адступіцца, але не больш, чым прывядзенне мяжы па рацэ Швентая. Аднак у выпадку такой “саступкі” літоўская дэлегацыя павінна была патрабаваць для сваёй краіны “свабоднага карыстання” портам Ліепаля [8]. У выніку, як паведамляецца ў дакладзе літоўскай дэлегацыі ад 24 красавіка, перамовы аб мяжы з Латвіяй былі сарваныя. Акрамя спрэчак з-за тэрыторыі паміж двюма краінамі ўзніклі рознагалосці наконт адносін з прадстаўнікамі небаўшавіцкай Расіі: літоўцы вялі з некаторымі з іх перамовы, у той час як латышы лічылі ўсіх іх ворагамі, што не прызнаюць незалежнасць краін Балтыі [9]. Гэтае разыходжанне стала відавочным, калі праз месяц літоўская дэлегацыя адмовілася далучыцца да сумеснага пратэсту Латвіі, Эстоніі, Грузіі і Украіны супраць прызнання краінамі Антанты Калчака адзіным кіраўніком усёй Расіі. У яе дакладзе ўраду адмова тлумачылася тым, што, у адрозненне ад згаданых краін, Літва мае відавочную гісторыю ўласнай дзяржаўнасці, і таму ёй будзе зручней дзейнічаць асобна ад іх. Да таго ж Расіі будзе прасцей прымірыцца з незалежнасцю Літвы, якая не мае такіх важных партоў, як Эстонія і Латвія, і не пагражае яе абарончым інтарэсам. Акрамя таго, у гэтым жа дакладзе літоўскай дэлегацыі паведамлялася аб адмове прадаставіць Латвіі пазыку ў 10 тыс. франкаў [10].

Тым не менш ідзі балтыйскай федэрацыі абмяркоўваліся дэлегацыямі на Парыжскай мірнай канферэнцыі. Аднак звесткі аб прычынах іх правалу разыходзяцца. Андэрсан, напрыклад, піша ў сваім артыкуле, што з ідэяй федэрацыі выступілі эстонцы, іх падтрымалі латышы і фіны, аднак супраць выступілі літоўцы [1]. У той жа час сакратар латвійскай дэлегацыі Яніс Сескіс паведамляе ў сваім дзёніку за 17 ліпеня – 5 жніўня 1919 года, што пасля ад'езду найбольш непрымірных лідэраў літоўскай дэлегацыі – Вальдэмараса і Ічаса, пазіцыя дэлегацыі змянілася, і яна пагадзілася на больш цеснае супрацоўніцтва з дэлегацыямі астатніх балтыйскіх краін. У выніку, на сумеснай сесіі дэлегацый Літвы, Латвіі і Эстоніі быў падрыхтаваны праект канфедэрацыі гэтых трох краін, які павінен быў палепшыць іх імідж у вачах Антанты і, такім чынам, паспрыяць іх міжнароднаму прызнанню. Аднак Латвія і Эстонія адмовіліся падпісваць ваенную канвенцыю з Літвой аб абароне супраць Польшчы, заўважаючы пры гэтым, што яны не сталі б дапамагаць і фінам супраць шведаў [11]. Таму, як ужо казалася, 21 ліпеня 1919 года дамову аб ваенным супрацоўніцтве падпісалі толькі Эстонія і Латвія. Пасля гэтага ў пачатку жніўня з'явіўся яшчэ адзін праект трохбаковай канфедэрацыі за подпісам віцэ-старшыні літоўскай дэлегацыі Томаса Нарушавічуса, які прадугледжваў каардынацыю знешняй палітыкі Літвы, Латвіі і Эстоніі, стварэнне агульнай абароны, грашовай адзінкі, дарожнай, тэлеграфнай і паштовай службаў [13]. Невядома, ці абмяркоўваўся гэты праект, і як увогуле да яго паставіліся дэлегацыі Латвіі і Эстоніі, але ў наступным дакладзе Т. Нарушавічуса кіраўніку літоўскага ўрада М. Слежавічуса паведамляецца, каб развязаць апасенні Антанты, што прызнанне незалежнасці Літвы, Латвіі і Эстоніі прывядзе да канфліктаў і нестабільнасці ў рэгіёне, кожны тыдзень праводзяцца трохбаковыя сустрэчы дэлегацый гэтых краін, на якіх бакі пагадзіліся стварыць сумесную камісію для падрыхтоўкі ваеннай канвенцыі і сумеснай вытворчасці ўзбраенняў, а таксама адкрыта апублікаваць дэкларацыю аб супрацоўніцтве. Тым не менш эстонцы адмовіліся ўключыць у спіс агульных ворагаў разам з немцамі і бальшавікамі таксама і Польшчу, як таго патрабавала Літва [14]. Таму рэальнай кульмінацыяй узаемадзеяння дэлегацый балтыйскіх краін на Парыжскай канферэнцыі можна лічыць іх сумесны зварот ад 6 верасня 1919 года да старшыні канферэнцыі Ж. Клемансо з заклікам прызнаць іх незалежнасць і прыняць у Лігу Нацый [15].

Тут варта патлумачыць адносіны краін Балтыі з Антантай. Відавочна, арыентацыя на Антанту была для іх адзіным выйсцем, бо толькі падтрымка дзяржаў-пераможцаў у Першай сусветнай вайне магла забяспечыць ім міжнароднае прызнанне і гарантаваць незалежнасць ад Расіі і Германіі. Для Антанты ж гэтыя краіны былі толькі адным з фактараў у яе барацьбе супраць бальшавікоў. Так, 26 жніўня брытанскі прадстаўнік генерал Марш паспрабаваў аб'яднаць ваенныя сілы краін Балтыі, Польшчы, рускія войскі генерала Юдзеніча (якія падтрымлівала Антанта) і руска-нямецкія злучэнні палкоўніка Берманта-Авалава (якія падтрымлівала Германія) для сумесных дзеянняў супраць бальшавікоў [1]. Аднак спроба арганізаваць гэткую разнамасную кааліцыю правалілася з-за шматлікіх рознагалоссяў паміж яе меркаванымі ўдзельнікамі.

Яшчэ больш ускладнілі адносіны балтыйскіх краін з Антантай савецкія мірныя прапановы восенню 1919 года. З аднаго боку, бальшавікі, якія хаця б фармальна прызнавалі правы нацыянальных ускраін былой імперыі на самавызначэнне, былі для іх больш прымальнымі, чым расійскія “белыя”, што стаялі на пазіцыях адзінай і непадзельнай Расіі. Але, з іншага боку, краіны Балтыі апасаліся, што калі заключаць мір з бальшавікамі без згоды Антанты, то пазбавяцца яе падтрымкі, і паколькі іншай падтрымкі ў іх не было, апынуцца ў міжнароднай ізаляцыі. Таму яны вырашылі выпрацаваць агульную палітыку на перамовах з бальшавікамі. Для абмеркавання савецкіх мірных прапаноў, а таксама далейшых планаў яднання краін Балтыі напрыканцы 1919 года былі праведзены 4 рэгіянальныя балтыйскія канферэнцыі. Першая з іх адбылася 10–12 верасня ў Рызе. З-за дрэнных транспартных камунікацый дэлегацыі Літвы і Фінляндыі не паспелі на яе прыехаць. Таму ў ёй удзельнічалі толькі прадстаўнікі Латвіі і Эстоніі. Яны вырашылі не адмаўляцца ад тых латвійскіх тэрыторый, якія яшчэ ўтрымлівалі Саветы [1]. Была падкрэслена “жыццёвая неабходнасць” стварэння Балтыйскага альянсу, аднак дэлегаты вырашылі не ствараць адзіны ўрадавы орган для краін Балтыі, а пакуль абмежавацца правядзеннем рэгулярных канферэнцый і ўвесці агульную грашовую адзінку [16]. Таксама былі ўсталяваны цесныя сувязі з брытанскай ваеннай місіяй, пасля чаго канферэнцыя перамясцілася ў Талін.

Другая канферэнцыя праходзіла ў Таліне 14–15 верасня. Латвійскую, эстонскую і фінскую дэлегацыі на ёй узначальвалі кіраўнікі ўрадаў, літоўскую – высокапастаўленыя афіцыйныя асобы. Удзельнікі канферэнцыі схіляліся да заключэння міра з Савецкай Расіяй, бо разумелі, што працяг варожасці будзе толькі на руку Калчаку, які ўвогуле не прызнаваў урады балтыйскіх краін. З іншага боку, яны апасаліся негатыўнай рэакцыі Антанты, і таму вырашылі патрабаваць у якасці ўмовы заключэння міру, каб савецкія войскі былі адведзены на лінію Петраград – Дно – Вялікія Лукі – Віцебск – Орша [1]. 15 верасня была падпісана чатырхбаковая літоўска-латвійска-эстонска-фінская дамова аб правядзенні сумесных перамоў аб міры з Савецкай Расіяй. Аб ходзе перамоў планавалася інфармаваць дзяржавы Антанты [17]. Аднак ужо 16 верасня брытанскія прадстаўнікі папярэдзілі, што не ўхваляць заключэнне міру з Саветамі. А на

працягу наступных некалькіх дзён гэтка ж папярэджанні даслалі Францыя і Злучаныя Штаты. З гэтай нагоды літоўскія і латвійскія прадстаўнікі так і не прыехалі на савецка-эстонскую канферэнцыю ў Пскоў, што адбылася 17–19 верасня [1].

Трэцяя канферэнцыя адбылася ў Тарту 26 верасня – 1 кастрычніка. Усе чатыры дэлегацыі на ёй узначальвалі кіраўнікі ўрадаў. Канферэнцыя ў Тарту з усёй серыі балтыйскіх рэгіянальных канферэнцый была найбольш арганізаванай і падрыхтаванай. Загадзя быў распаўсюджаны праект яе працоўнай праграмы, які ўключаў абмеркаванне канкрэтных крокаў па стварэнні Балтыйскага альянсу і распрацоўку ваеннай канвенцыі краін Балтыі [18]. Аднак, як сведчаць запісы прадстаўніка эстонскай дэлегацыі А. Пііпа, пазіцыі ўдзельнікаў кардынальна разышліся ў пытанні перамоў з Саветамі. Фіны лічылі, што перш чым заключыць з імі мір, трэба атрымаць падтрымку Захаду і дамагчыся міжнароднага прызнання незалежнасці краін Балтыі. Літва і Латвія вагаліся, адзначаючы, што спачатку краіны Балтыі павінны самі гарантаваць адна адной незалежнасць і тэрытарыяльную цэласнасць, і ўжо потым заключыць мір з большавікамі (асабліва гэтага жадалі літоўцы, якія настойвалі каб астатнія ўдзельнікі канферэнцыі прызналі іх сталіцай Вільню, на той час ужо захопленую палякамі). Эстонцы ж адстойвалі ідэю як мага хутчэйшага заключэння міру з Саветамі – пакуль яны не ўзмацніліся і не перайшлі ў контрнаступленне. Да таго ж яны заявілі, што не могуць гарантаваць межы Літвы з нагоды яе канфлікту з Польшчай [19]. З гэтай жа прычыны, як піша Э. Андэрсан, была адхілена прапанова літоўскага прэм’ера М. Слезавічуса аб стварэнні Балтыйскай Федэрацыі. Астатнія ўдзельнікі канферэнцыі абвясцілі, што ўжо маюць двух ворагаў – Германію і Расію – і не могуць дазволіць сабе яшчэ і трэцяга – Польшчу [1]. У выніку, у прынятай 1 кастрычніка рэзалюцыі канферэнцыі казалася, што Літва, Латвія і Эстонія гатовы пачаць перамовы з Савецкай Расіяй ужо да 25 кастрычніка, а фіны паведамаць аб сваім рашэнні пазней – пасля дадатковага абмеркавання ў парламенце. У выпадку калі перад пачаткам перамоў будзе заключана сумесная ваенная канвенцыя, ні водная з чатырох краін не павінна заключыць з большавікамі сепаратны мір. Акрамя прызнання незалежнасці краін Балтыі ад савецкага ўрада патрабавалася спыніць падтрымку камуністычнай прапаганды на іх тэрыторыі. Да таго ж уздоўж мяжы з Расіяй планавалася стварыць дэмілітарызаваную нейтральную зону, якую будзе адміністраваць Антанта пад кантролем Лігі Нацый [20].

Як сведчыць даклад літоўскай дэлегацыі, перамовы ў Тарту працягваліся і пасля прыняцця гэтай рэзалюцыі [21]. Аднак 8 кастрычніка яны былі спынены маштабным наступленнем войскаў Берманта-Авалава на Рыгу. У гэтых умовах першачарговай задачай для краін Балтыі становіцца ратаванне Латвіі ад бермантаўцаў – бо ў выпадку перамогі апошніх і іх злучэння з арміяй генерала Юдзеніча Прыбалтыка хутчэй за ўсё пераўтварылася б у аплот расійскага “белага” руху і з нацыянальнай дзяржаўнасцю не толькі Латвіі, але і яе суседзяў было б скончана [1]. Неабходнасць дапамагчы Латвіі зноў часова аб’яднала краіны Балтыі. Іх дэлегацыі на Парыжскай мірнай канферэнцыі паспрабавалі сумеснымі намаганнямі атрымаць аўдыенцыю ў яе старшыні Ж. Клемансо, каб узняць пытанне аб міжнародным прызнанні сваёй дзяржаўнасці і атрыманні дапамогі Антанты супраць бермантаўцаў [22]. Эстонія накіравала на дапамогу латвійскай арміі некалькі бронецягнікоў. Нават пакрыўджаная на сваіх суседзяў Літва па закліку Латвіі і Эстоніі далучылася да баявых дзеянняў супраць арміі Берманта, праўда толькі пасля таго, як Юзэф Пілсудскі даў завярэнні, што палякі не скарыстаюцца сітуацыяй, каб ударыць літоўцам у тыл, пакуль тыя будуць змагацца з бермантаўцамі [1].

У такіх умовах 9 лістапада ў Тарту пачалася чарговая, чацвёртая па ліку, канферэнцыя балтыйскіх дзяржаў для абмеркавання савецкіх мірных прапаноў. У якасці назіральнікаў на яе прыехалі прадстаўнікі Фінляндыі, Польшчы, Украіны і нават Беларусі [1]. Аднак і тут знайсці кампраміс не атрымалася, і ў снежні Эстонія адна распачала мірныя перамовы з Савецкай Расіяй. Адносіны паміж Латвіяй і Літвой зноў ускладніліся. Як паведамляе кіраўнік літоўскай дэлегацыі Й. Шлюпас у сваім дакладзе міністру замежных спраў Літвы, калі Латвію павіншавалі з перамогай над бермантаўцамі, яна падзяквала за дапамогу Эстонію і Польшчу, але нічога не сказала аб дапамозе Літвы. Каб падкрэсліць няўдзячнасць латышоў, ён дадае, што Літва цалкам магла б скарыстацца сітуацыяй вайны з бермантаўцамі для захопу спрэчных з Латвіяй тэрыторый, але не зрабіла гэтага [23]. Тым не менш 8 снежня паміж Латвіяй і Літвой было заключана ў Рызе сакрэтнае пагадненне аб сумесных баявых дзеяннях супраць бермантаўцаў, калі тыя не пакінуць тэрыторыю Літвы (куды яны адступілі з Латвіі) да 13 снежня. Пры гэтым латвійскім войскам гарантаваўся свабодны праход па літоўскай тэрыторыі [24]. А 10–12 снежня (па іншых звестках, 6 снежня) па прапанове Латвіі адбылася двухбаковая сустрэча для абмеркавання праекту латвійска-літоўскага ваеннага альянсу. Міністр замежных спраў Латвіі А. Меіровічс выказаў спадзяванні, што гэтка ж крок насустрач зробіць Эстонія і Фінляндыя, а пазней да латвійска-літоўскага альянсу змогуць далучыцца і палякі [1]. Аднак літоўцы выставілі ўмовы вылучэння для літоўскай арміі асобнага сектара антыбольшавіцкага фронту ў Латгаліі, каля Даўгаўпілса, і, галоўнае, што кожная з краін-удзельніц альянсу павінна ўстрымацца ад заключэння пагадненняў з трэцімі краінамі без згоды другога боку. Відавочна, гэты пункт быў скіраваны

супраць латвійска-польскага збліжэння. Латвійскі бок палічыў гэтыя ўмовы непрымальнымі і, як паведамляецца, 14 снежня спыніў перамовы [1].

Ваенны брытанскі прадстаўнік Альфрэд Бэрт 19 снежня прапанаваў рэгулярна праводзіць сустрэчы галоўнакамандуючых балтыйскіх краін для абмеркавання ваенна-палітычных пытанняў абароны межаў, ваенных паставак, а таксама асноў далейшага супрацоўніцтва і кансалідацыі іх сіл [1]. У Валцы 6 студзеня 1920 года адбылася сакрэтная сустрэча галоўнакамандуючых Літвы, Латвіі і Эстоніі, на якой яны дамовіліся аб абмене ваеннымі матэрыяламі, выказаліся за падпісанне сумеснай канвенцыі аб ваенным саюзе гэтых трох краін і хутчэйшую дэлімітацыю межаў паміж імі [25]. Аднак, як заўважае Э. Андэрсан, палітычныя лідэры гэтых краін упусцілі магчымасць заключэння ваеннага саюзу – літоўцам не падабалася супрацоўніцтва латышоў з палякамі падчас вызвалення ад большавікоў паўднёвай Латгаліі ў студзені 1920 года. Пасля таго як у выніку наступлення савецкай арміі палякі былі часова выбіты з Вільні, ніхто не мог пераканаць Літву пайсці на супрацоўніцтва з Польшчай. А Эстонія тым часам паспела заключыць пагадненне з савецкім урадам, што выклікала занепакоенасць у астатніх краін Балтыі [1].

Адсутнасць адзінства сярод балтыйскіх дзяржаў з усёй яркай выявілася падчас пяцібаковай канферэнцыі ў Хельсінкі, што праходзіла 15–22 студзеня 1920 года з удзелам Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі і Літвы. Літоўская і эстонская дэлегацыі прадставілі на ёй цалкам адрозныя праекты ваеннага саюзу. Эстонія прапанавала саюз усіх пяці краін для абароны ад Германіі і Расіі, у той час як Літва – толькі трох “малых” краін Балтыі, а да агульных пагроз дадала яшчэ Польшчу. Літоўскі праект быў адразу адхілены, але і эстонскі прыняць не атрымалася. Фактычна ўсе спробы дасягнуць пагаднення ўпіраліся ў польска-літоўскі канфлікт з-за Віленшчыны, які разгарэўся з новай сілай. Канферэнцыя вырашыла стварыць камісію для разбору гэтага канфлікту. Аднак Літва выказала пратэст супраць такога рашэння, а калі яго праігнаравалі прыгразіла спыніць свой удзел у канферэнцыі [26]. Таму прынятая па выніках канферэнцыі рэзалюцыя была вельмі кароткай і фактычна ўтрымлівала толькі дэкларацыю аб намерах працягваць распрацоўку праекта абарончага саюзу супраць Савецкай Расіі [27]. Па меркаваннях Андэрсана, з якімі цяжка не пагадзіцца, такі рэзкі спад цікаўнасці да яднання і рост канфліктнасці ў адносінах былі выкліканы аслабленнем агульных знешніх пагроз і ўздымам нацыяналістычных настрояў ва ўсіх краінах рэгіёна [1].

Нягледзячы на ўсе рознагалосі і супярэчнасці, міністр замежных спраў Латвіі А. Меіровічс накіраваў будучага рэгіянальнага супрацоўніцтва спадзяваўся, што Рыга стане геапалітычным цэнтрам будучай Балтыйскай Антанты. І ён быў вельмі здзіўлены, калі на наступнай рэгіянальнай канферэнцыі, што адбылася ў сакавіку 1920 года ў Варшаве, замест дэлегацыі Літвы, якую палякі не запрасілі, убачыў румынскую дэлегацыю [1]. Тады ён прапанаваў прадстаўнікам Фінляндыі і Эстоніі правесці ў Рызе сакрэтную канферэнцыю з Літвой. Аднак фіны, якія падтрымлівалі намер палякаў стварыць “санітарны кардон”, што аддзеліць Расію з яе “вірусам большавізму” ад Еўропы, не выказалі цікаўнасці да супрацоўніцтва з Літвой, якая пасля контрнаступлення польскіх войскаў больш не мела агульнай мяжы з савецкай дзяржавай. У Латвіі ж, наадварот, адносіны з Польшчай пагоршыліся пасля таго, як палякі запатрабавалі перадаць ім чыгунку Даўгаўпілс – Вільня з прылягаючай латвійскай тэрыторыі – нібыта для “гарантавання больш хуткай польскай ваеннай дапамогі Латвіі” [1]. Гэта стварала больш спрыяльную глебу для новага збліжэння Літвы, Латвіі і Эстоніі і іх дыстанцавання ад Польшчы і Фінляндыі, якіх больш цікавіла стварэнне “санітарнага кардона” вакол Расіі, чым рэгіянальнае збліжэнне. Спрыяла гэтаму і адносна мірнае вырашэнне тэрытарыяльных спрэчак падчас вызначэння латвійска-эстонскай і літоўска-латвійскай межаў, якое было даручана спецыяльна створаным сумесным камісіям на чале з нейтральнымі брытанскімі прадстаўніцамі. Хаця ва ўсіх трох краінах часам гучалі незадаволеныя галасы, што абвінавачвалі гэтыя камісіі ў падыгрыванні супрацьлегламу боку, паступова і палітычныя эліты, і грамадскасць прызналі іх рашэнні слушнымі і справядлівымі. Як паведамляе Э. Андэрсан, праблемы латвійска-эстонскай мяжы былі вырашаны да 3 ліпеня 1920 года, літоўска-латвійскай – да 20 сакавіка 1921 года [1]. Аб грунтоўнасці праведзенай працы сведчыць тое, што пазней паміж Літвой, Латвіяй і Эстоніяй больш ніколі не ўзнікала тэрытарыяльных спрэчак.

Аднак А. Меіровічс быў прыхільнікам стварэння больш маштабнага рэгіянальнага аб’яднання, якое б акрамя трох згаданых краін уключала таксама, па магчымасці, Фінляндыю, Польшчу і краіны Скандынавіі. Фактычна яго планы вельмі нагадвалі балта-скандынаўскі праект, які раней ужо прапаноўваў Я. Тынісан. Таму ён пачаў падрыхтоўку маштабнай рэгіянальнай канферэнцыі, якую спачатку планавалася склікаць у Рызе 15 сакавіка. Але з-за абвастрэння польска-літоўскага канфлікту гэта зрабіць не атрымалася. Наступнай датай яе пачатку было абвешчана 20 ліпеня. Аднак і тады яна была адкладзена, каб спачатку вырашыць пытанні межаў. Нарэшце, канферэнцыя ўсё ж пачала сваю працу ў Буддуры 6 жніўня 1920 года. На яе былі запрошаны дэлегацыі не толькі Літвы, Эстоніі, Фінляндыі і Польшчы, але таксама і краіны Скандынавіі. Аднак, як паведамляе Андэрсан, скандынаўскія каралеўствы ўвогуле праігнаравалі гэтыя запра-

шэнні і не прыслалі на канферэнцыю нават сваіх назіральнікаў. Затое без запрашэння прыехалі ўкраінскія і беларускія прадстаўнікі¹. Першым з іх пасля пэўных ваганняў 20 жніўня ўсё ж дазволілі прыняць удзел у канферэнцыі. Беларусам жа адмовілі, каб не раздражняць кіраўніцтва Савецкай Расіі [1].

Літва заняла на канферэнцыі асыярожную і стрыманую пазіцыю. У інструкцыях літоўскай дэлегацыі былі пазначаны наступныя пункты: не браць на сябе ініцыятыву, пагаджацца на стварэнне ваеннага саюзу толькі без удзелу Польшчы і без пазначэння супраць каго ён заключаецца (у якасці кампрамісу пазначыць “супраць любых агрэсараў”) і не дапускаць на канферэнцыю ўкраінскіх і беларускіх прадстаўнікоў у якасці паўнаважных дзяржаўных дэлегацый, бо яны прадстаўляюць толькі пэўныя палітычныя групы [28; 29]. Такая пазіцыя тлумачыцца тым, што 12 ліпеня Літва здолела заключыць выгядную для сябе мірную дамову з савецкім кіраўніцтвам, па якой тое прызнала за Літвой Вільню і Гродна. Таму ў адносінах з Польшчай, армія якой у той час цяпела паражэнні і несла сур’ёзныя страты ў Савецка-Польскай вайне, літоўскай дэлегацыі было даручана строга прытрымлівацца ўмоў Савецка-Літоўскай мірнай дамовы [29]. Гэтая дамова фактычна зрабіла Літву самай “прасавецкай” з краін Балтыі. Так, па просьбе савецкага дыпламата А. Йофе прадстаўнікі літоўскай дэлегацыі адмовіліся абмяркоўваць з астатнімі ўдзельнікамі канферэнцыі пытанне аб заключэнні ваеннага саюзу [30]. Ні А. Меіровічс, ні прадстаўнікі Антанты, што завяралі кіраўніка літоўскай дэлегацыі Ю. Шаўліса ў сваёй падтрымцы Літвы па Віленскім пытанні, не здолелі змяніць яго рашэнне [31; 32]. Меіровічс да таго ж прапанаваў тое, чаго жадала Літва – заключыць трохбаковы ваенны саюз без Польшчы, якая працягвала вайну з бальшавікамі ў той час, як Эстонія, Латвія і Літва яе скончылі. Аднак Шаўліс заявіў, што не гатовы абмяркоўваць гэтае пытанне (як і пытанне мяжы з Латвіяй), бо яго хутка заменіць на гэтай пасадзе іншы літоўскі прадстаўнік [32]. Такая пасіўнасць літоўскай дэлегацыі прывяла да таго, што Латвія і Эстонія зноў выступілі за ваенны саюз з удзелам Польшчы, што было расцэнена Шаўлісам у яго дакладзе, як паражэнне лініі літоўскай дыпламатыі на канферэнцыі [33]. Пасля паражэння савецкіх войскаў пад Варшавай і пераходу палякаў у контрнаступленне ён спрабаваў пераканаць літоўскі ўрад пагадзіцца на хутчэйшае заключэнне ваеннага саюза з Латвіяй, Эстоніяй і Польшчай, каб прадухіліць паўторны захоп Вільні [34]. Аднак міністр замежных спраў Пурыцкіс у адказ загадаў яму не ў якім разе не далучацца да пагадненняў, што могуць быць расцэнены савецкім бокам як варожыя [35].

Нарэшце, 31 жніўня ўдзельнікі канферэнцыі ўсё ж падпісалі палітычнае пагадненне, па якім усе яны пагадзіліся, перш за ўсё, прызнаць адзін аднаго дэ-юре і вырашаць тэрытарыяльныя спрэчкі мірнымі сродкамі, а калі самім не атрымоўваецца прыйсці да згоды – перадаваць спрэчныя пытанні на разгляд нейтральнага трэцяга боку – арбітражнага суда ці Лігі Нацый. Ніхто з падпісантаў пагаднення не павінен дапускаць стварэнне на сваёй тэрыторыі ўзброеных сіл варожых да іншых краін-падпісантаў, ці заключаць дамовы, якія накіраваныя супраць іх. Абвешчаліся гарантыі правоў і свабод нацыянальных меншасцей ва ўсіх краінах-удзельніках. Таксама да пагаднення былі далучаны заўвагі літоўскай, польскай і ўкраінскай дэлегацый [36]. Літоўскія заўвагі, напрыклад, абвешчалі, што Балтыйскі альянс не можа быць створаны да ўрэгулявання літоўска-польскага канфлікту.

Аднак дасягнутае пагадненне не ўступала ў сілу аўтаматычна, а падлягала ратыфікацыі ўсімі падпісальшымі яе дзяржавамі. Каб пераадоліць цяжкасці, што ўзніклі пры яго ратыфікацыі, 24 лютага 1921 года ў Таліне адбылася сустрэча прадстаўнікоў Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі і Літвы. Польшча ў якасці сваёй умовы ратыфікацыі пагаднення запатрабавала выключэння з яго Украіны і адмову Літвы ад сваіх заўваг [37]. У той жа час польскі прадстаўнік выказаўся за скліканне новай канферэнцыі для абмеркавання далейшага супрацоўніцтва. Аднак А. Меіровічс у адказ заявіў, што скліканне новай канферэнцыі мае сэнс толькі пры выкананні трох умоў: па-першае, краіны-ўдзельніцы не павінны знаходзіцца ў стане вайны, па-другое, усе раней дасягнутыя дамоўленасці павінны быць альбо ратыфікаваны, альбо адхілены, па-трэцяе, да гэтага ўсе дыспуты паміж імі павінны быць урэгуляваны [38].

Падчас двухбаковай латвійска-літоўскай канферэнцыі, што адбылася ў маі 1921 года ў Рызе, міністры замежных спраў абедзвюх краін падкрэслілі, што Латвія і Літва павінны дзейнічаць сумесна ў дачыненні Расіі і Германіі і што абедзве яны жадаюць саюза ўсіх балтыйскіх краін, але лічаць, што спачатку павінен быць створаны блок толькі трох з іх – Літвы, Латвіі і Эстоніі [39]. Было заяўлена аб спрыяльным для Літвы нейтралітэце Латвіі ў Віленскім пытанні і аб тым, што Балтыйскі саюз, як таго пажадала Літва, будзе створаны толькі пасля ўрэгулявання польска-літоўскага канфлікту [38].

Для ажыццяўлення гэтых дамоўленасцей было вырашана склікаць у Рызе трохбаковую канферэнцыю з удзелам Літвы, Латвіі і Эстоніі. Аднак эстонцы імкнуліся пазбегнуць саюза з Літвой, каб не псаваць

¹ На жаль няма звестак, ад якой палітычнай арганізацыі былі гэтыя беларускія прадстаўнікі, што прыехалі на канферэнцыю ў Буддуры – з кантэкста бачна толькі, што гэта яўна былі не прадстаўнікі Савецкай Беларусі.

свае добрыя адносіны з Польшчай [38; 40]. Таму 7 ліпеня былі падпісаны толькі двухбаковы латвійска-эстонскі Пакт аб сумеснай абароне і часовае пагадненне паміж іх генеральнымі штабамі [41; 42]. Акрамя таго, на двухбаковай латвійска-эстонскай канферэнцыі ў Рызе было заяўлена аб намеры пачаць стварэнне эканамічнага саюзу гэтых дзвюх краін [43]. У Рызе 12–13 ліпеня адбылася і трохбаковая сустрэча з удзелам Літвы. Аднак дасягнутыя падчас яе дамоўленасці былі куды больш шціплымі і тычыліся галоўным чынам каардынацыі знешняй палітыкі [44].

Аднак нават гэты адносны поспех Літвы быў хутка звядзены на нішто, калі 25–29 ліпеня ў Хельсінкі сабралася канферэнцыя міністраў замежных спраў Фінляндыі, Эстоніі, Латвіі і Польшчы, на якую яе не запрасілі. Польскія прадстаўнікі абвінавачвалі Літву ў тым, што яна з’яўляецца агентам савецкага ўплыву і таму не можа лічыцца надзейным саюзнікам для астатніх балтыйскіх краін. З гэтай прычыны яны прапанавалі і надалей склікаць балтыйскія канферэнцыі без яе – у чатырохбаковым фармаце [45].

Заклучэнне. Перыяд 1918–1920 гадоў можна ахарактарызаваць як час пошуку аптымальных форм балтыйскага рэгіянальнага аб’яднання, калі адбываюцца спробы ажыццяўлення амаль усіх аб’яднаўчых праектаў, што былі на той час хоць неяк канцэптуалізаваны – ад агульнай літоўска-латвійскай дзяржавы ці канфедэрацыі абедзвюх гэтых краін з Эстоніяй да вельмі абмежаванага ваенна-палітычнага і эканамічнага альянсу цалкам суверэнных дзяржаў.

З дакументаў добра бачна, як шмат паміж краінамі Балтыі ў той час было супярэчнасцей і непаразуменняў, як часта змянялася іх пазіцыя па абмяркоўваемым пытаннях пад уздзеяннем знешніх фактараў, і як з-за гэтага ўжо дасягнутыя паміж імі дамоўленасці неаднаразова заставаліся нерэалізаванымі.

У гэты час у палітыцы балтыйскіх краін сапернічаюць дзве асноўныя тэндэнцыі: разуменне, што ў доўгатэрміновай перспектыве толькі разам яны здолеюць выстаяць у атачэнні больш моцных суседзяў, і, адпаведна, імкненне да збліжэння, з аднаго боку, і нацыянальныя інтарэсы, якія падштурхоўвалі да атрымання імгненнай выгады за кошт больш слабага суседа, – з другога. Пры гэтым першая тэндэнцыя панавала ў часы найбольшай небяспекі з боку агульных знешніх ворагаў, другая, наадварот, падчас яе аслаблення.

Ужо на гэтым, першым, этапе выяўляецца і асноўная праблема, якая будзе перашкаджаць збліжэнню краін Балтыі да самага пачатку Другой сусветнай вайны, – канфлікт Літвы і Польшчы з-за Вільні і Віленскага краю, што зрабіў Літву вельмі “нязручным” саюзнікам для Латвіі і Эстоніі, якія ўсталявалі добрыя адносіны з Польшчай і атрымлівалі ад яе значную падтрымку.

Такім чынам, ідэалістычныя праекты рэгіянальнага саюзу, якія вылучаліся падчас Першай сусветнай вайны і барацьбы за незалежнасць, сутыкнуліся з суровымі выпрабаваннямі рэчаіснасці тагачаснай міжнароднай палітыкі. І палітычныя эліты гэтых краін пачалі паступова ўсведамляць, што шлях да яго не такі лёгка, як здавалася спачатку.

ЛІТАРАТУРА

1. Anderson, E. Toward the Baltic Union: The Initial Phase / E. Anderson // LITUANUS: Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. – Vol. 14, No. 1. – 1968 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lituanus.org/1968/68_1_02Anderson.html. – Date of access: 17.10.2013.
2. 1918 m., Stokholmas. – Iš J. Šliūpo veikalo “Lietuvių-Latvių Respublika ir Šiaurės Tautų Sąjunga”, kuriame pirmąsyk detalai išdėstyta LietuvosLatvijos bendros valstybės sukūrimo projektas1, numatantis suformuoti joje respublikinę santvarką ir artimai susieti šią valstybę su Skandinavijos šalimis // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 89–92.
3. 1918 m. lapkritis-gruodis, Paryžius. – Estijos diplomato, jos delegacijos prie Paryžiaus Taikos konferencijos nario R. Pustos straipsnis, raginęs sukurti Baltijos ir Skandinavijos šalių sąjungą, susietą gynybos, ūkio ir koordinuotos užsienio politikos saitais // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 93–95.
4. 1919 m. sausis, Paryžius. – Iš O. Milašiaus straipsnio, raginusio sukurti bendrą Lietuvos ir Latvijos respubliką // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 96–97.
5. 1919 m., Ženeva. – Iš Stasio Šalkauskio veikalo “Dviejų pasaulių takoskyroje”, grindžiančio būtinybę Lietuvai sudaryti sąjungą su Latvija ir suartėti su Skandinavijos šalimis // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 98–99.
6. 1919 m. vasario 13 d., Kaunas. – Iš Lietuvos vyriausybės instrukcijos, įgaliojusios Lietuvos delegaciją, pasiūstą į Taikos konferenciją, reikalauti Liepojos uosto // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 99–100.

7. 1919 m. kovo 1 d., Kaunas. – Lietuvos ir Latvijos sutartis dėl 5 mln. markių paskolos Latvijai, dėl ypatingų teisių suteikimo Lietuvai naudotis Liepojos uostu ir dėl abiejų šalių bendro priešinimosi bolševikams // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 101–102.
8. 1919 m. balandžio 22 d., Kaunas. – Iš Lietuvos vyriausybės 1919 m. balandžio 13 d. posėdžio protokolo išrašo, pasiūsto į Paryžių Lietuvos delegacijos pirmininkui A. Voldemarui, kuris buvo įgaliojamas reikalauti Liepojos uosto arba bent pietvakarinės Kuršo dalies iki Šventosios upės // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 103.
9. 1919 m. balandžio 24 d., Paryžius. – Iš Lietuvos delegacijos darbų Taikos konferencijoje antrosios ataskaitos, kurioje pranešama apie derybas dėl sienos su Latvija ir apie Baltijos šalių delegacijų nevienodą požiūrį į santykius su rusų nebolševikinių jėgų atstovais // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 104–107.
10. 1919 m. birželio 2 d., Paryžius. – Iš Lietuvos delegacijos darbų Taikos konferencijoje penktosios ataskaitos, kurioje informuojama apie nesutikimą kartu su Latvijos ir Estijos atstovais protestuoti prieš A. Kolčiako pripažinimą visos Rusijos valdovu ir apie atsisakymą suteikti Latvijos delegacijai paskolą // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 108–109.
11. 1919 m. liepos 16 – rugpjūčio 5 d., Paryžius. – Iš Latvijos delegacijos sekretoriaus J. Sesčio 1919 m. diplomatinės veiklos Taikos konferencijoje dienoraščio, atspindinčio Baltijos šalių ryšius // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 110–111.
12. 1919 m. liepos 21 d., Ryga. – Latvijos ir Estijos karinio bendradarbiavimo sutartis, numatanti abiejų šalių bendrus karinius veiksmus prieš vokiečių dalinius bei bolševikus // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 113–115.
13. 1919 ID. rugpjūčio 5 d., Paryžius. – Lietuvos, Latvijos ir Estijos konfederacijos projektas // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 116–117.
14. 1919 m. rugpjūčio 14 d., Paryžius. – Iš Lietuvos delegacijos vicepirmininko T. Naruševičiaus pranešimo Ministrui Pirmininkui M. Sleževičiui, kuris informuojamas apie Baltijos šalių delegacijų suartėjimą ir jų pasiryžimą sudaryti karinę konvenciją // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 118–119.
15. 1919 m. rugsėjo 6 d., Paryžius. – Lietuvos, Latvijos ir Estijos delegacijų Kreipimasis į Taikos Konferencijos Pirmininką Ž. Klemenso (George Clemenceau) dėl Baltijos šalių tarptautinio pripažinimo ir neatidėliotino jų priėmimo į Tautų Sąjungą // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 119–120.
16. 1919 m. rugsėjo 10–12 d., Talinas. – Telegrafo agentūros pranešimas apie Rygoje įvykusią pirmąją Lietuvos, Latvijos ir Estijos atstovų konferenciją, kurioje tartasi dėl Baltijos sąjungos kūrimo // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 121–122.
17. 1919 m. rugsėjo 15 d., Talinas. – Suomijos, Estijos, Latvijos ir Lietuvos sutartis dėl bendrų Taikos derybų su Sovietų Rusija // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 124.
18. 1919 m. rugsėjis, Tartu. – “Suomijos, Estijos, Latvijos ir Lietuvos Tartu konferencijos programos projektas” // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 127.
19. 1919 m. rugsėjo 29–30 d., Tartu. – Estijos delegacijos, dalyvavusios Baltijos šalių konferencijoje Tartu mieste, nario A. Pipo užrašai, liudijantys nevienodą šių šalių požiūrį į taikos derybas su Sovietais // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 128–131.
20. 1919 m. spalio 1 d., Tartu. – Suomijos, Estijos, Latvijos ir Lietuvos atstovų konferencijos rezoliucija // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 131–133.
21. 1919 m. spalio 5 d., Kaunas. – Lietuvos delegacijos, dalyvavusios Tartu konferencijoje, pranešimas // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 133–141.

22. 1919 m. spalio 14 d., Paryžius. – Iš Lietuvos delegacijos laikinojo pirmininko T. Naruševičiaus pranešimo Lietuvos vyriausybės vadovui apie Baltijos šalių atstovų bendras pastangas gauti Vakarų valstybių paramą apsiginti nuo bermontininkų // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 142–143.
23. 1919 m. lapkričio 16 d., Tartu. – Lietuvos delegacijos vadovo J. Šliūpo pranešimas užsienio reikalų ministrui apie Baltijos šalių konferenciją, vykusią lapkričio 10–20 d. // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 143–147.
24. 1919 m. lapkričio 20 d. konferencijos darbas laikinai nutrauktas, bet ji galima bus atnaujinti vienai iš šalių pranešus Estijos užsienio reikalų ministrui. // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 152–153.
25. 1920 m. sausio 6 d., Valka. – Estijos, Latvijos ir Lietuvos kariuomenių vyriausiųjų vadų pasitarimo protokolas // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 157–158.
26. 1920 m. sausio 15–22 d., Helsinkis. – Baltijos šalių konferencijos posėdžių protokolai // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 159–173.
27. 1920 m. sausio 20 d., Helsinkis. – Konferencijos rezoliucija dėl bendros Baltijos šalių gynybinės politikos // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 173.
28. 1920 m. rugpjūčio 5 d., Kaunas. – Lietuvos užsienio reikalų ministro J. Purickio instrukcija Lietuvos delegacijos Buldurių konferencijoje pirmininkui J. Šauliui // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 174.
29. 1920 m. rugpjūtis!, Kaunas. – Lietuvos vyriausybės instrukcija Lietuvos delegacijai, pasiūstai į Buldurių konferenciją, kurioje delegacija įpareigojama kuriant Baltijos sąjungą laikytis labai atsargios pozicijos, kad nebūtų UŽTŪStinti Sovietai, pripažinę Lietuvai Vilnių ir besiruošiantys jį grąžinti // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 175–177.
30. 1920 m. rugpjūčio 5 d.l, Ryga. – Lietuvos delegacijos Buldurių konferencijoje pranešimas Užsienio reikalų ministerijai apie pokalbius su Antantės šalių ir Sovietų atstovais Vilniaus klausimu // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 177–179.
31. 1920 m. rugpjūčio 5 d., Ryga. – Lietuvos delegacijos Buldurių konferencijoje pirmininko J. Šaulio pranešimas Užsienio reikalų ministerijai apie preliminarinius pasitarimus su Latvijos, Estijos, Suomijos ir Lenkijos atstovais dėl karinės konvencijos ir ukrainiečių bei baltarusių atstovų dalyvavimo konferencijoje // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 179–181.
32. 1920 m. rugpjūčio 10 d., Ryga. – J. Šaulio pranešimas Lietuvos Užsienio reikalų ministerijai apie jo derybas dėl Baltijos šalių karinės konvencijos bei sienos su Latvija // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 181–182.
33. 1920 m. rugpjūčio 17 d., Bulduriai. – J. Šaulio pranešimas Užsienio reikalų ministerijai apie Lietuvos atstovų įtakos susilpnėjimą konferencijoje ir faktinį jų pralaimėjimą Lenkijos delegacijai // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 183–186.
34. 1920 m. rugpjūčio 19 d., Bulduriai. – J. Šaulio pranešimas Lietuvos užsienio reikalų ministrui J. Purickiui apie naujas Baltijos šalių karinės konvencijos aktualijas bolševikams pralaimėjus prie Varšuvos // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 186–189.
35. 1920 m. rugpjūčio 20 d., Kaunas – Bulduriai. – Iš Lietuvos vyriausybės telegramos, raginančios Lietuvos delegaciją Buldurių konferencijoje nepritari Sovietams nepalankioms rezoliucijoms // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 189.
36. 1920 m. rugpjūčio 31 d., Bulduriai. – Suomijos, Estijos, Latvijos, Lietuvos, Lenkijos ir Ukrainos politinė sutartis // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 190–192.
37. 1921 m. vasario 25 d., Talinas. – Suomijos, Estijos, Latvijos, Lietuvos ir Lenkijos pasitarimo, skirto Buldurių konferencijos nutarimų įgyvendinimui ir naujos konferencijos’ sušaukimui, protokolas // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 205–208.

38. Anderson, E. Toward the Baltic Union 1920 – 27 / E. Anderson // LITUANUS: Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. – Vol. 12, No. 2. – 1966 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.lituanus.org/1966/66_2_03Anderson.htm. – Date of access: 17.10.2013.
39. 1921 m. gegužės 14 d., Ryga. – Lietuvos ir Latvijos užsienio reikalų ministrų pasitarimo protokolas, kuriame užfiksuotas abiejų valstybių pasiryžimas koordinuoti politiką Rusijos ir Vokietijos atžvilgiu bei kurti pirmiausia trijų Baltijos šalių (Lietuvos, Latvijos, Estijos) sąjungą // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 209–210.
40. 1921 m. birželio 25 d., Talinas. – Lietuvos atstovo Estijoje V. Gylio pranešimas J. Purickiui apie būsimą Rygos konferenciją ir apie trijų Baltijos šalių sąjungos perspektyvas // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 216–218.
41. 1921 ID. liepos 7 d., Talinas. – Latvijos ir Estijos savitarpio gynybos sutartis // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 218–220.
42. 1921 m. liepos 7 d., Talinas. – “Laikinas Estijos ir Latvijos Generalinių štabų susitarimas” // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 220–223.
43. 1921 m. liepos 11 d., Ryga. – Estijos ir Latvijos pasitarimo tezės, numatančios pradėti kurti abiejų šalių ekonominę sąjungą // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 226.
44. 1921 m. liepos 12–13 d., Ryga. – “Estijos, Lietuvos ir Latvijos užsienio reikalų ministrų pasitarimo PROTOKOLAS” // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 227–230.
45. 1921 m. liepos 25–29 d., Helsinkis. – Suomijos, Estijos, Latvijos ir Lenkijos užsienio reikalų ministrų konferencijos protokolas*, liudijantis, kad Lenkija sugebėjo susilpninti neseniai Lietuvos pasiektą suartėjimą su Latvija ir Estija // Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918–1940 metais. Dokumentų rinkinys. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – P. 233–244.

Пасмуні 31.12.2013

THE ATTEMPTS TO CREATE A REGIONAL ALLIANCE OF THE BALTIC STATES IN 1918 – 1921

A. VALODZKIN

The article contains the analysis of theoretical concepts and practical efforts to create the regional alliance of the Baltic nations in 1918–1921. On the basis of archive documents of the appropriate period published in Lithuania the chronology of these nations' co-operation in solving the common problems during the Liberation war and struggle for the international recognition is reconstructed. The article also reveals the controversies of their mutual relations and the reasons of their failing to implement the plans of the regional alliance formation at that time.

УДК [341.251.1.-232.37]“18”=161.3

**ЗМЕНИ Ў ПАЛІТЫЦЫ САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ
Ў СТАЎЛЕННІ ДА ЦАРКВЫ І ДУХАВЕНСТВА Ў 1929 ГОДЗЕ
НА ПРЫКЛАДЗЕ ПОЛАЦКА-СЕБЕЖСКОЙ АБНАЎЛЕНЧАЙ ЕПАРХІІ**

В.В. БАРАНЕНКА
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Даследуюцца змены ў дзяржаўнай палітыцы ў адносінах да Царквы і духавенства ў 1929 годзе на прыкладзе Полацка-Себежскай абнаўленчай епархіі. На падставе гістарыяграфічных і архіўных крыніц разглядаецца царкоўнае становішча, якое склалася на тэрыторыі епархіі. У заканадаўчай сферы быў прыняты шэраг пастановаў, паводле якіх барацьба з рэлігіяй прыраўноўвалася да класава-палітычнай. Паказаны цяжасці, з якімі прыйшлося сутыкнуцца духавенству і веруючым епархіі: у адносінах да праваслаўнага духавенства ўжываліся такія метады, як арышты, дыскрэдытацыя, частыя пераводы свята-роў у розныя прыходы і г.д. Адною з прычын паслаблення абнаўленчага руху на Полаччыне і ў сумежных рэгіёнах Пскоўшчыны аўтар вылучае канфрантацыю паміж мясцовым духавенствам. Робіцца выснова, што ў канцы 1920-х гадоў адбываецца паступовае ўзмацненне жорсткасці дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да Царквы, надыходзіць працяглы этап сістэматычных ганенняў. Дзякуючы вынікам праведзенага даследавання ў навуковы зварот увадзіцца шэраг новых архіўных дакументаў, што з'яўляецца важным момантам для далейшых даследаванняў на гэтай тэме.

Уводзіны. Пасля легалізацыі Часовага Патрыяршага Сінода пры мітрапаліце Сяргіі (Старагародскім) у 1927 годзе ўплыў абнаўленчаства пачаў змяншацца. У канцы 1920-х гадоў сярод партыйнай эліты пачаліся спрэчкі наконт далейшых адносін паміж дзяржавай і рэлігіяй. Існавалі два варыянты: умераны і радыкальны. Прыхільнікі ўмеранага кірунку схіляліся да правядзення антырэлігійнай прапаганды без дапамогі рэпрэсіўных мер. Дадзеную пазіцыю падтрымлівалі М.І. Бухарын, М.І. Калінін, А.У. Луначарскі, Л.І. Рыкаў. Радыкальны варыянт прадугледжваў поўнае знішчэнне царквы як адной з форм класовай барацьбы. На гэтых пазіцыях стаяў І.В. Сталін.

Непасрэднай прычынай для наступу на царкву стаў хлебнарыхтоўчы крызіс 1928 года. Пачалі гукаць абвінавачванні ў адрас духавенства ў процідзеянні збожжанарыхтоўкам. Годам “вялікага пералому” становіцца 1929 год, калі канчаткова згортваецца НЭП і пачынаецца калектывізацыя. Прадстаўнікам Царквы адводзіцца роля актыўнай контррэвалюцыйнай сілы, якая выступае супраць мерапрыемстваў дзяржавы.

У 1929 годзе адбываецца паступовае ўзмацненне жорсткасці дзяржаўнай палітыкі ў дачыненні да Царквы. Надыходзіць працяглы этап сістэматычных ганенняў не толькі на РПЦ, але і на ўсе канфесіі ў СССР. Перш за ўсё гэта выявілася ў закрыцці храмаў, нягледзячы на тое, да якой царкоўнай плыні яны належалі.

Палітычныя і сацыяльна-эканамічныя змены савецкай дзяржавы ў адносінах да праваслаўнага духавенства. Сакратарыят ЦК КП(б)Б указаў Полацкаму, Магілёўскаму і Бабруйскаму Акрэжым камітэтам на недапушчальнасць нядбайных адносін да антырэлігійнай працы (на працягу 1928 г. не разглядалася ніводнага сталага пытання аб антырэлігійнай працы) [16, арк. 16].

Дваццаць чацвёртага студзеня 1929 года ЦК ВКП(б) разаслаў сакрэтны цыркуляр “Аб мерах па ўзмацненню антырэлігійнай працы”. У дадзеным дакуменце аналізавалася рэлігійная сітуацыя і вызначаліся задачы для дзяржаўных, гаспадарчых і грамадскіх арганізацый. Паводле дадзенага дакумента барацьба з рэлігіяй прыраўноўвалася да класава-палітычнай: “Усиление социалистического строительства, социалистического наступления на кулацко-нэпманские элементы вызывает сопротивление буржуазно-капиталистических слоев, что находит свое яркое выражение на религиозном фронте, где наблюдается оживление различных религиозных организаций, нередко блокирующихся между собой, использующих легальное положение и традиционный авторитет церкви. Церковно-религиозные организации используют трудности социалистического строительства в целях мобилизации реакционных и малосознательных элементов страны и контр наступления на мероприятия Советской власти и Компартии. Особое внимание ЦК обращает на то, что действия некоторых религиозных организаций усиливаются в последнее время даже в некоторых рабочих районах...” [11].

Восьмага красавіка 1929 года была зацверджана пастанова УЦВК і СНК СССР “Аб рэлігійных аб’яднаннях”. Паводле пастановы катэгарычна забаранялася любая асветніцкая і дабрачынная дзейнасць, рэлігійным абшчынам дазвалялася толькі “отправление культов” у сценах “молитвенных зданий” [22, с. 250 – 261]. Духавенства было адхіленае ад удзелу ў фінансавых і гаспадарчых справах епархіі, гэтыя паўнамоцтвы цалкам знаходзіліся ў руках так званых “дваццатак”. Прыватнае навучанне рэлігіі, фармальна дазволенае Дэкрэтам 1918 года “Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы”, фактычна азначала толькі права бацькоў навучаць рэлігіі сваіх дзяцей. Добрачыннасць, сацыяльнае служэнне, паломніцтва да

святыхняў таксама забараняліся дадзенай пастановай. Па-за царкоўнымі сценамі дзейнасць духавенства абмяжоўвалася наведваннем паміраючых, на іншыя формы дзейнасці патрабаваўся спецыяльны дазвол мясцовых улад.

Праз месяц, у маі 1929, адбылося прыняцце новай рэдакцыі артыкула 4 Канстытуцыі РСФСР 1925 года [12, с. 217] і ўнясенне аналагічных змяненняў у Канстытуцыі іншых саюзных рэспублік, згодна з якімі права грамадзян на правядзенне рэлігійнай прапаганды было выключана з тэксту гэтых нарматыўных актаў, паслужыла юрыдычнай базай, на якой ажыццяўляўся наступ Савецкай дзяржавы на правы рэлігійных аб'яднанняў.

У выніку ў пачатку правядзення калектывізацыі ўзмацніўся кантроль з боку Аб'яднанага дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення за ўсімі працэсамі, звязанымі з рэлігійным жыццём грамадства. З мэтай дыскрэдытацыі царквы органы дзяржаўнай бяспекі праводзілі адпаведныя мерапрыемствы. Для гэтага яны ініцыявалі адмову асобных святароў ад сану, пераводзілі святароў, якія карысталіся аўтарытэтам у другасных прыходы, да непакорлівых ужываліся такія формы ўздзеяння, як арышт і ссылка, якія ажыццяўляліся без уліку сану і ўзросту. Такі лёс напдакў Пашына Васілія Дзмітрыевіча, які служыў другім святаром у саборы Раства Хрыстова ў Себежы, выкладаў Закон Божы ў Себежскім гарадскім 4-класным вучылішчы. Арыштаваны 25 лістапада 1929 года з шэрагам іншых святароў епархіі за “антысавецкую агітацыю” і асуджаны да 5 гадоў папраўча-працоўнага канцлагера, пасля чаго яго далейшы лёс невядомы [14, с. 155].

Падобны лёс напдакў і святара Палюдавіцкай царквы Ветрынскага раёна Раўтовіча Іосіфа Маркавіча. Прычынай яго арышту і зняволення паслужыла пропаведзь, якую ён агучыў у студзені 1930 года: “Молодежь, которая сейчас смеется над верой в Бога, впоследствии будет горько плакать и поплатится жизнью за свои грехи. Шкуры многих будут висеть на заборе, и верующие обязаны спасать церковь, ибо безбожники и коммунисты хотят ее уничтожить” [19, с. 301].

Унутрыцаркоўнае жыццё духавенства Полацкай абнаўленчай епархіі ў 1929 годзе. Становішча Полацка-Себежскай абнаўленчай епархіі ўскладнялася ўнутраным бязладдзем – паміж епіскапам Нілам і прадстаўнікамі мясцовага духавенства адбыўся канфлікт. Так, у сваім даносе Беларускаму Сіноду епіскап адзначаў: «Капецкий (настоятель Микалаеўскага кафедральнага сабора – *аўт. В. Б*) имел неосторожность вывить свою склонность к рублю... Получилось так, что для духовенства все и еще община их кормила. Я не вытерпел и разнес всех по-военному. После этого он стал шелковым, да и другие бати присмерели, когда увидели, что не на тихого напали. Я матку-правду в глаза луплю» [27, с. 177].

На епархіяльным з'ездзе 22 студзеня 1929 года Ніл Ушакоў закрануў актуальныя пытанні царкоўнага жыцця. Аднак чакаемага выніка не адбылося. Царкоўны ўплыў на жыццё народа слабеў, прыналежнасць да царквы ў шматлікіх выпадках рабілася, калі не прытворнай, то фармальнай, паказной. Гублялася духоўнае яднанне мясцовага духавенства. Ніл Ушакоў так адазваўся аб мясцовым духавенстве: «Кончилось заседание, и вижу, что наша собранность напоминает басню Крылова «Лебедь, рак и щука». Поэтому решает только один епископ. С деньгами дело еще хуже. Правда, священники очень бедны или же умеют ловко притворяться. Но главная вина за прошлое духовенством возлагается на Синод. Так, например, протоиерей Покровский говорил, что Синод может и подождать, так как слишком много пропало его денег. Он посылал на “Белорусский вестник”, газету не получил, посылал на 10 календарей, прислали 1, и тот московского издания, посылал на пасхальную кассу – “Где она?”» [27, с. 177–178].

Непаразуменні паміж духавенствам горада Полацка не супакойваліся пачынаючы яшчэ з часу ўтварэння Епархіяльнага ўпраўлення. У 1929 годзе яны распачаліся з новай сілай: “...на бывшем общем собрании прихожан Николаевского Собора Гарницкий открыто заявил, что пока в соборе Капецкий я никаких дел с Собором иметь не желаю, и у него сильная партия. Ходят слухи, что он собрал 50-ку и подал в ВЦИК заявление о передаче 50-ке Михайловского кладбища, откуда и получил, что дело передано на рассмотрение в Беларусский ЦИК (Минск). Само собою разумеется, что отнятие от нас этой церкви очень нам повредит... Прямо ума не проложу как избавиться безболезненно и скоро от Капецкого, а до сентября много крови попортит и вреда делу принесет...” [8, л. 47–47об.], – пісаў епіскап Ніл.

Сярод вясковага духавенства мелі месца сутычкі, як паміж сабой так і з Епархіяльным ўпраўленнем. Незадаволеннасць святара ў чым-небудзь часта прыводзіла да пераходу прыхода да ціханаўцаў ці аўтакефалістаў [20, л. 44]. Так, на пачатку 1929 года на тэрыторыі Полацка-Себежскай епархіі адбылася адна акалічнасць. У Микалаеўскай царкве ў Дрысе адначасова дзейнічалі два абнаўленчых прычты, што было не характэрна для ўсяго абнаўленчага руха на тэрыторыі Беларусі [25, л. 10].

У выніку непаразумення паміж імі пачаліся спрэчкі. Святар Білецкі паводле пастановы Полацкага епархіяльнага ўпраўлення адмовіўся пакідаць прыход і “...начал вести агитацию как в храме с амвона, так равно и по деревням среди прихожан-крестьян о неподчинении Епархиальному управлению, а быть автокефальными” [10, л. 14об.]. Дадзенай сітуацыя негатыўна паўплывала на становішча праваслаўнай царквы на дадзенай тэрыторыі. Рэлігійнасць насельніцтва паступова зніжалася: колькасць праваслаўных веруючых, якія наведвалі царкву, вар'іравалася ад 1 да 30 % у залежнасці ад раёна (найбольш высокія паказчыкі былі зафіксаваныя ў Ветрынскім і Ульскім раёнах) [4, с. 27].

Да бязладдзя ўнутры духавенства, яшчэ дадалася і цяжкае матэрыяльнае становішча Полацкай абнаўленчай епархіі. У сваім рапарце Свяшчэннаму Сіноду епіскап Полацкі і Себежскі адзначаў: “Матэрыяльнае абеспеченне как самого ЕУ (Епархіяльнага ўправлення), а равным образом и общин в настоящее время находится в тяжелом, если не больше того, положении. Взносы от общин Епархии на содержание и Св. Синода, и ЕУ были в крайнем запуске. С течением времени накопилась очень большая задолженность. ... В начале года взносы поступали крайне скудно, но ЕУ питало большую надежду на осень, когда по общему предложению ожидалось улучшение материальной мощи общины в связи с наступлением времени урожая и как следствие этого, естественно, ожидалось более оживленное поступление взносов, и если не полное, то во всяком случае значительная ликвидация старой задолженности... Но в связи с крайне увеличившимися и ставшими в большинстве случаев непосильными налогами на общины за храмы, в форме страховых взносов за них... взносы по-прежнему поступают крайне слабо и наблюдается даже изменение в этом случае в сторону ухудшения” [5, л. 2об.]. На падтрымку Епархіяльнага ўпраўлення епіскапу Нілу нават давалася прадаць два абразы [6, л. 55].

У якасці формы дадатковага абкладання даходаў кулацкіх гаспадарак у 1929 годзе было ўведзена індывідуальнае абкладанне кулацкіх гаспадарак сельскагаспадарчым падаткам. Фармальна гэтая сістэма ўсталёўвалася з мэтай узмацніць абкладанне найбольш багатых гаспадарак, даходы якіх улічваліся недастаткова поўна пры спаганні сельскагаспадарчага падатку на агульных падставах. Дадзеным падаткам абкладаліся даходы ад усіх крыніц сельскай гаспадаркі і ад усіх відаў неземляробчых заробкаў [26, с. 214–215]. Пад дадзены падатак падпадалі і святары, як маючыя непрацоўны прыбытак ад выканання рэлігійных абрадаў. У выніку нявыплаты падаткаў напрыканцы 1929 года пад вартай трымаліся 5 святароў Полацка-Себежскай епархіі [6, л. 2об.]. Сярод іх быў святар Прудзінкаўскай царквы Боркавіцкага раёна Белецкі Кірыл. У ягонай заяве ў Полацкую Акруговую Падатковую Камісію паказаны ўсёсв. цяжар, які абрынуўся на плечы святароў пасля ўвядзення індывідуальнага абкладання: “Получив окладной лист из коего видно, что я обязан платить сельхозналог 139 рублей 45 коп., имея 1 корову, 1 лошадь, 2 улья пчел при 7 едоках, из них 5 детей к труду неспособных. Меня же обложили индивидуальным сельхозналогом. Такое обложение незаконно, не отвечающее на сей предмет существующему законодательству по следующим причинам: наемным трудом не пользуюсь, посевная площадь в 1929 году не вся засеяна так как с 13 февраля с. г. и по 13 августа я отбывал по суду наказание за с. х. н., который я не мог уплатить по своей бедноте. В мое отсутствие хозяйство, и так разоренное, совершенно пало. 12 февраля произведена продажа моего хозяйства Прудинковским с/с за сельхозналог 1928–29 годов.

Сенокоса у меня 4 десятины, а записано 6 десятин. В 1928 году 2 десятины отняли. Несмотря на мою бедность постановление пленума с/с и членов группы бедноты освободить меня от индивидуального обложения сельхозналогом, и на то, что я находился с 13 февраля сего года по 13 августа в исправдоме, а жена одна с 5 детьми находилась дома, меня обложили на 1929–30 годы. В индивидуальном порядке, но мое хозяйство не подходит. Борковичская Налоговая Комиссия обложила меня индивидуально сельхозналогом как священника, но я побочных заработков не имел, находясь в исправдоме.

21 августа сего года Борковичская финансовая часть РВК потребовала от меня недоимки 102 руб., пени 30 руб. 60 коп.

Действия Борковичской Налоговой Комиссии считаю незаконны: согласно постановлению СНК от 1924–25 года принятое НКФ – продналог неуплаченный служителями религиозного культа в недоимку не считать, а также и согласно постановлению нарсуда Борковичского района, который не приговорил взыскать недоимку, а только к лишению свободы на 6 месяцев.

Имея слабое хозяйство и уплатить сельхозналог 139 руб 45 коп., недоимки 102 руб., пени 30 руб. 60 коп. мне непосильно, а потому прошу Полоцкую Налоговую Комиссию снять с меня индивидуальное обложение, недоимку и пени” [9, л. 3–5об.].

Падобнае становішча было і ў іншага святара Боркавіцкага раёна – Забелы Уладзіміра [3, арк. 1а]. За нявыплату падатку У. Забела быў прыгавораны Народным судом Боркавіцкага раёна да 1,5 гады пазбаўлення волі [21, арк. 69адв.]. У святара Клясціцкай царквы, М. Квяткоўскага, за падобнае парушэнне быў праведзены вопіс маёмасці [2, арк. 71]. Святара І. Васютовіча ў двухдзённы тэрмін высялілі з кватэры, і толькі дзякуючы спагадлівасці прыхаджан ён пераехаў на іншую кватэру [17, л. 73об.].

Пад выплату індывідуальнага сельгаспадарчага падатку падпадалі не толькі святары, але і дыяканы. У 1929 годзе на два гады пазбаўлення волі быў прысуджаны дыякан Каханавіцкай царквы Асвейскага раёна Некрасаў Еўстафій Ігнацьевіч [15, л. 14].

Мелі месца выпадкі, калі святары, не маючы магчымасць плаціць падаткі, адракаліся ад сану. Так, у жніўні 1929 года пакінуў абавязкі святара ў м. Пышна Ксенафоній Цытовіч [1, с. 5].

Кіраўнікі як абнаўленчай, так і патрыяршай праваслаўнай царквы ў 1928–1930 гадах неаднара-зова звярталіся да савецкага кіраўніцтва з просьбамі аб аблягчэнні прававога і матэрыяльнага становішча праваслаўнага духавенства (абнаўленчы Свяшчэнны Сінод на імя А.І. Рыкава ў снежні 1928 г. і студзені 1929 г.; мітрапаліт Сергій на імя П.Г. Смідовіча 19 лютага 1930 г.) [13, с. 201].

На тэрыторыі Беларускай Мітраполіі на пачатак 1929 года дзейнічала 33 % цэркваў синадальнай плыні і 67 % іншага кшталту, прычым з апошніх большасць было аўтакефальных [18, л. 37а].

На 1929 год па Полацка-Себежскай абнаўленчай епархіі налічвалася 77 прыходаў, з 17 прыходамі сувязь адсутнічала [7, л. 60б.]. У Полацку налічвалася тры самастойных абнаўленчых прыходы: Мікалаеўскі кафедральны сабор, Іана-Багаслоўскі сабор і Міхайлаўская царква. Паміж прычтамі дадзеных прыходаў не было паразумення на глебе матэрыяльнага забеспячэння: “...Во всех этих приходах имеются сами самостоятельные причты, но во избежание вражды и равнении между последними они теперь в отношении доходности объединены в одну общебратскую кружку при Кафедральном Соборе, из которой каждый получает соответствующую часть” [5, л. 3] – зазначаў епіскап Ніл.

У 1929 годзе ў епархію прыехалі двое святароў: протаіерэй Гаўрыіл Нікольскі (быў прызначаны ў Валынецкую царкву) і Еўлампій Карміца (вёў службу ў Мікалаеўскім кафедральным саборы).

Пра свае першыя ўражанні пра становішча ў новай епархіі Е. Капліца піша: “... Первое впечатление самое тяжелое. На вокзале никто не встретил, остановился в гостинице, потом уже дали помещение без мебели – теперь все налаживается. Епархиальное управление работает исправно, дела найдены в порядке. Заместитель протоиерей В. Покровский работает усердно. Собор произвел тяжелое впечатление – пыль, сор, нет диакона, служить нет с кем...” [7, л. 60б.].

У 1929 годзе адбылося новае дзяленне межаў раёнаў. У выніку чаго была створана Вялікалуцкая епархія. У склад яе і ўвайшлі землі, якія знаходзіліся на тэрыторыі РСФСР, але да гэтага часу падначальваліся Беларускаму Свяшчэннаму Сіноду [23, л. 114]. У выніку гэтага тытул кіруючага епіскапа Полацкай абнаўленчай епархіі змяніўся: замест “Полацкі і Себежскі” стаў звацца “Полацкі і Лепельскі” [24, л. 115].

Заклучэнне. У канцы 1920-х гадоў адбываецца паступовае ўзмацненне жорсткасці дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да Царквы, надыходзіць працяглы этап сістэматычных ганенняў не толькі на РПЦ, але і на ўсе канфесіі на тэрыторыі СССР. Строгая рэгламентацыя жыцця рэлігійных арганізацый, уведзеная ў 1929 годзе, шмат у чым супярэчыла нават дэкрэту 1918 года аб аддзяленні Царквы ад дзяржавы.

Пасля змены дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да абнаўленцаў у канцы 1920-х гадоў яны, гэтак жа як і прыхільнікі патрыяршай Царквы, сталі ў масавым парадку падвяргацца арыштам і рэпрэсіям. Для барацьбы з духавенствам выкарыстоўваліся і эканамічныя метады. Святароў абкладалі сельскагаспадарчым і падаходным падаткамі. За няплату падаткаў напрыканцы 1929 года пад вартай трымаліся 5 святароў Полацка-Себежскай епархіі.

Ступень распаўсюджвання абнаўленства на тэрыторыі Полацкай-Себежскай епархіі шмат у чым залежала ад становішча ўнутры Полацкага Епархіяльнага ўпраўлення і яго адносінаў да абнаўленчага архірэя, што прыводзіла да зняцця сану ці пераходу да патрыяршай Царквы асобных святароў.

ЛІТАРАТУРА

1. Адмовіўся ад сана папа (Лепельшчына) // Чырвоная Полаччына. – 1929. – № 64. – С. 5.
2. Вопіс маёмасці грамадзяніна м. Клясціцы Расонскага раёна М. Квяткоўскага // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2786. – Воп. 1. – Спр. 454. – Арк. 71.
3. Выпіска з пратаколу № 6/430 Полацкага Акрфа аб прызнанні правільнасці абкладанням У. Забелы індыўідуальным падаткам // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку (ЗДА ў г. Полацку). – Фонд 129. – Воп. 1. – Спр. 1045. – Арк. 1а.
4. Довгяло, Н.В. Конфессиональные отношения на территории Витебского и Полоцкого округов (1924–1930) / Н.В. Довгяло // Религия и общество-4: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 27–29.
5. Доклад архиепископа Полоцкого и Себежского Нила о состоянии Полоцкой обновленческой епархии за 1929 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 2–3.
6. Доклад архиепископа Полоцкого и Себежского Нила о состоянии Полоцкой обновленческой епархии за первый квартал 1929 г. // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 55–56.
7. Доклад архиепископа Полоцкого и Себежского Нила о состоянии Полоцкой обновленческой епархии // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 60б.
8. Доклад епископа Полоцкого и Себежского Нила митрополиту Белорусскому Даниилу о состоянии епархии // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 47–47об.
9. Заявление священника Белицкого Кирила в Полоцкую окружную налоговую комиссию о незаконном облажении индивидуальным сельскохозяйственным налогом // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 129. – Оп. 1. – Д. 1045. – Л. 3–5об.
10. Заявление церковно-приходского совета Дриссенского Николаевского собора в Белорусский Православный Священный Синод о недовольствии верующих назначением прот. А. Билецкого настоятелем храма // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – 14–15об.

11. Из циркулярного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (Утв. ЦК ВКП(б) 24 января 1929 г.) / В.А. Шевченко // Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110>. – Дата доступа: 12.02.2013.
12. Вышинский, А.Я. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / А.Я. Вышинский. – М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. – 299 с.
13. Крапивин, М.Ю. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.) / М.Ю. Крапивин, А.Г. Далгатов, Ю.Н. Макаров. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 624 с.
14. Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнныя і царкоўнаслужыцелі Беларусі 1917–1967: у 2 т. / Л.У. Маракоў. – Мінск: Беларускі Экзархат, 2007. – Т. 2: Лабяк-Яскевіч. – 464 с.
15. Меморандум агентурных материалов на кулака Некрасова Е.И. // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 28. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 14.
16. Пастанова Сакратарыяту ЦК КП(б)Б аб мерапрыемствах па ўзмацненні антырэлігійнай работы (Дадатак да пратаколу № 10 § 241 ад 15 красавіка 1929 г.) // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 4125. – Арк. 16–17.
17. Письмо архиепископу Полоцкому и Себежскому Нилу от прот. А. Благовещенского об обложении подоходным налогом // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 73–74об.
18. Протокол заседания Полоцкого Епархиального Съезда духовенства и мирян Полоцкой епархии от 19 февраля 1929 г. // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 35–39.
19. Протья, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протья. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
20. Прошение бывшего священника Дубровской церкви А. Лядковского пред епископом Полоцким и Себежским Нилом о возвращении священного сана // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 43–44.
21. Прыгавор Народнага суда Боркавіцкага раёна Полацкай акругі аб пазбаўленні волі У.М. Забелу ад ухілення выплаты сельскагаспадарчага падатка // НГАБ. – Фонд 2786. – Воп. 1. – Спр. 454. – Арк. 69адв.
22. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фото-материалы – М.: Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
23. Сообщение Белорусского Православного Священного Синода Полоцкому Епархиальному Управлению об изменении границ епархии // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 114.
24. Сообщение Белорусского Православного Священного Синода Полоцкому Епархиальному Управлению о смене титула правящего епископа // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 115.
25. Сообщение Председателя Белорусского Священного Синода Начальнику Дриссенского погранотряда о существовании двух церковно-приходских советов в Дриссенском Николаевском соборе // НИАБ. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 454. – Л. 10.
26. Толкушкин, А.В. История налогов в России / А.В. Толкушкин. – М.: Юрист, 2001. – 432 с.
27. Шиленок, Д. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) / Д. Шиленок. – М.: Крутицкое подворье, 2006. – 218 с.

Пастуніў 26.09.2013

POLITICAL CHANGES IN THE SOVIET STATE TOWARDS THE CHURCH AND THE CLERGY IN 1929 BY THE EXAMPLE OF POLOTSK-SEBEZH RENOVATIONIST DIOCESES

V. BARANENKA

The author of the article studies changes in public policy towards the Church and the clergy in 1929 by the example of Polotsk-Sebezh renovationist diocese. On the basis of historiographic and archival sources the author studies the prevailing situation on the territory of the diocese. In the legislative sphere a number of regulations were adopted, according to which the struggle against religion was equal to class-political one. The clergy and the faithful of the diocese met a lot of difficulties: different kinds of punishment were inflicted on Orthodox clergy – arrests, defamation, frequent transfers of priests to different parishes, etc. The author depicts one of the reasons for the weakening of renovationist movement in Polotsk and adjacent Pskov regions – confrontation between local clergy. The author makes a conclusion that at the end of the 1920s there was a gradual growth of cruelty in public policy towards the Church, there also came a long period of systematic persecutions. The article introduces a new set of archival documents, and this is an important point for further research on this topic.

УДК 94(476-15)+94(438)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СОЮЗОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

канд. ист. наук, доц. В.И. КРИВУТЬ
(Барановичский государственный университет)

Исследуется деятельность ведущих проправительственных молодежных организаций по реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Дается характеристика их роли в военной подготовке, гражданском воспитании, внешкольном профессиональном обучении молодого поколения, борьбе с молодежной безработицей. Анализируются особенности деятельности официальных молодежных союзов на территории Западной Беларуси, в том числе привлечение их к участию в полонизации местной молодежи и борьбе против коммунистического и национально-освободительного движения.

Введение. Проблема реализации официальной молодежной политики всегда будет сохранять свою актуальность. В связи с этим существует необходимость изучения опыта прошлого в данной области. В полной мере это относится и к деятельности в этой сфере проправительственных молодежных объединений на территории Западной Беларуси, входившей в состав межвоенного польского государства. К сожалению, данная проблематика не нашла должного отражения в отечественной историографии, некоторые её аспекты затрагивались лишь в контексте изучения коммунистического и национально-освободительного движения Западной Беларуси. Более подробно деятельность проправительственных организаций в молодежной среде рассматривается в польской историографии. Однако польские исследователи не уделяют достаточного внимания специфике именно западно-белорусских земель.

Настоящая работа должна компенсировать указанные пробелы в рассматриваемой тематике, что позволит получить более объективную картину развития не только молодежного движения, но и всей общественно-политической жизни западно-белорусского региона в межвоенный период.

Основная часть. В межвоенный период на территории Западной Беларуси действовал целый ряд молодежных объединений, которые в той или иной мере были связаны с правившим с 1926 года во II Речи Посполитой лагерем «санации» и разделяли его идеологию. В первую очередь среди них следует назвать: Стрелецкий союз «Стрелец»; Союз сельской молодежи «Сев» (ССМ «Сев»); Союз молодой деревни (СМД); Союз польского харцерства (СПХ); Организацию трудящейся молодежи (ОТМ); Легион молодых (ЛМ). Все они пользовались материальной и организационной поддержкой со стороны государственного аппарата и носили ярко выраженный проправительственный характер, что проявлялось в их активном участии в мероприятиях по реализации официальной молодежной политики. Целью этой политики было формирование гражданина-государственника, бойца и работника в одном лице. В связи с этим правящий режим делал упор на реализацию ряда конкретных направлений. Во-первых, во II Речи Посполитой велась значительная работа по военной подготовке (ВП) молодого поколения в рамках концепции «нации под ружьем», направленной на повышение обороноспособности государства и патриотическое воспитание молодежи. Вторым важным направлением официальной молодежной политики стала подготовка молодого поколения к будущей трудовой деятельности. Также «санационный» режим провел ряд мероприятий по решению проблемы трудовой занятости молодого поколения, борьбы с молодежной безработицей. Большое внимание уделялось и культурно-просветительской работе с молодым поколением, организации его досуга. Все вышеупомянутые молодежные союзы так или иначе были включены в эту работу. Следует отметить, что часто без участия общественных организаций осуществлять многие направления правительственной молодежной политики было просто невозможно.

Так, первоначально военную подготовку молодого поколения планировалось проводить в рамках школы. Однако школьные отряды ВП не могли охватить всех допризывников, поскольку во II Речи Посполитой средняя школа была недоступной для большей части молодого поколения. Например, в 1935 году из 574 тыс. юношей в возрасте 17–19 лет только 51 тыс. (около 9 %) посещала среднюю школу [1, с. 85]. На территории Западной Беларуси этот процент был еще более низким. Тем временем армейские структуры стремились охватить военным обучением по возможности большее количество будущих солдат. В этом им и должны были помочь общественные объединения.

Среди молодежных организаций наиболее активно и целенаправленно акцию ВП проводил Стрелецкий союз «Стрелец». Также ею занимались и другие союзы. Например, среди школьной молодежи, кроме созданных школьными властями отрядов ВП, эту работу вел Союз польского харцерства. В своей деятельности и школа, и молодежные организации руководствовались подробно разработанной программой обучения, рассчитанной на два года. Она была разделена на следующие разделы: физическое воспитание, стрелковое обучение, боевая подготовка, служба (муштра). Раздел физической подготовки предусматривал: марши, бег, метание гранаты, элементы фехтования, спортивные игры (футбол, баскетбол),

легкую атлетику, плавание. Вторая часть программы – стрелковое обучение – включала изучение оружия и обучение стрелковому делу [2, с. 7–9]. Боевая подготовка готовила к поведению в бою. Раздел «Служба» включал такие подразделы, как строевая подготовка, организация вооруженных сил, внутренняя служба (изучение армейских уставов), знания о Польше, сохранение военной тайны [3, с. 2].

Как правило, занятия по ВП проводились регулярно, 1–2 раза в неделю. Все обучение делилось на две ступени: школа младших и школа старших юношей. Обучение завершали летние лагеря. В летних лагерях проводился заключительный экзамен, который ставил целью определить степень подготовленности юношей. При этом рекомендовалось экзаменовывать по предметам, которые юноши изучали менее всего. После успешной сдачи экзаменов проходило торжественное вручение свидетельств об окончании второй ступени ВП. Условия получения свидетельства предусматривали завершение первой ступени ВП, полный год работы в отряде старших юношей, получение «Польского спортивного отличия» (аналог советского знака ГТО), прохождение предусмотренных программой маршей и стрельб, заплыв (25 метров вольным стилем), достаточное овладение предметами обучения [4, л. 28]. Свидетельство об окончании второй ступени ВП давало права на льготы при прохождении действительной военной службы.

Необходимо отметить, что программа ВП на территории Западной Беларуси имела некоторые особенности. Известно, что военная доктрина Польши строилась на планах оборонительной войны с СССР. В соответствии с этим значительное внимание во время подготовки стрельцов придавалось обучению партизанским действиям. Об этом свидетельствуют архивные документы Центрального комитета Коммунистического союза молодежи Западной Беларуси (ЦК КСМЗБ) за 1932 год: «В районе Гродненского округа проводились военные смотры осадников. Там же проводились практические занятия стрельцов. Эти упражнения проводились с расчетом подготовки стрельцов к партизанским действиям» [5, л. 261]. Особый упор делался на развитии стрелцкой организации в приграничных с БССР поветах. По неполным данным, в 1933 году там имелось 56 отрядов «Стрельца» общей численностью 1 695 человек. Они были «насаждены» вдоль железной дороги и около стратегических пунктов. Например, вдоль линии Молодечно – Вилейка действовало 10 стрелцких отрядов, в которых насчитывалось 450 человек [6, л. 114]. Нет сомнений, что у польских военных существовал расчет на использование структуры «Стрельца» для диверсионной и партизанской деятельности на случай возможного нападения со стороны СССР.

Но все же ясной концепции использования «Стрельца» на случай войны не было, поэтому во время сентябрьской кампании 1939 года эта организация не сыграла большой роли. На территории Западной Беларуси отрицательно сказалось не только отсутствие концепции, малая эффективность ВП была результатом ряда других причин. В первую очередь это было негативное или в лучшем случае безразличное отношение значительной части местного населения. Кроме того, свою роль сыграло слабое развитие коммуникаций и тяжелое материальное положение местных жителей.

Это можно проследить на примере отчетов местных комитетов физического воспитания и военной подготовки 9-го военного округа «Брест». Так, в 1927 году про развитие ВП на территории Барановичского, Новогрудского и Несвижского поветов (район ответственности 78-го пехотного полка) сообщалось: «С организационной точки зрения регион развит слабо. Большая площадь, слабые пути сообщений и малые средства не позволяют лучшего развития. К работе в ВП более стремится городской элемент, деревня слабо понимает его значение, исключение составляют осадники, а из призывников и резервистов только те, кто является членами объединений». Согласно отчету в Слонимском повете (район 79-го пехотного полка): «Из городского населения более всего склонна к работе по ВП школьная молодежь. Из внешкольной молодежи только единицы втянуты в Стрелцкий союз и харцерство. Сельская молодежь очень мало посвящает себя работе по ВП». В Коссовском и Пружанском поветах (район 80-го пехотного полка) «... Условия ВП неблагоприятны по причине плохих коммуникаций, неудобного расположения военных частей и недоброжелательного отношения к ВП большей части национальных меньшинств» [7, л. 57].

Характерным является сравнение Брестского и Влодавского поветов (район 82-го пехотного полка): «Значительная неоднородность работы ВП. Плохие средства коммуникации и перевес национальных меньшинств на территории Брестского повета еще более препятствует проведению ВП... Более благоприятные условия ведения работы во Влодавском повете, который лежит перед Бугом. Значительный процент поляков, преобладает сельский элемент, который составляет 95 % в ВП» [7, л. 58]. Как видим, польская молодежь более активно поддерживала ВП, чем ее белорусские ровесники.

Местные власти жаловались на то, что население просто не понимает необходимости ВП. По их мнению, в Пинском, Лунинецком и Столинском поветах (район 84-го пехотного полка) работе препятствует отсутствие понимания идеи ВП. Кроме того, «интеллигенция и духовенство вообще безразлично относятся к работе ВП... Сельская молодежь является белорусской и не имеет охоты к военным занятиям. К работе в ВП ее можно привлечь только через организацию спорта, игр и развлечений» [7, л. 59].

Одновременно эти же отчеты отмечают положительное отношение к ВП в этнических польских поветах. Об этом свидетельствует сравнение количества населения, охваченного данной акцией. Так, если в районах 78, 80 и 83-го пехотных полков в деятельности организаций ВП в 1927 году участвовали 1 893 человека, то в районе 35-го пехотного полка (Бяло-Подлясский повет) – 1 088, в районе 34-го пехотного полка (Бельский и Константиновский поветы) – 1 044, в районе 22-го пехотного полка (Седлецкий,

Лукувский и Радинский поветы) – 1 818 человек [7, л. 55–56]. В шести польских поветах акцией ВП было охвачено в 2 раза больше людей, чем в семи белорусских. В среднем на один польский повет приходилось 658 членов ВП, а на один белорусский – приблизительно 271.

К концу 1930-х годов ситуация несколько изменилась, но польская молодежь по-прежнему более охотно занималась ВП. В 1937/38 учебном году на территории 9-го военного округа «Брест» в шести польских поветах (Седлице, Лукув, Радинь, Бяла-Подляска, Влодаво, Бельск) насчитывалось 312 отрядов ВП общей численностью 5 749 человек, в то же время в девяти белорусских поветах (Барановичи, Брест, Дрогичин, Кобрин, Коссово, Новогрудок, Пинск, Пружаны, Слоним) существовало 316 отрядов, которые охватывали 6 343 человека [8, л. 1]. Среднее соотношение участников ВП в польских и белорусских поветах были соответственно 958 и 705.

Таким образом, в деятельности структур ВП представителей белорусской молодежи было значительно меньше, чем польской. Это было характерно для II Речи Посполитой, где национальные меньшинства достаточно враждебно относились к существовавшему государству и его структурам, в том числе и к армии. Об этом, например, свидетельствуют отчеты Министерства военных дел о летних военных маневрах 1934 года. Они отмечают, что на польских территориях «чувствуется работа административных властей в направлении объяснения гражданам того, чем является армия, и как надлежит к ней относиться». В то же время в местностях, заселенных славянскими меньшинствами, случались «провокации прокоммунистической белорусской молодежи, оскорбления солдат и подразделений, отказы выделять квартиры и подводы, даже хищение оружия» [9, с. 66].

Понятно, что в таких условиях акция ВП, инициатором и руководителем которой являлась армия, не встречала достаточной поддержки на территории Западной Беларуси. Ситуация с отношением местной молодежи к польскому государству и его политике не могли удовлетворять «санационный» режим. Изменить положение, по мнению властей, должно было соответствующее воспитание подрастающего поколения. Кроме военной подготовки оно стало важной частью деятельности проправительственных молодежных объединений. Особую активность в этом направлении проявлял Стрелецкий союз. Согласно инструкции, которая была подготовлена виленским руководством «Стрельца», целью этого воспитания было «дать всестороннее представление об Отечестве, оформить государственный инстинкт, приучить к дисциплине и подчинению власти, развивать чувство патриотизма и преданности традициям, сформировать сильные характеры» [6, л. 117].

Особое внимание гражданскому воспитанию стало уделяться во второй половине 1930-х годов. При этом отмечалась связь гражданского воспитания и укрепления обороноспособности страны: «Уставы всех существующих молодежных организаций среди целей и задач, кроме прочего, имеют и воспитание молодежи в государственно-созидательном духе. Эти задачи трактуются разнообразно, и в результате у молодежи не формируются те черты, которые необходимы для осуществления гражданских задач, особенно такой самой благородной обязанности, как служба в армии» [10, л. 3].

В декабре 1936 года в Бресте прошло совещание, организованное окружным руководством «Стрельца» и посвященное активизации гражданского воспитания. На нем было заявлено, что «верой гражданина-солдата должна быть государственность Польши, службой – служба польскому государству». Идея службы представлялась содержанием и сутью гражданского воспитания. Эта идея должна была прививаться во время разных образовательных или воспитательных мероприятий, поскольку «без её усвоения воспитательно-гражданская работа не исполнит своих задач». На совещании проявилось усиление националистических тенденций в политике «санации». Участники заявляли, что «польское государство – это национальная Польша, к чужим народам мы относимся толерантно и признаем за ними равенство в правах, но в борьбе с врагом доверять им не можем» [11, л. 28]. Также на совещании предлагалось усилить польское влияние на «кресах», при этом за образец брались фашистская Италия и нацистская Германия: «Как итальянцы и немцы идут со своей культурой везде, где только могут, так и мы должны идти с нашей культурой и прививать ее на окраинах... Мы на этих землях являемся хозяевами, а не пришельцами» [11, л. 31].

Практическим результатом данного совещания явилась специально разработанная «Программа гражданского воспитания для возрастных воспитательных групп в отрядах и подотрядах Стрелецкого союза», которая была издана в Бресте в 1937 году. Она включала следующие направления: организационное воспитание, государственное воспитание, профессиональная подготовка, чтение, экскурсии, культурно-художественное воспитание [12, с. 5].

В ходе реализации первой части программы стрелцы изучали устав, историю, традиции и обычаи своей организации. Государственное воспитание было призвано готовить членов союза к «соответственному пониманию современной общественно-политической жизни, активному участию в общей работе» [12, с. 6]. Руководствуясь этими тезисами, члены организации обязаны были знать историю Польши и ее государственный строй. Особое внимание уделялось истории польского национально-освободительного движения и польских вооруженных сил [12, с. 12]. Одновременно изучались государственное и административное устройство II Речи Посполитой, майская Конституция 1935 года, а хозяйственная и общественная жизнь своей местности [12, с. 31].

Дух польского ура-патриотизма являлся ведущей идеей стрелецкого государственного воспитания и делал его составной частью полонизации белорусской молодежи, уничтожения ее национального самосознания. Особенно ярко это проявлялось на примере «стрелецкой» интерпретации истории. Например, польско-советская война, в результате которой была захвачена Западная Беларусь, имела важное «историческое и воспитательное значение» и, по мнению стрелецких воспитателей, была «последним этапом укрепления границ независимой Польши» [12, с. 23].

Профессиональная подготовка на деревне включала разные теоретические и практические курсы в рамках сельскохозяйственной подготовки (СП) для «повышения производительности сельского хозяйства и рационализации потребления и сбыта сельскохозяйственной продукции». Городские стрельцы под контролем и при поддержке Стрелецкого союза овладевали каким-либо ремеслом или профессией. Принципиальной целью профессиональной подготовки руководство организации считало обеспечение своих членов трудовым местом [12, с. 6].

Три последние составные части Программы (чтение, экскурсии, культурно-художественное воспитание) должны были повышать культурный уровень членов «Стрельца» и организовать их досуг.

Центрами гражданского воспитания являлись светлицы (клубы). Считалось, что они дают возможность «воздействовать одновременно на разум, чувства и волю личности, развивать определенные ее особенности и одновременно готовить ее к общественной жизни и активному в ней участию» [13, с. 6]. В связи с этим, если позволяли материальные условия, Стрелецкий союз и другие проправительственные организации стремились создать широкую сеть своих светлиц. Так, в 1935 году в Вильно действовали 14 светлиц «Стрельца». Также в городе существовала одна светлица проправительственной ОТМ [14, с. 259]. Разумеется, что в провинции ситуация складывалась иначе. Но и там проправительственные союзы создавали свои клубы. Если для этого не было условий, создавались общие светлицы или светлицы при школах. В качестве примера можно привести ситуацию в полесском СМД. В тяжелых экономических условиях полесской деревни союз смог создать только 45 своих собственных светлиц. Еще 18 клубов были совместными. Абсолютное же большинство (154) действовало при школах [15, с. 120–121].

Само воспитание проводилось в форме разных лекций, чтений, концертов, вечеров и т.д. При этом обращалось внимание на необходимость развития самостоятельности и инициативы у рядовых членов организации. Молодежь должна была самостоятельно овладевать по возможности большим объемом предусмотренного материала. Инструкторы гражданского воспитания и другие члены руководства должны были приходить на помощь и давать советы только в самых тяжелых случаях [12, с. 9].

Помимо военной подготовки и гражданского воспитания важным направлением правительственной молодежной политики стала профессиональная, в первую очередь сельскохозяйственная, подготовка молодого поколения.

В одном из документов Виленского школьного округа заявлялось: «Трудности нашей экономической и общественной жизни имеют своей причиной сильную отсталость нашей деревни. Сила общества и его внутренняя сплоченность зависят не от высокого культурного и интеллектуального развития единиц или небольших групп, а от высокой средней культуры всего населения. Поэтому заботой всех, кто руководится общественными категориями, должно стать стремление к наиболее быстрому повышению культуры сельского населения, самого многочисленного слоя в государстве» [16, с. 5].

Первоначально эту задачу на территории Западной Беларуси планировалось решить с помощью народных сельскохозяйственных школ. Именно поэтому тот же документ обращал внимание школьных учителей, которые работали в сельской местности, на необходимость разъяснения значения сельскохозяйственных школ во время собраний кружков ССМ «Сев», стрелецких отрядов и других молодежных организаций и поощрении молодежи к поступлению в эти школы [16, с. 5].

Однако, как показала практика, народные сельскохозяйственные школы не решали поставленной перед ними задачи. Их просто не хватало для того, чтобы охватить значительную часть сельской молодежи. Это хорошо видно на примере школ Виленского школьного округа. В данный округ входило Виленское воеводство (8 сельских поветов), Новогрудское воеводство (8 поветов) и 4 повета Белостокского воеводства. Количество сельского населения на этой территории составляло около 2 356 тыс. человек. К середине 1930-х годов на эти 20 поветов приходилось 13 народных сельскохозяйственных школ (8 мужских и 5 женских). Ежегодно они могли выпустить более 500 человек. При этом известно, что на территории округа ежегодно родительские хозяйства перенимали около 20 тыс. молодых крестьян. Таким образом, существовавшие сельскохозяйственные школы могли обеспечить подготовку только 0,5 % этих сил [17, с. 2]. Ситуация на территории Полесского воеводства была не лучшей. Там в середине 1930-х годов на 10 поветов приходилось 6 народных сельскохозяйственных школ [18, с. 10].

Потребность в сельскохозяйственном обучении пробовали частично удовлетворить за счет передвижных сельскохозяйственных курсов. В Виленском школьном округе было 5 женских передвижных курсов. Осенью 1936 года подобные курсы были организованы в Волковыском повете для мужской молодежи [17, с. 6]. Но всего этого было недостаточно, чтобы реально повысить культурный уровень сельской молодежи. Поэтому, как и в случае с военной подготовкой, к деятельности по профессиональному обучению молодежи вместе с государственными органами подключились общественные структуры.

В результате основной обучения сельской молодежи стали конкурсы, которые проводились молодежными объединениями в рамках Сельскохозяйственной подготовки (СП). На территории Западной Беларуси эти конкурсы начались, как и по всей II Речи Посполитой, в конце 1920-х годов. Активное участие в них принимали в первую очередь члены «санационных» молодежных организаций. Руководители Союза сельской молодежи «Сев» заявляли, что «сельскохозяйственные конкурсы должны стать сельскохозяйственным и гражданским воспитанием молодежи. Через сельскохозяйственные конкурсы конкурсант должен в первую очередь воспитывать себя, формировать свою волю и прирожденный ум, поощрять себя к быстрому деловому мышлению» [19, с. 33–34].

Помимо ССМ «Сев» – СМД к акции СП присоединились Стрелецкий союз, а также католические объединения молодежи, которые первоначально занимали лидирующее место в количестве конкурсных коллективов. Как свидетельствовал официальный отчет, посвященный развитию акции СП на территории Виленского воеводства, за десятилетие (1929–1938 гг.) «на первоначальном этапе количественным перевесом владели католические объединения молодежи, в последние же годы на первом месте (количественно и качественно) удерживается Союз молодой деревни. Стрелецкий союз долгое время не имел условий для развития работы, поскольку не имел специальных инструкторских кадров» [20, с. 493].

Необходимо отметить, что Виленское воеводство являлось одним из лидеров по проведению акции СП в межвоенном польском государстве. Так, в 1933 году тут действовало 594 коллектива СП (4 008 участников). Виленское воеводство обгоняли только Варшавское воеводство – 637 коллективов (4 195 членов) и Краковское воеводство – 615 коллективов (4 444 участника). На территории Белостокского воеводства действовало 285 коллективов (2 551 участник), благодаря чему Белосточчина находилась на 8-м месте. Одновременно Полесское воеводство занимало 12-е место – 219 коллективов и 1 351 участник. Новогрудское воеводство находилось на 14-м месте (109 коллективов и 759 участников). Всего на то время акция СП проходила на территории 16 воеводств [21, с. 6].

Во время проведения СП руководство «санационных» организаций столкнулось с рядом трудностей. В первую очередь они были связаны с последствиями экономического кризиса. Как отмечалось в отчете Полесского воеводского ССМ «Сев» за 1929 год, «общий кризис в стране отразился и на конкурсной работе среди молодежи. Члены кружков неохотно относятся к работе, объясняя свое нежелание тем, что увеличение урожая и финансовые расходы нецелесообразны, поскольку невозможно сбыть произведенные сейчас продукты, а тем более их нельзя будет сбыть, когда производство увеличится» [19, с. 16].

Но, несмотря на трудности, акция СП развивалась как количественно, так и качественно. Первоначально в конкурсной работе преобладала простейшая тематика: выращивание свеклы, моркови, капусты. Постепенно тематика усложнялась: огородничество, лен, животноводство [22, с. 5]. Помимо непосредственно самих конкурсов велась большая работа по самообразованию. Руководство проправительственных молодежных союзов организовывало курсы, которые занимались не только сельскохозяйственным обучением, но и воспитанием участников.

Зимой 1933 года воеводское правление Полесского ССМ «Сев» организовало 10-дневные передвижные курсы. Согласно с программой, они включали следующие разделы: сведения о современной Польше (10 часов), методика клубной работы (8 часов), организационные принципы ССМ (6 часов), кооперация и сельскохозяйственные кооперативные организации (4 часа), сельскохозяйственная подготовка (30 часов), практические занятия (30 часов). Курсы прошли на территории 9 поватов (Брест, Кобрин, Дрогичин, Пинск, Лунинец, Столин, Камень-Каширский, Пружаны, Коссово). Ими были охвачены 177 кружков ССМ «Сев», в основном члены правлений [23, л. 110–111].

«Санационные» молодежные объединения привлекались и для решения других задач. Одной из них была борьба с молодежной безработицей. Правящий режим пытался решить эту проблему путем организации «лагерей труда». В их создании и проведении, а также подготовке руководящих кадров принимали участие и проправительственные союзы. Так, например, особую активность в этом направлении проявило новогрудское отделение Организации трудящейся молодежи. В начале 1930-х годов его членами был создан трудовой лагерь имени сенатора С. Свидерского в Новоельне – промышленно-аграрное хозяйство на 8 га, которое заслужило похвалу на общепольском съезде ОТМ [24, л. 63].

Значительную роль в организации «лагерей труда» для безработной молодежи сыграл Стрелецкий союз. Вместе с другими «санационными» организациями он вербовал в лагеря молодых безработных. Такие лагеря в 1933–1934 годах существовали в Белостоке, Вильно, на Полесье и Гродненщине [24, л. 138]. Они должны были обеспечить безработную молодежь работой, обучить ее какой-нибудь профессии и таким образом не только «защитить стрельцов от бедствий безработицы и ее фатального морального влияния», но и стать «одним из элементов общей борьбы с последствиями безработицы» [25, с. 84]. Но результаты этой деятельности были далеки от желаемых. Тяжелые условия жизни и труда в лагерях сочетались с казарменной дисциплиной и военной муштрой. Архивные материалы сообщают о многочисленных случаях недовольства молодежи. Так, летом 1935 года стрельцы, которые работали в Почапской гмине (Новогрудское воеводство) на строительстве дороги, «на почве эксплуатации и плохого отношения руководителей избили своего начальника» [26, л. 27].

«Лагерь труда» в 1936 году были переданы под контроль Министерства военных дел, и на их базе началось создание юношеских отрядов труда. В Бресте была создана окружная комендатура юношеских отрядов труда, которой подчинялась территория военных округов № 2 «Люблин», № 3 «Гродно» и № 9 «Брест» [27, л. 2]. Общественные организации были отклонены от непосредственного участия в проведении этой акции. Но при наборе кандидатов в отряды от них требовали документы, которые подтверждали принадлежность к молодежным объединениям [28, л. 2]. Разумеется, что имелись в виду «санационные» союзы, такие как «Стрелец» или ОТМ.

Одним из важнейших направлений работы проправительственных молодежных организаций стала деятельность в культурно-просветительской сфере и организация досуга своих членов. Для этого была создана довольно солидная база. Так, в распоряжении Виленского воеводского ССМ «Сев» было 36 библиотек, 78 светлиц, 20 оркестров, 21 радиоприемник [29, с. 297]. Кружки Полесского отделения этой организации в 1934 году имели 85 библиотек, 132 театральные и 45 хоровых коллективов [30, с. 4–5].

Поддержка со стороны властей позволяла официальным молодежным союзам вести культурно-просветительскую деятельность при поддержке самых современных на то время средств. Так, известно, что при Союзе сельской молодежи Новогрудской земли существовал объездной культурно-просветительский кинотеатр. Официальная пресса сообщала, что за время с 7 декабря 1933 года по 16 февраля 1934 года прошли киносеансы в следующих местностях Новогрудского, Несвижского и Столбцовского поветов: Кушелево, Ятра, Великие Луки, Остров, Бельковцы, Городище, Липск, Кривошин, Щербиново, Волька, Щасновичи, Зубелевичи, Соловыи, Горбуновщина, Лань, Орда, Зарутово, Подлесье, Дубово, Дарево, Колпеница, Полонка, Кореличи, Турец, Деревная, Белица, Нестеровичи, Щорсы. Всего киносеансы посетили 1 500 человек [31, с. 7].

С целью привлечения белорусской молодежи театральные кружки проправительственных организаций вместе с польскими пьесами ставили и произведения белорусских авторов. Но это было достаточно редким явлением, с которым польские власти вели упорную борьбу, как с проявлением нелояльности. В отчете отдела общественной безопасности Полесского воеводского правления в связи с деятельностью ССМ «Сев» отмечалось: «В конце 1928 года, когда отдельные кружки еще находились в стадии организации, среди молодежи, которая тянулась к этим кружкам, можно было заметить тенденции к проведению любительских спектаклей преимущественно только на украинском и белорусском языках, сейчас это направление полностью изменилось, и вся молодежь, которая принадлежит к кружкам сельской молодежи, во главе со своим руководством является полностью лояльной и хорошо настроенной по отношению к польскому государству» [32, л. 2].

В целом культурная деятельность проправительственных молодежных союзов носила явный полонизаторский характер. В качестве культурной работы в полонизаторском духе необходимо рассматривать и привлечение молодежи к организации и празднованию государственных праздников II Речи Посполитой, именин маршала Ю. Пилсудского и других подобных мероприятий. Но следует отметить, что даже официальная пресса признавала, что культурно-просветительские мероприятия, которые проводились «санационными» организациями, посещались местным населением в первую очередь для того, чтобы поучаствовать не в официальной части, а в разного рода развлечениях и танцах [33, с. 123].

В связи с этим результат просветительской и воспитательной работы многих кружков был достаточно низок. Даже сами члены проправительственных союзов часто вели себя не самым примерным образом. С другой стороны, благодаря воспитательно-идеологической работе своего руководства, Стрелецкий союз и ССМ «Сев» – СМД являлись опорой при проведении политики польских властей на территории Западной Беларуси. Наиболее подготовленные стрелецкие отряды привлекались к участию в пачификациях и борьбе с забастовками. На рубеже 1933–1934 годов во время карательной экспедиции в Кобринском повете стрелецкий отряд из Жабинки участвовал в разгроме украинских кооперативов. В Черной Вси на Белосточчине во время забастовки лесных рабочих стрельцы работали в качестве штрейкбрехеров под охраной полиции [34, л. 95]. На Виленщине польские власти привлекали стрельцов к борьбе с литовскими культурно-просветительскими организациями. Члены «Стрельца» при поддержке полиции участвовали в разгроме вечеринок, организованных литовцами [35, с. 348].

Подобной же деятельностью на территории Западной Беларуси занимались и некоторые кружки ССМ «Сев» – СМД. Однако в таком масштабе, как «Стрелец», они к борьбе против революционного движения не привлекались, но широко использовались для ликвидации национально-просветительских организаций. Например, Белостокская окружная управа Товарищества белорусской школы (ТБШ) сообщала, что в мае 1932 года в Городке поветовый староста и представитель отдела общественной безопасности принуждали членов местного кружка ТБШ сотрудничать со стрельцами и кружком ССМ «Сев». Драматическая секция кружка ТБШ должна была перейти под руководство польских учителей. В случае отказа от сотрудничества польские власти угрожали ликвидировать кружок ТБШ [36, с. 17].

В одном из отчетов о жизни национальных меньшинств II Речи Посполитой (конец 1929 г.), подготовленном Министерством внутренних дел, отмечалось: «Заслуживает внимания то, что население в Виленском и Новогрудском воеводствах в большинстве случаев полностью безразлично относится к деятелям ТБШ и акции, которую они проводят. Это находится в определенной связи с возрастающим влия-

нием Союза сельской молодежи, особенно на территории Столбцовского и Несвижского поветов, где подтверждаются случаи самостоятельного самороспуска кружков ТБШ при одновременном переходе их членов в Союз сельской молодежи» [37, с. 25].

Для более эффективной реализации основных направлений своей молодежной политики польские власти стремились наладить активное взаимодействие между подчиненными им объединениями, в первую очередь между «Стрельцом» и ССМ «Сев» – СМД. Например, в мае 1933 года между Полесским воеводским ССМ и «Стрельцом» было подписано соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало совместное создание и использование светлиц. Также предусматривалось совместное участие в государственных праздниках, спортивных и культурных мероприятиях. Группы ВП, созданные при ССМ «Сев», переходили под опеку поветовых комендантов «Стрельца», одновременно коллективы СП Стрелецкого союза пользовались опекой инструкторов ССМ «Сев» [38, с. 14].

Соглашение о взаимном сотрудничестве главных «санационных» организаций – Стрелецкого союза, союза молодой деревни, Союза польского харцерства и Организации трудящейся молодежи было подписано 15 октября 1937 года [39, с. 59]. Последняя попытка объединить усилия проправительственных организаций, которые работали среди сельской молодежи, произошла непосредственно накануне Второй мировой войны. В начале 1939 года Министерство сельского хозяйства выдвинуло идею создания Земледельческой службы сельской молодежи. Эту идею поддержали и армейские структуры. Главной целью Земледельческой службы была провозглашена подготовка непризывной деревенской молодежи к повышению производительности сельского хозяйства и помощи соседям. Среди общественных организаций, которые присоединились к этой акции, были не только проправительственные организации. Весной 1939 года началось создание воеводских и поветовых комиссий Земледельческой службы. В июле 1939 года они распространили инструкции, согласно с которыми сельская молодежь, помимо повышения производительности сельского хозяйства, должна была участвовать в организации противовоздушной и противохимической обороны, поддержке общественного порядка в деревне, ремонте дорог и мостов [40, с. 122]. Понятно, что в связи с началом вооруженных действий надлежащего развития акция Земледельческой службы сельской молодежи не получила.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что «санационные» молодежные организации сыграли значительную роль в реализации правительственной молодежной политики на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Наиболее активное участие в этом принимали Стрелецкий союз и ССМ «Сев» – СМД, которые охватывали своим влиянием значительные массы представителей молодого поколения, в первую очередь в сельской местности.

«Стрелец» действовал в сфере военной подготовки и внес вклад в повышение обороноспособности польского государства. Также им велась целенаправленная работа в сфере гражданского воспитания, которое в условиях Западной Беларуси носила выраженный полонизаторский характер. Объединенная военной дисциплиной стрелецкая организация являлась опорой польских властей, ярким проявлением чего было активное привлечение стрельцов к участию в пачификациях и борьбе с забастовками.

ССМ «Сев» – СМД также активно поддерживал политику полонизации и непосредственно участвовал в ее реализации, вел значительную культурную и образовательную деятельность, которая, за редким исключением, проходила в проправительственном русле и руководилась представителями местной администрации и системы образования Польши. Однако основной сферой деятельности союзов сельской молодежи стала реализация сельскохозяйственной подготовки. Понятно, что СП не могла решить всех проблем, которые существовали в западно-белорусской деревне, однако в некоторой мере она содействовала повышению продуктивности местного сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kęsik, J. *Naród pod bronią. Społeczeństwo w programie polskiej polityki wojskowej 1918–1939* / J. Kęsik. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998. – 200 s.
2. Tymczasowy program przysposobienia wojskowego w szkołach średnich, zawodowych i seminarjach nauczycielskich // *Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*. – 1923. – № 1. – S. 7 – 9
3. Szkoła Junaka. *Podręcznik instruktora Przysposobienia Wojskowego. Służba*. – Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1935. – 470 s.
4. Государственный архив Бресткой области (ГАБО). – Фонд 67 сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 197.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 374.
6. НАРБ. – Фонд 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 465.
7. ГАБО. – Фонд 1. Полесское воеводское управление. – Оп. 2. – Д. 2402.
8. ГАБО. – Фонд 67 сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 1059.
9. Lossowski, P., *Społeczeństwo polskie a wojsko w okresie I wojny światowej i II Rzeczypospolitej* / P. Lossowski // *Dzieje Najnowsze*. – 1983. – № 3. – S. 57 – 71.

10. ГАБО. – Фонд 67 сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 1669.
11. ГАБО. – Фонд 67 сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 193.
12. Program dla grup wiekowo-wyszkoleniowych w oddziałach i pododdziałach Związku Strzeleckiego w zakresie wychowania obywatelskiego. – Brześć nad Bugiem, 1937. – 45 s.
13. Praca świetlicowa. Instrukcja dla świetlic Z. P. O. K. – Warszawa, 1934. – 96 s.
14. Z oświaty pozaszkolnej w okręgu szkolnym Wileńskim. Sprawozdanie za rok 1934/35 i wytyczne programowe na rok 1935/36. – Wilno, 1935. – 310 s.
15. Dziesięciolecie Związku Młodej Wsi województwa Poleskiego. 1928–1938. – Brześć nad Bugiem, 1938. – 128 s.
16. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 17 grudnia 1932 r. do Panów Inspektorów Szkolnych i Kierowników Szkół Powszechnych w Okręgu w sprawie skierowywania młodzieży do szkół rolniczych // Dziennik Urzędowy kuratorium okręgu szkolnego Wileńskiego. – 1933. – № 1. – S. 5.
17. Wychowankowie szkół rolniczych o swojej pracy, życiu i dążeniach w okręgu szkolnym Wileńskim / S. Łukaszewicz [i in.]; red. S. Łukaszewicz. – Warszawa, 1937. – 122 s.
18. Rühle, E. Ziemie Wschodnie w cyfrach i kartogramach / E. Rühle // Rocznik Ziemi Wschodnich, 1938. – Warszawa, 1938. – S. 5 – 21.
19. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1929. – Brześć nad Bugiem, 1930. – 62 s.
20. Świackiewicz, A. 10-lecie przysposobienie rolnicze na Wileńszczyźnie / A. Świackiewicz // Tygodnik Rolniczy. – 1938. – № 41 – 42. – S. 489 – 493.
21. O nowych uczni (konkursistów) P. R. // Rolnik Nowogródzki. – 1934. – № 7. – 18 lutego. – S. 6.
22. Świackiewicz, A. Przysposobienie Rolnicze na Wileńszczyźnie w 1937 roku / A. Świackiewicz // Tygodnik Rolniczy. – 1938. – № 1 – 2. – S. 5 – 8.
23. ГАБО. – Фонд 1. Полесское воеводское управление. – Оп. 9. – Д. 483.
24. НАРБ. – Фонд п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 483.
25. Pruszkowski, A. Przewodnik społeczny / A. Pruszkowski. – Warszawa, 1934. – 292 s.
26. НАРБ. – Фонд п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 503.
27. ГАБО. – Фонд сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 697.
28. ГАБО. – Фонд сч. Командование округа корпуса № 9. – Оп. 2. – Д. 970.
29. Кулко млодзёжэй вейскей // Энцыкл. гісторыі Беларусі. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 297.
30. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1933–1934. – Brześć nad Bugiem, 1935. – 16 s.
31. Kino objazdowe Związku Mł. Wiejskiej // Rolnik Nowogródzki. – 1934. – № 7. – 18 lutego. – S. 7.
32. ГАБО. – Фонд Полесское воеводское управление. – Оп. 9. – Д. 714.
33. Jodzio, A. Przejawy pozaszkolnej aktywności społeczno-oświatowej polskich nauczycieli szkół powszechnych w województwie poleskim w latach 1921–1939 / A. Jodzio // Zeszyty Naukowe Studenckiego Koła naukowego Historików Uniwersytetu w Białymstoku. – 2009. – № 2. – S. 119 – 125.
34. НАРБ. – Фонд 242 п. Представительство ЦК КПЗБ. – Оп. 1. – Д. 116.
35. Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920–1939 гг.): сб. воспоминаний / под ред. И. Каросаса [и др.]. – Вильнюс: «Vaga», 1966. – 397 с.
36. Гарбацэвіч, П. Полёнізацыя Заходняй Беларусі / П. Гарбацэвіч. – Менск, 1932. – 24 с.
37. Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za październik, listopad i grudzień 1929 r. – Warszawa: Wydział narodowościowy, 1930. – 140 s.
38. Sprawozdanie Poleskiego Wojewódzkiego Związku Młodzieży Wiejskiej za rok 1931–1932. – Brześć nad Bugiem, 1933. – 16 s.
39. Słownik organizacji młodzieżowych w Polsce 1918–1970 / Cz. Kozłowski [i in.]; pod red. Cz. Kozłowskiego. – Warszawa: Iskry, 1971. – 191 s.
40. Odziemkowski, J. Wieś i armia w II Rzeczypospolitej / J. Odziemkowski. – Wrocław: Ossolineum, 1988. – 154 s.

Поступила 17.12.2013

ACTIVITIES YOUTH PROGOVERNMENT UNIONS ON THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS IN THE INTERWAR PERIOD

V. KRIVUT

The article highlights the issue of activity leading pro-government youth organizations on the implementation of the official youth policy in Western Belarus in the interwar period. We give a description of their role in military training, civic education, non-formal vocational training of young generation, combat youth unemployment. Analyzes the characteristics of the activities of the official youth organizations in Western Belarus, including bringing them to participate in polonization of local youth and fight against communist and national liberation movements.

УДК 618(091)“19”(476)

ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В БССР (1920–1930-е ГОДЫ): СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

М.М. КАЛИНОВСКАЯ

(Витебский государственный университет им. П.М. Машерава)

Исследуется процесс становления и развития системы подготовки медицинских кадров в области охраны материнства и детства в БССР в 1920–1930-е годы. Отмечается кризисное положение здравоохранения в начале изучаемого периода. Рассматриваются меры, предпринимаемые государством по решению данной проблемы: увеличение финансирования, создание широкой сети профильных лечебных и воспитательных учреждений по защите материнства и детства, подготовка необходимых кадров на краткосрочных курсах, в средних и высших учебных заведениях. Делается вывод, что отсутствие у правительства республики необходимого опыта в организации системы здравоохранения того времени, недостаточное ее финансирование не позволило в полной мере обеспечить подготовку необходимого количества высококвалифицированных специалистов в области охраны материнства и детства.

Введение. Изучение и анализ проблемы обеспечения медицинскими кадрами области охраны материнства и детства в БССР в 1920–1930-е годы можно отнести к разряду актуальных, так как это позволит не только глубже проникнуть в суть отношений и событий рассматриваемого периода, но и добавит новые знания, будет способствовать более глубокому пониманию сущности государственной социальной политики, развивающейся в советский период.

Военные и революционные потрясения начала XX века оказали крайне отрицательное влияние на демографические процессы, происходящие в Беларуси рассматриваемого периода. Потери на фронтах, гибель мирного населения, эпидемии и болезни в условиях развала системы здравоохранения и голода пагубно сказывались на положении населения. Положение также осложнялось низкой обеспеченностью врачебной помощью и призывом имеющихся врачей на фронт. Особенно остро нуждалась в обеспечении медицинскими кадрами область охраны материнства и детства как элемент, непосредственно влияющий на демографическую ситуацию в стране.

Основная часть. На завершающем этапе гражданской войны на территории БССР, которая тогда включала только 6 уездов Минской губернии с населением около 1,5 млн. человек, в медицинском обслуживании сложилось исключительно тяжелое положение, что проиллюстрировано данными, представленными в таблице. На низком уровне находилась работа по охране материнства и детства.

Обеспечение республики лечебными учреждениями и медицинским персоналом в 1920 году

Населенный пункт	Количество населения на 1 больницу	Количество населения на 1 ФАП	Количество населения на 1 врача	Количество населения на 1 акушерку
Минск,	9643	–	1985	8438
Минский уезд	32222	6789	32250	16125
Бобруйск,	50000	–	5555	25000
Бобруйский уезд	61800	10300	25750	30900
Борисов,	11000	–	4400	11000
Борисовский уезд	33429	7800	46800	16714
Игумен,	5000	–	1250	1667
Игуменский уезд	44667	7243	38285	14889
Мозырь,	6500	–	3250	4334
Мозырский уезд	49750	9476	49750	28429
Слуцк,	13000	–	2600	3250
Слуцкий уезд	44750	29833	17900	44750
ФАП – фельдшерско-акушерский пункт.				

Источник: составлено автором на основании [10, л. 18].

В таблице, раскрывающей ситуацию с наличием больниц, ФАПов, акушерских пунктов, врачей и акушерок на начало исследуемого периода, в полной мере просматривается кризисное положение в системе здравоохранения в начале 1920-х годов. Если учесть, что на 1 больницу в начале восстановительного периода в среднем приходилось не более 30–50 коек, следует отметить также слабую обеспеченность

населения больничным фондом, совсем низкую обеспеченность (еще без специализации) медицинскими кадрами и непосредственно относящимся к проблеме материнства и детства акушерским персоналом. Так, в уездах республики на то время на 1 врача приходилось от 25 до 50 тыс. обслуживаемого населения. Только в столице республики, Минске, 1 врач должен был обслуживать 1985 жителей. В то время как в странах Западной Европы еще на начало XX века на одного врача приходилось: в Германии – 2820 человек, во Франции – 2620 человек, в Великобритании – 1730 человек [1, с. 19].

Еще более остро стояли проблемы с обслуживанием женщин в дородовом и послеродовом периодах: на 1 акушерку приходилось около 8,5 тыс. населения. К этим негативным моментам добавлялось неудовлетворительное состояние существующих лечебных учреждений. Многие из них располагались в приспособленных помещениях, без необходимого оборудования. Например, в 1920 году при обследовании родильных приютов города Минска, комиссией отмечалось множество недостатков и отсутствие элементарных условий. Во втором родильном приюте отсутствовали «изоляционная» комната, водопровод в родильной, а в родильном отделении при 1-й городской Советской больнице срочно требовалось провести ремонт (протекали потолки, не работал туалет), не было специальной кровати для родов [9, л. 11]. Для оказания акушерской помощи не хватало даже самых элементарных вещей: мыла, пеленок, щеток для мытья рук, перевязочного материала, марли и ваты [9, л. 12].

Перед советским правительством также стояла задача скорейшей организации лечебных и профилактических медицинских учреждений профильного типа с целью снижения детской и материнской смертности, улучшения демографической ситуации в стране.

В Минске в 1912 году из 1000 родившихся умерло в возрасте до одного года 265 детей. Рождаемость на 1000 населения составляла в 1911–1913 годах 39 детей, а детская смертность на 1000 родившихся – 185 [5, с. 47]. Общий коэффициент смертности в Беларуси того времени был в полтора раза выше, чем в странах Европы и Америки, лишь в Польше, Венгрии, Румынии и Российской империи в целом смертность была выше, чем в Беларуси [11, с. 64].

Несмотря на значительные трудности в организации системы здравоохранения, слабую материальную базу молодой белорусской республики именно в исследуемый нами период был определен ряд важнейших направлений в деятельности государства. В качестве *приоритетных* были обозначены *вопросы борьбы с инфекционными и социальными заболеваниями, вопросы по организации охраны института материнства и детства, расширению сети профильных лечебных учреждений, укреплению их материальной базы и обеспечению медицинскими кадрами*.

Однако на реализацию данных направлений в области здравоохранения определенный отпечаток наложил период нэпа. В связи с дефицитом средств, выделяемых централизованно, в финансировании данной области стали преобладать другие источники (зачастую носившие нерегулярный характер): местный бюджет, страховые взносы, введение платы за лечение, пожертвования, средства, собранные общественными организациями. Действие данных факторов усугублялось трудностями финансового обеспечения сферы здравоохранения, что вело к возникновению задолженности по оплате труда, сокращению сети профильных учреждений и медперсонала. Например, в конце 1921 года в Витебской губернии задолженность по зарплате медработникам составляла 3–4 месяца, на 40 % уменьшилось количество коек в больницах, а к концу 1922 года – на 35 % был сокращен медперсонал [15, с. 23]. По республике в начале 1920-х годов зарплата медсестры составляла 38 % от довоенного уровня, а доктора – всего 11,4 %, что в среднем равнялось 36 руб., тогда как в хозрасчетных структурах среднемесячный заработок был около 63 руб. [6, с. 24].

В целом по республике все же наблюдалось незначительное расширение лечебной сети: если на 1922 год насчитывалось 42 больницы, то к концу 1923 года их было уже 56; из них учреждений по охране материнства и детства – 11 и 16 соответственно [5, с. 104–105]. В связи с появлением сети учреждений по охране материнства и детства наблюдалось улучшение демографической ситуации: детская смертность сократилась почти в два раза (с 180 ‰ в 1897 г. до 94 ‰ в 1924 г.). В 1923 и 1925 годах общий коэффициент рождаемости был самым высоким для Беларуси в XX веке – 41,6 ‰ и 41,2 ‰ соответственно [16, с. 70].

С каждым годом возрастали государственные расходы в области здравоохранения. Если в 1913 году расходы на охрану здоровья населения составляли всего 5 % бюджета Минской городской управы, то согласно смете Минского горисполкома в 1922/23 годах они составили 16,3 %, а в 1925/26 годах более 30 %, а по республике государственные вложения в область здравоохранения увеличились с 1734 тыс. руб. в 1923/24 годах до 4776,4 тыс. руб. в 1925/26 годах [3, с. 303]. Значительная часть этих средств выделялась для строительства специализированных учреждений по охране материнства и детства: родильных домов, женских и детских консультаций, домов ребенка и яслей. Например, в Минске к 1924 году уже работало 25 детских домов, а по всей территории Беларуси насчитывалось 15 консультаций, 9 домов матери и ребенка, 7 яслей в городах и 14 сезонных полевых яслей (открывались на период летних сельскохозяйственных работ) [3, с. 304].

Рост медицинских учреждений в БССР требовал комплектования их специалистами с высшим и средним медицинским образованием. В исследуемый период развитие среднего медицинского образования в Беларуси исходило из имевшихся с предвоенных лет возможностей и претерпело ряд качественных изменений. В начале 1920-х годов функционировали ранее действовавшие Могилевская и Минская фельдшерско-акушерские школы, Витебская акушерская школа. Причем Могилевская школа со своими традициями в обучении и воспитании, материальной и кадровой базой выгодно отличалась от других, являвшихся маломощными учебными заведениями.

В соответствии с решениями 1-й Всероссийской конференции по среднему медицинскому образованию, проходившей в 1922 году, в связи с острой нуждой в среднем медицинском персонале (в том числе и в учреждениях по охране материнства и младенчества), был сделан акцент на подготовку акушеров, сестер-воспитательниц, сестер по уходу за детьми разных возрастов. Подготовка таких кадров в республике осуществлялась по типу школьного и курсового обучения. Такие курсы в последующем были организованы в Витебске, Гомеле, Минске, Могилеве [15, с. 40].

В дальнейшем, уже на основании решений 2-й Всероссийской конференции по среднему медицинскому образованию (1926 г.), средние медицинские учебные заведения были реорганизованы в медицинские техникумы с единым сроком подготовки специалистов (акушерка – 3 года, медицинская сестра – 2,5 года). К концу 1920-х годов в Беларуси функционировали Могилевский медтехникум (акушерское с 1924 г. и сестринское с 1927 г. отделения), Минская школа медсестер (с 1927 г.).

В 1929 году была открыта Витебская профтехшкола медсестер. В декабре 1930 года ее переименовали в Витебский государственный медицинский техникум с фельдшерским и акушерским отделениями (дневная форма обучения) и краткосрочными курсами подготовки медсестер. В 1931 году состоялся первый выпуск медсестер (87 человек), а к 1939 году техникум снова был переименован в фельдшерско-акушерскую школу [2, с. 285]. В 1931 году медтехникум был открыт и в Бобруйске.

Потребность в медицинских кадрах в 1932 году была удовлетворена лишь на 45 %, что вынуждало государство искать решение в организации специализированных курсов. Подготовка среднего медицинского персонала часто проходила по ускоренной программе. Так, в 1930 году были организованы семимесячные курсы инструкторов по охране здоровья детей, шестимесячные курсы сестер для детских яслей, одногодичные курсы переподготовки санитарок в медицинских сестёр [15, с. 53].

На территории Беларуси до 1921 года не было высших учебных медицинских заведений. Первоначально предлагалось расширить медфак Смоленского университета, который бы готовил врачей и для Беларуси. Организация Высшей медицинской школы в Беларуси связана с открытием медицинского факультета в составе Белорусского государственного университета. Наркомпрос БССР в письме к заместителю Наркома здравоохранения РСФСР З.П. Соловьёву, обосновывая необходимость создания высшего учебного медицинского заведения, указывал на наличие условий для его открытия. После принятого Президиумом ЦИК БССР постановления об открытии Белорусского государственного университета (18 апреля 1921 г.) вопрос о подготовке врачей в Минске разрешился. Подчеркивалось, что ввиду ряда специфических особенностей Белоруссии в санитарно-гигиеническом отношении, а также в целях подготовки местных высококвалифицированных кадров врачей, в которых ощущается острый недостаток (особенно в области охраны материнства и детства), необходимо организовать медицинский факультет [12, л. 37].

Таким образом, с открытием медицинского факультета в составе БГУ у молодежи республики появилась возможность получения медицинского образования в пределах своего государства. После объявления правил приема (16 августа 1921 г.) на медфак БГУ стали поступать многочисленные заявления. За две недели на 250 мест было подано 1300 заявлений. Факультет начал свою работу 1-го ноября 1921 года. На первый курс было принято 293 студента и 36 кандидатов, но заявления продолжали поступать, поэтому прием студентов на первый курс был увеличен до 400 человек. В 1922/23 учебном году произошло комплектование 3-го курса из числа студентов медвузов, находящихся за пределами нашей республики, и пожелавших перевестись для дальнейшего обучения в Минск [8, с. 14].

Учитывая ограниченные финансовые возможности недавно вышедшей из полосы войн республики, в ее вузах, даже ранее чем в РСФСР, была введена плата за учебу. На заседании коллегии Наркомпроса БССР (в ведении которого поначалу находился и медфак БГУ) совместно с представителями БГУ и Белорусского политехнического института 10 апреля 1922 года было принято решение о введении платы за обучение. И хотя правилами приема такие меры не предусматривались, в середине учебного года они были реализованы. В декабре 1923 года Наркомпрос снова внес коррективы по вопросу платности в отношении БГУ и его медицинского факультета. В соответствии с решением студенты, принятые на платные места, должны были платить от 5 до 12 червонцев в год, а студенты, частично оплачивавшие учебу, – от 1 до 5 червонцев в год. Введение оплаты за учебу привело к сокращению числа студентов, а также повлияло в дальнейшем на обеспечение медицинскими кадрами учреждений охраны материнства и детства.

Увеличение приема студентов на медицинский факультет сдерживалось еще и тем, что БГУ находился в ведении Наркомпроса, который рассчитывал прием исходя из планов приема студентов непосредственно по своей специализации. Однако общее число студентов в институте с каждым годом все же увеличивалось. Если в первом учебном году их насчитывалось 400 человек, то через пять лет их количество выросло более чем в два раза. А в 1940 году в институте обучалось 2500 студентов [8, с. 15]. Среди студентов были представители различных социальных слоев и национальностей при тенденции преимущественного приема белорусов, а также студентов из числа рабочих и крестьян, прошедших предварительную подготовку на рабочем факультете.

Потребность в специалистах с медицинским образованием как в городе, так и районе, особенно в области охраны материнства и младенчества, вызывала необходимость увеличения набора студентов [14, л. 424]. Однако их число в начале 1920-х годов не соответствовало нуждам молодой республики и никак не могло удовлетворить возникающей потребности в данных специалистах в области охраны материнства и детства. Также серьезные трудности вызывало и то, что комплектование вузов проходило в условиях недостатка подготовленных абитуриентов. С этой целью с осени 1920 года появились рабфаки, предназначенные для подготовки пролетарской молодежи к поступлению в вузы. Рабфак БГУ был открыт 17 июня 1921 года. Рабочие факультеты (дневной и вечерний) функционировали и позже при Минском мединституте с 1934 по 1937 год. Организовывались и подготовительные курсы [8, с. 15]. Вступительных экзаменов на рабфак не было, но при приеме особое внимание уделялось «классовой проверке». С 1924 года значение проверок социального состава студентов увеличивается. Деятельность комиссий, которые также ведали вопросами оплаты обучения, все более принимала характер социальных чисток. Общественникам и активистам делались скидки при оценке успеваемости и оплаты учебы, студентам из буржуазной и интеллигентской среды нужно было соответствовать всем академическим требованиям. Такие процедуры чисток существенно корректировали численность и соотношение социальных групп в университете. Так, на медицинском факультете после таких проверок было исключено 177 и условно оставлено 93 студента. А первый набор студентов выявил низкую успеваемость среди поступивших, особенно из среды рабочих, крестьян и батраков. Из 400 человек, принятых в 1921 году, окончило медфак в 1926 году только 175. Первый выпуск врачей (21 специалист) из студентов III курса, сформированного в 1922–1923 годах, состоялся в 1925 году. К 1940 году на медицинском факультете БГУ было подготовлено около 3500 врачей [8, с. 15; 15, с. 41].

Несмотря на все существовавшие трудности, медфак БГУ занимал одно из ведущих мест среди других факультетов университета. В 1930 году он был выделен в самостоятельный медицинский институт и передан в ведение Наркомздрава БССР. Эта реорганизация обеспечила более тесную связь института с органами здравоохранения, позволила шире использовать лечебно-профилактические учреждения, в том числе и по охране материнства и младенчества, при подготовке квалифицированных врачей.

Все же число выпускников одного института не могло удовлетворить возрастающей в БССР потребности в специалистах с высшим медицинским образованием. Поэтому возникала необходимость в открытии нового высшего учебного заведения, которое также смогло бы заниматься подготовкой врачей. Начало истории медицинского института в Витебске можно отнести к появлению Решения СНК БССР от 6 января 1932 года «Об открытии при НКЗ заочного медицинского института» с опорными пунктами в Бобруйске, Витебске, Гомеле и Могилеве. Он просуществовал до ноября 1934 года, а затем был ликвидирован постановлением СНК БССР № 208 от 11 октября 1934 года [4, с. 4]. Витебский опорный пункт с 1 ноября 1934 года был преобразован в больницу-медвуз с очным стационарным обучением студентов. Сюда же были переведены студенты-заочники 1, 2, 3 годов обучения из Бобруйского, Гомельского, Могилевского и Витебского опорных пунктов, успешно сдавшие все экзамены. Датой основания института считается 1 ноября 1934 года. В 1938 году больница-медвуз была переименована в Витебский медицинский институт. В 1935 – 1940 годах институт осуществил 6 выпусков врачей-лечебников, общим числом 634 специалиста [4, с. 4]. За первые две пятилетки медицинскими институтами республики было подготовлено 2088 врачей, но увеличение числа медицинских кадров отставало от роста сети здравоохранения. Так, в 1938 году недостаток врачей в республике составил 2499 человек [17, с. 70].

Развитие системы высшего медицинского образования в республике способствовало созданию новой, научно обоснованной системы охраны материнства и детства, развитию сети лечебно-профилактических и воспитательных учреждений.

Здравоохранение республики нуждалось в неотложных научных исследованиях, направленных на сохранение и укрепление здоровья матери и ребенка, в специальной подготовке врачебных и средних медицинских кадров, скорейшем внедрении в практику научных разработок и новых организационных форм работы. В интенсификации нуждалось и санитарное просвещение населения по вопросам гигиенического воспитания детей, дородовой охраны плода и здорового образа жизни.

Для решения этих важных государственных задач Постановлением СНК БССР от 5 ноября 1931 года в Минске был создан Белорусский научно-исследовательский институт охраны материнства и детства. Базовыми учреждениями института были определены Дом ребенка с детской клиникой на 80 коек, детская консультация, детские ясли, молочная кухня, центральный детский диспансер (отдел старшего детства и подростков). На базе акушерско-гинекологических отделений 1-й и 2-й клинических больниц столицы располагался отдел материнства. Клинические филиалы института также были организованы в Витебске и Гомеле [13, с. 9]. В структурных подразделениях института создавались и апробировались новые организационные формы работы, внедрявшиеся затем в практику здравоохранения. В дальнейшем институт стал базой повышения квалификации врачей-педиатров и акушеров-гинекологов. По специальной двухгодичной программе институт в течение 8 лет вел подготовку квалифицированных медицинских сестер для детских лечебных профессиональных учреждений.

В центре внимания института находилась многопрофильная научно-исследовательская работа по решению актуальных для того времени социальных задач детского здравоохранения и родовспоможения в целом. В данном учреждении активно разрабатывались вопросы профилактики и лечения различных заболеваний у детей раннего возраста, акушерской патологии, снижения материнской и младенческой смертности. Несмотря на то, что институт формировался и начинал свою работу в сложных условиях того времени (эпидемии, детские инфекции, высокая материнская и младенческая смертность, бедность и низкая санитарная культура), данное учреждение внесло большой вклад в развитие педиатрии и детского здравоохранения, подготовку квалифицированных медицинских кадров, улучшение показателей здоровья детей и матерей, а также оказал значительное влияние на снижение заболеваемости, материнской и младенческой смертности.

В 1939 году в БССР (до включения в ее состав территории Западной Беларуси) насчитывалось 2566 врачей, что в 6 раз больше, чем в 1913 году, и 11823 средних медицинских работника – в 12 раз больше, чем в 1913 году. Важно отметить, что более трети из них было задействовано в области охраны материнства и детства [7, с. 16]. Количество женских и детских консультаций в Беларуси выросло до 226, в городах и сельской местности насчитывалось 497 яслей на 20,1 тыс. детей. Кроме того, на летний период в колхозах республики открывались сезонные ясли, которые вмещали более 150 тыс. детей. Более 37 тыс. детей рабочих и служащих находились в детских садах. Также для детей были организованы круглогодичный отдых и лечение в санаториях. На государственном содержании состоял 181 детский дом, где воспитывалось 14,8 тыс. детей. Благодаря принятым мерам детская смертность в республике по сравнению с 1913 годом сократилась более чем в два раза [18, с. 279–280].

Заключение. Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что к концу 1930-х годов была практически сформирована государственная система охраны материнства и детства, включавшая в себя широкую сеть профильных лечебных и воспитательных учреждений: родильные дома, женские и детские консультации, ясли, детские сады и площадки, детские дома. Подготовка необходимых кадров осуществлялась на краткосрочных курсах, в средних и высших учебных заведениях.

Значительный вклад в решение актуальных проблем детского здравоохранения и родовспоможения внес специально созданный в Минске научно-исследовательский институт охраны материнства и детства. Однако отсутствие необходимого опыта в организации системы здравоохранения, недостаточное ее финансирование со стороны государства в исследуемый нами период не позволило в полной мере обеспечить республику необходимым количеством высококвалифицированных специалистов в области охраны института материнства и детства и решить проблему детской смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев, А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР / А. Авдеев // Историческая демография: сб. ст.; редкол.: М.Б. Денисенко, И.А. Троицкая (ответств. ред.) [и др.]. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 14-й вып. – 300 с.
2. Витебскому медицинскому колледжу 80 лет / А.В. Цецохо [и др.] // Сестринское дело, здравоохранение, история медицины: проблемы и перспективы. – Гродно: Гродн. гос. мед. ун-т, 2010. – 353 с.
3. Бярэзкін, Ю. Гісторыя Мінска / Ю. Бярэзкін, А. Казявін, А. Крушынскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 688 с.
4. Дейкало, В.П. 75 лет учреждению образования «Витебский государственный Орден Дружбы народов медицинский университет» / В.П. Дейкало // Материалы XI респ. науч. конф. по истории медицины и фармации, Витебск, 3 нояб. 2009 г. / ВГМУ; редкол.: Э.А. Вальчук, Е.М. Тищенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РНМБ, 2009. – 180 с.

5. Итоги десятилетия советской власти в цифрах 1917 – 1927: стат. сб. – М.: Центральное стат. управление, б. г. – 520 с.
6. Каменштэйн, С.Д. Развіццё саюзу медсанпрацы і яго становішча да 10-годдзя існавання БССР / С.Д. Каменштэйн // Медычная думка. – 1929. – № 1. – С. 78.
7. Кардаш, И.Б. Медицинские кадры Белоруссии / И.Б. Кардаш // Здоровоохранение Беларуси. – Минск: Полымя, 1957.
8. Ключарев, А.А. Минский государственный медицинский институт / А.А. Ключарев. – Минск: Выш. шк., 1967. – 43 с.
9. Материалы о состоянии акушерской помощи в Белоруссии (протоколы, докладные записки, ведомственная переписка) // Национальный архив Респ. Беларусь (НАРБ). – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 69.
10. Протоколы совещания главврачей лечебных учреждений г. Минска о сокращении числа коек и медперсонала в больницах города в связи с продовольственным и топливным кризисом и эвакуацией красноармейцев 1920–1921 гг. // НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 37.
11. Раков, А.А. Население БССР / А.А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 219 с.
12. Сведения Наркомздрава БССР о сети детских школьных, дошкольных и лечебных учреждений в г. Минске // НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 135.
13. Семьдесят лет научно-исследовательскому институту охраны материнства и детства Минздрава Беларуси / Г.А. Шишко [и др.] // Охрана материнства и детства. – Витебск: Витебск. гос. мед. ун-т, 2000.
14. Тезисы по докладу «Рациональное построение сети Охматмлада» // НАРБ. – Фонд 4-п. – Оп. 1. – Д. 2379.
15. Тищенко, Е.М. История здравоохранения Беларуси в XX веке / Е.М. Тищенко. – Гродно: Гродн. гос. мед ин-т, 2001. – 154 с.
16. Урбан, М.М. Рождаемость в Беларуси: эволюция, тенденции, прогноз / М.М. Урбан // Социология. – Минск, 1997.
17. Шишко, Е.И. Высшее медицинское образование и рост врачебных кадров в БССР / Е.И. Шишко // Вопросы истории и здравоохранения БССР. – Минск: Минск. гос. мед. ин-т, 1960. – 110 с.
18. Экономика советской Белоруссии 1927–1967 / редкол.: Ф. Мартинкевич [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1967. – 368 с.

Поступила 10.09.2013

**PREPARATION OF MEDICAL STAFF IN THE FIELD OF MOTHERHOOD
AND CHILDHOOD PROTECTION IN BSSR (THE 1920–THE 1930s):
STATE, PROBLEMS**

M. KALINOUSKAYA

The process of formation and development of the system of training of medical staff in the field of motherhood and childhood protection in BSSR in 1920–1930th is considered. The crisis state of health care at the beginning of the studied period is noted. Information on the measures taken by the state on the solution of this problem are provided: increase in financing, establishing a wide network of specialized medical and educational institutions on the protection of motherhood and childhood, preparation of necessary staff on short-term courses, in averages and higher educational institutes. However, an absence at the government of the young republic of necessary experience in the health system organization, its insufficient financing (primary financing of industrialization) didn't allow fully providing the country with necessary number of highly qualified specialists in the field of motherhood and childhood protection.

УДК 94(476.5)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКИМАНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ (ВОЛОСТНОЙ) УПРАВЫ
ПОЛОЦКОГО РАЙОНА В СТРУКТУРЕ ОККУПАЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
НА ТЕРРИТОРИИ ТЫЛОВОГО РАЙОНА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» В 1941–1944 ГОДАХ**

**канд. ист. наук А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)**

Несмотря на наличие значительного количества работ, в которых рассматривалась проблема структуры нацистских оккупационных органов власти на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, остаётся много связанных с ней малоисследованных вопросов. Исследуемая тема разрабатывалась в основном в рамках всей территории республики, не затрагивая региональный её аспект. В связи с этим объектом в данной работе выступает деятельность Экиманской сельской (волостной) управы в структуре оккупационных органов власти на протяжении всего периода нацистской оккупации Беларуси (1941–1944 гг.). Основными источниками для проведения исследования являются данные Государственного архива Витебской области, в частности фонд № 2813 Экиманской волостной управы Полоцкого района Витебского округа.

Введение. В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими оккупантами на территории Беларуси наряду с гражданским (западные районы) и военным (восточная часть) руководством была организована и местная структура власти для наиболее эффективной эксплуатации занятых земель. Исследование данной проблемы на региональном уровне представляется нам актуальной. Более того, город Полоцк и территория Полоцкого района в этом плане представляет собой отдельный интерес, так как архивный материал, касающийся рассматриваемого нами вопроса, фактически отсутствует, за исключением дел по Экиманской сельской управе, сохранившихся практически в полном объёме. Исходя из этого можно заключить, что данная тема является малоисследованной.

Сведения, полученные из Государственного архива Витебской области (фонд 2823, оп. 1, ед. хр. 1–4) по Экиманской волостной управе, дают нам общую картину деятельности оккупационных органов власти в рамках Полоцкого района в условиях военной администрации на территории зоны тыла группы армий «Центр».

Основная часть. Известно, что *территория Беларуси* была расчленена нацистами для удобства их управления. Что касается территории Витебской области в современных её границах, то она вошла в состав трёх административных единиц: Генеральный округ «Литва» (частично Поставский район); Генеральный округ «Беларусь» (частично Поставский, Шарковщинский, Браславский, Глубокский, Миорский, Докшицкий районы); тыловой район группы армий «Центр» (Бешенковичский, Витебский, Городокский, Верхнедвинский, Дубровенский, Лепельский, Лиозненский, Оршанский, Полоцкий, Россонский, Сенненский, Толочинский, Ушачский, Чашникский, Шумилинский районы).

Таким образом, интересующая нас территория Экиманского сельского совета Полоцкого района осенью 1941 года оказалась в подчинении военного командования зоны тыла группы армий «Центр» во главе с М. фон Шенкендорфом.

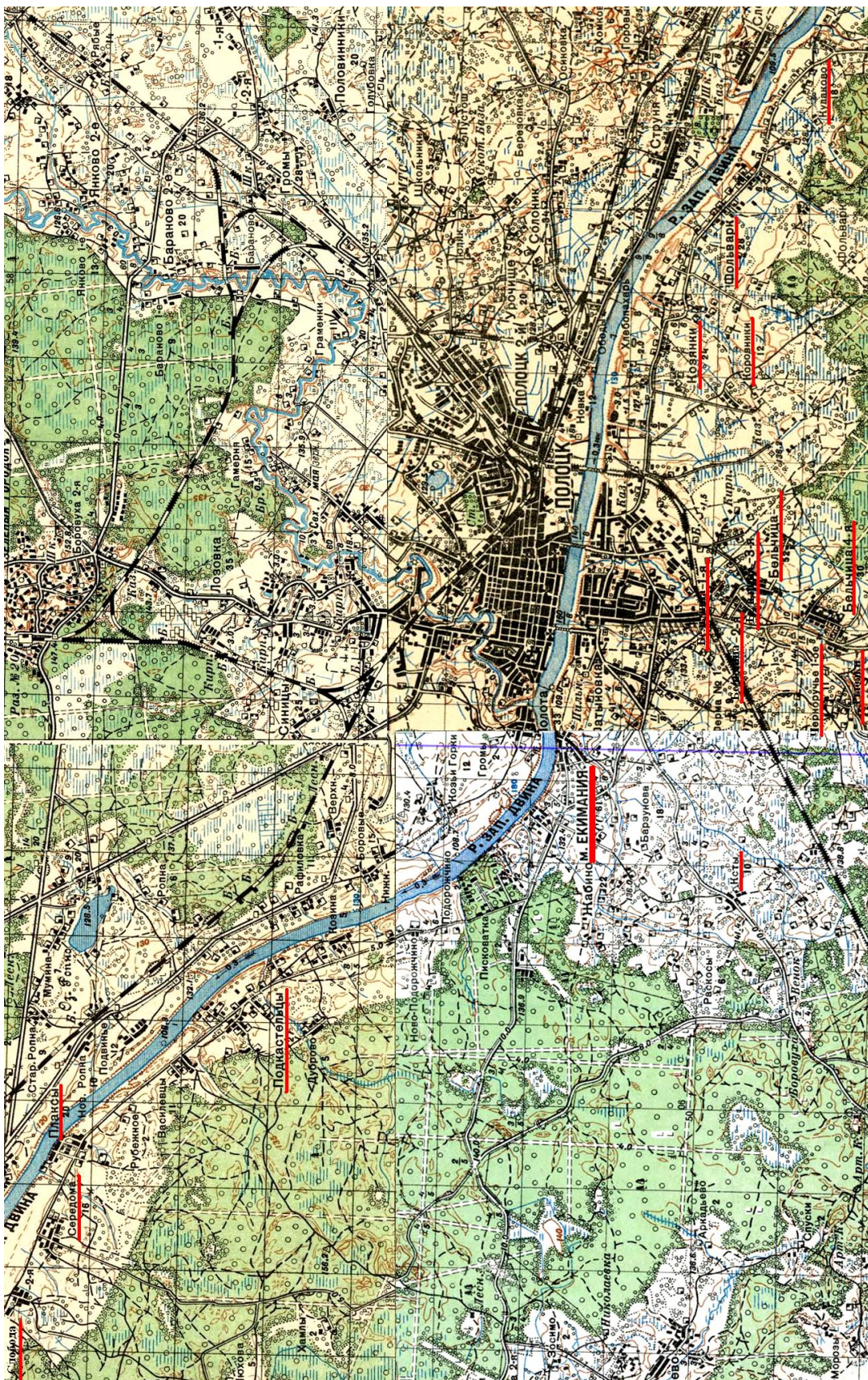
Территориально в состав Экиманской сельской (волостной) управы на момент 1 января 1942 года входило несколько колхозов: «КЗ “Ильич” с деревнями Слобода, Середома, Плакса; КЗ “Чырвоная Зорка”; КЗ “Ливинова”; КЗ “Кирова” с деревнями Бельчица-1, Бельчица-2, Бельчица-3, Бельчица-4, Рыбаки; КЗ “Чапаев”; КЗ “Ленинизм”; КЗ “Будённого”; Совхоз “Коровники”, а также само местечко Экимань с общим количеством населения 2 912 чел., из них – 1 292 муж., 1 620 жен.» [1, л. 1].

Согласно сведениям от 25 мая 1943 года на территории Экиманской сельуправы проживало уже 2 389 чел., из них мужчин и женщин старше 14 лет – соответственно 609 и 880 чел., инвалидов – 46 мужчин и 40 женщин, детей до 12 лет – 711 чел., от 12 до 14 лет – 103 чел. [2, л. 46]. Что касается национального состава, то на момент 1943 года на этой территории проживало белорусов – 2 615 чел., русских – 5 чел., украинцев – 15 чел., поляков – 18 чел. [2, л. 151]. Следует отметить, что статистические данные о количестве населения в архивных документах во многих случаях даны приблизительно, о чём свидетельствуют соответствующие записи. Кроме того, при выполнении подсчётов итоговые цифры имеют ряд несоответствий с приведёнными числами в самой таблице. Это свидетельствует, на наш взгляд, о низком уровне образованности работников, занимающих определённые должности в местном управлении.

В 1943 году согласно распоряжению № 252 Ортскоменданта от 25 сентября к Экиманской сельуправе были присоединены деревни Фольварок и Кулаково [2, л. 151]. К сожалению, данные о количестве хозяйств или населения, проживающего в обозначенных выше населённых пунктах, в архивных сведениях отсутствуют.

Таким образом, подконтрольными руководством исследуемой нами сельской управы были следующие деревни (или общины): Бельчица-1, Бельчица-2, Бельчица-3, Бельчица-4, Коровники, Козьянки,

Ксты, Кулаково, Подкостельцы, Черноручье-1, Фольварок, местечко и деревня Экимань, деревни Плаксы, Рыбаки. Следует отметить, что последние две деревни в документах 1943 года отсутствуют, о чем свидетельствует и составленная автором карта (рисунок).

Карта Экиманской сельской (волостной) управы

Источник: Карта составлена автором на основе карты Генерального штаба 1937 года БССР. Витебская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://giscatalog.ru/skachat/3-skachat-dovoenne-karty-belarusi.html>.

Структура. Для поддержания порядка в распоряжении руководства зоны тыла группы армий «Центр» находились 59-й армейский корпус (штаб в Витебске) и 4 охранные дивизии. В качестве оккупационных исполнительных органов власти выступали полевые комендатуры (фельдкомендатуры) и местные комендатуры (ортскомендатуры). На 1942 год их насчитывалось 11 полевых, в том числе и в Полоцке, и 23 местных. Им, в свою очередь, подчинялись органы вспомогательной местной администрации: областные (окружные), городские, районные, волостные управления и общины (деревни). Наименования руководителей этих административных органов были различными: бургомистры, городские головы, городские и районные начальники, старосты и т.п. [3, с. 113].

Так, первые архивные сведения о деятельности Экиманской сельской управы, подчинявшейся Полоцкой уездной управе под управлением Шефера (ноябрь – декабрь 1941 г.), относятся к концу октября 1941 года [4].

Аппарат волостных управ был представлен бургомистром, его заместителем и писарем, кое-где предусматривался и обслуживающий персонал (уборщик, конюх, сторож); также в состав волостной администрации включались местные полицейские [3, с. 122]. Сведения о количестве сотрудников по Экиманской сельской управе в целом представлены в таблице 1.

Таблица 1

Штат и ставки заработной платы по Экиманской сельской управе на 1942 год

№	Должность	Количество, чел.	Ставка, руб.
Управа			
1	Бургомистр	1	300
2	Писарь	1	250
3	Почтальон	1	200
4	Старший полицейский	1	350
5	Полицейский	3	250
6	Сторож	1	200
7	Налоговый агент	1	250
Ветеринарные участки			
1	Зам. ветврача	–	–
2	Фельдшер	–	–
3	Санитары	–	–
Медицинские участки			
1	Врач	–	–
2	Зубной врач	–	–
3	Фельдшер	–	–
4	Акушерка	–	–
5	Санитарка	–	–
Школы			
1	Учитель	9	350
2	Сторож	6	120

Источник: [1, л. 5].

Из данных таблицы видно, что аппарат самой управы был вполне укомплектованным; чего нельзя сказать о ветеринарном и медицинском участках.

Отбор на должность бургомистра и его заместителей производился исключительно немецкими оккупационными властями. При этом, несмотря на повсеместное стремление к контролю, в отношении к определению профессиональной пригодности претендентов на должности они были вынуждены чаще всего доверять их личным свидетельствам. Бургомистры, кроме подачи своей биографии, должны были заполнять персональную анкету, в которой, кроме личных данных, содержались пункты об отношении к военной службе, профессии и специальном образовании. В тех случаях, когда не было никаких принципиальных замечаний со стороны СД по вопросам безопасности или доносов, проверка ограничивалась поверхностным просмотром дела. В качестве другого критерия рассматривались пожелания местного самоуправления. В этом отношении очевидным было стремление задействовать на публичной службе исключительно белорусов [5, с. 140]. Так, во главе администрации Экиманской управы с 1943 года находился С. Муляренко (по основной профессии – землепашец), в должности секретаря – К. Бутько

(по основной профессии – счетовод) [2, л. 183]. Данных о тех, кто ранее занимал посты, обозначенные выше, не имеется.

На уровне волостной управы администрация распоряжалась небольшим бюджетом, из которого выплачивались зарплаты бургомистру, сотрудникам управы и школьного отдела, а также службе безопасности [5, с. 140].

Что касается заработной платы, то бургомистр получал 300 руб., немногим больше плата труда была у школьного учителя и старшего полицейского – по 350 руб. (см. табл. 1). В то время как для сельских жителей в зоне тыла группы армий «Центр» подушный налог составлял 200 руб., земельный – 200 руб. с гектара, подворный – 120 руб., налог на собаку – 200 руб. и 300 руб. за каждую последующую, налог на печную трубу – 5 руб., дорожный – 50 руб. и т.д. [6, с. 320]. Кроме того, следует отметить, что служащим и рабочим волостной администрации выдавался паек, о чем свидетельствуют списки Экиманской сельской управы на 1943 год [2, л. 183].

В случае болезни служащего «согласно бюллетеню зарплата выплачивалась в размере 100 % месячной ставки в течение 2-х месяцев со дня заболевания»; по истечении данного срока выплата по бюллетеню прекращалась [7, л. 29].

Имущество канцелярии Экиманской сельской управы было более чем скромным, о чём свидетельствует опись: канцелярский стол – 2 шт. (130 руб.); стулья – 5 шт. (125 руб.); шкафы – 2 шт. (100 руб.); несгораемый ящик (количество и его стоимость в документах отсутствуют – А. К.) [2, л. 33].

Деятельность. Руководство сельской управы в отличие от районной и окружной администрации не являлось самостоятельно действующим органом власти с определённой долей инициативы. Основная задача бургомистров сельских или волостных управ – беспрекословное исполнение приказов и рекомендаций вышестоящих оккупационных управленческих структур.

В компетенцию Экиманской сельской администрации в первую очередь входил сбор различных продовольственных налогов и поставок на нужды немецкой армии и отправка их в район.

Например, «для обеспечения воинских частей и железной дороги топливом и строительным лесоматериалом» устанавливался следующий план деятельности администрации (табл. 2).

Таблица 2

План заготовок и вывозки леса по Экиманской сельской управе на ноябрь–декабрь 1941 года

Выполняемые работы	План в кв. м	В том числе		Ежедневный выход	
		ноябрь	декабрь	лесорубов	подвод
Заготовка	2 500	1 000	1 500	20	–
Вывозка	2 500	1 000	1 500	–	40

Источник: [4, л. 9].

Кроме того, в этот же период «каждое коллективное хозяйство обязано заготовить и вывезти по 30 кв. м берёзовых дров, которые в течение зимы необходимо высушить и распилить на чурки, пригодные для газогенераторных тракторов» [4, л. 1]. Причём за «несвоевременную сдачу государственных поставок по доведённым обязательствам на 1941 год будут начислены пени и призваны к ответу по законам военного времени бургомистры районов, сельских советов, агрономы и заведующие хозяйствами» [4, л. 15]. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1944 года и с каждым годом только усугублялась.

Помимо вышеперечисленного, руководство Экиманской сельской управы «должно заставить местное население сдать названную зимнюю одежду, зарегистрировать сданные вещи, а 30 декабря 1941 года сдать их в ортскомендатуру г. Полоцка»: шерстяных перчаток – 50, меховых перчаток – 20, меховых пальто – 30, полушубков – 30, меховых жилеток – 20, меховых шапок – 50, ватных брюк – 50, ватных поддёвок – 50, меховых валенок – 10, валенок – 50, мешков для ног – 5, меха – 100. В случае если количество вещей будет недостаточным, «бургомистр должен изъять их» [4, л. 1].

В обязанности бургомистра входило не только обеспечение всем необходимым войск немецкой армии, находившихся на данной территории для охраны порядка, но и обеспечение военнопленных близлежащих концлагерей. Так, согласно приказу Полоцкого районного руководства (декабрь 1941 г.) «предложено немедленно организовать сдачу картофеля колхозами Вашей (Экиманской – А. К.) сельуправы в количестве 21 тонны в концлагерь военнопленных Боровуха-1 в виде оказания помощи

военнопленным» [4, л. 23]. Или «срочно сдать в лагерь военнопленных (Боровуха-2) по 5 тонн соломы» от каждой сельской управы Полоцкого района [4, л. 24].

Приписка и выписка населения в рамках подконтрольной территории также входила в сферу деятельности бургомистров сельских управ: «На основании прописки и выписки бургомистры обязаны вести реестр жителей. В реестре должны быть указаны: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, профессия, национальность, подданство, вероисповедание, бывшее местожительство и настоящее местожительство при выписке, номер паспорта» [8, л. 5]. Выдача документов также была в компетенции руководства сельской управы. Известно, что паспорта при «новом порядке» на территории Беларуси в зависимости от зоны оккупации заполнялись на двух языках: немецком, которым чаще всего бургомистры не владели в полной мере. Для этого привлекались люди со стороны с оплатой, в два раза превышающую месячный заработок руководителя управы, о чём свидетельствует распоряжение полевой комендатуры г. Полоцка: «... лицу, заполняющему паспорта на русском и немецком языках, не состоящему на службе в Вашей сельской управе, должны оплачивать зарплату из расчёта 600 руб. в месяц за счёт взимаемых денег от граждан за паспорта по 5 руб. за каждый паспорт» [2, л. 13].

Руководство Экиманской сельской управы занималось также регистрацией и реализацией местного поголовья скота. Например, оставшихся бесхозяйственных коров и другого скота на своей территории предложено вышестоящим руководством «немедленно собрать и доставить на хозяйство г. Полоцка «Коровники», а на оставленные составить списки и продать с торгов на месте; вырученные деньги сдать в банк» [4, л. 10]. Что касается лошадей, то «в связи с наступлением стойлового периода и нерентабельностью кормления непригодных к дальнейшему содержанию и эксплуатации составить соответствующие акты с ветеринарным персоналом, и всех непригодных лошадей отправить на конебазу» [4, л. 13].

В случае природных стихий бургомистры обязаны были организовывать подконтрольное им население для борьбы с подобными явлениями. Так, «в целях борьбы с наводнением и спасением мостов на реках Полоцкого района необходимо немедленно зарегистрировать имеющиеся у населения лодки и шанцевый инструмент, канаты, а также организовать бригады по борьбе с наводнением» [7, л. 33]. Кроме того, «большие дороги, проходящие по территории Вашей управы, регулярно должны очищаться от снежных заносов», и «держат их всегда годными для движения автотранспорта» [7, л. 8].

Ведение учёта и распределение конного транспорта, соответственно надзор за выполнением гужевой повинности, также входил в задачи бургомистра управы [7, л. 89].

Кроме того, волостным управам поручалось отдавать распоряжения и приказы деревенским старостам (согласовывая их с районным начальником), вести учёт личного состава работников волости, имущества волостных и общинных (сельских) складов, предоставлять необходимые сведения по налогообложению в районный финотдел, а также собирать и предоставлять сведения в отдел попечения обо всех нетрудоспособных гражданах [3, с. 123]. А в летнее время года помимо всех других обязанностей бургомистр должен был следить за сбором лекарственных трав согласно составленному перечню в Полоцкой райуправе [2, л. 77].

Для более оперативного обмена информацией Приказом № 35 от 31 октября 1941 года между учреждениями города Полоцка и сельскими управами Полоцкого района, в том числе и Экиманской, была налажена почтовая связь. В свою очередь, управа должна была через день каждого чётного числа присылать почтальонов к 10 часам утра для сдачи и приёмки почты. Данным видом связи имели право пользоваться только бургомистры, агрономы и заведующие хозяйствами, приём и пересылка от частных лиц почты строго запрещались [4, л. 19].

Каковым был рабочий график Экиманской сельской управы судить сложно, так как сведения в архивных материалах отсутствуют. Очевидно, что в условиях военного времени рабочий день был ненормированным. Известно, что во время религиозных праздников, в частности «22 апреля 1943 г., рабочий день оканчивался в 13 часов. Первый и второй дни Пасхи считались нерабочими днями» [2, л. 23].

Таким образом, в заключение данного исследования можно сделать следующие **выводы**:

- территория Экиманской сельской (волостной) управы во время немецко-фашистской оккупации 1941–1944 годов была подконтрольна Полоцкой районной управе, входившей в зону тыла группы армий «Центр» во главе с военным руководством генерала М. фон Шенкендорфа. Количество деревень (общин), на которые распространялась деятельность Экиманской администрации, на протяжении всего периода нацистской оккупации фактически не изменялось: Бельчица-1, Бельчица-2, Бельчица-3, Бельчица-4, Коровники, Козьянки, Ксты, Кулаково (присоединена в сентябре 1943 г.), Подкостельцы, Черноручье-1, Фольварок (присоединена в сентябре 1943 г.), местечко и деревня Экимань, Плаксы, Рыбаки (в списках 1943 г. отсутствуют) – с населением на момент 1 января 1942 года приблизительно 2 912 человек;

- аппарат Экиманской сельской управы был представлен бургомистром, писарем (в некоторых документах – секретарь), почтальон, старший полицейский, 3 полицейских, сторож и налоговый агент.

Бюджет формировался в основном за счёт взимания налогов за различные виды услуг местному населению (прописка, выписка, регистрация браков и разводов, выдача паспортов и т.д.). Из него же формировалась статья по заработной плате администрации. Кроме того, всем сотрудникам сельской управы выдавался паёк с учётом количества членов их семей;

- основными задачами в работе администрации Экиманской сельской управы являлись сбор налогов и организация поставок для нужд оккупационных властей, а также для военнопленных концлагерей, расположенных на близлежащей территории; регистрация прописки и выписки населения, а также составление различной отчётной документации и т.д. Фактически сельская управа была создана для более эффективного использования ресурсов в рамках малой административно-территориальной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказы, распоряжения и указания Полоцкой райуправы. Отчёты, докладные списки, сведения о поступающих и сборам налогов. 1 января–29 декабря 1942 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы. Акты, списки, сведения и др. по хозяйственным вопросам Экиманской с/управы. 2 января–9 декабря 1943 г. // ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Беляев, А.В. Местная коллаборационистская администрация как составная часть нацистского оккупационного режима в Беларуси (1941–1944 гг.) / А.В. Беляев // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. Кн. 1. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – С. 114–134.
4. Приказы, распоряжения, отношения и др. ВИ-КО-Витебск и руководителя уездной управы. Ноябрь – декабрь 1941 г. // ГАВО. – Фонд 2825. – Оп. 1. – Д. 1.
5. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941 – 1944 г.) / Б. К'яры; перакл. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – 2-выд., папраўл. – Мінск, 2008. – 390 с.
6. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. кол.) [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
7. Распоряжения и указания Полоцкой райуправы. Акты, списки, сведения и др. по хозяйственным вопросам Экиманской с/управы. Октябрь – декабрь 1941 г. // ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Приказы и распоряжения германских властей по хозяйственным и административным вопросам. Сентябрь 1942 г. – ноябрь 1943 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 562. – Оп. 1. – Д. 3.

Поступила 11.11.2013

EKIMANSKOY RURAL ACTIVITIES (PARISH) TO ADMINISTER THE POLOTSK DISTRICT OCCUPATION IN THE STRUCTURE OF AUTHORITIES IN THE REAR AREAS OF ARMY GROUP “CENTER” IN 1941–1944

A. KORSACK

Despite the presence of a significant amount of work, which addresses the problem of the structure of the Nazi occupation authorities in Belarus during World War II, there are still many unexplored related issues. It should be noted that the studied theme was developed mainly within the whole territory of the republic, without affecting the regional aspect of it. In connection with this object in this article is the work of rural Ekimanskoy (parish) council in the structure of the occupation authorities throughout the period of the Nazi occupation of Belarus (1941–1944). The main sources for the study are the data of the State Archives of Vitebsk region, in particular the fund number 2813 Ekimanskoy parish council Polotsk district Vitebsk region.

УДК 94(476+497.1):341.232.7

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ БЕЛОРУССКО-ЮГОСЛАВСКИХ (СЕРБСКО-ЧЕРНОГОРСКИХ) КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В 1991–2006 ГОДАХ*канд. ист. наук, доц. П.В. МАЛАШУК**(Белорусский государственный экономический университет, Бобруйский филиал)*

Вопросы культурного сотрудничества занимают важное место в общем комплексе актуальных проблем развития международных отношений. Предметом настоящего исследования является культурный вектор внешней политики Республики Беларусь в отношении Союзной Республики Югославии, Сербии и Черногории. Анализируются организационно-правовой, концептуальный, практический аспекты двустороннего культурного сотрудничества. Отмечаются трудности, не позволившие полностью использовать имевшийся культурный потенциал. Вместе с тем культурный обмен между государствами, народами, творческими коллективами в анализируемый период приобрел заметное оживление. Его отличительной чертой стало участие белорусских и сербских артистов, творческих коллективов, кинематографистов, художников в различных фестивалях и конкурсах, проходивших как в Беларуси, так и в Югославии, Сербии и Черногории. Большинство использованных источников впервые введено в научный оборот, что позволило сделать принципиально новые выводы и оценки.

Введение. Международные культурные связи наряду с политическими и торгово-экономическими являются одной из важнейших составных частей международных отношений. Они помогают народам лучше узнавать друг друга, способствуют их сближению, содействуют нормализации отношений между государствами. В 1991 году Республика Беларусь стала полноценным субъектом международных отношений и международного права, а Союзная Республика Югославия (СРЮ) – начала де-факто существовать в ее тогдашних границах. Культурные контакты (февраль 2003 – май 2006 г.) Республики Беларусь и Союзной Республики Югославии, а затем Сербии и Черногории (СиЧ) в период с 1991 по 2006 год охватывали все сферы культурного сотрудничества: проведение информационно-культурных мероприятий, литературные, художественные, музыкальные связи. Культурные отношения двух стран находились в тесной связи с развитием сотрудничества в политической, экономической и других областях.

Анализируемое культурное сотрудничество в рассматриваемый период имело свои особенности, составляющие главный аспект предмета данного исследования, цель которого – осуществить системную реконструкцию внешней культурной политики Республики Беларусь в отношении СРЮ и СиЧ в 1991–2006 годах. Подобная реконструкция является новаторской в исторических изысканиях.

Ключевой сегмент источниковой базы исследования составляет массив, впервые вводимый в научный оборот. В него входят источники, выявленные автором в Архиве Министерства иностранных дел Республики Беларусь и текущем архиве Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Войдя в единый комплекс вместе с уже опубликованными источниками, они дали основу для принципиально новых выводов и оценок.

Научная новизна данной работы предопределяется прежде всего состоянием исследования её предмета в научном сообществе. Конечно, нельзя не отметить, что весомый вклад в исследование проблем литературы, культуры народов бывшей СФРЮ внес И.А. Чарота, доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры, заведующий кафедрой славянских литератур Белорусского государственного университета. Чарота – специалист в областях славистики, сравнительного литературоведения и культурологии, межнациональных связей, художественного перевода, член Союзов писателей Беларуси, Сербии и России, литературовед, критик, публицист, переводчик. С 1971 года он занимается переводами с сербского, хорватского, словенского, македонского, русинского языков, является автором свыше 450 научных и литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов на белорусский, русский и сербский языки (в том числе более 40 книг).

Белорусско-югославские (сербско-черногорские) культурные связи в 1991–2006 годах, которые идентичны предмету нашего исследования, практически не изучены в научном сообществе. О них только фрагментарно упоминается в некоторых публикациях.

Основная часть. В первой половине 1990-х годов потенциал культурных связей был использован незначительно, что, естественно, объяснялось внутриюгославскими и международными реалиями. Этот период, как отмечал министр культуры Сербии Джокко Стоичич, «был наполнен самыми драматическими событиями: санкции и блокада, исключение Югославии из всех международных организаций и ассоциаций, прекращение культурно-просветительских, научных связей страны с миром» [1]. На развитие культурных связей Республики Беларусь и СРЮ в значительной степени воздействовал и тот факт, что обе

страны проходили через глубокий процесс существенных перемен общественно-экономических отношений, которые порождали целый ряд сложностей. Положение в СРЮ было осложнено дезинтеграционными тенденциями, которые исходили из Косово, Воеводины, Черногории, неприкрытым давлением со стороны НАТО, что в конечном итоге привело к агрессии против Югославии в 1999 году. В середине 1990-х годов Беларусь избрала особый путь социально-экономического развития, это предопределило дистанцирование от нее со стороны Запада. Несмотря на то, что культурный обмен между странами не приобрел системный характер, имели место события, которые можно отметить как значимые.

Во-первых, с началом регулярного проведения с 1992 года в Витебске международного фестиваля «Славянский базар» югославские артисты являются его постоянными участниками и гостями.

Во-вторых, в 1993 году в Югославии была издана «Антология белорусской поэзии», составленная белорусским славистом И. Чаротой [2]. В Беларуси широко отмечалось 100-летие известной югославской поэтессы Десанки Максимович, поэзия которой многочисленными узами связана с белорусской культурой. Союз писателей Беларуси заключил договор и протокол о сотрудничестве с писательской организацией Сербии (1995 г.), который предусматривал взаимную информацию о важнейших событиях в литературной жизни, о творческих мероприятиях и встречах в странах-партнерах, а также возможности участия в них, поддержку взаимных переводов, обмен делегациями.

В-третьих, важной политической предпосылкой продуктивного сотрудничества стало установление между странами в ноябре 1994 года дипломатических отношений.

В результате усилий руководства обоих государств были созданы определенные условия для развития отношений в культурной сфере, сформирована договорно-правовая база. Основу ее составили Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Союзной Республикой Югославия, Соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры, спорта и туризма, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве. В Договоре о дружбе и сотрудничестве отмечалась культурная, историческая и духовная близость народов двух стран [3]. Для развития сотрудничества в культурной сфере большое значение имело Соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры, спорта и туризма [4]. Обе стороны, подписавшие документ, заявляли о своем стремлении к расширению и совершенствованию культурных связей. Важным стимулом для более тесного культурного сотрудничества, а также для взаимных поездок граждан, явилось то обстоятельство, что между Республикой Беларусь и Республикой Сербия с февраля 2000 года действует безвизовый режим.

Значительное место в налаживании культурных связей между Республикой Беларусь и Союзной Республикой Югославией занимала деятельность Белорусского Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами (БелОД), которое осуществляло активные контакты с общественностью Югославии, содействовало развитию связей между творческими организациями двух стран, участвовало в проведении различных культурных мероприятий. Благодаря содействию БелОД в декабре 1996 года в выставочном зале Российского культурного центра (РКЦ, или «Русский дом») открылась выставка картин белорусских художниц С. Катковой и З. Луцевич [5]. В Минске 16 октября 2006 года на вечере под названием «Душа Сербии в любви и поэзии» отмечалось 250-летие со дня рождения Йована Стерии Поповича, известного сербского писателя, драматурга, просветителя, основателя Сербской академии наук и искусств и Национального музея Сербии. Важной общественной структурой, способствующей установлению и развитию культурных контактов двух стран, стало общество дружбы «Беларусь – Союзная Республика Югославия», созданное в 1996 году, а затем – Общество белорусско-сербской дружбы во главе с председателем, профессором И. Чаротой. Главный партнёр БелОДа на югославском направлении – возглавляемое профессором Белградского университета Ягошем Пуричем Общество сербско-белорусской дружбы. Этими общественными организациями были успешно реализованы десятки проектов, направленные на укрепление традиционных белорусско-сербских отношений, среди них: фестивали, выставки, творческие встречи артистов, вечера дружбы, встречи ветеранов.

Развивались двусторонние отношения и между другими неправительственными организациями Республики Беларусь и СРЮ. В мае 1998 года была создана Ассоциация югославско-белорусского сотрудничества «Беларусь – Югославия XXI век» (АЮБС), в которую вошли крупные югославские предприниматели, директора фирм и заводов, журналисты, общественные деятели, представители органов государственного управления и Сербской Православной Церкви. Ассоциация фактически объединила большинство хозяйственников и общественных деятелей Югославии, тем или иным образом связанных с Беларусью и действительно заинтересованных в развитии сотрудничества между странами, и взяла на себя миссию информирования югославской общественности о социально-политической и культурной жизни Беларуси, поставив перед собой задачу расширения и активизации югославско-белорусского экономического сотрудничества [6].

Расширялись связи и между творческими коллективами Беларуси и Югославии. В Минске с 24 мая по 2 июня 1996 года состоялся Пятый международный кинофестиваль славянских и православных народов, на котором были широко представлены югославские кинофильмы. В состав югославской делегации

входили известные режиссеры и артисты: режиссеры Горан Паскалевич и Никола Майдак, актеры Стэво и Ивана Жигон. Югославские кинематографисты участвовали и в IV международном фестивале женского фильма, проходившего в Минске в 1997 году.

Большой интерес белорусов к сербской культуре и искусству показали «Дни сербского кино», которые впервые прошли в мае 2006 года в нашей стране. Белорусские зрители имели возможность познакомиться с лучшими произведениями сербского кинематографа: «Случай Хармса» (режиссер Слободан Пешич); «Кто-то там поет» (режиссер Слободан Шиян); «Белый костюм» Лазаря Ристовски. Особое место в программе заняла кинолента «Андеграунд» Эмира Кустурицы, которая завоевала на Каннском фестивале «Золотую пальмовую ветвь» (1995 г.) и положила начало новому направлению в развитии европейского кино. В афише «Дней сербского кино» были представлены фильмы, снятые в период с 1980 по 1999 год. В них отображен период глубоких политических, экономических и общественных перемен в жизни Югославии и сербского народа [7]. Большую известность в Беларуси получила ведущая актриса Белградского Народного театра Ивана Жигон, автор телевизионного фильма «Земля под белыми крыльями», посвященного Беларуси и Президенту А.Г. Лукашенко. Сербские кинематографисты традиционно принимали участие в Минском международном кинофестивале «Листопад». Фильмы сербских кинематографистов увидели также жители Могилева и Бреста.

В 2006 году произошло событие, несомненно положительно повлиявшее на дальнейшее развитие сотрудничества между кинематографистами двух стран. Белтелерадиокомпания приобрела 29 сербских фильмов и 1 тринадцатисерийный телевизионный сериал, показ которого вскоре и состоялся. На середину мая 2006 года на Первом Национальном телеканале был запланирован показ сербских фильмов. По мнению сербской стороны, это мощный прорыв сербского киноискусства на территорию Беларуси.

Исключительно важным событием в развитии культурных контактов Беларуси и СРЮ во второй половине 1990-х годов стали Дни культуры Югославии в Беларуси, которые проходили с 10 по 16 декабря 1998 года. В рамках Дней культуры в течение недели не только в Минске, но и Гомеле, Бресте, Витебске, Могилеве, Гродно, Речице, Мозыре, Лиде, Щучине, Бобруйске и Горках выступали самые известные мастера югославской культуры и многочисленные творческие коллективы: оркестр Белградской филармонии под управлением Ангела Шурева, оперная певица Радмила Бакочевич, известная во всем мире, выступающая с такими артистами, как Коррерас, Доминго и Паваротти, ее ученица Ядранка Йованович, академический хор «Коллегиум музикум», популярная эстрадная певица Экстра Нена, солисты Вера Миранович-Микич, Анте Гргин, Драган Петрович и другие [8]. С народным танцевальным искусством сербов и черногорцев белорусских зрителей познакомили артисты фольклорного коллектива «Иво Лола Рибар», концерты которого прошли с большим успехом. В рамках Дней югославской культуры особое место занимало искусство кинематографистов, мастерство которых минчане имели возможность видеть в кинотеатре «Победа», где демонстрировались югославские документальные и короткометражные фильмы, представленные студиями «Югославия-фильм» и «Фильм и тон». Ретроспектива югославского игрового кино включала такие известные фильмы, как: «Марш на Дрину» (режиссер Ж. Митрович); «Балканский экспресс» (Б. Балетич); «Лай на звезды» (З. Шотра); «Доротья» (З. Велимирович); «Птица, которая не летит» (П. Лалович); «Балканские правила» (Д. Боич) и др. Среди югославских гостей имя кинодраматурга Йована Марковича давно известно любителям кино. В начале 1980-х годов его фильмы «Пришло время любить» и «Жикина династия» были лидерами в прокатной системе СССР. Йован Маркович – автор около 30 игровых и 200 документальных картин, его произведения удостоены 30 наград, среди которых и «Золотой медведь» берлинского фестиваля, и «Дебют» каннского форума [9].

Еще до начала официального открытия Дней культуры в магазине «Светач» состоялась книжная выставка-презентация негосударственного Белградского издательства «VERZALpress». Всю привезенную литературу руководство издательства решило передать в дар кафедре славянских литератур филологического факультета БГУ, в помощь студентам, изучающим сербский язык и литературу в качестве специальности [10]. Подготовка специалистов такого профиля началась в БГУ в 1998 году, факультативное изучение сербскохорватского языка было введено в БГУ еще в 1967 году. Первый выпуск белорусских сербистов (11 человек) состоялся в 2003 году, второй набор (16 человек) осуществлен в 2002 году. Огромная работа в этом направлении была проделана преподавателями сербскохорватского языка В.М. Лумбиной и продолжает осуществляться по сегодняшний день Л.В. Леоновой. Две минские школы-гимназии, 8-я и 111-я, сотрудничали с 5-й белградской и филологической гимназией Белграда. Сербский язык в 111-й гимназии Минска изучался факультативно. В 1998 году состоялась поездка учащихся этой гимназии в Сербию по приглашению общества дружбы «Сербия – Беларусь», а в мае 2000 года 11 студентов-сербистов филологического факультета БГУ проходили трехнедельную стажировку на филологическом факультете в Белграде. Было положено начало развитию новой формы сотрудничества – обмену между Белорусским государственным университетом и Белградским университетом группами студентов для прохождения стажировки. Например, в рамках соглашения о сотрудничестве между БГУ и Белградским университетом в 2005 году около 30 белорусских студентов в течение месяца находились в Сербии. За-

тем осенью того же года уже сербские студенты почти месяц знакомились с языком и культурой белорусского народа.

Между белорусской и югославской сторонами была достигнута договоренность о проведении Дней культуры Республики Беларусь в СРЮ в марте – апреле 1999 года, однако ввиду бомбардировок Югославии, политической нестабильности в стране, а затем в связи с проведением парламентских выборов и последующих событий Дни культуры Беларуси в дружественной стране были проведены только в 2005 году.

Принципиально важно отметить, что Президент Беларуси Александр Лукашенко направил приветствие участникам Дней культуры Беларуси в Сербии и Черногории. Глава государства выразил уверенность, что этот замечательный творческий праздник послужит дальнейшему сближению славянских народов и развитию сотрудничества между нашими странами. «Мы с нетерпением будем ждать ответного визита артистов Сербии и Черногории», – подчеркнул президент. Александр Лукашенко пожелал участникам Дней культуры радужных и волнующих встреч, вдохновения, творческих успехов, здоровья, счастья и благополучия» [11]. Белорусскую культуру в Сербии достойно представляли артисты Камерного оркестра, вокального ансамбля «Камерата», ансамбля песни, музыки и танца «Белые росы», а также сотрудники киностудии «Беларусьфильм» и Национального русского театра им. М. Горького. Состоялись поездки членов белорусской делегации и артистов в крупнейшие города Сербии – Нови Сад, Крушевац, Чачак, Зренянин. Сербские зрители увидели лучшие белорусские фильмы, а также выставки-коллекции белорусских плакатов разных времен. Во время пребывания в СиЧ белорусскую делегацию, которую возглавлял заместитель министра культуры Валерий Гедройц, приняли министр культуры Сербии и заместитель министра иностранных дел СиЧ. Прошла пресс-конференция белорусской делегации для сербских и иностранных журналистов, белградского телевидения. Дни культуры Беларуси в Сербии, прошедшие с большим успехом, способствовали заметному возрастанию культурных взаимосвязей двух стран.

Значительная работа по развитию культурного сотрудничества Беларуси и Югославии проводилась Посольством Республики Беларусь в Белграде, Посольством СРЮ в Минске, а затем Посольством Сербии и Черногории, Белорусским Обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами, творческими союзами писателей, театральных деятелей, кинематографистов, общественными организациями. По предложению Посольства Беларуси в Югославии решением национального оргкомитета во главе с Премьер-министром Республики Беларусь за заслуги в развитии югославо-белорусских связей Памятным знаком «2000 лет христианства» был награжден профессор филологии Белградского университета Миодраг Сибинович, переводчик произведений белорусских поэтов на сербский язык и популяризатор белорусской поэзии в Югославии. В Белграде по инициативе и при участии Посольства 23 января 2002 года состоялось торжественное открытие выставки, посвященной 120-летию со дня рождения Янки Купалы и Якуба Коласа. Выставка вызвала значительный интерес у югославской общественности. В мероприятии приняли участие многочисленные представители культурной и научной интеллигенции Югославии, а также послы России, Украины, Болгарии, Польши, сотрудники посольств и Министерства иностранных дел СРЮ. Церемония открытия освещалась средствами массовой информации, в том числе телеканалом РТС-1, газетами «Политика», «Глас явности» информационным агентством «Танюг».

28 марта 2002 года состоялось открытие организованной Посольством Беларуси в Югославии выставки работ белорусских художников в Российском центре науки и культуры (Русском доме) в Белграде. На церемонии открытия выступили Посол Беларуси в Югославии Владимир Мацкевич и председатель Союза художников Сербии Драгослав Крнайски. Гостями выставки были и находящиеся в Сербии деятели кино России и Беларуси: актер Николай Бурляев и режиссер Михаил Пташук. Белорусская выставка в Русском доме, приуроченная к празднику 2 апреля – Дню единения народов Беларуси и России, продлилась 2 недели. Это первая масштабная выставка произведений белорусских мастеров за весь период отношений суверенных государств. В экспозиции, составленной из произведений Фонда Белорусского союза художников, было представлено более 60 работ 28 мастеров графики, живописи, гобеленов, инкрустации соломкой и скульптуры, выполненных за последние 40 лет. 23 апреля 2002 года в одной из наиболее престижных галерей Белграда «Коларац» открылась международная выставка картин, на которой экспонировались работы сербских, белорусских и российских художников. Мероприятие организовало общественное предприятие «Атина» совместно с творческой мастерской академика Сербской академии наук и искусств Л. Сокича под эгидой Министерства культуры Республики Сербии. По инициативе и при активном содействии Посольства Беларуси в СРЮ Республика Беларусь на выставке была представлена работами известных мастеров: исторической графикой Владимира Басалыги (председателя Белорусского союза художников) и художника Эдуарда Агуновича; пейзажами Владимира Товстика и Анатолия Шибнева; картинами Михаила Миронова, созданными автором во время его пребывания в Сербии. На церемонии открытия выставки присутствовали заместитель Министра культуры Сербии Й. Деспотович, председатель Общества дружбы «СРЮ – Беларусь» профессор Я. Пурич, сотрудники посольств, деятели культуры. Наряду с несколькими организациями Сербии дипломом Министерства культуры

Сербии за развитие культурного сотрудничества между Республикой Беларусь и СРЮ награждено и Посольство Беларуси в Югославии [12].

Представители белорусской культуры и искусства поддерживали югославские народы в период НАТОвских бомбардировок в 1999 году. Союз писателей Республики Беларусь выступил с решительным протестом и осуждением агрессивных действий натовских государств в отношении Югославии [13]. Участники «Славянского базара», проходившего в 1999 году, оказали моральную поддержку народам Югославии проведением на фестивале своеобразного дня культуры Югославии. Совместная программа концерта «Молодые исполнители эстрадной песни Республики Беларусь и звезды эстрады Югославии» транслировалась в прямом эфире белорусского телевидения. В ней принимали участие Светлана Славкович – обладательница гран-при «Славянского базара-97», детский танцевальный коллектив «Ива», который дал у себя на родине 100 концертов под бомбардировками. Известный певец и поэт Милан Субота подготовил фотовыставку своих работ под названием «Дети – цветы мира» [14].

Проявляя дружеские чувства к югославскому народу и высказывая свое возмущение бомбардировкой НАТО Югославии, Сергей Костян, депутат палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь и профессор Иван Чарота опубликовали книги: С. Костян – «Боль моя – Югославия!» и И. Чарота – «Косовская битва продолжается» [15; 16].

Заключение. Народы Беларуси и Югославии – исторически близкие друг другу. Чрезвычайный и Полномочный Посол Союзной Республики Югославии в Беларуси Никола Пеякович, говоря о близости белорусской и югославской культур, отмечал в своем интервью в 1998 году «Народной газете», что «у югославов и белорусов похожий менталитет, очень близкие корни, родственные языки и схожая история ..., схожие элементы в народной одежде, в песнях. Мы еще и потому похожи, что в большинстве своем – православные» [17]. Духовный, нравственный, культурный потенциал наших народов чрезвычайно богат и многообразен. Он также вобрал и национальное своеобразие народов, что не только не разъединяет государства, а побуждает к нахождению точек соприкосновения не только в культурных, но и в политических, социальных, экономических областях. Такого рода сплав обусловит авторитет среди других народов мира, обеспечит единство перед многообразными угрозами, испытаниями и выборами нашего столетия.

Таким образом, несмотря на объективные сложности, возникавшие в процессе развития культурных взаимосвязей Республики Беларусь, Союзной Республики Югославии, Сербии и Черногории, в 1991–2006 годах получили реальное наполнение организационно-правовой, концептуальный и практический аспекты белорусско-югославского культурного сотрудничества. Культурный обмен между государствами, народами, творческими коллективами приобрел заметное оживление несмотря на то, что на протяжении небольшого периода наблюдалось ослабление политического диалога между странами. Отличительной чертой культурного обмена стало участие белорусских и сербских артистов, творческих коллективов, кинематографистов, художников в различных фестивалях и конкурсах, проходивших как в Беларуси, так и в СРЮ, и в СиЧ. Белорусское общество по многим позициям открыло для себя югославское (сербское) искусство и культуру, получило возможность еще глубже осмыслить отечественную культуру в глобальном интерьере. Несомненно, культурологическое мышление двух этнически близких народов в результате диалога культур заметно обогатилось, вместе с тем был накоплен ценный опыт, который несомненно будет учитываться в ближайшей перспективе. Убедительным доказательством этому со стороны современной Сербии явился официальный визит Президента Сербии Томислава Николича в Республику Беларусь, проходивший 12–13 марта 2013 года [18]. Историческая, культурная и духовная близость сербского и белорусского народов, традиционная дружба и взаимное уважение лежат в основе двусторонних отношений между Республикой Сербия и Республикой Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стојичић, Ђоко. Српска кућа / Ђоко Стојичић // Удружавање издавача и књижара Југославије и НОВА. – Београд, 1995. – 215 с.
2. Антологија беларуске поезије / превод др. І. Чарота. – Београд: Српска књижевна задруга, Научна књига, 1993. – 199 с.
3. Дагавор аб дружбе і супрацоўніцтве паміж Рэспублікай Беларусь і Саюзнай Рэспублікай Югаславіяі: Ратыфікаваны Вярхоўным Саветам Рэспублікі Беларусь 3 верас. 1996 г. // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1996. – № 32. – Арт. 587.
4. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о сотрудничестве в области образования, культуры и спорта: Совершено 6 марта 1996 г., Минск // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004.

5. Текущий архив Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами / Информация о работе общества дружбы «Беларусь – Союзная Республика Югославия». – Минск, 2002. – С. 3–42.
6. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь (Архив МИД РБ). – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1974. – Л. 78. Документы о двусторонних отношениях Республики Беларусь с государствами югославского региона (соглашения, информация, запись бесед и др.). – 1998.
7. В Минске проходят Дни сербского кино // Телеграф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraf.by/entertainment/2006/05/15/serbija>. – Дата доступа: 18.11.2010.
8. Искусство Югославии: приятное знакомство // Сов. Белоруссия. – 1998. – 12 дек. – С. 10.
9. Васанская, Ж. Пра кантакты, кантракты і кіно / Ж. Васанская // Культура. – 1998. – 15–31 снеж. – С. 4.
10. Текущий архив Белгосуниверситета / филол. фак. БГУ. Информация о межвузовском культурном обмене. – Минск, 2003. – 15 с.
11. А.Г. Лукашенко направил приветствие участникам Дней культуры Беларуси в Сербии и Черногории // Культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.naviny.by/rubrics/culture/2005/11/27/ic_news_117_237433. – Дата доступа: 18.11.2010.
12. Об участии работ белорусских художников на выставке в Белграде / Двустороннее сотрудничество // М-во иностранных дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/ru/press/news/2002-05-24-2.html>. – Дата доступа: 19.11.2010.
13. Беларускія пісьменнікі супраць агрэсіі // Літаратура і мастацтва. – 1999. – 2 крас. – С. 3.
14. Цімошык, Л. Карцінкі з выстаўкі / Л. Цімошык // Звязда. – 1999. – 23 ліп. – С. 2.
15. Костян, С.И. Боль моя – Югославия! / С.И. Костян. – Мозырь: Укрупн. тип., 2000. – 125 с.
16. Косовская битва продолжается / сост., подготовка материалов; пер. И. Чароты. – Минск: Православное братство во имя Архистратига Михаила, 2000. – 130 с.
17. Дудинов, Ю. Визит Президента Беларуси в Югославию станет еще одним важным шагом на пути дружбы и сотрудничества [Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла СРЮ в Беларуси Н. Пеяковича] / Ю. Дудинов // Нар. газета. – 1998. – 28 студзеня. – С. 1.
18. Крят, Д. Горячий балканский привет / Д. Крят // СБ. Советская Белоруссия. – 2013. – 13 марта. – С. 1–2.

Поступила 28.03.2013

INTELLECTUAL DOMINANCE IN BELARUS – YUGOSLAVIA (SERBIA – MONTENAGRO) CULTURAL RELATIONS IN THE PERIOD 1991–2006

P. MALASHUK

The problems of cultural cooperation play an important role in the program of international inter-relations. The article deals with foreign policy of the Republic of Belarus and the Union of Yugoslavia (Serbia – Montenegro). The organizational, legal, conceptual and practical aspects of bilateral cooperation are analysed. The article focuses attention on the problems which prevented the complete realization of the cultural potential. However, in the author's opinion the cultural exchange in the described period became more animated. The distinguished features were activity of actors, creative groups, artists, cinematographers in festivals, competitions, concerts held both in Belarus and Yugoslavia, Serbia, Montenegro. The majority of the used information is taken from the reliable sources for the first time. It allowed to make fundamentally new conclusions and estimations.

УДК 94(510+575.1)

КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2001-2012 ГОДАХ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

М.В. ДАНИЛОВИЧ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Представлен ситуационный анализ эволюции китайско-таджикских отношений в 2001–2012 годах. По результатам изучения официальных документов и статистических данных, интервью дипломатических представителей, новостных сообщений, работ центральноазиатских экспертов, а также опроса таджикских исследователей выделены три этапа развития двустороннего взаимодействия. От решения пограничной проблемы и наращивания объемов торговли Китай в своей стратегии переходит к активизации инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль Таджикистана, затем усиливая взаимодействие в области безопасности. Дается оценка двусторонней миграции и среднесрочных перспектив китайско-таджикских отношений.

Внешняя политика Китайской Народной Республики (КНР) в 2000-е годы характеризуется ощутимой активизацией в Центральной Азии, вызванной как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически значимом Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, так и геополитическими изменениями в ЦА после 2001 года. При этом приоритет был отдан Китаем приграничным государствам региона, одним из которых является Республика Таджикистан (РТ).

Целью работы явилось определение основных этапов реализации центральноазиатской стратегии КНР на таджикском направлении. В поставленные задачи входило выявление основных тенденций двустороннего взаимодействия в политической и торгово-экономической сферах в 2001–2005 и 2006–2012 годах; оценка статистических данных обеих сторон; определение специфики межгосударственной миграции, а также внутренних и внешних для КНР факторов, влиявших на динамику и приоритеты отношений с Таджикистаном; прогнозирование возможного развития отношений на ближайшую перспективу.

При проведении исследования были использованы официальные документы в области двусторонних отношений, официальные статистические данные, интервью дипломатических представителей Республики Таджикистан, новостные сообщения, результаты опроса таджикских экспертов и работы таджикских (Р. Алимов [3], Х. Додихудоев, В. Ниятбеков [6], Х. Умаров [9], У. Сайдалиев [14], А. Мамадазимов, З. Курбонова [1]), казахстанских (К. Сыроежкин [10], Н. Касенова [38]), киргизских (А. Мигранян [45]) и американских (Р. Пантуччи, А. Петерсон [46]) исследователей по рассматриваемой теме

2001–2005 годы

К началу 2000-х годов основной проблемой в отношениях КНР и РТ являлась **безопасность**. Вопросы безопасности в условиях афганской ситуации со второй половины 1990-х годов были обусловлены в первую очередь неурегулированностью китайско-таджикской границы. Из трёх спорных пограничных участков (район Восточного Памира южнее перевала Уз-Бель (337 км, № 19), районы перевала Каразак (22 км) и реки Маркансу (28 км)), два были согласованы ещё в 1999 году. Район перевала Каразак оставался под юрисдикцией РТ, 50 % участка близ Маркансу были переданы КНР [1, с. 20]. Однако решение проблемы вокруг наиболее крупного участка № 19 было отложено до более благоприятного момента с учётом внутренней ситуации в Таджикистане.

После развертывания операции США и НАТО в Афганистане осенью 2001 года, несмотря на отсутствие западных военных баз на территории РТ, в аэропорту Душанбе был размещён ограниченный контингент НАТО в составе французских военных. С февраля 2002 года РТ присоединилась к программе НАТО «Партнёрство ради мира» [2]. Для КНР появление в Центральной Азии «внешних» сил стало стимулом для ускорения переговорного процесса по проблемам границ. Уже в мае 2002 года высшим руководством республик было подписано Дополнительное соглашение о таджикско-китайской границе, которое окончательно урегулировало пограничный вопрос. Обе стороны ратифицировали документ в том же году. Из 28 тыс. кв. км спорных территорий в районе Восточного Памира 1 тыс. кв. км была передана КНР [3, с. 63].

Вслед за этим было активизировано двустороннее сотрудничество в области безопасности. Общими проблемами для КНР и РТ стал наркотрафик в условиях развития наркопроизводства в Афганистане, а также деятельность радикальных исламистов. В сентябре 2003 года КНР и РТ заключили бессрочное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – «дополнение к Шанхайской Конвенции», поясняющее её расплывчатые формулировки «трёх зол», механизмы взаимодействия «центральных компетентных органов» и содержание информации для обмена [4, ст. 10]. Вывод из РТ российских пограничных войск и передача охраны рубежей таджикской пограничной службе в 2004–2005 годах привели к снижению прозрачности таджикско-афганской и таджикско-китайской границы [5, с. 289], что стало дополнительным отрицательным фактором для безопасности северо-западного

Китай. Китайская сторона активизировала финансовую помощь вооруженным силам Республики Таджикистан: к середине 2000-х годов Министерству обороны Таджикистана было выделено 10 млн. долл. США на безвозмездной основе [6, с. 54].

К 2001 году двустороннее **торгово-экономическое сотрудничество** в целом не превышало лучших показателей нестабильного товарообмена 1990-х годов. Оно базировалось на челночной торговле дешевой китайской продукцией и закупках таджикского сырья, с преобладанием последнего. По данным архива Таможенной службы при Правительстве РТ, в 2001 году из РТ в КНР вывозилось сырьё (алюминий, хлопок, необработанные шкуры и т.д.) и ввозились товары народного потребления, двигатели и генераторы, бесшовные стальные трубы, чай [7, с. 480, 481]. При этом КНР не занимала весомых позиций среди внешнеэкономических партнеров РТ [8].

Необходимость наращивания экспорта в КНР на центральноазиатском направлении предусматривалась официальными стратегиями «Выход вовне» и «Большое развитие Запада». Однако объективным препятствием для оживления торговли с РТ оставался транзит товаров через Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Вслед за официальным решением пограничной проблемы последовал первый скачок товарооборота (троекратный рост) в 2002 году. Торговый баланс (табл. 1) стал устойчиво положительным для КНР. В сентябре 2003 года официальное оформление Соглашения о контрольных пунктах пропуска (КПП) на китайско-таджикской государственной границе открыло возможность прямых транспортных перевозок через КПП «Карасу-Кульма» на Сарыкольском хребте. Транспортировка товаров без транзита через соседние государства была начата осенью 2004 года после открытия автодороги «Ташкуртан – Хорог» [3, с. 63]. Однако значительная зависимость прямых перевозок от сезонных, дорожных и географических (высота перевала Кульма составляет 4363 км) условий, а также работа КПП в течение 15 дней в месяц в летне-осенний период продолжали обуславливать нестабильность объемов китайских товаров и цен на них в РТ [9, с. 23].

Таблица 1

Товарооборот КНР и РТ в 2001–2005 годах (млн. долл. США)

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	9,7	12,3	38,8	68,9	157,9
В том числе через КПП «Карасу-Кульма»	–	–	–	0,754	9,05
Экспорт из КНР в РТ (по данным официальной таможенной статистики КНР)	4,4	6,4	20,8	15,3	143,7
Импорт из РТ в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	5,3	5,9	18,0	53,6	14,2
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики РТ)	6,0	7,6	26,7	57,0	92,5

Источники: [3, с. 81; 7, с. 387; 10, с. 366; 11, с. 157; 12].

С другой стороны, выделение Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) первого крупного покупательского кредита для РТ (600 млн. долл. США) в 2004 году и долгосрочного беспроцентного кредита (10 млн. долл.) в качестве помощи наиболее уязвимым странам ЦА в 2005 году на фоне андижанских событий в Узбекистане повлекло за собой резкое увеличение товарооборота к середине 2000-х годов, который в 2005 году вырос более чем вдвое за счёт девятикратного роста китайского экспорта (см. табл. 1). Обязательства РТ ежегодно закупать в КНР одежду, сельхозпродукты, стройматериалы, механизмы и товары народного потребления с дальнейшим наращиванием их объемов в обмен на финансирование таджикской экономики усиливали привязку РТ к китайскому экспорту [6, с. 50]. Отсутствие в рассматриваемый период крупных китайских вложений в иные отрасли экономики свидетельствовало о неприоритетности РТ для КНР на центральноазиатском направлении. Крайне низкий интерес китайских инвесторов к Таджикистану можно объяснить проблемами безопасности и геополитического положения, а также не вполне благоприятного инвестиционного климата в РТ.

Анализ двустороннего товарооборота указывает на расхождение в таможенной статистике КНР и РТ. Как отмечает Р. Алимов, официально подобные разночтения объяснялись отсутствием у РТ таможенной службы до 1999 года, её дальнейшим «становлением и отсутствием выверенной многолетней статистики», из чего следует «большая надежность» китайских данных при оценке взаимной торговли [3, с. 82]. На проблему коррумпированности в сфере челночной торговли РТ с КНР указывал Х. Умаров [9, с. 96]. Поскольку несоответствие статистики (с ощутимым перевесом китайских данных) характерно для торговли КНР со всеми государствами ЦА, при последующих оценках китайско-таджикских торговли мы будем обращаться преимущественно к данным китайской стороны.

В целом, в первой половине 2000-х годов основной целью политики КНР на таджикском направлении являлось решение проблемы границ. Изменение геополитической ситуации в Центральной Азии

стало стимулом для ускорения пограничного урегулирования. Достижение договорённости по окончательному межгосударственному размежеванию дало возможность усилить взаимодействие в области безопасности, активизировать финансовую помощь для развития небольшого и уязвимого в социально-экономическом плане РТ, открыть первый КПП, расширить объёмы двусторонней торговли в рамках реализации стратегий «Выход вовне» и «Большое развитие Запада». Тем самым КНР усилила свои экономические позиции в РТ к 2005 году. Однако неразвитость инфраструктуры и периферийное положение РТ для китайских политических и бизнес-интересов имели своим результатом низкие показатели торгово-экономического взаимодействия.

2006–2012 годы

Политическое взаимодействие и сотрудничество в области безопасности заметно активизировалось с 2006 года, о чем свидетельствует рост числа официальных визитов и подписанных двусторонних соглашений. Это во многом объяснялось фактором возобновления переговоров РТ и НАТО о возможном размещении более крупного контингента Альянса на таджикской территории в условиях закрытия авиабазы в Узбекистане и внутренней нестабильности в Кыргызстане [13]. Пекин, реагируя на ситуацию, незамедлительно заявил о выделении вооруженным силам и пограничной службе РТ финансовой помощи, контакты между военными ведомствами КНР и РТ становились более частыми. Так, в апреле 2006 года в Пекине на совещании руководителей министерств обороны обеих республик было согласовано сотрудничество в военной области, проведение совместных учений и выделение таджикской армии материально-технической помощи на сумму 15 млн. юаней. В июне на саммите ШОС была подтверждена аналогичная финансовая помощь КНР пограничной службе РТ [14, с. 45]. В сентябре в ходе визита в Душанбе премьера госсовета КНР Вэнь Цзябао Министерством общественной безопасности КНР и Агентством по контролю за наркотиками при Президенте РТ было заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Китайская сторона официально высказала намерение содействовать первостепенной в ШОС антинаркотической борьбе на территории Таджикистана [15].

Качественно новый уровень двусторонних отношений был оформлен в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (Пекин, январь 2007 г.). Данный документ, впервые заключавшийся на долгосрочную перспективу и практически одновременно ратифицированный обеими сторонами в июне того же года, подчеркивал новые сферы развития отношений: торговлю, инфраструктуру, энергетику, горнодобычу [16, ст. 9]. Договор можно рассматривать в качестве итога всей предшествовавшей китайской дипломатии в РТ и начала нового этапа в китайско-таджикских отношениях. Новые интересы в двусторонних связях были позднее подтверждены в Совместной декларации о дальнейшем развитии отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (2008 г.) [17]. Во время официального визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Душанбе были очерчены перспективы сотрудничества в области телекоммуникаций, лёгкой и пищевой промышленности, добычи и использования урана и других полезных ископаемых, а также строительства тепловых электростанций [18, с. 90].

Параллельно с июня 2006 по сентябрь 2008 года КНР и РТ провели демаркационные работы на местности [19]. Несмотря на то, что последовавшее обсуждение Протокола о демаркации государственной границы вызвало разделение мнений во властных кругах РТ, подписание данного документа в апреле 2010 года и его ратификация в январе 2011 года не повлекли за собой массовых протестов. Это во многом объяснялось отсутствием информационного освещения переговорного процесса и его результатов. По мнению А. Мамадазимова, неизбежность передачи Китаю части спорных территорий участка № 19 была обусловлена важностью для РТ развития связей с КНР и выхода на Каракорумское шоссе в СУАР в условиях обострения таджикско-узбекских отношений и блокирования Узбекистаном транзита товаров в РТ [20]. Китайская сторона в нужный момент использовала сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Очередная интенсификация взаимодействия органов безопасности и оказания материальной помощи вооруженным силам РТ наблюдалась в 2011–2012 годах на фоне обсуждения НАТО планов вывода войск из Афганистана. По результатам официального визита министра общественной безопасности КНР Мэн Цзянчжу в апреле 2011 года китайская сторона обязалась выделить правоохранительным органам РТ оборудование для борьбы против незаконного оборота наркотиков и терроризма на сумму более 460 тыс. долл. США [21]. В конце ноября 2012 года в Пекине министром внутренних дел Республики Таджикистан Р. Рахимовым и его китайским коллегой был подписан Меморандум о приграничном сотрудничестве между Министерством внутренних дел РТ и Министерством общественной безопасности КНР [22]. В рамках ШОС на территории РТ с участием китайских военных были проведены антитеррористические учения «Мирная миссия-2012» [23]. Их заявленной целью стало усовершенствование проведения совместных операций в условиях горной местности, в чём также несложно заметить фактор подготовки к потенциальным изменениям обстановки в ЦА и координированию возможного применения вооруженных сил государств ШОС после 2014 года.

С 2006 года показатели **двусторонней торговли** продолжали увеличиваться, положительный баланс для КНР сохранялся. В 2008 году новый уровень двусторонних отношений был ознаменован значительным скачком товарооборота (табл. 2), КНР впервые вышла на первую позицию среди внешнеэконо-

мических партнеров РТ [3, с. 85]. Очередной скачок товарооборота имел место после окончательной ратификации протокола о государственной границе в 2011 году, что говорит о возможном использовании экономических вопросов в торге во время закрытых пограничных переговоров. Китай продолжал сохранять место в тройке лидеров во внешней торговле Таджикистана по 2012 год включительно, поставляя до 46 % всего импорта в РТ [24].

Таблица 2

Товарооборот КНР и РТ в 2006–2012 гг. (млн. долл. США)

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	323,8	524,0	1499,9	1402,5	1432,6	2068,8	1856,7
В том числе через КПП «Карасу-Кульма»	67,1	250,0	1030,0	559,0	733,0	530,0	640,0
Экспорт из КНР в РТ (по данным официальной таможенной статистики КНР)	305,8	513,8	1479,7	1217,5	1376,6	1996,8	1747,9
Импорт из РТ в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	18,0	10,2	20,2	185,0	56,0	72,0	108,8
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики РТ)	148,9	275,3	384,9	266,6	238,2	662,6	669,2

Источники: [3, с. 81, 114; 7, с. 387; 11, с. 157; 26, с. 131; 27–29].

Росту товарооборота КНР со странами Центральной Азии содействовало решение об открытии Кашгарской СЭЗ на созданном в мае 2010 года ЦК КПК и Госсоветом КНР Центральном рабочем совещании по развитию Синьцзяна. В планах КНР было также отмечено создание зоны свободной торговли в Карасу (у КПП «Карасу-Кульма») [30]. Однако до конца 2012 года основные усилия китайской стороны оставались направленными на развитие СЭЗ в Кашгаре. С 2011 года КПП «Карасу-Кульма» был переведен на круглогодичный режим работы, что, однако, не привело к значительному увеличению перевозок в связи со сложными природными условиями местности (см. табл. 2). Значительная часть китайских товаров продолжает поступать из Кашгара через китайско-кыргызский КПП «Иркештам» и затем транзитом через южный Кыргызстан в Таджикистан.

В рассматриваемый период в качестве ключевой для вложения китайских инвестиций в РТ наметилась сфера **транспортных коммуникаций**. Китайская Народная Республика стала активно участвовать в реконструкции автомагистралей, возведении мостов и туннелей, предоставляя РТ кредитную и техническую помощь. На саммите ШОС 2006 года было достигнуто кредитное соглашение о реабилитации дороги «Душанбе – Худжанд – Бустон – Чанак». Республике Таджикистан было выделено 280 млн. долл. США (94 % стоимости проекта) в форме долгосрочного льготного кредита Эксимбанка КНР. Подрядчиком выступила китайская China Road and Bridge Corporation [31]. Дорога была сдана в эксплуатацию в декабре 2009 года¹ [32]. Также в 2006 году инженерная компания из КНР Chinese Railway Company выиграла тендер на строительство тоннеля «Шар-Шар» на автомагистрали «Душанбе – Куляб». Проект был завершен в срок в августе 2009 года, общая сумма китайских инвестиций составила 40 млн. долл. США [10, с. 106]. В том же году Китай выразил желание участвовать в реконструкции автодороги «Душанбе – Дангара» (первая фаза таджикско-китайской дороги «Душанбе – Дангара – Куляб – Хорог – Кульма – Кашгар») [10, с. 108]. С ноября 2011 года проект также выполняется подрядчиком China Road and Bridge Corporation под долгосрочный льготный экспортный кредит Эксимбанка КНР (51 млн. долл. США). По состоянию на конец 2012 года начата третья (завершающая) фаза строительства дороги [34].

Помимо автодорог, китайская сторона с 2009 года проявляла интерес к лоббируемому Таджикистаном проекту железной дороги «Душанбе – Карамык» (к границе с Кыргызстаном) с планами выхода на западе через Афганистан в Иран и соединения через южный Кыргызстан с Кашгаром СУАР Китая. Тем не менее к 2012 году КНР стала отдавать приоритет обсуждавшейся с конца 1990-х годов альтернативной линии железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». По сообщению вице-премьера Кыргызстана, к началу 2013 года китайская сторона подтвердила своё участие во втором проекте [35].

Однако, вероятнее всего, из строительства железных дорог с учетом неблагоприятных перспектив афганской ситуации и потенциальных масштабов её влияния на Таджикистан, а также отношений Китая с ключевым в регионе Узбекистаном лоббируемая таджикской стороной железная дорога Республикой Таджикистан будет исключена. Возведение же автодорог в Таджикистане важно для укрепления в стране китайских позиций и дальнейшего развития двусторонней торговли.

Вторым направлением вложения китайских инвестиций стала **энергетическая сфера**. В апреле 2006 года между национальной энергетической компанией Республики Таджикистан «Барки точик» и «China Tebang

¹ Строительство тоннеля «Шахристан» (второй этап реализации данного проекта) было официально завершено в конце октября 2012 года [33].

Electric Apparatus Stok Co» (ТВЕА) были заключены кредитные соглашения о строительстве линии электропередачи 220 кВ «Лолазор – Хатлон» (58 млн. долл. США) и линии 500 кВ «Юг – Север» (281 млн. долл. США). Льготные кредиты были выделены Эксимбанком КНР в рамках ШОС. Проекты были сданы в эксплуатацию в середине 2008 и в конце 2009 года соответственно [36; 37]. В январе 2007 года китайская корпорация «Sinohydro» заключила с «Барки точик» контракт на строительство Зерафшанской ГЭС (150 МВт) стоимостью 260 млн. долл. США [34]. Однако реализация данного проекта была отложена на неопределённый срок уже в середине года под давлением узбекской стороны, обеспокоенной возможным падением уровня воды ниже по течению р. Зеравшан [38, с. 21]. На фоне растущих потребностей КНР в импорте природного газа и важности достижения с руководством Узбекистана договоренности о прокладке газопровода «Туркменистан – Китай», расстановка Китаем приоритетов в сотрудничестве со странами региона была предсказуемой.

В июне 2009 года в ходе визита в Таджикистан делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПК Ван Лэцюанем были подписаны новые соглашения в энергетической сфере между китайской ТВЕА и Министерством энергетики и промышленности РТ. Кроме договоренностей о ЛЭП «Лолазор – Хатлон» и «Юг – Север» (61 млн. долл. дополнительных инвестиций), китайская сторона обязалась вложить 560 млн. долл. США в строительство ГЭС «Нурабад-1» (350 МВт) на реке Хингоб и 400 млн. долл. США в возведение ТЭЦ в Душанбе (200 МВт). По данным официальных таджикских СМИ, в новых соглашениях была использована схема «ресурсы взамен на инвестиции»: строительство объектов энергетической отрасли в обмен на доступ к нефтегазовому месторождению на Памире. Однако в переговорном процессе, по-видимому, возникли определённые проблемы. В 2011 году китайской стороной был предложен новый вариант строительства. Выполнение проекта Душанбинской ТЭЦ стало условием для последующего возведения ГЭС на Нурабаде. Строительство ТЭЦ было начато в октябре 2012 года с ожидаемым завершением в конце 2013 года [39].

В ходе рабочего визита Президента Республики Таджикистан в СУАР в июне 2010 года было заключено соглашение о строительстве ЛЭП 220 кВ «Худжанд – Айни». Работы проводились китайской ТВЕА под льготный экспортный кредит Эксимбанка размером 37 млн. долл. США. В эксплуатацию ЛЭП была сдана в запланированные сроки, в сентябре 2011 года [40].

Третьей сферой активизации китайских инвестиций стала **добыча в Республике Таджикистан природных ресурсов**. С сентября 2006 года Китайская инвестиционная компания начала разработку свинцово-цинкового месторождения «Зарнисор» (Согдийская обл.). Добычей и обогащением свинцово-цинковых руд в Таджикистане с 2007 года стала заниматься ООО «ТК Горпром компания» (основной инвестор – China Global New Technology). Также в 2007 году контрольный пакет акций СП «Заравшон» (Согдийская обл.) выкупила китайская компания Zijin Mining Group. На данное предприятие в 2011 году пришлось около половины всего добытого в стране золота и серебра [3, с. 95]; в 2012 году объёмы золотодобычи были увеличены [41].

Упомянутое ранее строительство ТЭЦ в Душанбе и Нурабадской ГЭС по схеме «ресурсы взамен на инвестиции» связывается с передачей в 2012 году китайской компании CNODC (дочернее предприятие Китайской национальной нефтегазовой корпорации) 33 % доли в нефтегазовом месторождении Бохтар (запасы оцениваются в 27 млрд. барр.) [42]. Одновременно еще одна крупная китайская компания в горнодобывающей отрасли China Nonferrous Metal Mining Co. Ltd инвестировала в сектор цветных металлов Таджикистана [43].

Об интересе китайской стороны к геологическому составу приграничных территорий свидетельствовало и подписанное в ноябре 2010 года в Душанбе Соглашение между геологической службой КНР и Главным управлением геологии РТ на проведение совместного изучения приграничных участков [43].

В рассматриваемый период заметно активизировалось сотрудничество в области создания **совместных предприятий**. В 2006 году в Таджикистане действовало более 10 средних и небольших совместных предприятий (СП), большинство из которых, однако, не были производственными (СП в сфере телекоммуникаций – ТК Mobile», «М – Теко», торговли – «Дружба», «Китайские товары», «Ришта» и др.) [9, с. 29]. В Республике Таджикистан крупные СП появились с 2007 года: ООО «Зарафшон», «ТК Горпром компания», ООО СП «Шохрохи Абрешим» (оптовая торговля текстилем) и др. [3, с. 89]. К этому времени КНР стала лидером по количеству СП в Таджикистане [44]. Однако лишь к концу рассматриваемого периода КНР впервые начала планировать крупное совместное производство в РТ. В 2012 году было подписано соглашение о строительстве на юге Таджикистана цементного завода (мощность 3 млн. тонн в год) Китайской национальной компанией строительными материалами совместно с таджикской компанией TALKO, реализация проекта запланирована к 2015 году [43].

По состоянию на 2011 год Китай вложил около 4 % всех прямых накопленных инвестиций в Таджикистан, уступая Российской Федерации, Ирану и Кипру. В то же время по прочим инвестициям (торговые кредиты, операции с наличной валютой, ссуды, займы) доля Китая составила порядка 50 % (570 млн. долл. США) всех вложений в РТ [3, с. 91]. Эксимбанк КНР к 2011 году стал крупнейшим кредитором РТ (878,5 млн. долл., или 36 % внешнего долга РТ [3, с. 94]. Однако китайские инвестиции и кредиты осуществляются на условиях подряда строительных компаний из КНР (т.е. с привлечением ки-

тайских рабочих, техники и технологий, с последующей эксплуатацией Китаем возводимых промышленных и логистических объектов). Всё это, по мнению А. Мигранян, свидетельствует об односторонних преимуществах КНР в сотрудничестве с РТ, с чем сложно не согласиться [45].

Культурно-гуманитарное взаимодействие в 2006–2012 годах, в отличие от предыдущего периода, также было активизировано. Резко возросло число студентов, получивших возможность в КНР изучать китайский язык, а также такие важные для оптимизации двустороннего сотрудничества специальности, как экономика, дипломатия, журналистика, телекоммуникации. Если в 2001–2005 годах по стипендиям КНР обучалось 20–60 таджикских студентов в год, то в 2006 году их число возросло до 140. В 2006–2011 годах языковую подготовку в КНР получил 1631 таджикский студент [3, с. 185]. Развитие также получило преподавание китайского языка в РТ. В соответствии с соглашением о сотрудничестве между Таджикским государственным национальным университетом (ТГНУ) и Госкомитетом по изучению китайского языка за рубежом в создании культурно-образовательного центра (2008 г.), в 2009 году при ТГНУ был открыт Институт Конфуция² [3, с. 186]. С 2009 года преподавание китайского языка было начато в Пенджикентском педагогическом институте (расположен в Зеравшанской долине, где китайская сторона активно участвует в разработке месторождений благородных металлов) [47]. «Мягкая сила» в подобной форме ориентирована на сближение новых поколений обоих государств и одновременное снятие «китайской угрозы» в восприятии таджиков.

В качестве отдельного аспекта китайско-таджикских отношений в рассматриваемый период можно выделить **трудовую миграцию** из КНР. В Синьцзяне в середине 2000-х годов проживало 44 тыс. этнических таджиков, в 2009 году – 47 тыс. (0,4 % представителей национальных меньшинств СУАР). Таджики Синьцзяна проживают в Кызылсу-Кыргызской автономной области и Кашгарском округе, 70 % – в Ташкурган-Таджикском автономном уезде [48, с. 87, 92]. Несмотря на приграничное положение данных территорий по отношению к РТ, основную массу трудовых мигрантов из КНР составляют ханьцы (этнические китайцы). Их численность в Таджикистане значительно увеличилась во второй половине 2000-х годов по мере реализации финансируемых и выполняемых по подряду китайской стороной проектов. Одновременно число китайцев, имеющих гражданство Республики Таджикистан, согласно официальной переписи населения, увеличилось в 33 раза: с 24 человек в 2000 году до 801 в 2010 году (из них 710 мужчин). Подобная тенденция также указывает на активизацию миграции из КНР [49, с. 9, 20]. По данным, приводимым Н. Касеновой, в 2007–2008 годах рабочим из КНР было выдано около 4 тыс. виз. Максимальная же цифра приехавших китайцев, которую озвучивали таджикские аналитики в 2008 году составляла 30 тыс. человек [38, с. 20]. По официальным цифрам, приводимым в управлении Миграционной службы при правительстве Таджикистана, на 2011 год в РТ работало более 2 тыс. граждан КНР. Факт нелегальной трудовой миграции при этом не отрицался, однако её размеры официально не оценивались [50]. По мнению, высказанному политологом А. Мамадазимовым, проблема «наплыва этнических китайцев» и их занятость в сфере строительства и торговли продолжает носить вялотекущий характер. При этом коррупция в миграционной сфере препятствует реальному отражению ситуации официальной статистикой Таджикистана. Исходя из этого существует вероятность, что в ситуации сохранения массовой безработицы и вынужденной миграции граждан РТ за рубеж, а также традиционной для мировоззрения таджиков «угрозы с Востока», дальнейшее занятие рабочих мест выходцами из КНР может спровоцировать массовые недовольства.

В целом, вторая половина 2000-х годов характеризуется выходом китайско-таджикских отношений на новый уровень, началом вложения крупных китайских инвестиций, усилением привязки РТ к товарам и кредитам из КНР, расширением культурно-образовательных связей. С 2011 года наблюдается интенсификация двустороннего сотрудничества в области безопасности, а также дальнейшая активизация КНР в сфере разработки природных ресурсов РТ, что можно рассматривать как начало нового этапа взаимодействия в условиях подготовки КНР к потенциальному изменению ситуации в Центральной Азии после вывода основного контингента войск НАТО и США из Афганистана.

Таким образом, проведенный ситуационный анализ сотрудничества КНР и РТ в 2001–2012 годах позволяет сделать следующие **выводы**.

В реализации стратегии КНР в таджикском направлении можно условно выделить *три этапа*:
- 2001–2005 годы (пограничное урегулирование, наращивание торговли и кредитования);
- 2006–2010 годы (активизация инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль, выход отношений на стратегический уровень, укрепление экономических позиций в РТ);
- предположительно, *третий этап* – с 2011 года (реакция на возможные геополитические изменения в Центральной Азии после 2014 года, а также на интеграционные процессы в этом регионе в рамках развития проекта Таможенного Союза).

² По результатам опроса, проведенного в РТ американскими исследователями Р. Пантуччи и А. Петерсоном, Таджикский Институт Конфуция уступает аналогичным структурам в Казахстане и Кыргызстане по масштабам и наличию учебных материалов – до конца рассматриваемого периода в РТ отсутствовали двуязычные китайско-таджикские учебники, словари и пособия [46].

Незначительные масштабы сотрудничества указывают на то, что Таджикистан не является приоритетным государством в центральноазиатской стратегии Китая. Однако в силу небольших размеров таджикской экономики можно говорить о сложившейся к концу рассматриваемого периода зависимости Таджикистана от кредитования и инвестиционных вложений Китая.

В дальнейшем в двусторонних отношениях, предположительно, сохранится тенденция финансирования Таджикистана китайской стороной, расширения участия Китая в сфере энергетики и добычи природных ресурсов. Его интенсивность может увеличиться в случае подтверждения присоединения Таджикистана к Таможенному Союзу (после вступления в него Кыргызстана). Миграция китайских граждан в таджикскую республику носит латентный характер, однако в случае дальнейшей интенсификации торговли и строительства внутригосударственной инфраструктуры может спровоцировать массовые выступления в Таджикистане. Перспективы транзитных проектов будут находиться в обратно пропорциональной зависимости от безопасности крупных китайских инвестиций в горнодобывающую отрасль Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбонова, З.М. Политические аспекты процесса урегулирования государственной границы между Таджикистаном и Китаем: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 23.00.04 / З.М. Курбонова; Дипл. акад. МИД РФ. – М., 2009. – 24 с.
2. Tajikistan signs the Partnership for Peace Framework Document // NATO [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/SID-756FB643-BA273361/natolive/news_19493.htm. – Date of access: 11.01.2013.
3. Алимов, Р.К. Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов – М.: ИДВ РАН, 2012. – 248 с.
4. Алимов, Р.К. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (02.09.2003) / Р.К. Алимов // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 218–221.
5. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: учеб. пособие для студ. вузов / А.Д. Богатуров [и др.]; под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 549 с.
6. Ниятбеков, В.Я. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика / В.Я. Ниятбеков, Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12) – С. 49–59.
7. Таџикэсытань: гоџзя дули эрши нянь (1991–2010 нянь Таџикэсытань гунхэго цзинянь тунџзи нянь-цзянь) = Таджикистан: 20 лет независимости (Юбил. стат. сб. Респ. Таджикистан 1991–2010 гг.) / Таџикэсытань гунхэго цзунтун тунџзи цигоу = Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 571 с. (на кит. яз.).
8. World Factbook: 2002 // US Central Intelligence Agency [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/download/download-2002/index.html>. – Date of access: 21.12.2012.
9. Умаров, Х.У. О некоторых проблемах экономических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан на современном этапе / Х.У. Умаров // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12) – С. 22–30.
10. Сыроежкин, К. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: моногр.: в 3 кн. / К. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 2: В формате стратегического партнерства. – 384 с.
11. Таджикистан в цифрах: стат. сб., 2010 / Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2010. – 196 с.
12. Новый таджикостанский посол в КНР: объем товарооборота между Таджикистаном и Китаем в 2005 г. достиг рекордной отметки // Жэньминь жибао онлайн [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/3984438.html>. – Дата доступа: 12.02.2013.
13. Rumsfeld Arrives in Kabul after Talks in Tajikistan // The Washington Post [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/10/AR2006071001224.html>. – Date of access: 20.12.2012.
14. Сайдалиев, У. Таджикистан и Китай: проблемы торгового экономического сотрудничества и региональной безопасности / У. Сайдалиев // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12). – С. 45–48.
15. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу хэ Таџикэсытань гунхэго чжэнфу лянхэ гунбао = Совместная декларация правительств Китайской Народной Республики и Республики Таджикистан (16.09.2006) // Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2006-09/16/content_5098655.htm. – Дата доступа: 22.02.2013. (на кит. яз.).

16. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан (02.01.2007) Алимов, Р.К. // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 235–240.
17. Совместная Декларация Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (27.08.2008) Алимов, Р.К. // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 241–245.
18. Дипломатия Таджикистана: 2008 г. / Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. – Душанбе, МИД Респ. Таджикистан: 2009. – 222 с.
19. Таджикско-китайская граница демаркирована // Ховар [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://khovar.tj/rus/archive/1562-tadzhiksko-kitayskaya-granica-demarkirovana.html>. – Дата доступа: 21.02.2013.
20. Таджикский подарок восточному соседу // Asia-Plus [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/newspaper/article/tadzhikskii-podarok-vostochnomu-sosedu>. – Дата доступа: 21.02.2013.
21. Китай выделит Таджикистану полицейское оборудование // TopTJ [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.toptj.com/News/2011/04/25/kitay_vydelit_tadzhikistanu_policeyskoe_oborudovanie. – Дата доступа: 21.02.2013.
22. Подписание Меморандума между Министерством внутренних дел Республики Таджикистан и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики // М-во внутр. дел Респ. Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://mvd.tj/index.php/ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo>. – Дата доступа: 21.02.2013.
23. Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия-2012» // Региональная Антитеррористическая структура ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/rats_activity/counterterrorist_trainings/2377. – Дата доступа: 23.02.2013.
24. World Factbook: 2012 // US Central Intelligence Agency [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ti.html>. – Date of access: 20.01.2013.
25. Чжунъян цзюедин цзю цянью чжи ли цзяньшэ Синьцзян Кашэ цзинци тещой (Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства) // Цзиньжун цзе = Мир финансов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>. – Дата доступа: 09.09.2012 (на кит. яз.).
26. Таджикистан в цифрах: стат. сб., 2011 / Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 169 с.
27. 2012 нянь 1–12 юэЧжунго юй Оучжоу гоцзя маои тунци бяо 1 (Стат. таблица № 1: торговля КНР со странами Евразии за январь–декабрь 2012 г. // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанью бу оучжоу сы = Отдел Европы М-ва коммерции КНР [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/201302/20130200025487.shtml>. – Дата доступа: 04.02.2013 (на кит. яз.).
28. Статистика внешней торговли Республики Таджикистан: текущие данные // Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.customs.tj/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=37&Itemid=36. – Дата доступа: 22.01.2013.
29. 2012 нянь Каласу коуань гохоулянь тупо 17 вань дунь = Товаропоток через пропускной пункт Карасу в 2012 г. превысил 170 тыс. тонн // Кашэ ши данцзянь ван = Сеть партийного строительства Кашгара [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.kssdj.cn/Item/4007.aspx>. – Дата доступа: 23.02.2013 (на кит. яз.).
30. Чжунъян цзюедин цзю цзюанью чжи ли цзяньшэ Синьцзян шэ Кашэ цзинци тэцю = Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства [Электронный ресурс] // Цзиньжун цзе = Мир финансов. – Режим доступа: <http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>. – Дата доступа: 09.09.2012 (на кит. яз.).
31. Госкомиссия по приемке автодороги «Душанбе – Чанак» сделала замечания китайским строителям // Новости Таджикистана [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/goskomissiya-po-priemke-avtodorogi-dushanbe-chanak-sdelala-zamechaniya-kitaiskim-stroitel'yam>. – Дата доступа: 13.02.2013.
32. Рабочая комиссия Минтранса приняла автодорогу Душанбе – Чанак // Информационная служба Avesta [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.avesta.tj/business/3184-rabochaya-komissiya-mintransa-prinyala-avtodorogu.html>. – Дата доступа: 13.02.2013.
33. Э. Рахмон на «Шахристане»: Таджикистан выходит из коммуникационного тупика // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/erakhmon-na-shakhristanetadzhikistan-vykhodit-iz-kommunikatsionnogo-tupika>. – Дата доступа: 13.02.2013.
34. Чжунго тун Тацзикэсытань дэ гуаньси = Отношения Китая с Таджикистаном // МИД КНР [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604618/sbgx_604622/. – Дата доступа: 13.02.2013 (на кит. яз.).

35. Вице-премьер Т. Сарпашев: «Китайские бизнесмены готовы в ближайшее время инвестировать порядка 120 млн. долл. США в экономику нашей страны // Правительство Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.gov.kg/?p=18701>. – Дата доступа: 15.03.2013.
36. Президент запустил ЛЭП «Полазор – Хатлон» // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.news.tj/ru/news/prezident-zapustil-lep-lolazor-khatlon>. – Дата доступа: 23.02.2013.
37. Рахмон запустил «Юг – Север» // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.tajikemb.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=716&Itemid=67. – Дата доступа: 15.03.2013.
38. Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. – Париж: ФИМО Центр Россия / ННГ, 2009. – 31 с.
39. Китайская компания начала строить в Душанбе ТЭЦ-2 // Информационная служба Avesta [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.avesta.tj/business/14517-kitayskaya-kompaniya-nachla-stroit-v-dushanbe-tec-2.html>. – Дата доступа: 01.03.2013.
40. Пекин поможет Душанбе обрести энергетическую независимость // Новости Таджикистана [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://novosti-tj.ru/novost/297>. – Дата доступа: 20.02.2013.
41. СП «Зарафшон» увеличивает добычу золота и сокращает производство серебра // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://asia-plus.tj/ru/news/sp-zarafshon-uvlechivaet-dobychu-zolota-i-sokrashchaet-proizvodstvo-serebra>. – Дата доступа: 01.03.2013.
42. КНР построит в Таджикистане первый блок ТЭЦ Душанбе-2 в 2013 г. // Нефтегаз [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/106725>. – Дата доступа: 01.03.2013.
43. Встреча Посла Таджикистана в Китае с журналистами // МИД Респ. Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://mfa.tj/index.php?node=news&id=5534>. – Дата доступа: 15.01.2013.
44. Встреча Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Таджикистан в КНР Р. Алимова с представителями средств массовой информации, аккредитованными в Пекине // Посольство Респ. Таджикистан в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.tajikembassychina.com/Ru_03_02_12.asp. – Дата доступа: 11.02.2013.
45. Мигранян, А.А. Инвестиционная ловушка или пределы экстенсивного роста / А.А. Мигранян // Материк [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=15408&print=Y>. – Дата доступа: 15.03.2013.
46. Pantucci, R. Beijing Lays the Groundwork in Tajikistan: A View from the Ground / R. Pantucci, A. Peterson // China Brief. – Vol. 12. – № 11. – P. 12–16.
47. В Пенджикенте планируется открыть Центр Конфуция // Ховар [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://khovar.tj/rus/society/31854-v-pendzhikente-planiruetsya-otkryt-centr-konfuciya.html>. – Дата доступа: 15.03.2013.
48. Синьцзян тунци няньцзянь = Статистический ежегодник Синьцзяна / Синьцзян Вэйуэр цзицжицю тунци цзюбянь = Статистическое бюро СУАР. – Пекин Чжунго тунци чубаньшэ = Статистика Китая, 2010. – 858 с. (на кит. яз.).
49. Перепись населения и жилищного фонда населения Республики Таджикистан 2010 г.: в 5 т. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2010. – Т. 3: Национальный состав, владение языками и гражданский состав населения. – 37 с.
50. Китайские нелегалы-мигранты заполняют Таджикистан // Ariana [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ariana.su/?S=8.1112101711>. – Дата доступа: 03.02.2013.

Поступила 29.04.2013

CHINESE AND TAJIK INTERACTION IN THE 2001–2012 YEARS: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS

M. DANILOVICH

The foreign policy of People's Republic of China in 2000s implies its tangible activization in Central Asia. The priority in this region has been given by China to border states. This article presents a case-study of the evolution of Chinese-Tajik relations in 2001–2012. As the result of researching official documents and statistical data, official interviews with diplomats, news reports, the works by Central Asian experts, as well as the Tajik academics' opinion poll, the author suggests there were three periods in the development of bilateral relations. In its strategy China from solving borderline problems and increasing trade turns to active investing in Tajik infrastructure, mining and energy sectors, afterwards strengthening security cooperation. The article also contains the assessment of bilateral migration as well as middle-term perspectives for Chinese-Tajik relations.

РЕЦЕНЗИИ

Багдановіч А.І. Навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900) / А.І. Багдановіч. – Мінск: БНТУ, 2012. – 153 с.

СУР'ЁЗНАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ ВАЖНАГА АСПЕКТУ АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ

Рэцэнзіруемую кнігу, якую напісаў кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры “Гісторыя, сусветная і айчынная культура” Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта Андрэй Іванавіч Багдановіч, можна аднесці да ліку прац, якія ўяўляюць сабой сур'ёзныя навуковыя даследаванні [1].

Аб'ектам даследавання з'яўляюцца навуковае і культурна-асветніцкае жыццё Беларусі ў парэформенны перыяд 1861–1900 гадоў, працэсы і факты, якія характарызуюць яго стан. Прадметам даследавання – інтэлігенцыя і яе навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць у гэтыя гады [1, с. 4].

Кніга складаецца з уводзін, чатырох глаў, заключэння, літаратуры, дадаткаў. Рэцэнзент вырашыў вылучыць найбольш істотнае у кожным з пералічаных структурных кампанентаў.

Ва ўводзінах вычарпальна раскрыта актуальнасць тэмы даследавання. Менавіта тут А.І. Багдановіч грунтоўна разабраў лагічную структуру паняцця “інтэлігенцыя”, сфармуляваў яго арыгінальнае і ў той жа час пераканаўчае разуменне. Гэта разуменне “дазволіла... больш-менш дакладна акрэсліць яе сацыяльны партрэт: вызначыць яе колькасць, прафесійны, сацыяльны, нацыянальны склад і адукацыйны ўзровень” [1, с. 8].

Першая глава называецца так: “Гістарыяграфія і крыніцы”. Навукоўца на дастаткова высокім узроўні даследуе асноўныя этапы развіцця гістарыяграфіі праблемы, дае комплексны аналіз крыніцазнаўчай базы. З ім можна цалкам пагадзіцца ў тым, што “вывучэнне праблемы навуковай і культурна-асветніцкай дзейнасці інтэлігенцыі Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя адносіцца да адной з найменш даследаваных у беларускай гістарыяграфіі праблем” [1, с. 24]. У рэцэнзуемай манаграфіі здзейснены сапраўдны прарыв у дадзеным пытанні, аб чым сведчаць другая, трэцяя і чацвёртая главы.

Другая глава прысвечана аналізу палітыкі дзяржавы ў адносінах да дзейнасці інтэлігенцыі ў Беларусі. Аўтар паказаў, што “яе змест пераважна складала паскарэнне русіфікацыі краю” [1, с. 28]. Разам з тым А.І. Багдановіч удакладняе, што “вынікі гэтай палітыкі ў многім залежылі ад спецыфікі дзейнасці мясцовай і прысланай сюды з унутраных губерній Расіі інтэлігенцыі, якая не заўсёды адпавядала ідэалагічным запатрабаванням урада” [1, с. 53].

Мінскі беларусазнаўца не выявіў ніводнага факта, які б сведчыў аб тым, што “ўрад... перашкаджаў даследаванням у галіне прыродазнаўчых і тэхнічных навук” [1, с. 51]. Канешне, прадукцыйнасць прадстаўнікоў гэтых навук залежала перш за ўсё ад капіталаемістасці даследчыцкага працэсу. Датчына дадзеных навук існавала вялікая праблема, бо “ўрад... не аказваў фінансавай падтрымкі іх развіццю” [1, с. 51].

З дакладнасцю, наадварот, можна ахарактарызаваць становішча, у якім апынуліся суб'екты навуковага пошуку ў навуках, якія ўваходзілі ў сацыяльна-гуманітарны цыкл. Улады прад'яўлялі ім жорсткі сацыяльны заказ: “ідэалагічна абгрунтаваць “рускасць” беларускіх зямель” [1, с. 52]. Менавіта за гэта ім “выдзяляліся пэўныя дзяржаўныя сродкі” [1, с. 51].

Пры звароце да трэцяй главы “Навуковая і вынаходніцкая дзейнасць інтэлігенцыі” не могуць не выклікаць цікавасць імёны такіх навукоўцаў, як “прафесары М.В. Рытаў і І.А. Сцёбут... Яны сталі застэжвальнікамі беларускай сельскагаспадарчай навукі” [1, с. 59].

У даследаванні гісторыі айчынай медыцыны парэформеннага перыяду А.І. Багдановіч выступіў піянерам. З кнігі можна даведацца аб тым, што “ў дарэвалюцыйнай Беларусі цэнтрамі навуковай медыцынскай думкі былі ўрачэбныя таварыствы, якія функцыянавалі ва ўсіх губернскіх гарадах. Урачы падтрымлівалі навуковыя сувязі з іншымі медыцынскімі таварыствамі і выдатнымі дзеячамі медыцыны ў Расіі і Еўропе, прымалі ўдзел у працы агульнарасійскіх з'ездаў” [1, с. 59]. Аўтар адкрывае для чытачоў імёны сур'ёзных айчынных даследчыкаў у галіне медыцыны С. Надпоржскага, А. Цехановіча.

Багдановіч паказвае, у якіх сферах былі “найбольш паспяховымі беларускія вынаходнікі” [1, с. 60]. Гэта – чыгунка, гадзініцавая справа, фатаграфія. Ён па-новаму асэнсоўвае спадчыну, якую пакінулі пашля сябе навукоўцы, якія былі сканцэнтраваны на праблемных комплексах, якія мелі месца ў навуках, якія належалі да сацыяльна-гуманітарнага цыкла. “Тагачасныя беларускія грамадскія і гуманітарныя навукі былі прадстаўлены імёнамі І. Насовіча, М. Доўнар-Запольскага, А. Ельскага, М. Нікіфароўскага, А. Семянтоўскага, Я. Карскага і многіх іншых” [1, с. 68].

Аўтар таксама паказвае адмоўны ўплыў на становішча беларускай навукі таго факта, што ў рэгіёне “не было больш-менш значных навуковых цэнтраў і ВУН” [1, с. 71]. Каб было інакш, тая “шырокая

навукова-даследчыцкая праца, якая была разгорнута беларускай інтэлігенцыяй у 1861–1900 гадах па дакладных, прыродазнаўчых і гуманітарных навукх” [1, с. 71], была б больш выніковай.

Чацвёртая глава “Культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі” ўключае наступныя сюжэтныя лініі: 1) народныя чытанні; 2) дзейнасць у галіне тэатра; 3) стварэнне народных бібліятэк, чытальняў і кніжны гандаль; 4) арганізацыя нядзельных школ, адукацыйных і прафесійных курсаў.

Па першай сюжэтнай лініі навуковая навізна прасочваецца ў паказе сацыяльнага складу ініцыятараў народных чытанняў, матываў іх дзейнасці, у аналізе ролі фондаў папярэчальства ў арганізацыі дадзеных чытанняў. Па другой з узгаданых ліній ажыццёўлена піянерскае даследаванне музычна-драматычных гурткоў. Датчына трэцяй сюжэтнай лініі аўтар паказвае, што “народныя бібліятэкі, чытальні і гандаль кнігамі задавальнялі патрэбы народа ў друкаваным слове, пашыралі доступ маламаёмасных слаёў гарадскога і сельскага насельніцтва да важнейшых на той час крыніц навуковай, культурнай і масавай інфармацыі: кніг, часопісаў і газет. Бібліятэкі з’яўляліся важным сродкам павышэння культурнага і інтэлектуальнага ўзроўню людзей і адным са спосабаў адцягнення людзей ад карчмы” [1, с. 94]. Па чацвёртай з аналізуемых ліній А.І. Багдановіч арыгінальны і пераканаўчы ў аналізе эвалюцыі падыходу ўладаў да нядзельных школ.

У заключэнні падводзяцца вынікі даследавання. З гэтых вынікаў мэтазгодна вылучыць тыя, якія даюць падставы для складання абагульняючага партрэта беларускай інтэлігенцыі.

Першы вынік тычыцца падлікаў “колькаснага росту інтэлігенцыі. У Беларусі яна ўзрасла з 1861 па 1897 год больш, чым у два з паловай разы (з 20 342 да 54 369 чалавек), і складала 2,6 % эканамічна актыўнай часткі насельніцтва. Гэты працэнт быў крыху ніжэйшым за сярэднярасійскі паказчык (2,7 %)” [1, с. 121].

Другі вынік – вызначэнне “адукацыйнага ўзроўню... У 1897 годзе толькі 10,8 % з 54 369 прадстаўнікоў інтэлігенцыі мелі вышэйшую ўніверсітэцкую, тэхнічную і ваенную адукацыю, 19,2 % – сярэдняю спецыяльную, а астатнія закончылі агульнаадукацыйныя поўныя і няпоўныя сярэднія школы” [1, с. 121].

Трэці вынік – дакладная градацыя па “сацыяльнаму паходжанню... У сацыяльным складзе пераважалі прадстаўнікі дваранства. Яны складалі палову ад усей інтэлігенцыі (49,7 %), астатнія паходзілі ў асноўным з купцоў, мяшчан і тых, хто не належаў да асноўных саслоўяў. Выхадцы з сялян складалі толькі 6,3 %” [1, с. 121–122].

Чацвёрты вынік – тлумачальны разбор этнічнай структуры. Грунтам для адпаведнага даследчыцкага працэсу сталі дадзеныя, атрыманыя ў час “усерасійскага перапісу насельніцтва 1897 года. Больш за трэць інтэлігенцыі ў Беларусі складалі велікаросы, больш за чвэрць – яўрэі, каля чвэрці – беларусы, 9,6 % – палякі” [1, с. 122]. Трэба адзначыць, што аўтар не пазбягае вострых пытанняў датычна тытульнага этнасу – беларусаў. Ён паказвае, што “нацыянальны склад інтэлігенцыі ў значнай ступені не супадаў з колькасным складам насельніцтва беларускіх губерній, у якім беларусы складалі больш за 73 %, а велікаросы толькі 4,4 %” [1, с. 122]. Аўтар капітальна тлумачыць, чаму была “нязначнай роля беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі ў навуковай і культурна-асветніцкай дзейнасці ў родным краі” [1, с. 122].

Структурны кампанент “Літаратура” [1, с. 131–144] утрымлівае 212 найменняў. Яго можна градзіраваць наступным чынам: 1) архіўныя крыніцы, якія ўпершыню ўведзены ў навуковае абарачэнне А.І. Багдановічам; 2) надрукаваныя дакументы і матэрыялы; 3) уласныя працы аўтара кнігі; 3) працы яго калег. Па першай частцы ўзгадваюцца 44 крыніцы з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі [1, с. 137–139], 8 крыніц з Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва [1, с. 142]. Усе 53 кнігі, якія супадаюць з другой часткай, можна знайсці толькі ў аддзелах рэдкіх кніг розных бібліятэк. Іх выданне датуецца дарэвалюцыйным часам. Абсалютная большасць дадзеных кніг убачыла свет якраз у парэформенны перыяд. Датчына 9 прац А.І. Багдановіча, якія ўвайшлі ў трэцюю частку, трэба заўважыць наступнае. Самая ранняя з іх датуецца 2000 годам. Гэта азначае, што навукоўца ўжо без малага паўтара дзесяцігоддзя распрацоўвае аналізіруемую праблематыку. Тут названы далёка не ўсе працы аўтара на прадмет навуковай і культурна-асветніцкай дзейнасці інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900 гг.). Чацвёртая частка ўключае працы, якія выдаваліся з другой паловы XIX да пачатку XXI стагоддзя.

Змест апошняга структурнага кампанента ўтвараюць чатыры дадаткі [1, с. 145–151]. Усе яны выўлены аўтарам у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску.

Кніга А.І. Багдановіча абавязкова зацікавіць адукацыйнае і навуковае супольніцтва. Яе з вялікай карысцю для сябе могуць скарыстаць спецыялісты ў галіне гісторыі, культуралогіі і іншыя.

ЛІТАРАТУРА

1. Багдановіч, А.І. Навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900 гг.) / А.І. Багдановіч. – Мінск: БНТУ, 2012. – 153 с.

*В.М. Стралец, д-р гіст. навук, праф.,
прафесар Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тимофеев А.Г. Эволюция процесса расселения на территории Юго-Восточной Беларуси с VII века до нашей эры до середины XIII века нашей эры: природные и общественно-политические закономерности	2
Ногин Е.В. Проблемы неолитизации междуречья Днепра и Десны	15
Телепень С.В. Некоторые механизмы обучения римского войска и роль полководца в их обеспечении (эпоха поздней республики и ранней империи)	21
Петраўскас М.А. Антыклерыкальныя настроі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў першай палове XVII стагоддзя	28
Раманаў С.Л. Святочная культура Полацка другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя	33
Шуткова Н.П. Изучение печных изразцов региона Могилевского Поднепровья и Посожья (историографический аспект)	38
Соловьев Р.В. Проблема происхождения и этнической истории славян в восточноевропейской историографии XIX – начала XX века.	45
Подорожная Е.А. Организация системы управления в Белорусско-Литовских губерниях в 1860 годы ...	50
Шидловский С.О. Эдуард Томаш Массальский о стратегиях эксплуатации белорусского крепостного крестьянства	57
Цумарава А.П. Палеміка па пытанні аграрнага развіцця Паўночна-Заходняга краю на старонках прэсы (пачатак XX стагоддзя)	61
Гушчынскі І.Г. Барацьба ва ўрадавых колах Расійскай імперыі вакол правядзення судовай рэформы 1864 года на тэрыторыі Беларусі	65
Иванов А.А. Эвалюцыя выдання газеты “Віленскі веснік” на працягу XIX стагоддзя	69
Восович С.М. Гомельское отделение Могилевского православного Богоявленского братства в конце XIX – начале XX века	74
Валодзькін А.А. Спробы стварэння рэгіянальнага аб’яднання балтыйскіх дзяржаў у 1918–1921 гадах	83
Бараненка В.В. Змены ў палітыцы савецкай дзяржавы ў стаўленні да Царквы і духавенства ў 1929 годзе на прыкладзе Полацка-Себежскай абнаўленчай епархіі	94
Кривуть В.И. Деятельность проправительственных молодежных союзов на территории Западной Беларуси в межвоенный период	99
Калиновская М.М. Подготовка медицинских кадров в области охраны материнства и детства в БССР (1920–1930-е годы): состояние, проблемы	107
Корсак А.И. Деятельность Экиманской сельской (волостной) управы Полоцкого района в структуре оккупационных органов власти на территории тылового района группы армий «Центр» в 1941–1944 годах	113
Малашук П.В. Ценностные доминанты белорусско-югославских (сербско-черногорских) культурных взаимосвязей в 1991–2006 годах	119
Данилович М.В. Китайско-таджикские отношения в 2001–2012 годах: политический и экономический аспекты	125

РЕЦЕНЗИИ

Багдановіч, А.І. Навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900 гг.) / А.І. Багдановіч. – Мінск: БНТУ, 2012. – 153 с. (Стралец В.М.)	134
---	-----